

Алтайский юридический вестник

Научный журнал Барнаульского юридического института МВД России

№ 2 (50) 2025

Главный редактор:

Симоненко Д. А., канд. юрид. наук

Зам. главного редактора:

Ботвин И. В., канд. юрид. наук, доцент

Чечетин А. Е., д-р юрид. наук, профессор

Состав редакционного совета:

Аничкин Е. С., д-р юрид. наук, доцент

Бекетов О. И., д-р юрид. наук, профессор

Бучакова М. А., д-р юрид. наук, доцент

Васильев А. А., д-р юрид. наук, доцент

Герасименко Ю. В., д-р юрид. наук, профессор

Гончаров И. В., д-р юрид. наук, профессор

Грязнова Т. Е., д-р юрид. наук, доцент

Давыдов С. И., д-р юрид. наук, доцент

Деришев Ю. В., д-р юрид. наук, профессор

Ким Д. В., д-р юрид. наук, профессор

Кодан С. В., д-р юрид. наук, профессор

Кожевина М. А., д-р юрид. наук, профессор

Мазунин Я. М., д-р юрид. наук, профессор

Плакшина Т. А., д-р юрид. наук, доцент

Репьев А. Г., д-р юрид. наук, доцент

Сумачев А. В., д-р юрид. наук, доцент

Цуканов Н. Н., д-р юрид. наук, доцент

Шарапов Р. Д., д-р юрид. наук, профессор

Шкаплеров Ю. П., канд. юрид. наук, доцент

Состав редакционной коллегии:

Архипова Н. А., канд. юрид. наук, доцент

Бачурин А. Г., канд. юрид. наук, доцент

Брагина А. Г., канд. юрид. наук, доцент

Галиев Р. С., канд. юрид. наук, доцент

Ермакова О. В., доктор юрид. наук, доцент

Казьмина Е. А., канд. юрид. наук, доцент

Тырышкин В. В., канд. юрид. наук, доцент

Черепанова Л. В., канд. юрид. наук, доцент

Черепанова О. С., канд. юрид. наук, доцент

Шаганова О. М., канд. юрид. наук, доцент

Шмидт А. А., канд. юрид. наук, доцент

Янгаева М. О., канд. юрид. наук, доцент

Ответственный секретарь:

Жолобова Ю. С.

Редактура: В. А. Телегиной, Ю. С. Жолобовой, М. В. Егерь

Компьютерная верстка: М. В. Егерь

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций.
Регистрационный номер:
ПИ № ФС77-57487
от 27.03.2014

Журнал включен в Перечень
рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть
опубликованы основные научные
результаты диссертаций
на соискание ученой степени
кандидата наук, на соискание ученой
степени доктора наук

Включен в систему РИНЦ 23.04.2013
(договор № 245-04/2013)

Учредитель: Барнаульский
юридический институт МВД России.
Свободная цена.

Адрес и телефоны редакции, издателя,
типографии: 656038, Алтайский край, г. Барнаул,
Барнаульский юридический институт
МВД России,
ул. Чкалова, 49, (3852) 37-92-70, 37-91-49.
[www.http://vestnik.buimvd.ru](http://vestnik.buimvd.ru).
E-mail: altvest@buimvd.ru

Научно-исследовательский
и редакционно-издательский отдел.

Подписано в печать 09.06.2025.
Выход в свет 11.06.2025.
Заказ № 209. Формат 60x84/8.
Ризографирование.
Усл. п.л. 22,5. Тираж 32 экз.

© Барнаульский юридический
институт МВД России, 2025

Altai Law Journal

Science Journal of Barnaul Law Institute
of the Ministry of Internal Affairs of Russia

№ 2 (50) 2025

Editor-in-Chief:

Simonenko D. A., Candidate of Science (Law)

Deputy Editor-in-Chief:

Botvin I. V., Candidate of Science (Law), Associate Professor
Chechetin A. E., Doctor of Science (Law), Professor

Editorial Advisory Board:

Anichkin E. S., Doctor of Science (Law), Associate Professor
Beketov O. I., Doctor of Science (Law), Associate Professor
Buchakova M. A., Doctor of Science (Law), Associate Professor
Davidov S. I., Doctor of Science (Law), Associate Professor
Grjaznova T. Ye., Doctor of Science (Law), Associate Professor
Derishev Y. V., Doctor of Science (Law), Professor
Gerasimenko Yu. V., Doctor of Science (Law), Professor,
Honored lawyer of Russia
Goncharov I. V., Doctor of Science (Law), Professor
Kim D. V., Doctor of Science (Law), Professor
Kodan S. V., Doctor of Science (Law), Professor
Kozhevina M. A., Doctor of Science (Law), Professor
Mazunin Ya. M., Doctor of Science (Law), Professor
Sharapov R. D., Doctor of Science (Law), Professor
Shkaplerov Ju. P., Candidate of Science (Law), Associate Professor
Sumachev A. V., Doctor of Science (Law), Associate Professor
Plaksina T. A., Doctor of Science (Law), Associate Professor
Repev A. G., Doctor of Science (Law), Associate Professor
Tsukanov N. N., Doctor of Science (Law), Associate Professor
Vasilev A. A., Doctor of Science (Law), Associate Professor

Editorial Review Board:

Arhipova N. A., Candidate of Science (Law), Associate Professor
Bachurin A. G., Candidate of Science (Law), Associate Professor
Bragina A. G., Candidate of Science (Law), Associate Professor
Ermakova O. V., Doctor of Science (Law), Associate Professor
Cherepanova L. V., Candidate of Science (Law), Associate Professor
Cherepanova O. S., Candidate of Science (Law), Associate Professor
Galiev R. S., Candidate of Science (Law), Associate Professor
Kazmina E. A., Candidate of Science (Law), Associate Professor
Shaganova O. M., Candidate of Science (Law), Associate Professor
Shmidt A. A., Candidate of Science (Law), Associate Professor
Tirishkin V. V., Candidate of Science (Law), Associate Professor
Yangaeva M. O., Candidate of Science (Law), Associate Professor

Executive Secretary:

Zholobova Yu. S.

Proofreading: V. A. Telegina, Yu. S. Zholobova, M. V. Yeger

Desktop publishing: M. V. Yeger

The journal is registered in Federal Service
for Supervision in the Sphere
of Telecom, Information
Technologies and Mass Communications.
Registration certificate
PI No. FS77-57487 dated
27.03.2014.

The journal is included into the List
of peer-reviewed scientific
journals recommended by Higher
Attestation Commission
for publishing of major results
of dissertations for the degree of Doctor and
Candidate of sciences

Journal indexing:
RINTS contract
No. 245-04/2013 (23.04.2013)

Founder: Barnaul Law Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia.
Uncontrolled price.

Address of editor, editor's
and printing office: 656038,
Altai territory,
Barnaul, Barnaul Law Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia,
Chkalovstr., 49, (3852) 37-92-70, 37-91-49.
[www.http://vestnik.buimvd.ru](http://vestnik.buimvd.ru).
E-mail: altvest@buimvd.ru

Research-evaluation
and publishing department.

Passed for printing 09.06.2025.
Issue date 11.06.2025.
Order 209. Format 60x84/8.
Conventional printed sheets 22,5.
Issue 32 copies.

© Barnaul Law Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia, 2025

Содержание

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

<i>Герасименко Ю. А.</i> Юридическая техника закрепления норм-оговорок в праве: особенности и закономерности	5
<i>Кучин М. В.</i> Участие трудящихся в охране общественного порядка в ранний послевоенный период	12
<i>Леонова Т. А.</i> К вопросу об определении понятия юридического голосования	18
<i>Репьев А. Г.</i> Теория унификации транспортного права: возможные модели и технико-юридические сложности	29
<i>Шавеко Н. А.</i> Два способа эпистемического обоснования демократии	35

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

<i>Асанова А. А.</i> Понятие и признаки типичного нормативного правового акта федерального органа государственной власти	42
<i>Гришаков А. Г., Попова О. О., Федяев Е. А.</i> Оптимизация деятельности участковых уполномоченных и патрульно-постовой службы полиции посредством объединения отдельных полномочий: на примере ретроспективного анализа деятельности советской милиции	51
<i>Дядькин О. Н.</i> О востребованности административного штрафа и проблемах эффективности его реализации	62
<i>Жуков В. Г.</i> Формирование культуры информационной безопасности как основное направление административной деятельности полиции по профилактике вовлечения в деструктивные молодежные субкультуры в цифровой среде	68
<i>Зубенко Ю. С.</i> К вопросу о реализации конституционного права на доступ к культурным ценностям (на примере «Комплекса: Казармы Барнаульского стрелкового полка» в Барнаульском юридическом институте МВД России)	74
<i>Коновалова Л. Г.</i> Независимость судебной власти и ее взаимодействие с законодательной и исполнительной властью для обеспечения баланса государственно-правового устройства: конституционно-правовое регулирование в зарубежных странах	81
<i>Смирнова И. А.</i> Изучение стадий административного расследования: от теории к практике	93
<i>Терехов М. Г.</i> Применение информации, полученной с использованием системы «Умный город», в доказывании по делам об административных правонарушениях	98

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

<i>Антонян Ю. М.</i> Психические аномалии и психические зависимости в преступном поведении	105
<i>Гордеев Д. С.</i> Тактические приемы вербальных следственных действий с лицами, страдающими умственной отсталостью	110
<i>Дружинкин Н. С.</i> О понятии и дифференциации оснований для возвращения прокурором уголовного дела следователю	117
<i>Квасников Е. С.</i> Презумпция осознания виновным признаков умышленного преступления или объективное вменение?	125
<i>Кобец П. Н.</i> Оптимизация работы по борьбе с проявлениями международного химического терроризма	134
<i>Медведева В. В.</i> Особенности конструирования санкций за составные преступления	141
<i>Паутов С. С.</i> Структура криминалистической характеристики мошенничества, совершаемого с использованием интернет-сервисов размещения объявлений	148
<i>Пирожников А. С.</i> Понятие и структура экономико-криминальных схем в сфере информационного бизнеса	158
<i>Редозубов К. А.</i> Типовые модели механизма преступлений экстремистской направленности, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий	164
<i>Шаганова О. М., Деревянская Т. П.</i> Особенности квалификации служебного подлога	174

Contents

THEORETICAL AND HISTORICAL LAW SCIENCES

<i>Gerasimenko Ju. A.</i> Legal technique of fixing the norms of reservations in law: features and patterns	5
<i>Kuchin M. V.</i> Participation of working people in the protection of public order in the early post-war period.....	12
<i>Leonova T. A.</i> Defining the concept of legal voting	18
<i>Repyev A. G.</i> Theory of unification of transport law: possible models and technical and legal difficulties.....	29
<i>Shaveko N. A.</i> Two ways of epistemic justification of democracy	35

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

<i>Asanova A. A.</i> Concept and characteristics of a typical normative legal act of a federal state authority body.....	42
<i>Grishakov A. G., Popova O. O., Fedjaev E. A.</i> Optimization of the activities of district police officer and patrol and guard service of the police through the unification of individual powers: using the example of a retrospective analysis of the activities of the soviet militia	51
<i>Dyadkin O. N.</i> On the demand for administrative fines and problems of the effectiveness of its implementation	62
<i>Zhukov V. G.</i> Formation of an information security culture as the main direction of police administrative activities aimed at preventing involvement in destructive youth subcultures in the digital environment.....	68
<i>Zubenko Ju. S.</i> Implementation of the constitutional right to access cultural values (using the example of the "Complex: barracks of the Barnaul Rifle Regiment" in Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia)	74
<i>Konovalova L. G.</i> Independence of the judiciary and its interaction with the legislative and executive branches to ensure the balance of the state and legal structure: constitutional and legal regulation in foreign countries	81
<i>Smirnov I. A.</i> Study of stages of administrative investigation: from theory to practice.....	93
<i>Terekhov M. G.</i> The use of information obtained using the smart city system in proving cases of administrative offenses	98

CRIMINAL LAW SCIENCES

<i>Antonjan Ju. M.</i> Mental anomalies and mental addictions in criminal behavior	105
<i>Gordeev D. S.</i> Tactical techniques in the production of verbal investigative actions with persons suffering from mental retardation.....	110
<i>Druzhinkin N. S.</i> On the concept and differentiation of grounds for the prosecutor to return a criminal case to the investigator	117
<i>Kvasnikov E. S.</i> Is there a presumption that the perpetrator is aware of the signs of an intentional crime or an objective imputation?	125
<i>Kobets P. N.</i> Optimization of work to combat manifestations of international chemical terrorism	134
<i>Medvedeva V. V.</i> Features of constructing the sanction of a composite crimes.....	141
<i>Pautov S. S.</i> Structure of forensic characteristics of fraud committed using internet advertisement services	148
<i>Pirozhenkov A. S.</i> Concept and structure of economic and criminal schemes in the field of information business.....	158
<i>Redozubov K. A.</i> Typical models of the mechanism of extremist crimes committed through the use of information and telecommunication technologies	164
<i>Shaganova O. M., Derevyanskaya T. P.</i> Features of the qualification of official forgery	174

Теоретико-исторические правовые науки

Алтайский юридический вестник. 2025. № 2 (50). С. 5–11.

Altai Law Journal. 2025. № 2 (50). P. 5–11.

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 340.1

ЮРИДИЧЕСКАЯ ТЕХНИКА ЗАКРЕПЛЕНИЯ НОРМ-ОГОВОРОВ В ПРАВЕ: ОСОБЕННОСТИ И ЗАКОНОМЕРНОСТИ

Юлия Андреевна Герасименко

Южно-Российский институт управления — филиал РАНХиГС, Ростов-на-Дону, Россия,

Julia.tsikolenko@mail.ru

Аннотация. Автором предпринимается попытка анализа отечественного законодательства и отдельных положений международного права на предмет установления особенностей юридической техники изложения норм-оговорок и установления соответствующих закономерностей. Прибегая к общей и специальной методологии исследования, используя диалектический подход, сравнительно-правовой, формально-юридический методы, приемы филологической интерпретации, автор аргументирует наиболее распространенные формы норм-оговорок, а также выявляет упущения законодателя, которые детерминируют правовые ошибки. Автор приходит к обоснованным выводам о том, что технико-юридическое опосредование нормы-оговорки должно быть нацелено на единство содержания основного правового предписания и его уточнения, детализации, осуществляемой при помощи нормы-оговорки. Постулируется, что целостность нормативного установления (с учетом всех оговорок к нему) — залог качественного правового регулирования.

Ключевые слова: норма права, специализация, законодательство, норма-оговорка, юридическая техника

Для цитирования: Герасименко Ю. А. Юридическая техника закрепления норм-оговорок в праве: особенности и закономерности // Алтайский юридический вестник. 2025. № 2 (50). С. 5–11.

THEORETICAL AND HISTORICAL LAW SCIENCES

Original article

LEGAL TECHNIQUE OF FIXING THE NORMS OF RESERVATIONS IN LAW: FEATURES AND PATTERNS

Julia A. Gerasimenko

South-Russian Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia, Julia.tsikolenko@mail.ru

Abstract. The author attempts to analyze domestic legislation and certain provisions of international law in order to establish the specifics of the legal technique of stating the rules of reservations and establish the relevant patterns. Resorting to the general and special research methodology, including the dialectical approach, comparative legal, formal legal methods, methods of philological interpretation, the most common forms of norms-reservations are argued, as well as the omissions of the legislator that determine legal errors are revealed. The author comes to reasonable conclusions that the technical and legal mediation of the reservation norm should be aimed at the unity of the content of the basic legal regulation and its clarification, detailing, carried out with the help of the reservation norm.

Keywords: rule of law, specialization, legislation, reservation rule, legal technique

For citation: Gerasimenko Yu. A. Legal technique of fixing the norms of reservations in law: features and patterns. Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal. 2025;2:5–11 (In Russ.).

© Герасименко Ю. А., 2025

Состояние современного отечественного права и законодательства характеризуется устойчивыми тенденциями усложнения и специализации. Первая тенденция является отражением общих закономерностей общественных отношений, которые динамично развиваются, расширяются за счет включения новых субъектов, подвергаются влиянию цифровизации, глобализации и пр. Вторая выступает следствием первой — усложнение общественных отношений неминуемо подталкивает субъектов нормотворчества к принятию соразмерных усилий по правовому опосредованию инновационных социальных связей, дифференциации подходов юридического воздействия, применению особых правовых установлений. Одним из таких является норма-оговорка. Она есть «разновидность специального правового предписания, появившаяся как необходимость конкретизации, детализации, уточнения общих правил поведения, вызванная усложнением и эволюцией общественных отношений» [1, с. 14].

Норма-оговорка, являясь продуктом юридической техники нормотворчества, выступает еще и отражением политики государства в области построения социального и правового государства, формирования системы мер обеспечения прав и свобод человека и пр. Чем сильнее стремление органов власти государства к более полной регламентации общественных отношений, тем ярче проявляется неоднородность социума и потребность в применении разнообразных средств, неординарных методов правового воздействия и, как следствие, рельефнее обнаруживается необходимость задействовать такой феномен, как норма-оговорка. Обращение к данной проблематике требует иллюстрации короткой научной ретроспективы, поскольку потребность использования уточнений, конкретизации, дополнений возникла далеко не сегодня.

Основу для изучения технико-юридических закономерностей закрепления норм-оговорок заложили труды в области исследования специализации законодательства. В частности, авторы советского периода И. Н. Сенякин [2], А. Ф. Черданцев [3], Ю. А. Тихомиров [4], современные исследователи М. Л. Давыдова [5], А. Г. Репьев [6], С. Ю. Суменков [7], Н. Е. Таева [8] и другие выделяли в числе специальных предписаний нормы, устанавливающие отличный от общепринятого вариант правового регулирования.

Многообразие и содержательная глубина доктринальных разработок норм-оговорок подтверждаются интересом законодателя к подобному приему установления изъятия или дополнения в правовом регулировании. Обилие, раз-

нообразии предписаний с оговорками актуализирует установление не только особенностей их технико-юридического закрепления, но и возможного выявления закономерностей: государственно-правового, социального, экономического и иного характера.

В первую очередь использование законодательными органами норм-оговорок высвечивает такую их сущностную особенность, как сочетание потенциала средства юридической техники и приема технико-юридического опосредования правил поведения. Например, на возможность закрепления правовой презумпции посредством оговорки «пока не доказано иное» обращала внимание М. Л. Давыдова [9, с. 29], а С. Ю. Суменков [10, с. 32] рассматривает оговорку в качестве «инструмента юридической техники при закреплении исключений». А. Г. Репьев утверждает, что нормативная оговорка является «специальным средством» правотворчества [11, с. 32]. Однако, на наш взгляд, наиболее ярко особенности юридической техники изложения оговорок проявляются на примере их способности признавать юридическую силу правовых обычаев, а также обеспечивать последние организационно-правовым механизмом реализации. К примеру, «капитан судна обязан уведомить одного из близких родственников умершего или супруга умершего о его смерти и принять меры по сохранению и отправке тела умершего на родину <...> в исключительном случае, если судно должно находиться длительное время в открытом море и тело умершего не может быть сохранено, капитан судна имеет право предать тело умершего морю согласно морским обычаям с составлением соответствующего акта»¹. Так, несмотря на факультативное начало для Российской Федерации такого источника (формы) права, как обычай, нормой-оговоркой ему придается легальный, нормативный характер вызывать при ее игнорировании определенные правовые последствия.

Сегодня, как было указано ранее, органы правотворчества также активно прибегают к использованию в тексте нормативного правового акта норм-оговорок. При этом норма-оговорка может закрепляться в тексте правового акта несколькими путями:

- обобщенной формулировкой («в соответствии с законодательством», «в установленном законодательством порядке» и пр.), которая ре-

¹ Часть 3 ст. 70 Кодекса торгового мореплавания Российской Федерации от 30.04.1999 № 81-ФЗ (в ред. от 28.06.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.12.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1999. № 18, ст. 2207; 2022. № 27, ст. 4620.

гламентирует все однородные отношения, охватывает своим содержанием неограниченное количество фактов;

- указанием на конкретные обстоятельства, предметы и случаи («в случаях, если», «при наличии уважительных причин» и др.), перечень которых может присутствовать (в т. ч. исчерпывающий), а может и не приводиться («в иных случаях» и др.), либо уточняется («помимо»). Так, в отношении осужденных ведется журнал учета материалов, разрешаемых судом в порядке исполнения приговоров к иным мерам, помимо лишения свободы и исправительных работ¹.

Поскольку норма является базовой ячейкой права, тезисно остановимся на специфических особенностях структуры нормы-оговорки.

Придерживаясь классической, т. е. трехчленной, конструкции юридической нормы [12, с. 31] (автор настоящей статьи не поддерживает полемику относительно возможного рассмотрения правовой нормы в качестве конструкции, состоящей из двух элементов, а возможно, и при отсутствии четких компонентов, но и полагает возможным указать на наличие в науке подобных точек зрения [13, 14, 15]), попытаемся раскрыть закономерности построения нормы-оговорки применительно к каждому из трех элементов.

Так, гипотеза нормы-оговорки, фиксируя в целом обстоятельства и сферу общественных отношений, регулируемых правом, преимущественно указывает и на условия ее применения, обусловленные деятельностью субъектов отношений, ее характером, целями и пр. При этом гипотеза нормы-оговорки может прямо предшествовать диспозиции (т. е. находиться в структурном блоке нормативного правового акта, который предваряет диспозицию), так и иметь магистральный характер, т. е. распространяться на всю систему регулируемых общественных отношений. К примеру, налоговое законодательство содержит не только достаточно примеров структурного построения правовых норм, гипотеза которых содержит оговорку (к примеру, «в случае, если данные тарифы не утверждены, расходы по обязательному страхованию включаются в состав прочих расходов в размере фактических затрат»)², но и имеет вполне устоявшийся инсти-

тут «норм, установленных иными нормативными правовыми актами, определяемыми в особом порядке». К таковым, к примеру, отнесены нормативные положения с оговоркой о потере от недостачи и (или) порчи при хранении и транспортировке материально-производственных запасов (подп. 2 п. 7 ст. 254 Налогового кодекса РФ), расходах на компенсацию за использование для служебных поездок личного транспорта (подп. 11 п. 1 ст. 264 Налогового кодекса РФ).

Кроме этого, гипотеза нормы-оговорки может иметь, помимо простого характера, также и сложный. В отличие от первого, в сложной гипотезе оговариваются несколько возможных обстоятельств ее применения, различные по форме и содержанию сферы регулируемых общественных отношений. Таким примером сложной гипотезы с несколькими нормами-оговорками вполне можно считать положение, регулирующее назначение уголовного наказания. Так, первая оговорка определяет необходимость установления наличия «смягчающих обстоятельств, предусмотренных пунктами “и” и (или) “к” части первой статьи 61», вторая оговорка указывает на необходимость исключения «отягчающих обстоятельств», и, наконец, третьей оговоркой делается уточнение, что «положения части первой настоящей статьи не применяются, если соответствующей статьей Особенной части настоящего Кодекса предусмотрены пожизненное лишение свободы или смертная казнь»³.

Диспозиция нормы-оговорки в отличие от того же структурного элемента базового правового предписания содержит не только указание на права и обязанности субъектов, но ориентирует на иные элементы правового статуса, в т. ч. специального. К примеру, может предусматривать преимущества в форме привилегий, льгот для отдельных участников общественных отношений [16, с. 85; 17, с. 69] либо устанавливать ограничения и запреты для них. Так, в качестве примера первого вполне уместно остановить внимание на нормах ст. 5 и 6 Конвенции № 173 Международной организации труда, в которых путем двух норм-оговорок «в случае» и «как минимум» закрепляются важные гарантии прав трудящихся, что «в случае неплатежеспособности предпринимателя требования трудящихся, вытекающие из трудовых отношений, защища-

¹ См.: Об утверждении Инструкции по судебному делопроизводству в районном суде: приказ Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации от 29.04.2003 № 36 (в ред. от 22.12.2021) // Российская газета. 2004. 5 нояб.

² Часть 2 ст. 263 Налогового кодекса Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 № 117-ФЗ (в ред. от 22.04.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу

с 01.05.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2000. № 32, ст. 3340; 2024. № 18, ст. 2409.

³ Статья 62 Уголовного кодекса Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (в ред. от 06.04.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25, ст. 2954; 2024. № 15, ст. 1972.

ются на основе привилегии», которые «распространяются как минимум на требования трудящихся <...> по выходным пособиям, причитающимся в связи с прекращением трудовых отношений»¹.

В качестве примера второго, т. е. закрепления диспозицией нормы-оговорки таких элементов правового положения субъекта, как ограничения и запреты, приведем положение федерального закона Российской Федерации от 04.08.2023 № 470-ФЗ. Так, «осуществление иностранной холдинговой компанией корпоративных прав в отношении экономически значимой организации приостанавливается <...> при установлении любого из следующих обстоятельств», например, «совершение иностранной холдинговой компанией действий (допущенное бездействие), направленных на создание препятствий для управления экономически значимой организацией и (или) осуществления ею обычной хозяйственной деятельности», со значимой оговоркой: «в том числе фактическое прекращение управления деятельностью такой организации его единоличным исполнительным органом»². Кроме того, диспозиция нормы-оговорки может устанавливать права и обязанности субъектов как прямо, так и опосредованно, например путем отсылки. К примеру, «в случае реорганизации лицензиата — юридического лица в форме преобразования, слияния или присоединения к другому юридическому лицу при наличии у лицензиата — юридического лица лицензии на осуществление хотя бы одного из видов деятельности, предусмотренных частью 1 настоящей статьи, внесение изменений в реестр лицензий осуществляется в порядке, установленном статьей 18 настоящего Федерального закона, с учетом особенностей, предусмотренных частями 3–7 настоящей статьи»³.

¹ Статьи 5, 6 Конвенции № 173 Международной организации труда «О защите требований трудящихся в случае неплатежеспособности предпринимателя» (принята в г. Женеве 23.06.1992 на 79-ой сессии Генеральной конференции МОТ) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 34, ст. 4428.

² Статья 4 Федерального закона Российской Федерации «Об особенностях регулирования корпоративных отношений в хозяйственных обществах, являющихся экономически значимыми организациями» от 04.08.2023 № 470-ФЗ (в ред. от 25.12.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2023. № 32 (ч. I), ст. 6202; 2024. № 1 (ч. I), ст. 17.

³ Часть 2 ст. 21 Федерального закона Российской Федерации «О лицензировании отдельных видов деятельности» от 04.05.2011 № 99-ФЗ (в ред. от 25.12.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 19, ст. 2716; 2024. № 1 (ч. I), ст. 56.

Санкция нормы-оговорки преимущественно выражена бланкетным способом, отсылая правоприменителя к иным нормативным правовым актам различного уровня. К примеру, в ст. 55 федерального закона Российской Федерации № 52-ФЗ оговаривается, что «за нарушение санитарного законодательства устанавливается дисциплинарная, административная и уголовная ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации»⁴. Такое уточнение ориентирует правоприменителя на возможность прибегнуть к субъективному усмотрению и самостоятельному установлению:

- во-первых, норм трудового законодательства, положений правовых актов служебного характера, регламентирующих вопросы наложения дисциплинарных взысканий;

- во-вторых, конкретных составов правонарушений в рамках административного законодательства (оно, как известно, выступает предметом совместного ведения, не ограничивается главой 6 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях⁵, предусматривая региональные законы⁶);

⁴ Статья 55 Федерального закона Российской Федерации «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» от 30.03.1999 № 52-ФЗ (в ред. от 04.11.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1999. № 14, ст. 1650; 2022. № 45, ст. 7674.

⁵ Например, ст. 6.3 «Нарушение законодательства в области обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения» Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (в ред. от 24.11.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1, ст. 1; 2022. № 45, ст. 7656.

⁶ При этом в субъектах Российской Федерации может быть не только единый нормативный правовой акт об административной ответственности (см., например: Кодекс Пензенской области об административных правонарушениях: закон Пензенской области от 02.04.2008 № 1506-ЗПО (в ред. от 14.06.2024) // Пензенские губернские ведомости. 2008. 15 апр.), но и несколько нормативных правовых актов, детализирующих вопросы нарушения охраны окружающей среды, землепользования и пр. (см., например: Кодекс города Москвы об административных правонарушениях: закон г. Москвы от 21.12.2007 № 45 (в ред. от 05.07.2024) // Ведомости Московской городской Думы. 2007. № 12, ст. 324; Об отходах производства и потребления в городе Москве: закон г. Москвы от 30.11.2005 № 68 (в ред. от 08.05.2024) // Ведомости Московской городской Думы. 2006. № 1, ст. 319; Вестник Москвы. 2024. 16 мая; О защите зеленых насаждений: закон г. Москвы от 05.05.1999 № 17 (в ред. от 08.06.2022) // Ведомости Московской городской Думы. 1999. № 7, ст. 14; 2022. № 6, ст. 55).

- в-третьих, возможного наличия признаков преступлений, предусмотренных Уголовным кодексом Российской Федерации¹, либо наличия в действиях лица, помимо состава правонарушения, еще и признаков гражданско-правовой ответственности. К примеру, норма-оговорка, изложенная в нормативном правовом акте регионального уровня, уточняет следующее: «Наложение административного штрафа не освобождает виновных лиц от обязанности возместить причиненный ими вред»².

Системный анализ российского законодательства и отдельных положений международного права на предмет установления особенностей и закономерностей технико-юридического оформления и закрепления норм-оговорок позволил установить и определенные дефекты, проявляющиеся в следующем:

- *латентная форма выражения нормы-оговорки*. Изменение общего порядка правового регулирования при помощи изъятий, дополнений, уточнений, при этом без употребления соответствующих технико-юридических (в первую очередь лексических) сигнализаторов, создает серьезные риски упущений правоприменения, возникновения правовых ошибок. Не всегда тайный смысл законодателя под силу разгадать правоприменителю, а, возможно, правотворческий орган и не стремится к этому. Верно подмечено И. Бенхамом: «...тайным целям законодателей <...> выгодна неясность текста законов» [18, с. 77]. В таком варианте создается впечатление, что правотворческий орган желает подстраховаться на случай дисфункциональности правового предписания, прибегая к скрытому использованию норм-оговорок. Одним из примеров такого латентного употребления норм-оговорок выступает юридико-лингвистическая формулировка «в установленном порядке»³. Эта оговорка

стала буквально нормотворческим штампом, нередко не содержащим ничего формально-юридического;

- *чрезмерность норм-оговорок* как дефект техники их исполнения в положениях законодательства также заслуживает внимания. Мы уже отмечали примеры множественности оговорок, что, безусловно, не только усложняет процесс их восприятия и интерпретации, но и приводит к нагромождению основного правового предписания излишними элементами, зачастую не несущими смысловой нагрузки. Профессор В. М. Баранов в одном из своих фундаментальных трудов указывал на излишнее количество норм-оговорок в положении, регламентирующем порядок применения огнестрельного оружия. С учетом того, что подобное право правоохранительных органов и вооруженных сил является чрезвычайным (т. е. исключительным, не рядовым), серия оговорок лишь затрудняет понимание и применение основной нормы, а не детализирует ее [19, с. 349]. Сегодня одна из статей Налогового кодекса Российской Федерации содержит текст с по меньшей мере шестью оговорками, поочередно, но не всегда последовательно дополняющими и корректирующими основное правовое предписание: «Положения настоящего пункта распространяются на акты законодательства о налогах и сборах в части налога на прибыль организаций, налога на имущество организаций, транспортного налога, земельного налога и применяются для налогоплательщика — участника специального инвестиционного контракта при условии указания в соответствующем специальном инвестиционном контракте ссылок на положения актов законодательства о налогах и сборах в части пониженных налоговых ставок или налоговых льгот и иных преференций (включая особый порядок и сроки уплаты, порядок исчисления налогов и сборов), установленных для налогоплательщиков — участников специальных инвестиционных контрактов в связи с выполнением ими специального инвестиционного контракта, на которые распространяется действие настоящего пункта»⁴.

¹ Например, ст. 236 «Нарушение санитарно-эпидемиологических правил» Уголовного кодекса Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (в ред. от 21.11.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25, ст. 2954; Российская газета. 2022. 24 нояб.

² О защите зеленых насаждений: закон г. Москвы от 05.05.1999 № 17 (в ред. от 08.06.2022), абз. 2 ст. 18 // Ведомости Московской городской Думы. 1999. № 7, ст. 14; 2022. № 6, ст. 55.

³ Обращение к автоматизированным справочным правовым системам позволило установить свыше ста нормативных правовых актов, в положениях которых содержится норма-оговорка «в установленном порядке» (и производные от нее: «в порядке, установленном иными нормативными правовыми актами» и пр.), что делает излишним их приведение в данной подстрочной сноске.

⁴ Статья 5 Налогового кодекса Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ (в ред. от 21.11.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.12.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 31, ст. 3824; 2022. № 22, ст. 3544.

Резюмируем представленные положения следующими обобщениями:

- технико-юридическое опосредование нормы-оговорки должно быть нацелено на единство содержания основного правового предписания и его уточнения, детализации, осуществляемого при помощи нормы-оговорки. Целостность нормативного установления (с учетом всех оговорок к нему) — гарантия качественного правового регулирования. Нормы-оговорки, ориентирующие субъект на несуществующие нормативные положения либо предусматривающие фиктивные отношения (в понимании их мнимости, ложности, неистинности), крайне негативно сказываются на доверии к закону, подрывают его ценностные основания;

- диспозиция нормы-оговорки, как и сама норма в целом, имея более адресный характер, ориентирует, помимо объема прав и обязанностей субъектов, также и на дополнительные элементы их правового положения: правовые преимущества, приоритетные обязанности, ограничения, запреты и др.;

- норма-оговорка сочетает в себе потенциал средства юридической техники и приема технико-юридического опосредования и легализации факультативных для Российской Федерации источников (форм) права. На примере правового обычая доказана способность нормы-оговорки придавать такому источнику права легальный, нормативный характер, вызывать при ее игнорировании определенные правовые последствия;

- норма-оговорка должна быть внутренней единой, содержать в себе ясную и понятную, при этом законченную мысль законодателя. В конечном итоге это обеспечит процесс ее применения таким качеством, как точность, выражающимся в единообразном и непротиворечивом понимании и применении нормы-оговорки, исключая произвольную и надуманную интерпретацию. Кроме того, практика показывает высокий рискогенный характер норм-оговорок с излишне открытым перечнем каких-либо исключительных обстоятельств или уважительных причин либо отсылающих к несуществующим положениям.

Список источников

1. Герасименко Ю. А. Правовые нормы-оговорки в российском законодательстве: постановка проблемы исследования // Алтайский юридический вестник. 2023. № 1 (41). С. 11–15.
2. Сенякин И. Н. Специальные нормы советского права / под ред. проф. М. И. Байтина. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1987. 97 с.
3. Черданцев А. Ф. Логико-языковые феномены в праве, юридической науке и практике. Екатеринбург: УИФ «Наука», 1993. 192 с.
4. Тихомиров Ю. А. Юридическая коллизия. М.: Манускрипт, 1994. 140 с.
5. Давыдова М. Л. Ограничительные нормативно-правовые предписания: проблема существования и классификационная характеристика // Юридическая техника. 2018. № 12. С. 142–149.
6. Репьев А. Г. Нормы-оговорки как средства изъятия и дополнения в правовом регулировании // Труды Академии управления МВД России. 2023. № 1. С. 8–15.
7. Суменков С. Ю. Специальные и исключительные нормы как компонент специального правового статуса: особенности соотношения и формы объективирования // Nomothetika: Философия. Социология. Право. 2022. Т. 47. № 2. С. 334–341.
8. Таева Н. Е. Виды норм конституционного права Российской Федерации: монография. М.: Элит, 2010. 264 с.
9. Теория и метатеория юридической техники: от правосознания к правопорядку: монография / под ред. д-ра юрид. наук А. В. Аверина, д-ра юрид. наук, проф. М. Л. Давыдовой. Владимир: Владимирский филиал РАНХиГС, 2022. 242 с.
10. Суменков С. Ю. Законодательная оговорка как доминантный способ закрепления исключений из правил // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2017. № 6 (119). С. 30–36.
11. Репьев А. Г. Конкретизация правовой нормы посредством технико-юридической оговорки (на примере словосочетания «в случае») // Журнал российского права. 2021. Т. 25, № 10. С. 20–34.
12. Шебанов А. Ф. Вопросы теории нормативных актов в советском праве: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1965. 46 с.
13. Недбайло П. Е. Советские социалистические правовые нормы / отв. ред. В. Г. Сокуренок. Львов: Изд-во Львов. ун-та, 1959. 169 с.
14. Лейст О. Э. К вопросу о структуре правовой нормы // Ученые записки: Всесоюзный институт юридических наук. М., 1962. Вып. 15. С. 40–44.

15. Мотовиловкер Е. Я. Теория регулятивного и охранительного права / науч. ред. О. Я. Баев. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1990. С. 12–20.
16. Репьев А. Г. Категории «привилегия» и «льгота» в системе правовых преимуществ: теория, практика, техника: монография / под ред. проф. И. Н. Сенякина. Барнаул: Азбука, 2019. 164 с.
17. Малько А. В., Морозова И. С. Льготы в российском праве (Проблемы теории и практики): монография. Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2004. 276 с.
18. Бентам И. Тактика законодательных собраний / пер. с англ. Челябинск: Социум, 2006. 208 с.
19. Баранов В. М. Истинность норм советского права. Проблемы теории и практики. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1989. 400 с.

References

1. Gerasimenko Ju. A. Pravovye normy-ogovorki v Rossijskom zakonodatel'stve: postanovka problemy issledovanija // Altajskij juridicheskij vestnik. 2023. № 1 (41). S. 11–15.
2. Senjakin I. N. Special'nye normy sovetskogo prava / pod red. prof. M. I. Bajtina. Saratov: Izd-vo Sarat. un-ta, 1987. 97 s.
3. Cherdancev A. F. Logiko-jazykovye fenomeny v prave, juridicheskoy nauke i praktike. Ekaterinburg: UIF «Nauka», 1993. 192 s.
4. Tihomirov Ju. A. Juridicheskaja kollizija. M.: Manuskript, 1994. 140 s.
5. Davydova M. L. Ogranichitel'nye normativno-pravovye predpisanija: problema sushhestvovanija i klassifikacionnaja harakteristika // Juridicheskaja tehnika. 2018. № 12. S. 142–149.
6. Rep'ev A. G. Normy-ogovorki kak sredstva iz#jatija i dopolnenija v pravovom regulirovanii // Trudy Akademii upravlenija MVD Rossii. 2023. № 1. S. 8–15.
7. Sumenkov S. Ju. Special'nye i iskljuchitel'nye normy kak komponent special'nogo pravovogo statusa: osobennosti sootnoshenija i formy ob#ektivirovanija // Nomothetika: Filosofija. Sociologija. Pravo. 2022. T. 47. № 2. S. 334–341.
8. Taeva N. E. Vidy norm konstitucionnogo prava Rossijskoj Federacii: monografija. M.: Jelit, 2010. 264 s.
9. Teorija i metateorija juridicheskoy tehniki: ot pravosoznaniya k pravoporjadku: monografija / pod red. d-ra jurid. nauk A. V. Averina, d-ra jurid. nauk, prof. M. L. Davydovoj. Vladimir: Vladimirsij filial RANHiGS, 2022. 242 s.
10. Sumenkov S. Ju. Zakonodatel'naja ogovorka kak dominantnyj sposob zakreplenija iskljuchenij iz pravil // Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj juridicheskoy akademii. 2017. № 6 (119). S. 30–36.
11. Rep'ev A. G. Konkretizacija pravovoj normy posredstvom tehniko-juridicheskoy ogovorki (na primere slovosochetaniya «v sluchae») // Zhurnal rossijskogo prava. 2021. T. 25. № 10. S. 20–34.
12. Shebanov A. F. Voprosy teorii normativnyh aktov v sovetskom prave: avtoref. dis. ... d-ra jurid. nauk. M., 1965. 46 s.
13. Nedbajlo P. E. Sovetskie socialisticheskie pravovye normy / otv. red. V. G. Sokurenko. L'vov: Izd-vo L'vov. un-ta, 1959. 169 s.
14. Lejst O. Je. K voprosu o strukture pravovoj normy // Uchenye zapiski: Vsesojuznyj institut juridicheskikh nauk. M., 1962. Vyp. 15. S. 40–44.
15. Motovilovker E. Ja. Teorija reguljativnogo i ohranitel'nogo prava / nauch. red. O. Ja. Baev. Voronezh: Izd-vo Voronezh. un-ta, 1990. S. 12–20.
16. Rep'ev A. G. Kategorii «privilegija» i «l'gota» v sisteme pravovyh preimushhestv: teorija, praktika, tehnika: monografija / pod red. prof. I. N. Senjakina. Barnaul: Azbuka, 2019. 164 s.
17. Mal'ko A. V., Morozova I. S. L'goty v rossijskom prave (Problemy teorii i praktiki): monografija. Saratov: Izd-vo GOU VPO «Saratovskaja gosudarstvennaja akademija prava», 2004. 276 s.
18. Bentam I. Taktika zakonodatel'nyh sobranij / per. s angl. Cheljabinsk: Socium, 2006. 208 s.
19. Baranov V. M. Istinnost' norm sovetskogo prava. Problemy teorii i praktiki. Saratov: Izd-vo Sarat. un-ta, 1989. 400 s.

Статья поступила в редакцию 24.11.2024; одобрена после рецензирования 12.04.2025; принята к публикации 12.05.2025.

The article was submitted 24.11.2024; approved after reviewing 12.04.2025; accepted for publication 12.05.2025.

Алтайский юридический вестник. 2025. № 2 (50). С. 12–17.

Altai Law Journal. 2025. № 2 (50). P. 12–17.

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 351.74:94

УЧАСТИЕ ТРУДЯЩИХСЯ В ОХРАНЕ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА В РАННИЙ ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД

Михаил Владимирович Кучин

Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, Москва, Россия, misha.k.77@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются сущность и место добровольных народных дружинников в механизме охраны общественного порядка в советском государстве в первые послевоенные годы. На основе ранее не публиковавшихся архивных материалов представлены научные результаты выявления природы института общественных формирований правоохранительной направленности. Отражены коренные проблемы вовлечения членов ВЛКСМ в охрану порядка, свидетельствующие о серьезных просчетах в молодежной политике указанного периода. На реальных исторических фактах изучены последствия самостоятельного участия дружинников в охране порядка. Рассмотрена концепция постепенного отказа от органов внутренних дел в пользу общественных формирований правоохранительной направленности, которая считалась вполне жизнеспособной в рассматриваемый исторический период. К концу 50-х гг. XX в., по мнению руководства страны, решение вопроса борьбы с нарушениями порядка не могло быть осуществлено только силами судов, прокуратуры и милиции. В данном контексте отмечалось не только недостаточное вовлечение в эту работу общественных организаций, но и давались особые полномочия дружинникам.

Ключевые слова: дружинник, добровольная народная дружина, ДНД, комсомольский патруль, ВЛКСМ, новый советский гражданин

Для цитирования: Кучин М. В. Участие трудящихся в охране общественного порядка в ранний послевоенный период // Алтайский юридический вестник. 2025. № 2 (50). С. 12–17.

THEORETICAL AND HISTORICAL LAW SCIENCES

Original article

PARTICIPATION OF WORKING PEOPLE IN THE PROTECTION OF PUBLIC ORDER IN THE EARLY POST-WAR PERIOD

Mikhail V. Kuchin

Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia, misha.k.77@mail.ru

Abstract. The article examines the essence and place of voluntary people's guard in the mechanism of public order protection in the Soviet state in the first post-war years. Based on previously unpublished archival materials, the scientific results of identifying the nature of the institute of law enforcement-oriented public formations are presented. The fundamental problems of involving Komsomol members in policing are reflected, indicating serious miscalculations in the youth policy of the specified period. The consequences of the independent participation of members of voluntary people's guard in the protection of order have been studied on real historical facts. The article considers the concept of gradual abandonment of law enforcement agencies in favor of law enforcement-oriented public formations, which was considered quite viable in the historical period under review. By the end of the 1950s, according to the country's leadership, the issue of combating violations of order could not be resolved solely by the courts, the prosecutor's office and the police. In this context, it was noted not only the insufficient involvement of public organizations in this work, but also special powers were given to members of voluntary people's guard.

Keywords: members of voluntary people's guard, voluntary people's guard, public order, Komsomol, new Soviet citizen

For citation: Kuchin M. V. Participation of working people in the protection of public order in the early post-war period. Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal. 2025;2:12–17 (In Russ.).

После окончания Великой Отечественной войны Советское государство, понесшее в ней тяжелейшие людские и материальные потери, на фоне роста числа уголовных преступлений не могло в кратчайшие сроки решить вопрос охраны общественного порядка лишь силами милиции и бригад содействия милиции. Росту преступности способствовал острейший дефицит продуктов питания и предметов первой необходимости. Возникшие на этом фоне спекуляция и бандитизм лишь интенсифицировались и порой являли собой неразрывное целое. Высокий спрос на продукты первой необходимости не удавалось решить в полной мере за счет карточной системы. В связи с этим возникали преступные группы, реализовывавшие дефицитные продукты по завышенной цене. Ощущение полной безнаказанности у лиц, склонных к нарушению закона, укреплялось на фоне значительного оттока мужской части населения в ряды Красной армии. Нараставшее расслоение общества на тех, кто испытывал крайнюю нужду и тех, кто этим успешно пользовался с целью незаконного обогащения, лишь усиливалось. Подобное состояние было охарактеризовано ученым Т. Л. Матиенко следующим образом: «Процессы имущественной дифференциации, порождающей противоречие между возрастающими потребностями людей и неравными возможностями их удовлетворения, становятся источником преступности» [1, с. 142].

Вместе с тем следует отметить, что формирование у населения, в первую очередь у молодежи, нравственных ориентиров в советский период осуществлялось непрерывно, в точном соответствии с партийными приоритетами. Однако факты деструктивного, хулиганского поведения, в первую очередь среди молодежи, являлись серьезной проблемой общества на протяжении всего XX в. и порой достигали 30 % от общего количества совершенных преступлений [2, л. 4].

В г. Ленинграде, например, в 1945 г. на фоне возвращения ранее эвакуированных в глубокий тыл ленинградцев в город в значительном количестве хлынул разнообразный преступный и уголовный элемент. Вследствие этого органами НКВД отмечалась устойчивая тенденция к значительному росту количества преступлений — с 3240 до 5314 (здесь и далее сравнение IV квартала с III кварталом 1945 г.). Причем 71 % от общего количества преступлений составляли кражи. На общем неблагоприятном фоне роста преступности значительно возросло и количество выявленных фактов безнадзорности и беспризорности (с 396 до 544). Рост количества совершенных преступлений требовал со стороны органов милиции значительных усилий по их

расследованию. За указанный период было окончено 5203 уголовных дела против 3114 в III квартале, к уголовной ответственности привлечено 3819 человек (в III квартале — 2691 человек) [3, с. 5]. Следует отметить, что к концу 1945 г. милиция г. Ленинграда состояла из 6561 милиционера, из которых начальствующий состав — 2235 человек. Укомплектование милиции осуществлялось главным образом за счет демобилизованных военнослужащих РККА и МПВО (Рабоче-крестьянской Красной армии и местной противовоздушной обороны). За 1945 г. было принято в порядке пополнения 1992 человека, которые прошли сборы по десятидневной 100-часовой программе.

Проблему значительного роста преступности одним лишь увеличением штатной численности милиции решить не удавалось. На этом фоне возникла необходимость в усилении охранительных функций Советского государства без дополнительного выделения на эти цели материальных резервов. Довольно точно ученым А. И. Клименко было отмечено, что «государство — политический институт, и возможности интенсивного усиления государства (повышения его эффективности) напрямую связаны с расширением его влияния (тотализацией)» [4, с. 22]. В сложившихся условиях единственным резервом для обеспечения порядка, не использованным в полной мере, оставалась молодежь. В этой связи широкое распространение получило привлечение к охране общественного порядка членов ВЛКСМ.

17 октября 1945 г. на заседании горкома ВКП(б) было принято решение «О мероприятиях по укреплению общественного порядка и безопасности в г. Ленинграде» и план практических мероприятий об участии комсомольских организаций в реализации решения городского комитета партии. Одним из разделов плана предусматривалось участие членов ВЛКСМ в бригадах содействия органам милиции. В свою очередь, райкомы комсомола для исполнения поставленной перед ними задачи обязаны были выделить от 15 до 20 комсомольцев в каждый отдел милиции [3, с. 1]. Однако на практике регулярно отмечались случаи срывов в данной работе. Так, из письма заместителя начальника Управления НКВД ЛО комиссара госбезопасности И. И. Иванова на имя секретаря Ленинградского городского комитета ВЛКСМ В. И. Черепцова следует, что из 598 комсомольцев на первое городское совещание прибыло лишь 210 человек. При этом часть комсомольцев не знали, с какой целью были направлены райкомами комсомола, а после окончания совещания в районные отделы

НКВД для последующей работы прибыли лишь 38 комсомольцев из 210 человек.

Вместе с тем активное вовлечение комсомольцев и бригадильцев в мероприятия, связанные с охраной общественного порядка, продолжалось, несмотря на то, что зачастую их жизнь и здоровье подвергались серьезной опасности. Из спецсообщения секретарю Ленинградского городского комитета ВКП(б) под грифом «совершенно секретно»: «29 сентября 1946 г. около 18:00 часов в кинотеатр “Октябрь”, Куйбышевский район г. Ленинграда, с черного хода ворвались четверо мужчин, которые проигнорировали требования уборщицы Масловой покинуть кинотеатр и вступили с ней в спор. Милиционер Шевченко, дежуривший в кинотеатре, обратившись к нарушителям порядка, потребовал от них прекратить хулиганские действия и покинуть кинотеатр. В свою очередь, хулиганы набросились вчетвером на милиционера и члена бригады Капустина, начав их избивать, а один из нападавших нанес ножевое ранение милиционеру Шевченко. С помощью неравнодушных граждан все четверо хулиганов были задержаны и доставлены в Куйбышевский районный отдел МВД» [3, с. 140].

К большому сожалению, нападения на комсомольские патрули порой заканчивались гибелью дружинников. 7 января 1959 г. в одном из парков г. Ленинграда в ходе драки с применением холодного оружия дружиннику А. Ландеру было нанесено 7 ножевых ран, дружиннику В. Трайнину — 16 ножевых ран, в результате которых он скончался на месте. Преступники задержаны и понесли наказание в виде лишения свободы на различные сроки, от пяти до десяти лет [5, с. 4]. В г. Каменногорске Ленинградской области в клубе бумажной фабрики в результате конфликта дружиннику В. Кохову в ходе драки В. Козин нанес удар ножом. Дружинник погиб на месте. «Общественность потребовала смертного приговора убийце. Президиум Верховного Совета СССР отклонил ходатайство В. Козина о помиловании. Убийца дружинника расстрелян» [6, с. 4].

Во второй половине 50-х гг. XX в. стали ощутимо заметны намерения партийного руководства страны «расшевелить» общественность, в т. ч. путем ее широкого вовлечения в социальные процессы, активно происходившие в государстве. Возникает понимание того, что необходимо сформировать «нового советского гражданина», которому были бы чужды пассивность и невмешательство в происходящие рядом с ним нарушения советского законодательства. Тон этому был задан Н. С. Хрущевым в его отчетном

докладе ЦК КПСС XX съезду партии: «Надо создать такую обстановку, чтобы люди, нарушающие нормы поведения, принципы советской морали, чувствовали осуждение своих поступков всем обществом. <...> Встречаются также лица, злостно нарушающие правила социалистического общежития. Без участия самих масс одними только административными мерами с подобными уродливыми явлениями покончить невозможно. Здесь большая роль принадлежит общественности» [7, с. 95].

Интересной особенностью конца 50-х гг. является возврат, спустя тридцать лет, к идее полного отказа от органов милиции, которую высказывал еще в конце 20-х гг. народный комиссар внутренних дел РСФСР В. Н. Толмачев: «Будущее милиции — в ячейках общества содействия милиции, которые призваны в конечном счете заменить ее в целом. Эти организации надо рассматривать как первую ступень перехода на милиционную систему» [8, с. 4].

Подобный опыт был опробован трудящимися Дальневосточного края. В 1957 г. в пос. Лозовом по инициативе коммунистов Сучангрэс организовали бригаду содействия милиции, которую возглавил слесарь электростанции Алексей Шарипов. Со временем положительные результаты работы бригадильцев в пос. Лозовом и ближайших к нему населенных пунктах позволили полностью «ликвидировать в Лозовом отделение милиции» [9, с. 4].

2 марта 1959 г. Центральный Комитет КПСС и Совет Министров СССР принимает постановление № 218 «Об участии трудящихся в охране общественного порядка в стране» (далее — Постановление № 218) и проект временного Положения «О добровольных народных дружинах по охране общественного порядка» [10, с. 1]. В Постановлении № 218 было прямо указано на недостатки в организации работы органов милиции, прокуратуры и судебного аппарата. Отмечена их слабая роль в предупреждении преступлений, в работе по выявлению и исключению причин и условий их совершения, недостаточное вовлечение в эту работу общественных организаций. Обращалось особое внимание на то, что практически не использован такой воспитательный метод работы с гражданами, как рассмотрение уголовных дел с привлечением общественности на открытые судебные заседания. В ходе самих судебных заседаний не задействован такой резерв, как институт общественных обвинителей, а их результаты не отражаются в печати. По всей видимости, неслучайно все указанные недостатки учтены и нашли отражение в статье Е. Елисеевой «Именем друзей Вадима...», размещенной в том

же номере «Литературной газеты», что и информация о Постановлении № 218. В данной статье в художественном стиле описаны как сам судебный процесс, так и предшествовавшие ему события. 7 января 1959 г. в одном из парков на Петроградской стороне группой преступников был убит московский школьник, который приехал на каникулы в Ленинград, Вадим Трайнин, и ранен старший комсомольского патруля Александр Ландер. На открытом судебном заседании, которое длилось три дня, перед председателем суда С. Соловьевым, государственным обвинителем, прокурором И. Цыпиным и народными заседателями предстали шестеро преступников, старшим из которых — Волову и Кузьмину — было 21 год и 20 лет соответственно, двум другим — 19 и 18 лет, были и двое несовершеннолетних. Отказавшись выполнять законные требования комсомольского патруля, в ходе конфликта, перешедшего в драку с применением холодного оружия, шестеро преступников напали на двух комсомольцев, нанесли 7 ножевых ранений Ландеру и 16 ранений Трайнину, в результате которых последний скончался на месте. Решением суда Кузьмин был приговорен к расстрелу, Веселов — к 10 годам лишения свободы с отбыванием полного срока наказания в тюрьме, на такие же сроки наказания, частью в тюрьме, частью в общих местах лишения свободы, приговорены Шевяков и Иванов. Волов — к 8 годам и Жуков — к 5 годам в детской трудовой колонии [5, с. 4].

К концу марта того же года Совет Министров РСФСР принимает постановление от 25 марта 1959 г. № 474 «О добровольных народных дружинах по охране общественного порядка», в котором были четко и подробно регламентированы требования к внешнему виду нагрудного знака «Дружинник» и к форме удостоверения дружинника. В удостоверении было прописано, что дружинник «имеет право, при необходимости, требовать от граждан, нарушающих общественный порядок, предъявления документов, составлять акты о нарушениях общественного порядка и доставлять нарушителей в штаб дружины, милицию или сельский совет».

Достаточно оперативно, практически сразу после принятия постановления № 218 «Об участии трудящихся в охране общественного порядка в стране», в трудовых коллективах проводятся открытые партсобрания, на которых:

- проводится ознакомление с постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 2 марта 1959 г. № 218 «Об участии трудящихся в охране общественного порядка в стране» и положением «О народных дружинах»;

- утверждаются рекомендации и характеристики на кандидатов в добровольную народную дружину (далее — ДНД);

- создаются инициативные группы для организации дальнейшей работы ДНД, которые обычно возглавляют заместители секретаря парткома, представитель завкома и представитель от ВЛКСМ;

- утверждаются планы мероприятий народной дружины и т. д. [11, с. 9].

Так, например, в справке о состоянии организации добровольной народной дружины завода «Прогресс» указано, что по состоянию на 4 апреля 1959 г. подали заявления о вступлении в ДНД 26 заводчан, из которых 21 — мужчины и 5 — женщины, 3 — члены КПСС, 7 — члены ВЛКСМ и 16 — беспартийные [11, с. 9]. Из докладной записки о ходе организации народных дружин на заводе имени И. И. Лепсе указано, что заявлений на включение в дружину подано от 19 заводчан, в т. ч. по партийности: 1 член КПСС, 8 — члены ВЛКСМ и 10 — беспартийные, из них по служебному положению рабочих — 16, мастеров — 2, технолог цеха — 1; по возрасту — 18 человек в возрасте от 18 до 25 лет и один заводчанин в возрасте от 35 лет [11, с. 11–14]. В общей сложности в период с 4 по 6 апреля 1959 г. членами комиссии райкома КПСС Калининского района г. Ленинграда были проведены выезды на 15 предприятий с проверками исполнения положений постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 2 марта 1959 г. № 218 «Об участии трудящихся в охране общественного порядка в стране» и положением «О народных дружинах». Проверка показала, что на десяти предприятиях из пятнадцати секретарями парткомов организованы и проведены открытые партийные собрания, сформированы активы и принято в общей сложности 271 заявление о включении в ДНД, по результатам рассмотрения которых в дружины вошли 144 человека. Вместе с тем треть предприятий — 5 из 15 — организационную работу по формированию дружин не осуществляли (завод «Красный Выборжец», завод имени Карла Либкнехта, стройтрест № 19, ЛСГМИ (Ленинградский санитарно-гигиенический медицинский институт) и завод «Промет») [11, с. 15]. Из справки об основных недостатках, выявленных в формировании народных дружин по данным за 4–6 апреля 1959 г. следует, что в Стройтресте № 19 организационная работа по формированию дружин поставлена неудовлетворительно. Даже не создана инициативная группа. Никакой работы по формированию дружины не проводится. В Ленинградском санитарно-гигиеническом медицин-

ском институте на 6 апреля 1959 г. ни одного заявления не подано. На заводе имени И. И. Лепсе «командиром дружины намечен член КПСС Кондратьев. Товарищ Кондратьев имеет партийное взыскание за пьянство». На заводе «Лентрублит» список заводчан, пожелавших быть дружинниками, в парткоме есть, а заявлений от трудящихся нет и т. д. [11, с. 16–17].

Несмотря на очевидные трудности, связанные с формированием и слаживанием добровольных народных дружин, процесс вовлечения трудящихся в решение вопросов борьбы с преступностью не прекращался. Руководство милиции придавало большое значение активному развитию этого института общественной помощи. Инициатива, исходящая от органов внутренних дел в части вовлечения общественности, не только имела поддержку со стороны партийных

органов, но и находилась на особом контроле районных и городских партийных комитетов. Целесообразность использования дружинников не подвергалась сомнениям. Следует признать, что для своего времени такая форма воспитания «нового советского гражданина» была достаточно удачной. В ряде случаев отказ в небольших населенных пунктах от штатных сотрудников милиции и замена их добровольными народными дружинами позволила не только высвободить часть личного состава, но и провести социальный эксперимент, когда трудящиеся собственными силами обеспечивали общественный порядок. Именно такие поэтапные шаги в вовлечении общественности в охрану порядка способствовали формированию у населения осознания сопричастности к улучшению своего социального и жизненного пространства.

Список источников

1. Матиенко Т. Л. К проблеме генезиса уголовно-сыскной деятельности в Русском государстве X–XII вв. // Чтения памяти профессора Евгения Петровича Сычевского: сб. докл. / отв. ред. А. И. Донченко. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2012. Вып. 12. С. 142–147.
2. Стенограмма заседания городского штаба добровольных народных дружин от 18 декабря 1963 г. // Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб). Ф. 25. Оп. 94. Д. 116.
3. Справка Ленинградского ГК ВЛКСМ о работе комсомольцев в бригадах содействия органов милиции, доклады, спецсообщения и справки милиции города и области о политико-моральном состоянии личного состава и партийной работе, о борьбе с безнадзорностью // ЦГАИПД СПб. Ф. Р-24. Оп. 2В-8. Д. 8130.
4. Клименко А. И. Основные правовые мифы в системе современной правовой идеологии // Образование. Наука. Научные кадры. 2014. № 6. С. 16–28.
5. Елисеева В. Именем друзей Вадима // Литературная газета. 1959. 10 марта. № 30.
6. Стасов С. Убийца расстрелян // Известия. 1961. 7 февр. № 33.
7. Хрущев Н. С. Отчетный доклад Первого секретаря ЦК КПСС тов. Н. С. Хрущева XX съезду Коммунистической партии Советского Союза 14–25.02.1956. Стенографический отчет. М., 1956. 640 с.
8. Киселев И. Ф. Ко дню 12-летия Р.-К. милиции // Административный вестник. 1929. № 11. 62 с. М.: Тип. Издательства НКВД. Мал. Каменщики, 16.
9. Дичаров З. Поселок без милиции // Известия. 1960. 31 марта. № 77.
10. Литературная газета. 1959. 10 марта. № 30.
11. Справки, докладные записки членов комиссии райкома КПСС и отчеты райкома КПСС об организации и работе добровольных народных дружин по охране общественного порядка на предприятиях и в учреждениях района // ЦГАИПД СПб. Ф. Р-410. Оп. 23. Д. 16.

References

1. Matienko T. L. K probleme genезisa ugodovno-sysknoj dejatel'nosti v Russkom gosudarstve X–XII vv. // Chtenija pamjati professora Evgenija Petrovicha Sychevskogo: sb. dokl. / otv. red. A. I. Donchenko. Blagoveshhensk: Izd-vo BGPU, 2012. Vyp. 12. S. 142–147.
2. Stenogramma zasedanija gorodskogo shtaba dobrovol'nyh narodnyh družhin ot 18 dekabrya 1963 g. // CGAIPD SPb. F. 25. Op. 94. D. 116.
3. Spravka Leningradskogo GK VLKSM o rabote komsomol'cev v brigadah sodejstvija organov milicii, doklady, specsoobshhenija i spravki milicii goroda i oblasti o politiko-moral'nom sostojanii lichnogo sostava i partijnoj rabote, o bor'be s beznadzornost'ju // CGAIPD SPb. F. R-24. Op. 2V-8. D. 8130.
4. Klimenko A. I. Osnovnye pravovye mify v sisteme sovremennoj pravovoj ideologii // Obrazovanie. Nauka. Nauchnye kadry. 2014. № 6. S. 16–28.

5. Eliseeva V. Imenem družej Vadima // Literaturnaja gazeta. 1959. 10 marta. № 30.
6. Stasov S. Ubijca rasstreljan // Izvestija. 1961. 7 fevr. № 33.
7. Hrushhev N. S. Otchetnyj doklad Pervogo sekretarja CK KPSS tov. N. S. Hrushheva HH s#ezdu Kommunisticheskoy partii Sovetskogo Sojuza 14–25.02.1956. Stenograficheskij otchet. M., 1956. 640 s.
8. Kiselev I. F. Ko dnju 12-letija R.-K. milicii // Administrativnyj vestnik. Tip. Izdatel'stva NKVD. Mal. Kamenshhiki, 16. M. Nojabr' 1929. № 11. 62 s.
9. Dicharov Z. Poselok bez milicii // Izvestija. 1960. 31 marta. № 77.
10. Literaturnaja gazeta. 1959. 10 marta. № 30.
11. Spravki, dokladnye zapiski chlenov komissii rajkoma KPSS i otchety rajkoma KPSS ob organizacii i rabote dobrovol'nyh narodnyh družin po ohrane obshhestvennogo porjadka na predpriyatijah i v uchrezhdenijah rajona // CGAIPD SPb. F. R-410. Op. 23. D. 16.

Статья поступила в редакцию 05.03.2025; одобрена после рецензирования 10.04.2025; принята к публикации 12.05.2025.

The article was submitted 05.03.2025; approved after reviewing 10.04.2025; accepted for publication 12.05.2025.

Алтайский юридический вестник. 2025. № 2 (50). С. 18–28.

Altai Law Journal. 2025. № 2 (50). P. 18–28.

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 342.537.5:342.8

К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ПОНЯТИЯ ЮРИДИЧЕСКОГО ГОЛОСОВАНИЯ

Татьяна Алексеевна Леонова

Уральский юридический институт МВД России, Екатеринбург, Россия, tleo76@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена актуальной проблеме отсутствия единого определения «юридического голосования» в юридической науке. Автор обосновывает, что, несмотря на фундаментальную роль этого института в правовом регулировании и широкое применение в разных отраслях права (от конституционного до корпоративного), юридическое голосование никогда не становилось объектом специального исследования. В статье анализируется социальная природа голосования, выделяются его ключевые элементы и рассматривается процесс его юридизации, подчеркивая специфику правовой формы. Проводится детальный анализ существующих определений, в ходе которого выявляются их недостатки и ограниченность отраслевыми рамками. Автор обосновывает необходимость разработки общетеоретического понятия «юридического голосования» для унификации терминологии и совершенствования правового регулирования. Предлагается авторское определение и вывод о важности разработанного понятия для теории и практики.

Ключевые слова: юридическое голосование, определение голосования, дефиниция голосования, социальная природа голосования, юридизация голосования, принципы голосования, правовое регулирование

Для цитирования: Леонова Т. А. К вопросу об определении понятия юридического голосования // Алтайский юридический вестник. 2025. № 2 (50). С. 18–28.

THEORETICAL AND HISTORICAL LAW SCIENCES

Original article

DEFINING THE CONCEPT OF LEGAL VOTING

Tatyana A. Leonova

Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Yekaterinburg, Russia, tleo76@yandex.ru

Abstract. This article addresses the pertinent issue of the lack of a unified definition of «legal voting» in legal scholarship. The author argues that despite its fundamental role in legal regulation and widespread use across various branches of law, from constitutional to corporate, legal voting has never been the subject of dedicated research. The article analyzes the social nature of voting, highlighting its key elements, and examines the process of its legalization, emphasizing the specific characteristics of its legal form. A detailed analysis of existing definitions is conducted, revealing their shortcomings and limitations within specific legal fields. The author substantiates the need for developing a general theoretical concept of «legal voting» to standardize terminology and improve legal regulation. The article proposes an original definition and concludes by emphasizing its importance for both legal theory and practice.

Keywords: legal voting, definition of voting, vote definition, social nature of voting, legalization of voting, voting principles, legal regulation

For citation: Leonova T. A. Defining the concept of legal voting. Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal. 2025;2:18–28 (In Russ.).

© Леонова Т. А., 2025

Юридическое голосование, несмотря на свою фундаментальную роль в механизме правового регулирования, представляет собой своеобразный парадокс современной юридической науки. Будучи неотъемлемой частью правовой реальности и пронизывая разнообразные отрасли права — от конституционного (выборы, референдумы) до корпоративного (решения акционеров), — оно ни разу при этом не становилось предметом специального научного исследования. Общеизвестно, что в отличие от точных наук, где терминологический аппарат четко определен и общепринят, в гуманитарных науках вообще и в юриспруденции в частности разработка и обоснование дефиниций играют ключевую роль. Споры вокруг понятий, их сущности и содержания представляют собой своеобразный двигатель научного прогресса, способствующий более глубокому пониманию изучаемого предмета. Однако в отношении юридического голосования такая дискуссия практически отсутствует, и на вопрос: «Что такое юридическое голосование?» современная правовая наука не дает четкого и аргументированного ответа.

Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью восполнить существующий пробел в юридической науке и разработать общетеоретическое понятие юридического голосования, которое позволит выйти за рамки узкоотраслевых подходов и сформировать целостное представление об этом важном правовом институте. По нашему мнению, отсутствие такого понятия затрудняет как теоретический анализ юридического голосования, так и его практическое применение. Разработка общетеоретического понятия позволит унифицировать терминологию, выявить общие закономерности и принципы юридического голосования в различных отраслях права, а также усовершенствовать правовое регулирование этого института, повысив его эффективность и легитимность.

Цель настоящей статьи заключается в том, чтобы сформулировать и обосновать общетеоретическое понятие юридического голосования, применимое во всех отраслях права. Для достижения поставленной цели необходимо, по нашему мнению, решить следующие задачи: проанализировать существующие определения юридического голосования; исследовать социальную природу голосования и процесс его юридизации; выделить ключевые структурные элементы и принципы юридического голосования, что в итоге позволит сформулировать его авторское определение.

Как мы уже отметили во введении, современная юридическая наука до настоящего вре-

мени не выработала единого и общепринятого определения юридического голосования. Более того, в научной литературе само понятие «юридическое голосование», как правило, не формулируется в явном виде, а используется имплицитно, без должной теоретической разработки. В тех редких случаях, когда авторы все же пытаются дать определение этому понятию, они зачастую ограничиваются узкими отраслевыми рамками или дают лишь описательные характеристики процедуры голосования.

В качестве подтверждения нашей позиции рассмотрим некоторые из определений интересующего нас понятия, которые были выявлены в ходе анализа научной литературы по изучаемой теме. Сразу отметим, что в подавляющем большинстве случаев вопросы, хотя бы косвенно затрагивающие юридическое голосование, рассматриваются в работах представителей науки конституционного права или избирательного права как его подотрасли. Несмотря на то что юридическое голосование, как мы уже отмечали, активно используется и в иных отраслях права, научных работ, в которых оно так или иначе упоминается, в этих отраслях права в разы меньше. А работы, в которых авторы хотя бы как-то пытаются сформулировать определение понятия голосования, без преувеличения являются единичными случаями. При этом сформулированные в таких работах определения юридического голосования никак не могут претендовать на звание полноценной общетеоретической дефиниции. Так, например, определение голосования как «волеизъявления избирателей относительно баллотирующихся кандидатов и/или списков кандидатов, в результате которого определяются победители выборов, то есть обладатели мандатов представительного органа или лицо, которое занимает выборную должность» [1, с. 29] фокусируется исключительно на избирательном процессе, игнорируя другие сферы применения юридического голосования. Определение голосования как «способа принятия решения группой людей (собранием, электоратом), при котором общее мнение формулируется путем подсчета голосов членов группы» [2, с. 77] является слишком общим и не отражает специфику юридического голосования, не указывая на его связь с правом и юридическими последствиями. Даже в специализированных исследованиях, посвященных выборам, например в кандидатской диссертации С. В. Серкова «Конституционно-правовое регулирование голосования на выборах в Российской Федерации», голосование рассматривается лишь как «самостоятельная стадия избирательного процесса, на которой избиратели

осуществляют непосредственное волеизъявление» [3, с. 22–23], что, опять же, не позволяет выйти за рамки избирательного права. Аналогичная проблема присуща и работе С. А. Сомова, в которой он определяет голосование как «установленную законом форму выражения воли избирателя относительно самостоятельного определения каждым из них желанной победы на выборах того или иного кандидата» [4, с. 46].

Отметим, что в ряде случаев достаточно качественные и проработанные дефиниции того или иного правового института или явления можно встретить в толковых или специализированных словарях. Однако в случае юридического голосования это не так. Например, определение, приведенное в словаре-справочнике «Политическая наука», согласно которому голосование «в конституционном праве — процедура передачи голоса избирателя кандидату в депутаты или на выборную должность; процедура принятия решения коллегиальным государственным органом или органом местного самоуправления; процедура принятия решения членами организации или руководящего органа общественного объединения» [5, с. 85], хотя и указывает на различные сферы применения голосования, но также носит описательный характер, не выделяя существенных признаков и не предлагая общего понятия. Аналогичные недостатки присущи и определению из большого юридического словаря А. Я. Сухарева: «голосование — в конституционном праве — действия гражданина-избирателя, которым он отдает свой голос предпочтенному им кандидату в депутаты или на выборную должность; действия коллегиального государственного органа или органа местного самоуправления с целью принятия решения; действия членов организации или руководящего органа общественного объединения по принятию их решения» [6, с. 72]. Определение из Финансового словаря «Финам» ограничивается сферой корпоративного права: «голосование — в акционерных обществах — предусмотренная законом или уставом АО процедура выборов совета директоров и принятия решений по основным аспектам деятельности АО» [7]. Определения из толковых словарей носят еще более общий характер, например: «Подача голосов во время выборов или при коллективном решении какого-нибудь дела, вопроса» [8, с. 133], «Подача голосов во время выборов или при коллективном обсуждении каково-либо вопроса как демократический способ принятия решений» [9, с. 185], не раскрывая при этом специфику юридического голосования.

Обращает на себя внимание и тот факт, что даже специализированные нормативные правовые акты, регулирующие процедуры голосования в различных сферах общественной жизни, не содержат легального определения понятия «голосование». Например, Федеральный закон Российской Федерации от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» дает определение электронного и дистанционного электронного голосования, однако само понятие «голосование», находящееся на высшем уровне абстрагирования, остается без легальной дефиниции. Аналогичная ситуация наблюдается в уголовно-процессуальном законодательстве (голосование присяжных заседателей, коллегии судей), корпоративном праве (голосование на общих собраниях участников/акционеров) и т. д.

Таким образом, анализ как теоретических источников, так и нормативных правовых актов показывает, что понятие «юридическое голосование» не получило до сих пор должной разработки в юридической науке и правоприменительной практике. Это свидетельствует о наличии существенного пробела, который необходимо восполнить путем разработки общетеоретического понятия, отражающего сущность и специфику этого важного правового института. Возникает закономерный вопрос: почему же такое важное правовое явление, как юридическое голосование, до сих пор не получило должного внимания со стороны научного сообщества? По нашему мнению, можно выделить, по крайней мере, три взаимосвязанные причины, объясняющие сложившуюся ситуацию.

В качестве первой причины можно обозначить кажущуюся простоту и понятность процедуры голосования, что, в свою очередь, может создавать у исследователей иллюзию отсутствия необходимости в ее глубоком теоретическом анализе. Действительно, на первый взгляд, голосование представляется элементарным действием: поднятие руки, отметка в бюллетене, нажатие кнопки. Между тем это, очевидно, ошибочное мнение, поскольку за внешней простотой скрывается сложный механизм правового регулирования, включающий в себя определение субъектов, объекта, процедуры, последствий голосования, а также систему гарантий и принципов.

Второй причиной, по нашему мнению, является традиционное восприятие юридического голосования как чисто процессуального, технического действия, а не как полноценного самостоятельного правового института. Проблема

в том, что голосование зачастую рассматривается лишь как способ формализации принятия решения, а не как сложное правовое явление со своими специфическими особенностями, требующее отдельного исследования. Считаем, что именно такое «процессуальное» восприятие и объясняет отчасти отсутствие у теоретиков права интереса к разработке общего понятия юридического голосования. Этот вывод косвенно подтверждается результатами анализа научной литературы, так или иначе затрагивающей вопросы голосования. Во всех случаях в центре внимания исследователей оказываются материальные правовые нормы, регулирующие результаты голосования, а не сам процесс как объект научного анализа.

И третьей причиной, по нашему мнению, является недостаточное внимание исследователей к функциональной роли юридического голосования. Между тем голосование — это не просто процедура, это важный механизм обеспечения легитимности власти, реализации принципа коллегиальности, защиты прав и интересов участников правоотношений. Непонимание этих функций, очевидно, приводит к недооценке теоретической и практической значимости юридического голосования как самостоятельного правового института.

Отметим, что в отличие от многих правовых институтов, которые изначально возникают и существуют исключительно в рамках правового поля (например, институт юридической ответственности, институт правосубъектности и т. д.), голосование имеет глубокие социальные корни. Еще до появления права и государства люди использовали различные формы голосования для принятия коллективных решений. Юридическое голосование, таким образом, представляет собой не что иное, как формализованную правом разновидность более общего социального явления. Поэтому, чтобы раскрыть сущность юридического голосования и сформулировать его общетеоретическое понятие, считаем необходимым сначала обратиться к анализу голосования как социального феномена, выявить его базовые характеристики и функции. По нашему мнению, именно такой подход, от общего к частному, позволит нам лучше понять генезис юридического голосования, выявить его связь с более широким социальным контекстом и глубже раскрыть его сущность. Кроме того, анализ голосования как социального явления необходим для того, чтобы отграничить его от юридического голосования, выявить специфические черты последнего и сформулировать его общетеоретическое определение.

Голосование в широком социальном смысле представляет собой универсальный механизм коллективного принятия решений, используемый в разных сферах общественной жизни. И действительно, мы можем столкнуться с процедурой голосования во многих жизненных ситуациях — от семейного совета, где решается вопрос о совместном отпуске, до собрания жильцов многоквартирного дома, выбирающих управляющую компанию. Во всех этих и аналогичных ситуациях именно голосование позволяет учесть мнение каждого участника и прийти к общему решению. Отметим также, что в современном мире все большее распространение получают различные формы онлайн-голосования, применяемые в интернет-сообществах, социальных сетях, на специализированных платформах и т. д. Примеры таких голосований крайне многочисленны — это может быть, например, выбор лучшего фильма года в киноклубе или лучшей песни в эфире радиостанции, определение победителя конкурса фотографий, принятие решений в рамках общественных организаций и движений и т. д.

Однако, несмотря на все многообразие форм и сфер применения голосования, можно выделить четыре его ключевых элемента.

Первым элементом являются субъекты голосования, т. е. участники процесса голосования, имеющие право выразить свою волю. Очевидно, что в разных социальных ситуациях круг субъектов голосования может быть определен по-разному: принадлежность к определенной группе (семья, жильцы дома), участие в конкретном мероприятии (собрание, конференция), регистрация на онлайн-платформе.

Вторым элементом является объект голосования, т. е. тот конкретный вопрос, выносимый на голосование, по которому участники должны выразить свое мнение. Объектом голосования может быть выбор варианта действия, избрание представителя, принятие решения по какому-либо вопросу.

Третьим ключевым элементом является процедура голосования. Она представляет собой способ организации и проведения голосования, включающий в себя такие элементы, как способ выражения воли (поднятие руки, тайное голосование, онлайн-голосование и т. д.), подсчет голосов, определение результатов.

И, наконец, четвертый ключевой элемент — это непосредственно цель голосования, т. е. тот желаемый результат, которого стремятся достичь участники путем голосования. Целью может быть принятие коллективного решения, выбор лучшего варианта, определение победителя, формирование общего мнения.

Особо подчеркнем, что все эти элементы тесно взаимосвязаны и влияют друг на друга. Так, круг субъектов голосования определяет, чье мнение будет учтено при принятии решения. Характер объекта голосования влияет на сложность процедуры и на способ выражения воли участников. Цель голосования определяет критерии оценки его результатов. Например, если целью голосования является выбор лучшего варианта из нескольких предложенных, то процедура голосования должна обеспечивать возможность сравнения этих вариантов и выбора наиболее подходящего. Если же целью является принятие коллективного решения по какому-либо вопросу, то в голосовании важно обеспечить участие всех заинтересованных сторон и четко сформулировать критерии принятия решения.

Таким образом, голосование в широком социальном смысле представляет собой сложный процесс, эффективность которого зависит от взаимодействия всех его элементов. Обобщая вышесказанное, сформулируем определение голосования как социального явления, которое будет служить отправной точкой для дальнейшего анализа. В этом контексте голосование можно определить как коллективный способ принятия решения по определенному вопросу путем выражения воли участников и последующего подсчета голосов.

Это определение может показаться сходным с некоторыми из тех, что мы критиковали, анализируя существующие определения голосования, в связи с чем может возникнуть вопрос: в чем его отличие и какие преимущества оно имеет?

Отличие в данном случае заключается в том, что наше определение акцентирует внимание именно на коллективном характере принятия решения и на волеизъявлении участников как основе этого процесса. В отличие от определений, фокусирующихся на формальной процедуре («подача голосов...» [8, с. 133; 9, с. 185]) или на результате («формирование общего мнения...» [2, с. 77]), наше определение подчеркивает активную роль участников и их вклад в принятие коллективного решения. Это позволяет нам рассматривать голосование не просто как техническую процедуру, но как способ реализации коллективной воли.

Рассмотрев голосование как социальное явление, перейдем к анализу процесса его юридизации, т. е. трансформации в правовой институт. Юридизация голосования — это сложный и многоступенчатый процесс, обусловленный развитием общества, усложнением общественных отношений и потребностью в их более чет-

ком и эффективном регулировании. В ходе этого процесса голосование, изначально существующее как социальная практика, приобретает правовую форму, становится регулируемым нормами права, наделяется специфическими юридическими свойствами и начинает производить юридические последствия. Этот процесс обусловлен рядом факторов, как объективных, связанных с развитием общества и права, так и субъективных, зависящих от конкретных исторических и политических обстоятельств. Например, развитие демократических институтов и принципов способствует расширению сферы применения юридического голосования и усилению гарантий права голоса. В условиях авторитарных режимов голосование, напротив, может использоваться как инструмент манипуляции общественным мнением и легитимации власти, при этом реальные гарантии права голоса могут отсутствовать.

Ключевым моментом в процессе юридизации является нормативное закрепление процедуры голосования, прав и обязанностей его участников, а также юридических последствий его результатов. Правовые нормы придают голосованию формальную определенность, устанавливают четкие правила его проведения, определяют круг лиц, имеющих право голоса, закрепляют способы выражения воли, порядок подсчета голосов и определения результатов. Более того, право обеспечивает контроль за соблюдением процедуры голосования и предусматривает ответственность за ее нарушение. Виды и меры ответственности могут быть различными в зависимости от характера нарушения и от сферы применения юридического голосования. Например, нарушение правил проведения выборов может повлечь за собой уголовную ответственность, а нарушение процедуры голосования на общем собрании акционеров — гражданско-правовую. Важным аспектом юридизации является также закрепление гарантий права голоса, защищающих участников от принуждения, манипуляций и фальсификаций. Эти гарантии могут включать в себя тайну голосования, свободу волеизъявления, равенство голосов, публичность процедуры подсчета голосов и т. д. Конкретный набор гарантий зависит от вида юридического голосования и от сферы его применения. Например, гарантии тайны голосования имеют особое значение в рамках избирательного процесса, а гарантии равенства голосов — в корпоративном праве.

В контексте общей теории права юридизация голосования может быть рассмотрена как проявление общей закономерности — трансформации социальных норм и практик в нормы пра-

ва. Этот процесс обусловлен потребностью общества в упорядочении общественных отношений, обеспечении их стабильности и предсказуемости. Голосование как важный механизм принятия коллективных решений в определенный момент развития общества начинает требовать правового регулирования для того, чтобы исключить произвол, обеспечить равные возможности для всех участников и придать результатам голосования общеобязательный характер. Именно право позволяет превратить голосование из спонтанного и неформального акта в упорядоченную и регулируемую процедуру, наделенную общеобязательной силой. Правовое регулирование обеспечивает не только формальную сторону процесса голосования, но и его содержательную наполненность, связывая голосование с конкретными правовыми последствиями. Например, результаты голосования на выборах приводят к формированию органов государственной власти, а результаты голосования на референдуме — к принятию нормативных правовых актов.

Юридизация голосования принципиально меняет его характер. Если в социальной сфере голосование служит преимущественно для выражения мнений и формирования общего консенсуса, то в правовой сфере оно приобретает нормативно-властный характер и становится инструментом правового регулирования. Результаты юридического голосования порождают юридические последствия, которые обязательны для всех участников правоотношений, независимо от их личного мнения. Это обеспечивается механизмами государственного принуждения и возможностью обжалования результатов голосования в установленном законом порядке. Кроме того, юридическое значение имеет не только сам факт волеизъявления участников голосования, но и соблюдение установленной процедуры. Нарушение процедурных требований может повлечь за собой признание результатов голосования недействительными. Это важно для обеспечения легитимности и достоверности результатов голосования.

Таким образом, юридизация голосования представляет собой важный этап в развитии этого социального института, который позволяет ему стать эффективным инструментом правового регулирования и обеспечить легитимность принятия коллективных решений, имеющих юридическое значение. Это позволяет использовать голосование в качестве эффективного инструмента реализации публичной власти и управления общественными делами. Благодаря юридизации голосование превращается в эффективный

инструмент правового воздействия на общественные отношения.

Переходя к анализу структуры юридического голосования, важно отметить, что, как и любое другое сложное правовое явление, оно характеризуется определенным набором существенных признаков, позволяющих отграничить его от иных правовых явлений и раскрыть его специфику. В юридической литературе отсутствует единый подход к определению структуры юридического голосования. Это связано, прежде всего, с тем, что само понятие «юридическое голосование», как мы уже отмечали ранее, не получило до сих пор должной теоретической разработки. Более того, те немногочисленные авторы, которые все же пытаются сформулировать определение юридического голосования, как правило, не приводят никакой аргументации в пользу выделенных ими существенных признаков. Они ограничиваются формальным перечислением признаков, не объясняя, почему именно эти, а не какие-либо другие признаки являются существенными, никак при этом не поясняя логику их выделения. Например, в определении голосования как «волеизъявления избирателей...» акцент делается на субъектах и цели голосования, но не учитываются другие важные аспекты, такие как процедура и юридические последствия. В определении голосования как «способа принятия решения группой людей...» указывается на коллективный характер и цель голосования, но не раскрывается его правовая специфика. Такой подход, на наш взгляд, является совершенно недостаточным для общетеоретического исследования. Мы убеждены, что любое научное определение должно быть не только точным и лаконичным, но и обоснованным. Автор должен четко аргументировать свой выбор, объяснить, почему он выделяет именно эти признаки в качестве существенных и чем его подход отличается от подходов других исследователей. В настоящей работе мы стремимся следовать именно такому аргументированному подходу.

Мы исходим из того, что структура юридического голосования должна отражать его специфику как правового института, а также его связь с голосованием как социальным явлением. Опираясь на проведенный ранее анализ социальной природы голосования и процесса его юридизации, считаем возможным выделить шесть ключевых элементов структуры юридического голосования. При этом мы постараемся детально аргументировать выбор каждого из них.

Первым элементом, по нашему мнению, являются субъекты голосования. Множественное число в данном случае — не опечатка, а обосно-

ванное решение, поскольку голосование предполагает все-таки коллективное волеизъявление. Этот элемент является фундаментальным для любой формы голосования, как социальной, так и юридической. Именно субъекты голосования выражают свою волю и формируют решение. В юридическом голосовании круг субъектов, их права и обязанности строго регламентируются нормами права, что обеспечивает легитимность и стабильность правопорядка. В отличие от социального голосования, где круг участников может определяться достаточно произвольно (например, все члены семьи, все присутствующие на собрании), в юридическом голосовании этот круг четко определен законом и не может быть изменен по усмотрению участников. Например, на выборах в органы государственной власти субъектами являются граждане, обладающие активным избирательным правом. В корпоративном праве право голоса принадлежит участникам (акционерам) хозяйственных обществ. В уголовном процессе субъектами голосования при вынесении вердикта являются присяжные заседатели. Важно отметить, что субъекты юридического голосования не только обладают правом голоса, но и несут определенные обязанности, например обязанность соблюдать процедуру голосования, не допускать фальсификаций и злоупотреблений, что также отличает юридическое голосование от более общей социальной формы. Мы считаем необходимым выделять субъектов юридического голосования в качестве самостоятельного элемента его структуры, поскольку именно они являются активными участниками процесса и именно их волеизъявление формирует результат голосования.

Вторым элементом, также существующим как в социальном голосовании, так и в юридическом, является объект голосования. Однако между ними есть принципиальное различие. Если в социальном голосовании объектом может быть любой вопрос, вынесенный на обсуждение группы (например, выбор места отдыха или темы для дискуссии), то в юридическом голосовании он всегда имеет правовое значение и должен соответствовать требованиям закона. Это означает, что результаты голосования прямо или косвенно влияют на правоотношения, порождая юридические последствия. Объектом голосования может быть избрание должностного лица, принятие нормативного правового акта, утверждение решения коллегиального органа, принятие решения в корпоративном споре и т. д. Характер объекта голосования определяет специфику процедуры голосования и ее юридические последствия. Выделение объекта юридического голосования

в качестве самостоятельного структурного элемента позволяет нам определить предмет голосования и связать его с конкретными нормами права.

Третьим ключевым элементом является, по нашему мнению, процедура голосования. Отметим, что, как и в случае первых двух элементов, процедурный аспект голосования важен как в социальном, так и в юридическом контексте. Однако в юридическом голосовании процедура приобретает особую значимость, поскольку от ее соблюдения зависит легитимность результатов и их юридическая сила. В отличие от социального голосования, где процедура может быть неформальной и вариативной (например, устное согласие участников может считаться достаточным, может отсутствовать четкий порядок подсчета голосов), процедура юридического голосования всегда строго формализована. Процедура включает в себя ряд этапов: подготовку к голосованию (например, формирование списков избирателей, выдвижение кандидатов), выражение воли участниками (например, заполнение бюллетеней, нажатие кнопок для голосования), подсчет голосов, определение и оформление результатов. Процедура юридического голосования должна обеспечивать реализацию принципов юридического голосования, которые будут рассмотрены нами далее, и гарантировать достоверность и легитимность его результатов. Мы выделяем процедуру в качестве самостоятельного элемента структуры юридического голосования, поскольку именно она обеспечивает формальную определенность и стабильность процесса, а также позволяет контролировать его соблюдение и предотвращать злоупотребления.

Четвертым элементом и последним общим как для социальной, так и для юридической формы, является цель голосования. Выделение этого элемента является очевидным, поскольку как любое целенаправленное действие, голосование, как в социальном, так и в юридическом варианте, всегда имеет определенную цель. Однако в отличие от социального голосования, где цель носит неформальный характер и служит для удовлетворения личных или коллективных потребностей (например, совместный досуг или решение каких-то бытовых вопросов), цель юридического голосования всегда юридически значима. Это может быть реализация избирательных прав граждан, принятие нормативного правового акта, решение корпоративного спора и т. д. Более того, в юридическом голосовании цель не только определяет направленность действий участников, но и имеет нормативное значение. Закон может устанавливать допустимые цели голосо-

вания и ограничивать возможность его использования в определенных случаях. Например, недопустимо проведение голосования, направленного на нарушение прав и свобод граждан или на противоречащие закону цели. Цель юридического голосования определяет его место в системе права и влияет на содержание других элементов его структуры. Мы выделяем цель юридического голосования в качестве самостоятельного элемента его структуры, поскольку она определяет его социальную и правовую значимость, а также влияет на содержание других элементов.

В качестве пятого элемента мы предлагаем выделять юридические последствия голосования. Отметим, что этот элемент является специфической чертой именно юридического голосования и отсутствует в социальном голосовании. Он выделяется нами как самостоятельный элемент структуры юридического голосования в силу своей важнейшей роли, поскольку именно наличие юридических последствий отличает юридическое голосование от иных неправовых форм выражения мнения или принятия решений (например, опрос общественного мнения, достижение консенсуса в ходе переговоров), которые не порождают правовых последствий и не влекут за собой изменений в правоотношениях. Это правовые результаты, которые наступают в силу проведения юридического голосования и имеют общеобязательный характер. Юридическими последствиями могут быть избрание кандидата на должность, принятие закона, утверждение решения собрания и т. д. Юридические последствия голосования определяются нормами права и зависят от вида голосования и его объекта. Например, результаты голосования на выборах влекут за собой возникновение у избранного лица специального правового статуса и наделение его соответствующими полномочиями.

В качестве шестого, завершающего, элемента структуры юридического голосования мы предлагаем выделять его принципы, поскольку именно наличие специфических принципов также является отличительной особенностью юридического голосования, которое должно отвечать определенным требованиям, вытекающим из общеправовых принципов и закрепленным в законодательстве. К числу таких принципов, по нашему мнению, относятся:

- универсальность, предполагающая наличие равных возможностей участия в голосовании для всех, кто соответствует установленным законом требованиям;

- свобода волеизъявления, т. е. отсутствие принуждения и внешнего давления на участников голосования;

- тайна голосования, которую следует понимать как своеобразную гарантию конфиденциальности выбора каждого участника;

- однозначность результатов, что выражается в наличии четких и прозрачных правил подсчета голосов и определения результатов;

- легитимность, т. е. соответствие процедуры и результатов голосования действующему законодательству.

Отметим, что именно соблюдение этих принципов обеспечивает демократичность, справедливость и эффективность юридического голосования. Например, нарушение принципа тайны голосования может поставить под сомнение достоверность результатов, а нарушение принципа легитимности — привести к их недействительности. Выделение принципов юридического голосования в качестве самостоятельного элемента его структуры позволяет нам оценить его качество и соответствие правовым идеалам.

Таким образом, структура юридического голосования включает в себя как элементы, сходные с элементами социального голосования (субъекты, объект, процедура, цель), так и специфические элементы, отражающие его правовую природу (юридические последствия, принципы). Именно наличие этих специфических элементов наряду с особенностями реализации общих элементов (строгая нормативная регламентация круга субъектов, правовое значение объекта, формализованная процедура, юридически значимая цель) придает юридическому голосованию уникальный характер. Проведенный анализ позволяет нам сделать обоснованный вывод о том, что юридическое голосование — это не просто формальный акт, а сложный правовой институт, наделенный специфическими функциями и играющий важную роль в механизме правового регулирования. Выделенные нами элементы структуры юридического голосования позволяют более полно и всесторонне понять его сущность и создают необходимую базу для формулирования общетеоретического определения этого понятия.

Проведенный анализ социальной природы голосования, процесса его юридикации и структуры юридического голосования позволяет выделить сущностные признаки, которые отличают юридическое голосование от иных форм принятия решений и от голосования как социального явления. К числу таких признаков, по нашему мнению, можно отнести следующие.

Во-первых, урегулированность нормами права. Этот признак подчеркивает, что юридическое голосование, в отличие от голосования в социальной сфере, осуществляется в рамках

правового поля, регулируется нормами права и влечет за собой юридические последствия. Именно правовая регламентация придает голосованию статус юридического факта, способного порождать правовые последствия. Нормы права определяют субъектов голосования, их права и обязанности, объект голосования, процедуру его проведения, а также юридические последствия результатов голосования.

Во-вторых, коллективный способ принятия решений. Этот признак указывает на то, что юридическое голосование предполагает участие нескольких лиц, обладающих правом голоса, и принятие решения на основе учета их волеизъявления. Этот признак роднит юридическое голосование с голосованием в социальной сфере, однако в юридическом голосовании коллективность приобретает особое значение, поскольку решение, принятое путем голосования, становится общеобязательным для всех участников правоотношений независимо от их индивидуального выбора. Например, решение, принятое на общем собрании акционеров путем голосования, обязательно для исполнения всеми акционерами, даже теми, кто голосовал против. В отличие от социального голосования, где решение в конечном итоге может быть принято и единолично (например, решение в семье о месте проведения отпуска может быть принято как путем голосования, так и единолично главой семьи, и голоса других членов семьи в этом случае не будут иметь значения), в юридическом голосовании коллективность является необходимым условием его легитимности.

В-третьих, юридическая значимость решений. Этот признак указывает на то, что результаты юридического голосования имеют правовые последствия, влияют на правоотношения участников и порождают юридические последствия. Именно этот признак кардинально отличает юридическое голосование от голосования в социальной сфере, где результаты голосования, как правило, не имеют правовых последствий. Например, результаты голосования на референдуме могут привести к принятию нового закона, а результаты голосования на выборах — к формированию органов власти. В социальной же сфере результаты голосования могут влиять на принятие каких-либо решений внутри группы (например, выбор места для отдыха), но не имеют при этом общеобязательного характера и не порождают никаких юридических последствий.

В-четвертых, определенность вопроса. Этот признак подчеркивает, что голосование всегда осуществляется по конкретному вопросу, который должен быть четко сформулирован и дове-

ден до сведения участников. В юридическом голосовании этот признак приобретает особую важность, поскольку от четкости формулировки вопроса зависит однозначность и правовая определенность результатов голосования. Например, при проведении референдума формулировка вопроса должна быть ясной и не допускать двойного толкования. В корпоративном праве вопросы, выносимые на голосование общего собрания акционеров, должны быть четко сформулированы в повестке дня. В социальном же голосовании формулировка вопроса может быть менее строгой, а иногда и вовсе отсутствовать. Например, на неформальной встрече друзей вопрос о выборе кафе может быть обсужден без четкой формулировки.

В-пятых, волеизъявление участников, обладающих правом голоса. Этот признак указывает на то, что основой юридического голосования является свободное и осознанное волеизъявление участников, круг которых определен законом. В юридическом голосовании, в отличие от социального, существуют специальные механизмы обеспечения свободы волеизъявления, такие как тайна голосования, запрет на принуждение и подкуп избирателей. В социальной сфере такие гарантии могут отсутствовать, и волеизъявление участников может быть подвержено внешнему влиянию.

В-шестых, подсчет голосов. Этот признак описывает процедурный аспект и подчеркивает важность правильного и объективного подсчета голосов для определения результатов голосования. В юридическом голосовании процедура подсчета голосов строго регламентирована законом, что обеспечивает достоверность и прозрачность результатов. В социальном голосовании подсчет голосов может производиться менее формализованно, что повышает риск ошибок и манипуляций.

В-седьмых, наступление юридических последствий. Этот признак отражает специфику юридического голосования и указывает на его связь с механизмом правового регулирования. Наступление юридических последствий — это то, что придает голосованию юридический характер и отличает его от неправовых форм голосования. Например, в результате голосования на выборах избранный кандидат приобретает новый правовой статус и наделяется определенными полномочиями. В социальном голосовании последствия носят неправовой характер и могут выражаться, например, в изменении внутренних правил группы или в принятии какого-либо совместного решения, не порождающего каких-либо юридических последствий.

В-осьмых, соответствие определенным принципам. Этот признак подчеркивает важность соблюдения основополагающих принципов (универсальность, свобода, тайна, однозначность результатов, легитимность) для обеспечения демократичности, справедливости и эффективности юридического голосования. Эти принципы являются специфическими для юридического голосования и отражают его правовую природу. В социальном голосовании эти принципы могут соблюдаться или не соблюдаться в зависимости от конкретной ситуации и от внутренних правил группы.

Учитывая выделенные нами сущностные признаки, сформулируем следующее общетеоретическое понятие юридического голосования: *«Юридическое голосование — это урегулированный нормами права коллективный способ принятия юридически значимых решений по определенному вопросу путем волеизъявления участников, обладающих правом голоса, с последующим подсчетом голосов и наступлением юридических последствий, осуществляемый в соответствии с определенными принципами».*

Данное определение, на наш взгляд, обладает следующими преимуществами по сравнению с существующими: во-первых, оно носит обще-

теоретический характер и применимо ко всем видам юридического голосования, независимо от отрасли права; во-вторых, оно отражает все существенные признаки юридического голосования, выявленные в ходе нашего исследования; в-третьих, оно четко отграничивает юридическое голосование от голосования как социального явления и от иных форм принятия решений.

В заключение отметим, что проведенное исследование позволило нам выявить существующий в юридической науке пробел в части отсутствия общетеоретического понятия «юридическое голосование» и предложить вариант его формулировки. Разработанное нами определение отличается от имеющихся тем, что оно носит общеправовой характер, основано на анализе социальной природы голосования и процесса его юридизации, учитывает все существенные признаки юридического голосования и соответствует требованиям логики и юридической техники. Кроме того, на основании результатов исследования сделан обоснованный вывод о том, что юридическое голосование — это не просто формальная процедура, а сложный правовой институт, играющий важную роль в механизме правового регулирования и обеспечении реализации прав и законных интересов граждан.

Список источников

1. Слободчикова С. Н. Эволюция свободных выборов в России: конституционно-правовой аспект // Сибирский юридический вестник. 2019. № 3 (86). С. 27–32.
2. Дрожжина А. П. Вопросы выбора эффективной процедуры голосования // Молодой ученый. 2019. № 18 (256). С. 77–78.
3. Серков С. В. Конституционно-правовое регулирование голосования на выборах в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2007. 186 с.
4. Сомов С. А. О совершенствовании законодательства // Государственная власть и местное самоуправление. 2000. № 2. С. 45–47.
5. Политическая наука: словарь-справочник / авт.-сост. И. И. Санжаревский. М., 2010. 988 с.
6. Большой юридический словарь / В. А. Белов и др.; под ред. А. Я. Сухарева, В. Е. Крутских. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Инфра-М, 2003. 703 с.
7. Словарь финансовых терминов. URL: <https://www.finam.ru/publications/item/golosovanie-20230628-2028/> (дата обращения: 01.12.2024).
8. Ушаков Д. Н. Большой толковый словарь русского языка. М.: Дом Славянской книги, 2008. 959 с.
9. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. В 2 т. М.: Рус. яз., 2000. Т. 2: П–Я. 1084 с.

References

1. Slobodchikova S. N. Jevoljucija svobodnyh vyborov v Rossii: konstitucionno-pravovoj aspekt // Sibirskij juridicheskij vestnik. 2019. № 3 (86). S. 27–32.
2. Drozhzhina A. P. Voprosy vybora jeffektivnoj procedury golosovaniya // Molodoj uchenyj. 2019. № 18 (256). S. 77–78.
3. Serkov S. V. Konstitucionno-pravovoe regulirovanie golosovaniya na vyborah v Rossijskoj Federacii: dis. ... kand. jurid. nauk. Tjumen', 2007. 186 s.
4. Somov S. A. O sovershenstvovanii zakonodatel'stva // Gosudarstvennaja vlast' i mestnoe samoupravlenie. 2000. № 2. S. 45–47.

5. Politicheskaja nauka: slovar'-spravochnik / avt.-sost. I. I. Sanzharevskij. M., 2010. 988 s.

6. Bol'shoj juridicheskij slovar' / V. A. Belov i dr.; pod red. A. Ja. Suhareva, V. E. Krutskih. 2-e izd., pererab. i dop. M.: Infra-M, 2003. 703 s.

7. Slovar' finansovyh terminov. URL: <https://www.finam.ru/publications/item/golosovanie-20230628-2028/> (data obrashhenija: 01.12.2024).

8. Ushakov D. N. Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo jazyka. M.: Dom Slavjanskoj knigi, 2008. 959 s.

9. Efremova T. F. Novyj slovar' russkogo jazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyj. V 2 t. M.: Rus. jaz., 2000. T. 2: P–Ja. 1084 s.

Статья поступила в редакцию 09.01.2025; одобрена после рецензирования 18.02.2025; принята к публикации 12.05.2025.

The article was submitted 09.01.2025; approved after reviewing 18.02.2025; accepted for publication 12.05.2025.

Научная статья

УДК 340.1:349

ТЕОРИЯ УНИФИКАЦИИ ТРАНСПОРТНОГО ПРАВА: ВОЗМОЖНЫЕ МОДЕЛИ И ТЕХНИКО-ЮРИДИЧЕСКИЕ СЛОЖНОСТИ

Артем Григорьевич Репьев

Российский университет транспорта, Москва, Россия, repev-artem@yandex.ru

Аннотация. Автором предпринята попытка анализа отечественного законодательства в области транспортных правоотношений, а также складывающейся на его основе правоприменительной практики. Автор, констатируя стремительное развитие данной отрасли, потребность в консолидированном, основанном на едином подходе правовом регулировании, выявил упущения в части отсутствия унификации как основополагающих начал юридического воздействия в сфере транспорта, так и терминологических систем в рамках конкретного вида: воздушного транспорта, водного, железнодорожного, наземного и пр. Аргументируется гипотеза о необходимости научно обоснованной, ориентированной на потребности практики унификации транспортного права, на основе совокупности методов познания, ключевым из которых стал диалектический, опираясь на формально-юридический подход, метод интерпретации. Рассматриваются возможные варианты (модели) упорядочения нормативного массива, прогнозируются риски. Делается вывод о поспешности существующих в науке предложений создания единого транспортного кодекса (с отменой действующих кодифицированных актов), доказываемая необходимость: обязательной унификации принципов и методов правового регулирования; снижения вариативности терминологического ряда; детальной проработки статусных характеристик транспортных средств.

Ключевые слова: унификация, систематизация, кодификация, транспортное право, юридическая техника

Для цитирования: Репьев А. Г. Теория унификации транспортного права: возможные модели и технико-юридические сложности // Алтайский юридический вестник. 2025. № 2 (50). С. 29–34.

THEORETICAL AND HISTORICAL LAW SCIENCES

Original article

Artyom G. Repev

Russian University of Transport, Moscow, Russia, repev-artem@yandex.ru

THEORY OF UNIFICATION OF TRANSPORT LAW: POSSIBLE MODELS AND TECHNICAL AND LEGAL DIFFICULTIES

Abstract. The author has attempted to analyze domestic legislation in the field of transport relations, as well as the law enforcement practice that develops on its basis. Noting the rapid development of this industry and the need for consolidated legal regulation based on a unified approach, omissions have been identified in terms of the lack of unification of both the fundamental principles of legal influence in the field of transport and terminological systems within a specific type: air transport, water, rail, land, etc. Based on a set of cognitive methods, the key of which was dialectical, based on a formal legal approach, methods of interpretation, the hypothesis about the need for a scientifically based, needs-oriented practice of unification of transport law is argued. Possible options (models) for ordering the regulatory array are considered, and risks are predicted.

Keywords: unification, systematization, codification, transport law, legal technology

For citation: Repev A. G. Theory of unification of transport law: possible models and technical and legal difficulties. *Altajskij juridicheskij vestnik* = *Altai Law Journal*. 2025;2:29–34 (In Russ.).

Развитие транспортного комплекса в России демонстрирует высочайшие темпы как в общественном отношении, так и экономическом, политическом, образовательном и пр. Государство вкладывает в отрасль значительные финансовые средства и привлекает колоссальные человеческие ресурсы. Только в 2024 г. на одно из направлений создания эффективной транспортной системы — проект «Безопасные качественные дороги» — было выделено 621,4 млрд рублей¹.

Создание интеллектуальных транспортных систем, сети опорной логистической инфраструктуры, цифровых транспортных коридоров актуализирует потребность в четком нормативном регламентировании единого транспортного пространства. Транспортная стратегия Российской Федерации до 2030 года с прогнозом на период до 2035 года² (далее — Транспортная стратегия) прямо указывает на необходимость применения единых нормативных стандартов в области совместимости различных видов транспорта и транспортных средств.

Единообразие подходов правовой регламентации достигается совокупностью средств, приемов, технологий, фундаментальной из которых является систематизация законодательства. Она, как известно, предполагает создание унифицированного акта в различных формах. Наиболее глубоким подходом к унификации характеризуется кодификация, а более компромиссный характер имеет консолидированный акт. И в том, и в другом случае этот процесс по своему содержанию означает упорядочение нормативного материала, а форма может быть различной.

Острая потребность в унификации транспортного законодательства подтверждается ее важным значением как минимум в трех проекциях. Для субъектов законодательной деятельности унификация предполагает ревизию уже действующих правовых предписаний, установление среди них утративших свою актуальность и регулятивный потенциал и впоследствии достижение согласованности, непротиворечивости всего

правового массива. Для правоприменителя унификация обладает информационно ориентирующим свойством, поскольку позволяет уяснить основные начала построения правовой регламентации транспортной отрасли, установить системные связи базовых принципов и конкретных правил поведения для последующей интерпретации и реализации. Наконец, унификация транспортного законодательства имеет магистральное свойство для юридической доктрины. В рамках интеллектуальной научной деятельности по упорядочению норм транспортного права (как теоретической, так и прикладной), за счет глубокой степени абстрагирования, происходит выработка и приведение к единообразию специфической транспортной терминологии, дефинитивного ряда, юридических конструкций. В таком ракурсе характеризовал унификацию С. С. Алексеев, отводя ей ключевую роль в придании позитивному праву духовной силы [1, с. 112–113].

Попробуем конкретизировать аргументы, указывающие на необходимость гармонизации транспортного законодательства и потребность его упорядочения. Среди них можно привести следующие.

Первым аргументом, демонстрирующим насущную необходимость унификации права транспортной отрасли, которая впоследствии может вылиться в конкретную форму систематизации, является ее максимальная, в определенном смысле эксклюзивная, динамичность. Транспортное законодательство, справедливости ради, не всегда успевает осуществлять регламентацию видов транспорта, сложившихся десятилетиями ранее (к примеру, в нашей стране до сегодняшнего дня отсутствует единый унифицированный правовой акт, касающийся функционирования метрополитена)³, не говоря о новых

¹ См.: Расходы бюджета на исполнение нацпроектов в 2024 году составят 3 трлн рублей // Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации: офиц. сайт. URL: <https://digital.gov.ru/ru/events/49024/> (дата обращения: 27.02.2025).

² См.: О Транспортной стратегии Российской Федерации до 2030 года с прогнозом на период до 2035 года: распоряжение Правительства Российской Федерации от 27.11.2021 № 3363-р (в ред. от 06.11.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 50 (ч. IV), ст. 8613; 2024. № 46, ст. 6991.

³ См., например: О внеуличном транспорте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон Российской Федерации от 29.12.2017 № 442-ФЗ // Российская газета. 2017. 31 дек.; Об утверждении Правил пользования Московским метрополитеном: постановление Правительства Москвы от 16.09.2008 № 844-ПП // Вестник Мэра и Правительства Москвы. 2008. № 55. С. 42; Об утверждении Правил пользования Петербургским метрополитеном: постановление Правительства Санкт-Петербурга от 29.09.2020 № 776 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 27.02.2025); Об утверждении Правил пользования метрополитеном на территории Нижегородской области: постановление Правительства Нижегородской области от 11.08.2020 № 663. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/5200202008120009?rangeSize=1&index=1> (дата обращения: 27.02.2025).

способах передвижения в виде средств индивидуальной мобильности, беспилотных наземных и воздушных транспортных аппаратах и многом другом.

Во-вторых, сложившаяся вариативность транспортно-правовой терминологии, отсутствие единых формально-юридических принципов и идеологических начал правовой регламентации соответствующих отношений, разрозненность технических и информационных требований, методических стандартов и рекомендаций, а главное статусных характеристик (определяющих права и обязанности) заинтересованных сторон. В частности, один из основных субъектов транспортных отношений — «перевозчик» на сегодняшний день понимается в различных нормативных правовых актах с существенными отличиями, касающимися его правового положения (в первую очередь такого элемента, как юридические обязанности). Приведем лишь некоторые из них. Так, если в Воздушном кодексе Российской Федерации содержится лаконичное определение перевозчика, которым считается «эксплуатант, осуществляющий воздушные перевозки пассажиров, багажа, грузов или почты»¹, то в законодательстве, регулирующем гражданско-правовые перевозки, им признается субъект, на который в соответствии с договором возложена юридическая обязанность «доставить вверенный ему отправителем груз в пункт назначения и выдать его управомоченному на получение груза лицу (получателю)»², тогда как в Уставе железнодорожного транспорта Российской Федерации это уже «юридическое лицо или индивидуальный предприниматель, принявшие на себя по договору перевозки железнодорожным транспортом общего пользования обязанность доставить пассажира, вверенный им отправителем груз, багаж, грузобагаж или не принадлежащий им порожний грузовой вагон из пункта отправления в пункт назначения, а также выдать груз, багаж, грузобагаж, порожний грузовой вагон управомоченному на его получение лицу (получателю)»³.

¹ Статья 100 Воздушного кодекса Российской Федерации от 19.03.1997 № 60-ФЗ (в ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 12, ст. 1383; 2024. № 33 (ч. I), ст. 4985.

² Статья 785 Гражданского кодекса Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (в ред. от 13.12.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 5, ст. 410; 2024. № 51, ст. 7853.

³ Статья 2 Устава железнодорожного транспорта Российской Федерации: федеральный закон Российской Федерации от 10.01.2003 № 18-ФЗ (в ред. от 19.10.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу

Третьим аргументом в пользу унификации транспортного законодательства является множественность нормативных правовых актов, регулирующих отношения в одной области или сфере конкретного вида транспорта. Самый яркий пример — определение понятия «транспортное средство». К примеру, трамвай, как вид наземного городского транспорта, в одном нормативном правовом акте и разъяснениях к нему дефинируется как «транспортное средство»⁴, а в других — с приставкой «механическое»⁵. Разность статусных характеристик, с учетом пространства на лиц, управляющих механическими транспортными средствами, уголовной ответственности, очевидна. К слову сказать, Транспортной стратегией и вовсе закреплено предельно широкое определение понятия транспортного средства, включающее в себя перспективный подвижной состав (так называемые экранопланы). При этом правовые предписания, претендуя на регламентацию схожих транспортных отношений, не только различны по своей юридической силе, но и частично дублируют друг друга, а нередко — противоречат. В частности, многим заинтересованным субъектам известна юридическая коллизия в части от-

с 01.04.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 2, ст. 170; 2023. № 32 (ч. I), ст. 6150.

⁴ В частности, общими положениями Правил дорожного движения трамвай не отнесен к механическим транспортным средствам, а понимается как «транспортное средство общего пользования (автобус, троллейбус, трамвай)». См.: О Правилах дорожного движения (вместе с «Основными положениями по допуску транспортных средств к эксплуатации и обязанности должностных лиц по обеспечению безопасности дорожного движения»): постановление Правительства Российской Федерации от 23.10.1993 № 1090 (в ред. от 06.12.2024) // Собрание актов Президента и Правительства Российской Федерации. 1993. № 47. Ст. 4531; Собрание законодательства Российской Федерации. 2024. № 51, ст. 8025.

⁵ Так, диспозиция ст. 264 УК РФ «Нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств» содержит следующую формулировку: «Нарушение лицом, управляющим автомобилем, трамваем либо другим механическим транспортным средством...». См.: Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (в ред. от 28.12.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 08.01.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25, ст. 2954; 2024. № 53 (ч. I), ст. 8525.

ветственности перевозчика за утрату, недостачу и повреждение (порчу) груза или багажа¹.

Множественность как свойство системы норм транспортного права детерминирует четвертый аргумент потребности унификации — отсутствие доступности и определенности. К примеру, мы абсолютно убеждены, что многие граждане в нашем государстве на личном опыте столкнулись с проблемой перевозки багажа и ручной клади авиационным транспортом. С одной стороны, существуют авиационные правила, утвержденные Минтрансом России², а с другой — часть 2 ст. 102 федерального кодифицированного акта в области воздушного транспорта открывает широкие возможности для авиакомпаний, которые «вправе устанавливать свои правила воздушных перевозок»³. Обнаружить (притом желательно заблаговременно до начала полета!) детализированные требования компании к параметрам и весовым характеристикам ручной клади авиапассажира — задача «со звездочкой».

Краеугольным камнем решения проблемы упорядочения транспортного законодательства является определение оптимальной модели. Аксиоматичным положением теории систематизации законодательства является утверждение кодификации в качестве наиболее совершенной формы. Такую характеристику ей отводят в силу максимально глубокой унификации нормативных положений, широкого методологического правового обобщения. На особое значение кодификации в вопросах гармонизации законодательства, снижения его противоречивости неодно-

кратно указывал и Конституционный Суд Российской Федерации⁴.

Как представляется, систематизированный свод правовых норм, имеющий в своей основе монолитную, единую структуру, регулирующий во взаимосвязи и содержательной гармонии транспортные отношения в целом и отдельные их институты, правовые статусы участников, с учетом как общих качеств и характеристик, так и специфических особенностей, по всей видимости, будет способен сбалансировать публичные и частные интересы, обеспечить согласованность нормативных правовых установлений и складывающейся на их основе правоприменительной практики. Однако мы поостережемся от громких высказываний относительно необходимости принятия единого Транспортного кодекса (такие доводы, как известно, если не превалируют, то весьма популярны в среде ученых, занимающихся данной проблематикой) [2, 3], выдвинув, во-первых, более прагматичный и реалистичный тезис о потребности как минимум научно обоснованной и планомерной унификации динамично развивающегося транспортного законодательства, а во-вторых, предложив широкую дискуссию относительно наиболее приемлемой организационно-правовой формы данной унификации.

Почему мы прямо, здесь и сейчас, не заявляем о потребности масштабной кодификации? Не от отсутствия научной смелости, а от понимания тех рисков, которые могут последовать за данным процессом, а также технико-юридической сложности реализации такой модели. Транспортная отрасль произвела существенный скачок в своем развитии, на несколько шагов опережая имеющиеся подходы к правовой регламентации. В свою очередь, подход с использованием маятниковых, нередко хаотичных изменений законодательства в сфере транспорта показывает явный дефицит обобщения правоприменительной практики, демонстрирует игнорирование мнения вовлеченных в те или иные отношения представителей бизнеса. Следовательно, прежде всего, необходима полноценная ревизия действующих нормативных правовых актов, которые различны по своей форме и юридической силе, сфере транспортных отношений.

Кроме того, фактором, сдерживающим нас в эмоциональном порыве к призыву немедленно

¹ См. в сравнении ст. 796 «Ответственность перевозчика за утрату, недостачу и повреждение (порчу) груза или багажа» Гражданского кодекса Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (в ред. от 13.12.2024) и статью 118 Устава железнодорожного транспорта Российской Федерации, утвержденного федеральным законом Российской Федерации от 10.01.2003 № 18-ФЗ (в ред. от 19.10.2023).

² См.: Об утверждении Федеральных авиационных правил «Общие правила воздушных перевозок пассажиров, багажа, грузов и требования к обслуживанию пассажиров, грузоотправителей, грузополучателей» [Электронный ресурс]: приказ Минтранса России от 28.06.2007 № 82 (в ред. от 25.12.2024). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ См.: Воздушный кодекс Российской Федерации от 19.03.1997 № 60-ФЗ (в ред. от 08.08.2024), ч. 2 ст. 102 // Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 12, ст. 1383; 2024. № 33 (ч. I), ст. 4985.

⁴ См.: По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 7, 15, 107, 234 и 450 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 29.06.2004 № 13-П // Российская газета. 2004. 7 июля.

приступить к подготовке и принятию единого транспортного кодекса, выступают следующие обстоятельства.

Довод первый. Современное транспортное законодательство регулируется, по самым скромным подсчетам, пятью кодифицированными нормативными правовыми актами: Воздушным кодексом Российской Федерации¹, Кодексом внутреннего водного транспорта Российской Федерации², Кодексом торгового мореплавания Российской Федерации³, Уставом железнодорожного транспорта Российской Федерации⁴ (как известно, устав представляет собой разновидность специальной кодификации, в т. ч. активно применяемой в транспортном праве [4; 5, с. 134; 6, с. 21]), Уставом автомобильного транспорта и городского наземного электрического транспорта⁵. Эта цифра очевидно нами еще и занижена, поскольку отдельными учеными и практиками поддерживается тезис о том, что, например, Правила дорожного движения также представляют собой кодифицированный акт законодательства [7]. Не следует забывать, что, например, отношения перевозки посвящена отдельная глава Гражданского кодекса Российской Федерации, являющаяся приоритетной для регулирования частно-правового сегмента транспортных перевозок. На наш взгляд, очевидна содержательная и технико-юридическая сложность, не исключена и невозможность учета специфики и особенностей отдельных типов транспорта на основе стандартизированного подхода и единого модельного нормативного правового акта.

¹ См.: Воздушный кодекс Российской Федерации от 19.03.1997 № 60-ФЗ (в ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 12, ст. 1383; 2024. № 33 (ч. I), ст. 4985.

² См.: Кодекс внутреннего водного транспорта Российской Федерации от 07.03.2001 № 24-ФЗ (в ред. от 08.08.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 11, ст. 1001; 2024. № 10, ст. 1303.

³ См.: Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации от 30.04.1999 № 81-ФЗ (в ред. от 22.06.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1999. № 18, ст. 2207; 2024. № 10, ст. 1303.

⁴ См.: Устав железнодорожного транспорта Российской Федерации: федеральный закон Российской Федерации от 10.01.2003 № 18-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 2, ст. 170; 2023. № 32 (ч. I), ст. 6150.

⁵ См.: Устав автомобильного транспорта и городского наземного электрического транспорта: федеральный закон Российской Федерации от 08.11.2007 № 259-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 46, ст. 5555.

Довод второй. Всеобщая кодификация транспортной отрасли, максимально широкая и глубокая по своему охвату и содержанию, неминуемо приведет к укрупнению правового регулирования, что, возможно, снизит его эффективность за счет нивелирования основ специализации в целом и дифференциации в частности. В едином транспортном кодексе крайне сложно будет предусмотреть специализацию, учитывающую особенности правового регулирования в сферах автомобильного, городского электрического транспорта, а также железнодорожного, воздушного, водного. Кроме этого, в каждой из названных областей уже присутствуют разработки беспилотных, интеллектуальных транспортных средств, также имеющих свою специфику.

Убеждены: в свете сказанного, для того чтобы количество нормативных правовых актов переросло также в качество, необходима планомерная, научно обоснованная унификация, которая создаст базис, фундамент для осуществления систематизации в конкретной форме. Для этого требуется проведение фундаментального научного исследования, по своим масштабам, возможно, объединяющего деятельность нескольких научных коллективов и организаций.

Общая концептуальная задача выглядит очевидной в силу того, что действующее транспортное законодательство, регулируя стратегические вопросы экономического развития, охватывая многообразие смежных отношений (в области цифровизации, информатизации, строительства, экологии, поддержания правопорядка и пр.), внутренне разбалансировано. Однако прежде чем приступить к кардинальному варианту решения проблемы, необходимо детально проработать возможность систематизации в целом (относительно какой-либо формы) и определить конкретную модель. Она может предполагать как издание единого свода нормативных положений с отменой действующих кодифицированных актов или без этого, путем консолидации отдельных нормативных правовых актов, регулирующих близкие сферы транспорта и последующей инкорпорации, предполагающей обязательную унификацию принципов и методов правового регулирования, снижение вариативности терминологического ряда, детальную проработку статусных характеристик транспортных средств и положений участников этих отношений.

Выработанная по результатам широкого обсуждения модель должна адекватно отражать потребность регулирования транспортной отрасли и быть адаптированной к реалиям существующей правовой системы России и перспективам развития транспортной сферы.

Список источников

1. Алексеев С. С. Избранное. М.: Статут, 2003. 478 с.
2. Бажина М. А. Транспортный кодекс Российской Федерации — «научный экстремизм» или закономерное требование развития правового регулирования? // Бизнес, менеджмент и право. 2021. № 1 (49). С. 42–44.
3. Белых В. С. Концепция единого Транспортного кодекса России // Бизнес, менеджмент и право. 2008. № 1 (16). С. 26–31.
4. Рузанова В. Д. Транспортные уставы и кодексы как итог систематизации: теоретические аспекты // Транспортное право. 2013. № 3. С. 9–12.
5. Духно Н. А., Корякин В. М. Теория транспортного права: монография. М.: Юрлитинформ, 2016. 288 с.
6. Теория систематизации законодательства. В 2 т. / авт. предисл.: Д. А. Пашенцев, М. В. Залойло. Т. 1: Теоретические вопросы систематизации советского законодательства (репринтное издание) / под ред. С. Н. Братуся, И. С. Самощенко. М.: ИЗиСП; ИД «Юриспруденция», 2023. 576 с.
7. Щелокаева Т. А. Сколько кодексов нужно России? // Известия вузов. Правоведение. 2009. № 4. С. 102–108.

References

1. Alekseev S. S. Izbrannoe. M.: Statut. 2003. 478 s.
2. Bazhina M. A. Transportnyj kodeks Rossijskoj Federacii — «nauchnyj jekstremizm» ili zakonomernoe trebovanie razvitija pravovogo regulirovanija? // Biznes, menedzhment i pravo. 2021. № 1 (49). S. 42–44.
3. Belyh V. S. Konceptija edinogo Transportnogo kodeksa Rossii // Biznes, menedzhment i pravo. 2008. № 1 (16). S. 26–31.
4. Ruzanova V. D. Transportnye ustavy i kodeksy kak itog sistematizacii: teoreticheskie aspekty // Transportnoe pravo. 2013. № 3. S. 9–12.
5. Duhno N. A., Korjakin V. M. Teorija transportnogo prava: monografija. M.: Jurlitinform, 2016. 288 s.
6. Teorija sistematizacii zakonodatel'stva: v 2 t. / avtory predislovija D. A. Pashencev, M. V. Zaloilo. T. 1: Teoreticheskie voprosy sistematizacii sovetskogo zakonodatel'stva (reprintnoe izdanie) / pod red. S. N. Bratusja, I. S. Samoshhenko. M.: IZiSP; ID «Jurisprudencija», 2023. 576 s.
7. Shhelokaeva T. A. Skol'ko kodeksov nuzhno Rossii? // Izvestija vuzov. Pravovedenie. 2009. № 4. S. 102–108.

Информация об авторе

А. Г. Репьев — доктор юридических наук, доцент.

Information about the author

A. G. Repyev — Doctor of Science (Law), Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 17.03.2025; одобрена после рецензирования 12.04.2025; принята к публикации 12.05.2025.

The article was submitted 17.03.2025; approved after reviewing 12.04.2025; accepted for publication 12.05.2025.

Научная статья

УДК 342.34

ДВА СПОСОБА ЭПИСТЕМИЧЕСКОГО ОБОСНОВАНИЯ ДЕМОКРАТИИ

Николай Александрович Шавеко

Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук, Екатеринбург, Россия, shavekonikolai@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-5481-7425>

Аннотация. Статья анализирует эпистемические способы обоснования демократии и предлагает их классификацию на два вида. Утверждается, что существующие эпистемические теории демократии опираются, как правило, на два эффекта, которые можно обозначить как «чудо агрегации» в широком смысле. Первый демонстрируется теоремой Кондорсе о присяжных, в связи с чем автором статьи анализируются взгляды таких исследователей, как Р. Гудин и К. Спикерманн; второй — формулой «разнообразие превyšше способностей», в связи с чем автором статьи анализируются взгляды таких исследователей, как Х. Ландемор, Л. Хонг и С. Пейдж. Автор статьи анализирует предпосылки, при которых каждый из указанных эффектов будет работать, и тем самым определяют значимые обстоятельства, подлежащие доказыванию в дебатах о демократии.

Ключевые слова: демократия, эпистемическая теория демократии, Кондорсе, теорема присяжных, чудо агрегации, мудрость толпы

Для цитирования: Шавеко Н. А. Два способа эпистемического обоснования демократии // Алтайский юридический вестник. 2025. № 2 (50). С. 35–41.

THEORETICAL AND HISTORICAL LAW SCIENCES

Original article

TWO WAYS OF EPISTEMIC JUSTIFICATION OF DEMOCRACY

Nikolai A. Shaveko

Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia, shavekonikolai@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-5481-7425>

Abstract. The article analyzes the epistemic justifications of democracy, and suggests their classification into two types. It is stated, that the existing epistemic theories of democracy are based, as a rule, on two effects, which can be described as a "miracle of aggregation" in a broad sense. The first is demonstrated by the Condorcet jury theorem, in connection with which the author analyzes the views of researchers such as R. Goodin and K. Spiekermann; the second is the formula "diversity trumps ability", in connection with which the author analyzes the views of researchers such as H. Landemore, L. Hong and S. Page. The author of the article analyzes the prerequisites under which each of these effects works, and thereby identifies morally significant factors to be proven in the debate on democracy.

Keywords: democracy, epistemic theory of democracy, Condorcet, jury theorem, miracle of aggregation, wisdom of the crowd

For citation: Shaveko N. A. Two ways of epistemic justification of democracy. Altajskij juridicheskij vestnik = Altai law journal. 2025;2:35–41 (In Russ.).

© Шавеко Н. А., 2025

Демократию принято считать наилучшей формой правления в том смысле, что она является «меньшим из зол» (по известному афоризму У. Черчилля). Демократию описывают как «центральное понятие современности» [1, с. 62], как «самое реальное (по этой причине и самое легитимное), с чем мы имеем дело в современной политике» [2, с. 110]. В академической литературе предпринимается немало попыток обосновать преимущества демократии как формы правления. Как представляется, все эти обоснования можно разделить на два вида: процедурные, исходящие из самооценки самой демократической процедуры, и инструментальные, рассматривающие демократическую процедуру как средство (инструмент) для достижения какого-то внеположного самой демократии идеала.

Настоящая статья имеет цель рассмотреть один из видов инструментального обоснования демократии, а именно эпистемическое обоснование. Это такой вид обоснования демократии, в рамках которого различные авторы пытаются доказать, что демократия лучше, чем иные формы правления, способствует принятию в том или ином смысле правильного решения. Как легко заметить, в такого рода обоснованиях презюмируется, что правильное решение, в принципе, существует, и притом познаваемо. Эпистемические обоснования демократии стали особенно популярны в западной науке в начале XX в., так что некоторые авторы даже говорят об «эпистемическом повороте» в теории демократии [3]. Мы полагаем, что все эпистемические обоснования демократии по существу сводятся к доказательству «мудрости толпы» (понятие, популяризированное Дж. Суrowецким [4]). Иными словами, обосновывается тот факт, что в принятии политических решений должно быть задействовано как можно больше людей («толпа»). Но если оставить в стороне модель совещательной (делиберативной) демократии, показывающей эпистемические преимущества публичных дискуссий (а совещательные механизмы, в принципе, могут существовать и при недемократическом правлении!), «мудрость толпы» сводится к более узкому понятию «чуда агрегации». Иными словами, демократия будет обоснована как наилучшая форма правления, если будет доказано, что принятие решений путем агрегирования (суммирования) голосов как можно большего числа людей эпистемически наиболее привлекательно. И здесь следует выделить два типичных обоснования эпистемического преимущества демократии: 1) отсылка к теореме присяжных Кондорсе; 2) отсылка к эпистемическому эффекту разнообразия мнений, т. е. тезису «разнообразие

превосходит способности» (diversity trumps ability). Рассмотрим их по порядку.

Теорема присяжных Кондорсе

Итак, один из наиболее популярных способов обосновать эпистемическое превосходство демократии — это теорема о присяжных, сформулированная еще в конце XVIII в. маркизом де Кондорсе. Согласно указанной теореме, вероятность принятия правильного решения большинством голосов при выборе одного из двух вариантов возрастает практически до 100 % по мере увеличения числа голосующих, при условии, что вероятность принятия правильного решения каждым из голосующих отдельно составляет хотя бы немногим более 50 % [5]. Впоследствии были предложены более сильные версии данной теоремы, которые требуют лишь того, чтобы средний уровень индивидуальной компетентности избирателей был выше 50 % [6, 7]. В любом случае задача демократов здесь состоит в том, чтобы доказать высокую вероятность наличия такого уровня компетентности на практике (в типичных случаях). Как только этот факт доказан, математические модели показывают, что эпистемологически гораздо выгоднее расширять круг лиц, обладающих правом голоса, чем делегировать принятие решений самым компетентным специалистам. С этой целью сторонниками демократии указывается, например, что даже некомпетентные избиратели на практике используют различные «подсказки» и «ярлыки» (партийная принадлежность тех или иных лиц, поддерживаемая ими идеология, их манера поведения и внешний вид, результаты опросов общественного мнения по тем или иным вопросам и пр.), ориентируются на тех, кто, по их мнению, более компетентен (лидеры общественного мнения, авторитетные СМИ и т. п.), повышают свою компетентность через свободные СМИ, гражданское воспитание, дискуссии и опыт политического участия и т. п. [8, р. 8–11]. Кроме того, обращается внимание на то, что предрассудки могут взаимно уравновешивать друг друга, а потому средний уровень компетентности граждан все равно будет превышать результаты случайного голосования (те самые 50 %, если речь идет о ситуации с двумя альтернативами) [8, р. 88]. Но есть и оппоненты подобным взглядам, которые доказывают, что систематические ошибки, равно как и характер альтернатив, представленных на голосование, зачастую делают вероятность правильного ответа для среднестатистического человека гораздо меньшей, чем случайная [9, р. 228–230]. Приводится также аргумент, что поскольку парламенты различных стран принимают отличающиеся друг от друга решения по

вопросам легализации однополых браков, легких наркотиков, эвтаназии, а также по вопросам иммиграционной политики, распределения доходов и богатств, постольку можно предположить, что некоторые из этих решений правильные, а некоторые нет, и уже само по себе многообразие позиций показывает, что на практике мы редко достигаем истины [10, р. 8].

Проблема также в том, что теорема Кондорсе о присяжных касается лишь выбора из двух вариантов, один из которых верный, а другой нет. В реальной жизни практически никогда не бывает только два варианта решения проблемы. Вместе с тем некоторые ученые сегодня предпринимают попытку обосновать, что при выборе более чем из двух вариантов, как правило (пусть и не всегда), вполне достаточно, чтобы вероятность принятия каждым избирателем правильного решения была хотя бы немного выше вероятности принятия каждого из неправильных решений [11, р. 91–108]. Конечно, даже если эти выводы верны, повод для оптимизма при выборе более чем из двух вариантов есть только в случае, когда вероятность принятия правильного решения, которая изначально была менее 50 %, с увеличением количества голосующих возрастает до значения, которое ощутимо больше 50 % (т. е. больше суммы вероятностей принятия неправильных решений). Защитники теоремы Кондорсе показывают, что такой результат очень вероятен, если число голосующих будет хотя бы несколько тысяч [8, р. 31]. Но их оппоненты не столь оптимистично смотрят на указанные результаты, по-прежнему оспаривая то, что теорема Кондорсе применима к демократической теории [9, р. 226–228]. Так или иначе, в остальных ситуациях (когда при выборе большим количеством избирателей из трех и более вариантов все еще менее 50 %) стремление к наиболее полному познанию справедливости, как мы полагаем, может стать обоснованием жестких цензов, распространяющихся и на избирателей, и на избираемых должностных лиц, вплоть до оправдания того, что Р. Даль в свое время называл «попечительским правлением» [12, с. 79–98]. Тем более что иногда возможна ситуация, когда несколько решений являются одинаково верными, но распыление голосов избирателей среди них приводит к тому, что относительное большинство голосов получает как раз неверная альтернатива.

Еще одна проблема заключается в том, что теорема Кондорсе о присяжных не учитывает взаимную корреляцию поведения граждан (например, наличие общих заблуждений и предубеждений), а также применима лишь к ситуациям, когда граждане голосуют искренне (не при-

бегают к стратегическому и (или) своекорыстному голосованию). Сегодня предпринимаются попытки доказать, что даже если граждане не являются независимыми, а голосуют, ориентируясь на других авторов, теорема Кондорсе все еще остается верной, если внешние влияния имеют взаимопогашающий характер (отрицательная корреляция) или являются попросту недостаточно сильными; при этом феномены своекорыстного и (или) стратегического голосования, как показывают исследования, преодолевается введением делиберативных практик [8, р. 170–172]. Тем не менее нет недостатка и в критических позициях. В любом случае сказанное вновь демонстрирует, что любые оправдания демократии с эпистемологических позиций будут носить скорее ситуативный, чем фундаментальный характер.

Так или иначе, сказанное, по крайней мере, очерчивает факторы (связанные с компетентностью, независимостью и добросовестным стремлением граждан к познанию справедливости), которые являются морально значимыми при оценке тех или иных форм правления с эпистемических позиций. Теорема присяжных Кондорсе показывает, что чем больше людей имеют право голоса, тем лучше. Однако ее убедительность зависит от того, насколько близка реальная практика математической модели, используемой Кондорсе.

В целом следует сказать, что теорема о присяжных Кондорсе подверглась ожесточенной критике со стороны ученых. Однако в последнее время наблюдаются попытки актуализировать ее значение. Так, к ней активно прибегают Р. Гудин и К. Спикерман в своей работе «Эпистемическая теория демократии» [8]. Данные авторы в указанной работе преследуют две цели: с одной стороны, доказать эпистемические преимущества демократии перед недемократическими формами правления, с другой стороны, предложить конкретные рекомендации, связанные с повышением эпистемической эффективности демократии. Первую цель они достигают как раз через защиту теоремы присяжных Кондорсе от неверных интерпретаций и поспешной критики. Вторая же из названных целей Р. Гудина и К. Спикермана реализуется через разработку ими ряда общих рекомендаций. Так, ученые полагают, что эпистемические преимущества демократии могут быть усилены, во-первых, через просвещение индивидов (посредством гражданского воспитания, политического участия и делиберативных практик, а также через реформу СМИ и т. п. меры), во-вторых, через изменение самой системы принятия решений. Применительно к последнему ас-

пекту они указывают на такие методы, как: 1) повышение разнообразия в группе, принимающей решение; 2) разделение труда в области познания правильных решений; 3) поощрение дискуссий и обдумывания. Польза этих рекомендаций рассматриваемыми авторами демонстрируется на абстрактных моделях, более или менее напоминающих реальные политические практики.

Разнообразие превышает способности

Теорема присяжных Кондорсе может рассматриваться лишь как один из примеров «чуда агрегации», поскольку показывает, как агрегация эпистемически не самых приемлемых мнений может давать эпистемически лучшие результаты. Гораздо чаще в литературе выражение «чудо агрегации» упоминается в более узком значении. Ключевым здесь является разнообразие, что выражается в литературе в формуле *diversity trumps ability* (DTA, разнообразие превышает способности), которая призвана показать, что даже если каждый отдельный индивид не обладает адекватными способностями к управлению (познанию правильных решений), совместная деятельность таких индивидов способна дать впечатляющие результаты. Наиболее часто упоминаемый пример из реальной жизни имел место в 1906 г., когда на сельской ярмарке «толпа» пыталась угадать вес разделанного быка, и медианное значение всех данных ответов оказалось весьма близким к истине (поскольку неправильные ответы взаимно уравнивали друг друга) [4, p. 10].

И все же формула *diversity trumps ability* никем не была доказана математически, как это имело место с теоремой присяжных Кондорсе. Имеющиеся доказательства касаются только одной абстрактной модели, причем включающей возможность обмена информацией, а не просто агрегирования мнений [13]. И даже в этом случае мы не можем быть абсолютно точно уверены в том, что разнообразие всегда важнее способностей, поскольку указанная модель касалась лишь случаев, когда лучший вариант решения проблемы, предложенный одним из членов группы, признается в качестве такового всеми остальными (т. е. если его превосходство очевидно для всех членов группы) [14]. В итоге доказанным, как представляется, можно считать лишь тот факт, что средняя компетентность группы превышает компетентность случайного его представителя, причем тем больше, чем разнообразнее эта группа [15, p. 197].

Возвращаясь к влиянию разнообразия на результаты агрегации (а не обсуждения), следует отметить основные линии критики формулы

DTA. Так, критики отмечают, что для того чтобы «чудо агрегации» сработало, «толпу» еще нужно сделать мудрой (устранить систематические ошибки и оставить место только для случайных ошибок или, по крайней мере, сделать систематические ошибки взаимоисключающими), к тому же необходимо верно определить тип задач, для которых возможен эффект «мудрой толпы» (не всегда вопросы по своей сути таковы, что возможные неправильные ответы взаимно компенсируют друг друга), при этом даже «мудрая» толпа должна давать ответы на правильно поставленные вопросы, а полученные ответы должны быть еще и правильным образом агрегированы. Если экстраполировать «чудо агрегации» на ситуацию принятия решений большинством голосов, то одним из условий, при котором это чудо случится, является наличие значительного меньшинства, знающего правильный ответ (в этом случае неправильные ответы, хотя их и большинство, нейтрализуют друг друга, а результат голосования определяет как раз меньшинство), но если отсутствует значительное меньшинство, стабильно голосующее правильно, то чуда не случится [16, p. 159–160].

Таким образом, «чудо агрегации» в узком смысле (DTA) состоит в том, что компетентность подавляющего большинства может быть крайне низкой, но разнообразие (которое может быть достигнуто увеличением «толпы», отрицательной корреляцией мнений внутри нее, а также просвещением, изживающим общие предрассудки) в определенных типах вопросов (!) порождает «чудо агрегации»; однако если речь идет о принятии решений по правилу большинства, тогда все еще требуется меньшинство, компетентность которого выше случайного.

Из сказанного следует, что «чудо агрегации» в узком смысле отличается от «теоремы присяжных»: в первом случае нет никаких требований к компетентности большинства избирателей, во втором — есть; в первом случае предполагается отрицательная корреляция мнений избирателей, во втором — их независимость, т. е. отсутствие корреляции.

Обоснование демократии посредством формулы DTA активно используется, например, в работе Х. Ландемор «Демократический разум» [16]. По мнению данной исследовательницы, для большинства политических проблем в среднесрочной и долгосрочной перспективе принятие решений путем обсуждения с последующим голосованием будет эпистемически более приемлемым, чем правление экспертов или одного мудрого диктатора (даже если таковые будут действовать добросовестно). Преимуще-

ства демократии, согласно главному аргументу Х. Ландемора, вытекают из связи между инклюзивностью и когнитивным разнообразием (чем более широка группа, тем, вероятно, более разнообразны представленные в ней мнения). Х. Ландемор основывается на исследованиях Л. Хонга и С. Пейджа, согласно которым [13, р. 16388; 14, р. 163] когнитивное разнообразие группы (а именно разнообразие точек зрения, интерпретаций, эвристик и прогностических моделей) имеет большее значение, чем компетенция отдельных членов этой группы (при условии, что каждый член группы относительно умен и добросовестен). Соответственно, расширение группы лиц, участвующих в принятии решения, влечет увеличение разнообразия, а, следовательно, и эпистемические преимущества. Таким образом, в основе аргументации Х. Ландемора лежит формула ДТА. Причем, по логике Х. Ландемора, поскольку решение политических проблем требует знаний из различных областей, положительное значение будет иметь любое приращение разнообразием. Понятно, что если бы характер проблемы был заранее известен, то далеко не всегда разнообразие было бы ценнее способностей [15].

Все это, однако, очень похоже на схоластические рассуждения, поскольку Х. Ландемор порой забывает про все другие эпистемически значимые факторы, помимо когнитивного разнообразия, а также про факторы, значимые не по эпистемологическим причинам. Например, преимущества когнитивного разнообразия могли бы означать, что по каждому(!) политическому вопросу решение должно приниматься всеми(!) членами политического сообщества (невзирая на затраты времени и других ресурсов, связанные с таким политическим участием) просто потому, что чем больше участников, тем лучше. Понятно, что такая точка зрения абсурдна (и Х. Ландемор ее не придерживается), но это сведение к абсурду как раз и показывает, что, помимо когнитивного разнообразия, важны и другие эпистемически значимые факторы. Кроме того, инструментально значимые факторы связаны не только с познанием того, что является правильным и как его достичь, сколько с волей и желанием совершать реальные действия по его достижению, и эти факторы также не следует забывать.

Так или иначе, Х. Ландемор вводит два понятия: коллективный интеллект (не сводящийся к интеллекту отдельных членов коллектива) и распределенный интеллект (не сводящийся к мыслительной деятельности, а выраженный также во внешних «когнитивных артефактах», помогающих этой мыслительной деятельности через хранение, отображение и обработку ин-

формации). Демократический разум, по сути, представляет собой распределенный коллективный интеллект, и именно эти свойства определяют его преимущества; демократия позволяет координировать интеллектуальную работу (пространственный аспект) и учиться на своих ошибках (временной аспект). Коллективный интеллект, по мнению Х. Ландемора, образуется посредством двух механизмов: обсуждения и агрегирования. В целом логика данного автора состоит в том, что демократия обеспечивает когнитивное разнообразие, и с учетом того, что граждане, как правило, относительно умны и добросовестны и могут быть защищены от предрассудков, это когнитивное разнообразие существенным образом улучшает процедуры обсуждения и агрегирования.

Итак, вместе отсылки к эффекту разнообразия и «теорема присяжных» представляют два популярных способа эпистемического оправдания демократического правления, т. е. максимального расширения избирательного корпуса. Однако оба способа имеют дело с абстрактными моделями, которые не всегда могут быть воплощены в реальности. Соответственно, оценивая убедительность вышеуказанных аргументов, всегда приходится оценивать вероятность, с которой те предпосылки, из которых исходят апологеты демократии, будут иметь место на практике. В конце концов, не факт, что привлечение к принятию решений всего гражданского корпуса будет целесообразным, т. к. во многих случаях достаточно привлечь «толпу» экспертов (как это происходит в так называемом методе Delphi). Следовательно, эффект «мудрости толпы» вполне может быть использован и для обоснования правления группы экспертов (в частности, если удастся показать, что оптимальное соотношение разнообразия мнений, количества людей и показателей их компетентности достигается именно через такую группу). Некоторые ученые пытаются также доказать, что эффект «мудрой толпы» может быть создан даже в сознании отдельного человека, и никакой реальной толпы не понадобится [17] (хотя результаты этих исследований не столь убедительны, они встречают активную критику [18]). В целом же основная причина, по которой следует вовлекать граждан в политику, повышать уровень их ответственности и компетентности, видится не столько в том, чтобы добиться более эффективных решений (технология принятия решений «снизу вверх», как утверждается, предпочтительнее для сложных и динамичных систем [19, р. 209–211]), сколько в том, чтобы они хотя бы получили шанс остаться хозяевами собственных жизней. Иными словами, более убедительными представляются скорее процедурные, чем эпистемологические аргументы в пользу демократии.

Список источников

1. Фишман Л. Г. Создают ли демократию элиты? // Антиномии. 2015. № 2. С. 61–70.
2. Мартыанов В. С. Пиррова победа демократии // Космополис. 2007. № 1 (17). С. 110–120.
3. Landmore H. Beyond the fact of disagreement? The epistemic turn in deliberative democracy. *Social Epistemology*. 2017. № 31 (3). P. 277–295.
4. Surowiecki J. *The Wisdom of Crowds*. New York: Knopf Doubleday Publishing Group, 2005. 335 p.
5. Condorcet. *Selected Writings*. Indianapolis: Bobbs-Merrill, 1976. 304 p.
6. Grofman B., Owen G., Feld S. L. Thirteen theorems in search of the truth. *Theory & Decision*. 1983. № 15 (3). P. 261–278.
7. Berend D., Paroush J. When is Condorcet's Jury Theorem valid? *Social Choice and Welfare*, 1998. № 15 (4). P. 481–488.
8. Goodin R. E., Spiekermann K. *An Epistemic Theory of Democracy*. Oxford: Oxford university press, 2018. 442 p.
9. Estlund D. *Democratic Authority: A philosophical framework*. Princeton: Princeton university press, 2008. 309 p.
10. Schamberger C. The metaethical dilemma of epistemic democracy. *Economics & Philosophy*, 2023. № 39 (1). P. 1–19.
11. Goodin R. E. *Reflective Democracy*. New York: Oxford university press, 2003. 279 p.
12. Даль Р. Демократия и ее критики. М.: РОССПЭН, 2003. 574 с.
13. Hong L., Page S. Groups of Diverse Problem Solvers Can Outperform Groups of High-Ability Problem Solvers. *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States*, 2004. Vol. 101. № 46. P. 16385–16389.
14. Page S. E. *The Difference: How the Power of Diversity Creates Better Groups, Firms, Schools, and Societies*. Princeton, New York: Princeton University Press, 2007. 424 p.
15. Benson J. The epistemic value of deliberative democracy: how far can diversity take us? *Synthese*, 2021. № 199. P. 8257–8289.
16. Landmore H. *Democratic Reason: Politics, Collective Intelligence, and the Rule of the Many*. Princeton and Oxford: Princeton University Press, 2013. 279 p.
17. Vul E., Pashler H. Measuring the Crowd Within: Probabilistic Representations Within Individuals. *Psychological Science*, 2008. № 19 (7). P. 645–647.
18. Rauhut H., Lorenz J. The wisdom of the crowds in one mind: How individuals can simulate the knowledge of diverse societies to reach better decisions. *Journal of Mathematical Psychology*, 2011. № 55 (2). P. 191–197.
19. Helbing D. *Next Civilization. Digital Democracy and Socio-Ecological Finance: How to Avoid Dystopia and Upgrade Society by Digital Means*. Switzerland: Springer Nature, 2021. 325 p.

References

1. Fishman L. G. Sozdajut li demokratiju jelity? // Antinomii. 2015. № 2. S. 61–70.
2. Mart'janov V. S. Pirova pobeda demokratii // Kosmopolis. 2007. № 1 (17). S. 110–120.
3. Landmore H. Beyond the fact of disagreement? The epistemic turn in deliberative democracy. *Social Epistemology*. 2017. № 31 (3). P. 277–295.
4. Surowiecki J. *The Wisdom of Crowds*. New York: Knopf Doubleday Publishing Group, 2005. 335 p.
5. Condorcet. *Selected Writings*. Indianapolis: Bobbs-Merrill, 1976. 304 p.
6. Grofman B., Owen G., Feld S. L. Thirteen theorems in search of the truth. *Theory & Decision*. 1983. № 15 (3). P. 261–278.
7. Berend D., Paroush J. When is Condorcet's Jury Theorem valid? *Social Choice and Welfare*, 1998. № 15 (4). P. 481–488.
8. Goodin R. E., Spiekermann K. *An Epistemic Theory of Democracy*. Oxford: Oxford university press, 2018. 442 p.
9. Estlund D. *Democratic Authority: A philosophical framework*. Princeton: Princeton university press, 2008. 309 p.
10. Schamberger C. The metaethical dilemma of epistemic democracy. *Economics & Philosophy*, 2023. № 39 (1). P. 1–19.
11. Goodin R. E. *Reflective Democracy*. New York: Oxford university press, 2003. 279 p.
12. Dal' R. *Demokratija i ee kritiki*. M.: ROSSPJeN, 2003. 574 s.

13. Hong L., Page S. Groups of Diverse Problem Solvers Can Outperform Groups of High-Ability Problem Solvers. *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States*, 2004. Vol. 101. № 46. P. 16385–16389.
14. Page S. E. *The Difference: How the Power of Diversity Creates Better Groups, Firms, Schools, and Societies*. Princeton, New York: Princeton University Press, 2007. 424 p.
15. Benson J. The epistemic value of deliberative democracy: how far can diversity take us? *Synthese*, 2021. № 199. P. 8257–8289.
16. Landemore H. *Democratic Reason: Politics, Collective Intelligence, and the Rule of the Many*. Princeton and Oxford: Princeton University Press, 2013. 279 p.
17. Vul E., Pashler H. Measuring the Crowd Within: Probabilistic Representations Within Individuals. *Psychological Science*, 2008. № 19 (7). P. 645–647.
18. Rauhut H., Lorenz J. The wisdom of the crowds in one mind: How individuals can simulate the knowledge of diverse societies to reach better decisions. *Journal of Mathematical Psychology*, 2011. № 55 (2). P. 191–197.
19. Helbing D. *Next Civilization. Digital Democracy and Socio-Ecological Finance: How to Avoid Dystopia and Upgrade Society by Digital Means*. Switzerland: Springer Nature, 2021. 325 p.

Информация об авторе

Н. А. Шавеко — кандидат юридических наук.

Information about the author

N. A. Shaveko — Candidate of Science (Law).

Статья поступила в редакцию 09.01.2025; одобрена после рецензирования 12.02.2025; принята к публикации 12.05.2025.

The article was submitted 09.01.2025; approved after reviewing 12.02.2025; accepted for publication 12.05.2025.

Публично-правовые (государственно-правовые) науки

Алтайский юридический вестник. 2025. № 2 (50). С. 42–50.

Altai Law Journal. 2025. № 2 (50). P. 42–50.

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Научная статья

УДК 342.5

ПОНЯТИЕ И ПРИЗНАКИ ТИПИЧНОГО НОРМАТИВНОГО ПРАВОВОГО АКТА ФЕДЕРАЛЬНОГО ОРГАНА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

Анастасия Александровна Асанова

Уральский юридический институт МВД России, Екатеринбург, Россия, nasyaasanova2015@mail.ru

Аннотация: В статье дано определение категории «типичный нормативный правовой акт федерального органа государственной власти». Представлены и рассмотрены наиболее дискуссионные признаки данного нормативного правового акта. Определены значение и важность преамбулы нормативного правового акта федерального органа исполнительной власти. Рассмотрены доктринальные позиции по этому вопросу. Исследованы научные точки зрения и практика применения федеральными органами государственной власти различных форм (видов) нормативных правовых актов при реализации своей деятельности. Особое внимание уделено таким признакам, как: наличие в нормативном правовом акте правовых норм (правил поведения); принятие (издание) акта в определенной форме (виде); юридическая сила нормативного правового акта федерального органа государственной власти.

Ключевые слова: нормативный правовой акт, правовой акт, типичный нормативный правовой акт, преамбула, иерархия нормативных правовых актов, формы (виды) нормативных правовых актов, федеральный орган государственной власти

Для цитирования: Асанова А. А. Понятие и признаки типичного нормативного правового акта федерального органа государственной власти // Алтайский юридический вестник. 2025. № 2 (50). С. 42–50.

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

Original article

CONCEPT AND CHARACTERISTICS OF A TYPICAL NORMATIVE LEGAL ACT OF A FEDERAL STATE AUTHORITY BODY

Anastasia A. Asanova

Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Yekaterinburg, Russia,
nasyaasanova2015@mail.ru

Abstract: This article provides a definition of the category «typical normative legal act of a federal government body». The most controversial features of this normative legal act are presented and considered. The meaning and importance of the preamble of a normative legal act of a federal executive body are determined. Doctrinal positions on this issue are considered. Scientific points of view and practice of application of various forms (types) of normative legal acts by federal government bodies in the implementation of their activities are studied. Particular attention is paid to such features as: presence of legal norms (rules of conduct) in a normative legal act; adoption (publication) of an act in a certain form (type); legal force of a normative legal act of a federal government body.

Keywords: normative legal act, legal act, typical normative legal act, preamble, hierarchy of normative legal acts, forms (types) of normative legal acts, federal state authority

For citation: Asanova A. A. Concept and characteristics of a typical normative legal act of a federal state authority body. *Altajskij juridicheskij vestnik* = *Altai Law Journal*. 2025;2:42–50 (In Russ.).

© Асанова А. А., 2025

Исследованием категории «нормативный правовой акт» занималось значительное количество ученых [1, 2, 3]. Признак типичности в правовых актах анализировался лишь ограниченным кругом исследователей [4, 5, 6].

Для начала хотелось бы отметить, что правовой акт, как отмечает С. С. Алексеев, — многозначное понятие, но в рамках настоящего исследования правовой акт будет рассматриваться только как юридический документ [1, с. 192].

В данной статье предпринята попытка определить дефиницию и признаки именно типичного нормативного правового акта федерального органа государственной власти. В связи с этим для начала важно установить значение категории «типичный».

Типичный, согласно толковому словарю С. И. Ожегова, означает: «1) обладающий особенностями, свойственными какому-нибудь типу (в 1 знач.), характерный; 2) самый настоящий, со всеми признаками чего-нибудь» [7]. Другие источники содержат еще ряд подобных признаков: «1) воплощающий в себе характерные особенности какого-либо типа предметов, лиц, явлений; 2) часто встречающийся, характерный, обычный, естественный для кого-, чего-либо; 3) сочетающий индивидуальные, своеобразные черты с признаками и свойствами, характерными для ряда лиц, явлений» [8].

Исходя из вышеизложенного можно сделать вывод, что типичный нормативный правовой акт — это правовой акт, который должен обладать *характерными, естественными, свойственными* ему признаками, чертами, свойствами.

В постановлении Государственной Думы Российской Федерации от 11 ноября 1996 г. № 781-П ГД указывается, что «в действующем законодательстве пока отсутствует определение понятия «нормативный правовой акт»¹. Вместе с тем в юридической доктрине принято исходить из того, что нормативный правовой акт — «это письменный официальный документ, принятый (изданный) в определенной форме правотворческим органом в пределах его компетенции и направленный на установление, изменение или отмену правовых норм. В свою очередь, под правовой нормой принято понимать общеобязательное государственное предписание постоянного

или временного характера, рассчитанное на многократное применение»².

Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2018 г. № 50 закрепляет, что признаками, характеризующими нормативный правовой акт, являются: «издание его в установленном порядке уполномоченным органом государственной власти, органом местного самоуправления, иным органом, уполномоченной организацией или должностным лицом, наличие в нем правовых норм (правил поведения), обязательных для неопределенного круга лиц, рассчитанных на неоднократное применение, направленных на урегулирование общественных отношений либо на изменение или прекращение существующих правоотношений»³. В том числе данное постановление закрепляет, что признание того или иного акта нормативным во всяком случае зависит от его содержания.

Исходя из анализа вышеизложенных признаков нам бы хотелось остановиться на таком признаке, как наличие в нормативном правовом акте правовых норм (правил поведения), в связи с тем что они вызывают наиболее значимую научную дискуссию.

С. С. Алексеев отмечает, что под юридической нормой понимается «исходящее от государства и охраняемого им общеобязательного (общего) правило поведения, которое предоставляет участникам общественного отношения, данного вида юридические права и налагает на них юридические обязанности» [1, с. 32]. По мнению ученого, юридическая норма рассматривается как «общее правило, т. е. масштаб, образец, эталон поведения людей, их коллективов; государственно-властное предписание» [1, с. 33].

В юридической науке нет единого подхода к характеристике данного признака. Большинство ученых определяют нормативный правовой акт исходя из его содержания, при этом категории «нормативный» дают разные трактовки.

О. В. Шопина отмечает, что «нормативными считают правовые акты, содержащие нормы права; правовые акты, которыми устанавливаются правовые нормы; акты, устанавливающие, изменяющие, отменяющие сферу действия норм» [9, с. 78].

² Там же.

³ О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25.12.2018 № 50. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹ Об обращении в Конституционный Суд Российской Федерации [Электронный ресурс]: постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 11.11.1996 № 781-П ГД. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

С. В. Бошно отмечает, что нельзя считать правовую норму правилом поведения [10, с. 95]. Нормативный правовой акт содержит нормы права, но в то же время он направлен на возникновение, изменение или отмену обязательных правовых предписаний [10, с. 95].

Д. Н. Бахрах считает, что нормативный правовой акт устанавливает правила поведения, но он считается нормативным, «если актом устанавливается новая норма, изменяется или прекращается прямо или косвенно» [11, с. 35].

В то же время, как отмечает М. Н. Марченко, нет конкретной формулы определения нормативности либо ненормативности правовых актов [3, с. 115]. Нельзя объективно измерить нормативность содержания правового акта.

Более подробно данный вопрос рассмотрела в своем диссертационном исследовании В. В. Ковалева, определившая, что нормативный правовой акт содержит нормативные правовые предписания, аргументировав эту позицию тем, что, помимо правил поведения, нормативное правовое предписание включает в себя также декларации, принципы, дефиниции и иное [12, с. 49]. При этом впервые термин «нормативное правовое предписание» ввел А. В. Мицкевич [13, с. 30].

С. С. Алексеев утверждает, что «общее правовое предписание представляется в двух видах: правило поведения, непосредственно регулирующее общественные отношения, и исходные, или специализированные, нормы (декларативные, дефинитивные, оперативные и т. д.)» [1, с. 71].

Исходя из вышеизложенного и проанализировав практику принятия федеральными органами государственной власти нормативных правовых актов, действительно, следует отметить, что типичными явлением выступает закрепление в нормативных правовых актах, помимо правил поведения, еще и иных видов нормативных предписаний. В связи с этим мы предлагаем установить данный признак типичного нормативного правового акта федерального органа государственной власти как наличие в нем нормативных правовых предписаний.

Интерес в данном контексте также вызывает наличие в практике федеральных органов исполнительной власти смешанных нормативных правовых актов.

Впервые термин «смешанный правовой акт» был введен Ц. А. Ямпольской в 1960 г. [14, с. 86]. Т. В. Киленок к атипичному (нетипичному) правовому акту относит смешанный правовой акт, под которым понимается акт, содержащий в себе несколько юридических предписаний (норма-

тивные и индивидуальные, нормативные и интерпретационные и т. д.) [5, с. 260].

Ю. Г. Арзамасов относит к таким актам в большей степени ведомственные приказы [15, с. 192]. Но, хотя ученый и выделяет смешанные правовые акты, он не относит их к нетипичным. Автор утверждает, что это негативная тенденция — утверждать, что понятия «смешанные» и «нетипичные» — синонимы [15, с. 192].

Если опираться на практику деятельности МВД России, то приоритет издания отдается приказам, и среди них имеется значительное количество смешанных нормативных правовых актов. Так, из ста проанализированных правовых актов МВД России шесть являются смешанными. Индивидуальные предписания фиксируются в части возложения контроля за выполнением издаваемого приказа конкретному лицу или лицам¹.

В том числе хотелось бы отметить, что приказ МВД России № 484 в п. 80 в целом закрепляет, что в последнем пункте проекта приказа МВД России, как правило, необходимо установить, на кого возлагается контроль за выполнением содержащихся в проекте нормативных предписаний².

Таким образом, складывается противоречие между юридической доктриной, разграничивающей нормативные и индивидуальные предписания, которые закрепляются в нормативных правовых актах и индивидуальных правовых актах, и практикой федеральных органов исполнительной власти, которые стали все чаще использовать смешанные правовые акты. По меткому замечанию Ю. Г. Арзамасова, это стало уже «типичным» явлением [15, с. 192]. Поэтому мы считаем, что в т. ч. типичным признаком для федеральных органов исполнительной власти является издание смешанных нормативных правовых актов.

Исходя из вышеизложенного, мы предлагаем признак «наличие в акте правовых норм (правил поведения)» изменить на признак «наличие в акте нормативных правовых предписаний».

Иные признаки, представленные в постановлении Пленума Верховного Суда Российской

¹ Банк данных «Правовое регулирование деятельности органов внутренних дел Российской Федерации» // Министерство внутренних дел Российской Федерации: офиц. сайт. URL: <https://mvd.consultant.ru> (дата обращения: 01.02.2025).

² Об утверждении Правил подготовки нормативных правовых актов в центральном аппарате МВД России [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 27.06.2003 № 484. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Федерации № 50, не вызывают острых дискуссий в научной сфере и практической деятельности федеральных органов государственной власти¹.

Помимо вышеуказанных признаков, закрепленных в постановлении, в юридической науке приводятся также следующие актуальные признаки нормативных правовых актов: волевой характер; принятие (издание) в определенной форме (виде); юридическая сила; издание в соответствии с правилами юридической техники.

Особое внимание нам хотелось бы уделить таким признакам, как принятие (издание) в определенной форме (виде) и юридическая сила.

1. *Принятие (издание) акта в определенной форме (виде).* Нормативные правовые акты федеральных органов государственной власти издаются в таких формах (видах), как: федеральные конституционные законы, федеральные законы, указы, постановления, приказы и т. д. В Российской Федерации не принят единый нормативный правовой акт, закрепляющий все возможные формы (виды) нормативных правовых актов, их дефиниции, иерархию.

Конституция Российской Федерации (далее — Конституция РФ) определяет общественные отношения, регулирование которых должно регламентироваться конкретной формой (видом) нормативного правового акта (например, ст. 39, 79, 129 Конституции РФ)². Также Основной Закон устанавливает формы (виды) нормативных правовых актов для определенных федеральных органов государственной власти (например, ст. 90, 102, 103, 115 Конституции РФ).

Порядок издания федеральными органами исполнительной власти (далее — ФОИВ) нормативных правовых актов (далее — НПА) устанавливается постановлением Правительства Российской Федерации от 13.08.1997 № 1009 (далее — постановление Правительства РФ № 1009)³. До

2023 г. перечень НПА ФОИВ являлся исчерпывающим и включал в себя следующие формы (виды): постановления, приказы, правила, инструкции и положения. После законодателем были внесены изменения, которые закрепили, что указанные выше акты издаются в установленных формах (видах), «если иное не предусмотрено законодательством Российской Федерации»⁴.

По результатам анализа нормативной базы ФОИВ удалось выделить следующие закономерности. НПА ФОИВ чаще всего издаются в форме (виде) приказа, имеющего приложение, издаваемое в различных формах: методических рекомендациях, указаниях, административных регламентах, уставах, наставлениях, концепциях, нормах, перечнях, номенклатурах и др. Как самостоятельные формы (виды) приведенные выше НПА ФОИВ не издаются, в большинстве своем они являются приложениями к приказам, хотя постановление Правительства РФ № 1009 определяет их как самостоятельные акты.

Сегодня практика показывает, что значимость выбора формы (вида) НПА может влиять на регулирование общественных отношений. Несмотря на то что постановление Правительства РФ № 1009 регламентирует, что «акты, издаваемые в ином виде, не должны содержать предписания нормативно-правового характера, а также издание нормативных правовых актов в виде писем, распоряжений и телеграмм не допускается», они принимаются, и у граждан закономерно возникают вопросы при применении указанных форм (видов) НПА на практике. Показательным примером может выступить административное исковое заявление предпринимателя Н. в Верховный Суд Российской Федерации о признании недействующим письма Федеральной налоговой службы Российской Федерации⁵.

Из этого следует, что хотя в постановлении Правительства РФ № 1009 определено, что письма не должны обладать нормативным содержанием, у граждан вызывает вопросы порядок их действия и применения. Данная ситуация может быть обусловлена как раз тем, что ФОИВ издают НПА в различных формах (видах), несмотря на регламентацию действующего законодательства, поскольку даже до внесения изменений в постановление Правительства РФ № 1009

¹ О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25.12.2018 № 50. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Об утверждении Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации [Электронный ресурс]: постановление Правительства Российской Федерации от 13.08.1997 № 1009. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ Там же.

⁵ Об отказе в удовлетворении заявления о признании недействующим Письма ФНС России от 27.01.2022 № СД-4-3/899 [Электронный ресурс]: решение Верховного Суда Российской Федерации от 27.03.2024 № АКПИ24-39. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ФОИВ не ограничивались выбором форм (видов) издаваемых НПА.

Нетипичность в данном случае выражается в том, что существует многочисленное количество НПА ФОИВ, которые не регламентируются действующим законодательством.

Возникает вопрос: возможно ли привести все НПА ФОИВ, регулирующие различные общественные отношения, к пяти формам (видам), установленным постановлением Правительства РФ?

Г. А. Шитов в своем диссертационном исследовании отмечает, что необходимо издать, например, нормативный правовой акт Президента Российской Федерации, закрепляющий исчерпывающий перечень НПА ФОИВ с их дефинициями, что способствовало бы более качественной систематизации ведомственных нормативных правовых актов [16, с. 11].

Также вызывает интерес вопрос, насколько самостоятельными являются установленные виды (формы) НПА, если большинство из них утверждаются приказами? Какова рациональность закрепления почти всех актов в приложениях к приказам? Какова иерархия видов (форм) НПА ФОИВ? Что имеет большую юридическую силу — приказ, постановление, инструкция, или они все имеют равнозначную силу?

Во-первых, мы согласны с позицией Г. А. Шитова о необходимости закрепления исчерпывающего перечня форм (видов) НПА ФОИВ, в т. ч. для создания условия систематизации ведомственных НПА [16, с. 11].

Во-вторых, мы предлагаем разграничить установленные исчерпывающие формы (виды) НПА ФОИВ на нормативные и ненормативные. На данную проблему обращали внимание такие ученые, как А. Ф. Шебанов, М. Джоусе-Иванина и другие [17, с. 103; 18, с. 11].

По мнению вышеуказанных ученых, решение данной задачи способствовало бы упрощению разграничения нормативных и ненормативных актов, но усложнило бы деятельность законодателя. Но в связи с тем, что на сегодняшний день издаются нормативные и ненормативные правовые акты одних и тех же форм (видов), невозможно сформировать единый перечень форм (видов) нормативных правовых актов.

Хотя такие попытки предпринимаются. Например, статья 5 федерального конституционного закона Российской Федерации «О Правительстве Российской Федерации» устанавливает, что «акты Правительства Российской Федерации, имеющие нормативный характер, издаются в форме постановлений, а акты Правительства Российской Федерации по оперативным и дру-

гим текущим вопросам, не имеющие нормативного характера, издаются в форме распоряжений»¹. В то же время на практике встречаются ситуации, когда в форме ненормативного акта издаются нормативные правовые акты.

ФОИВ самостоятельно регламентируют, в каких формах (видах) они издают правовые акты. Например, приказ МВД России № 484 закрепляет такие виды правовых актов, как «приказы, положения, уставы, инструкции, правила, наставления и иные нормативные правовые акты»². Помимо этого, даются определения вышеуказанным категориям.

На основании анализа правовой базы МВД России становится очевидным, что большая часть форм (видов) правовых актов утверждается приказами. В связи с этим стоит отметить, что правовые акты, имеющие, по сути, свой собственный функционал, закрепляются приказом, который имеет иное значение³. Данная практика характерна и для большинства других⁴ ведомств⁵.

Как отмечает Ю. Г. Арзамасов, введение в действие одного правового акта другими правовым актом, обладающим меньшей юридической силой, — нонсенс [15, с. 225]!

По нашему мнению, в связи с тем что для каждого типа правового акта определено свое назначение, было бы логически верным давать этим актам собственное наименование и юриди-

¹ О Правительстве Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный конституционный закон Российской Федерации от 06.11.2020 № 4-ФКЗ. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

² Об утверждении Правил подготовки нормативных правовых актов в центральном аппарате МВД России [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 27.06.2003 № 484. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Банк данных «Правовое регулирование деятельности органов внутренних дел Российской Федерации» // Министерство внутренних дел Российской Федерации: офиц. сайт. URL: <https://mvd.consultant.ru> (дата обращения: 01.02.2025).

⁴ Об утверждении Инструкции о сроках и формах представления информации в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера [Электронный ресурс]: приказ МЧС России от 11.01.2021 № 2. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵ Об утверждении Порядка приема на обучение по образовательным программам высшего образования — программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры [Электронный ресурс]: приказ Минобрнауки России от 27.11.2024 № 821. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ческое закрепление, не утверждая их приказами и не закрепляя их в качестве приложений к приказам.

Если опираться на практику ФОИВ, то также можно отметить, что почти в каждом ведомстве действуют собственные приказы (более 60), регламентирующие установление форм (видов) издаваемых ими нормативных правовых актов, которые в т. ч. расширяют перечень форм (видов), закрепленных в постановлении Правительства РФ № 1009¹.

Свойством типичности в данном признаке также может выступать издание ведомственных нормативных правовых актов от имени министерства. При анализе правовых актов было выявлено, что большинство нормативных правовых актов ФОИВ издаются именно от имени министерства, службы, агентства и т. д.

Как отмечает Ю. Г. Арзамасов, в данном случае должен реализовываться принцип единоначалия и субординации, который бы заключался в издании именно приказов министра, а не министерства [15, с. 207]. Он отмечает, что в федеральном органе исполнительной власти работает большое количество сотрудников, которые могут иметь иное мнение по поводу издания правового акта.

Как показывает практика, ведомства в большинстве своем придерживаются иных правил реализации данного вопроса и принимают правовые акты от имени министерства, поэтому данная ситуация является в т. ч. типичным признаком издания нормативных правовых актов федеральных органов государственной власти.

Исходя из вышеизложенного мы предполагаем, что необходимо создать исчерпывающий перечень форм (видов) НПА ФОИВ. Также мы считаем необходимым издавать данные формы (виды) НПА в качестве самостоятельных актов, а не приложений к приказам. Многообразие форм (видов) НПА затрудняет процедуру их унификации, систематизации и выработки единообразной правотворческой деятельности ФОИВ.

Такие государственные органы, как Счетная палата Российской Федерации², Следственный

комитет Российской Федерации³, Центральный банк Российской Федерации⁴, Генеральная прокуратура Российской Федерации⁵, закрепляют в своих нормативных правовых актах также различные формы (виды) нормативных правовых актов, которые они издадут.

В связи с этим мы считаем целесообразным издание единого нормативного правового акта, устанавливающего нормативные и ненормативные формы (виды) нормативных правовых актов федеральных органов государственной власти и их дефиниции.

2. Юридическая сила.

Юридическая сила определяет значимость законов и подзаконных актов. Она фиксируется, прежде всего, в ст. 4, 15, 54, 57, 76, 85, 90, 115, 125 Конституции РФ и иных.

То, что юридическая сила НПА ФОИВ является типичным, свойственным для него признаком, не вызывает вопросов у ученых. Научная дискуссия развивается в области того, как именно определяется юридическая сила конкретного НПА, какова иерархия НПА федеральных органов государственной власти.

Одни ученые считают, что юридическая сила правового акта определяется не его содержанием, а компетенцией органа, его издавшего [19, с. 108]. Другие утверждают, что важно, какое именно предписание закреплено в правовом акте: общее или конкретное. Юридическая сила правового акта не зависит от органа, его издавшего, «при этом нормативный акт одного и того же органа по своей юридической силе выше ненормативного» [20, с. 32].

В том числе ученые отмечают, что юридическая сила рассматривается как раз через обязательность действия нормативных правовых актов, а также подчиненности одних актов другим [1, 21, 22].

Несмотря на то что Конституционный Суд Российской Федерации подчеркнул, что «ни

¹ Об утверждении Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации [Электронный ресурс]: постановление Правительства Российской Федерации от 13.08.1997 № 1009. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Регламент Счетной палаты Российской Федерации [Электронный ресурс]: постановление Коллегии Счетной палаты Российской Федерации от 26.09.2023 № 12ПК. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ О порядке опубликования и вступления в силу актов Следственного комитета Российской Федерации, признанных Министерством юстиции Российской Федерации не нуждающимися в государственной регистрации [Электронный ресурс]: приказ Следственного комитета России от 03.07.2012 № 37. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ О правилах подготовки нормативных актов Банка России [Электронный ресурс]: положение Банка России от 22.09.2017 № 602-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵ О порядке официального опубликования нормативных актов Генеральной прокуратуры Российской Федерации [Электронный ресурс]: приказ Генпрокуратуры России от 03.04.2018 года № 189. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

один федеральный закон в силу статьи 76 Конституции РФ не обладает по отношению к другому федеральному закону большей юридической силой», на практике встречаются и иные ситуации [18, с. 11].

На сегодняшний день все еще не определено место в иерархии нормативных правовых актов постановлений палат Федерального собрания Российской Федерации.

Следует отметить позицию Ю. Г. Арзамасова, который в своей иерархии видов правовых актов ставит приказ на четвертый уровень, а уставы, наставления — на первый уровень. Таким образом, если учитывать иерархию видов правовых актов, предложенных данным автором, «правовой акт, обладающий меньшей юридической силой, утверждает правовые акты, обладающие большей юридической силой» [15, с. 207]. В то же время, например, Р. Н. Иванов отмечает, что иерархия видов ведомственных правовых актов не имеет официального закрепления, все виды имеют одинаковую юридическую силу [6, с. 44].

Таким образом, на сегодняшний день нет единой позиции по поводу иерархии НПА федеральных органов государственной власти. Но, как показывает деятельность Конституционного Суда Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации, несоответствие нормативных правовых актов Конституции РФ, а также правовым актам, обладающим более высокой юридической силой, влечет их недействительность.

На основании вышеизложенного мы считаем целесообразным ввести такой обязательный элемент для нормативных правовых актов, как преамбула, с целью дать возможность правоприменителю быстро ориентироваться, на основании какого НПА был принят изданный акт и какие мотивы, цели он преследует.

Методические рекомендации по юридико-техническому оформлению законопроектов регламентируют, что под преамбулой (введением) понимается «самостоятельная часть законопроекта, которая определяет его цели и задачи, но не является обязательной, а также не содержит самостоятельные нормативные предписания»¹.

Существенный вклад в развитие данной темы внесла Л. К. Лутова [23, с. 21]. В своем диссертационном исследовании автор определяет преамбулу НПА как «вводную обязательную, неотъемлемую, специфически структурированную,

изложенную своеобразным юридическим языком, часть правового документа, обладающую нормативным характером, выступающую особым регулятором общественных отношений, центром саморегуляции и средством интеграции всех иных его элементов, выполняющую самобытные функции и вызывающую разноплановые юридические последствия» [23, с. 21].

Т. В. Кашанина определяет, что «при наличии в структуре определенного нормативно-правового акта преамбулы наиболее вероятен шанс, что понадобится наименьшая сила государственного принуждения для обеспечения соблюдения такого акта, поскольку посредством преамбулы до субъектов правоприменения будут доведены основные мотивы его принятия и, соответственно, важности для общественных отношений» [24, с. 232].

А. В. Малько и К. В. Шундилов указывают, что «чрезвычайно важно, чтобы каждый нормативный акт в преамбуле либо специальной статье содержал указание на цели, которые правотворческий орган стремится решить с его помощью» [25, с. 41].

Итак, исследования, проведенные в области значения преамбулы правовых актов, подтверждают позицию, что она должна являться неотъемлемым звеном любого нормативного правового акта для более качественного и эффективного понимания смысла и сущности изданного правового акта правоприменителем.

Закрепление в преамбуле юридического основания будет способствовать более быстрой ориентации правоприменителя в огромном массиве правовой информации, а также способствовать обязательному соблюдению признака соответствия издаваемого правового акта НПА, обладающим более высокой юридической силой.

Рассматривая иерархию НПА федеральных органов исполнительной власти, мы предполагаем, что формы (виды) НПА ФОИВ должны иметь одинаковую юридическую силу между собой в связи с их разным назначением и содержанием. Важно определить их дефиниции для издания в определенной форме (виде) НПА ФОИВ для регулирования конкретных общественных отношений.

В ходе исследования мы пришли к выводу, что к признакам типичного нормативного правового акта федеральных органов государственной власти можно отнести: 1) издание его в установленном порядке, определенной процедуре уполномоченным федеральным органом государственной власти, обладающим соответствующей компетенцией; 2) наличие в нем нормативных правовых предписаний; 3) обязательность для

¹ Методические рекомендации по юридико-техническому оформлению законопроектов от 23.03.2021 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

неопределенного круга лиц; 4) многократное применение; 5) направленность на регулирование общественных отношений; 6) волевой характер; 7) издание в определенной форме (виде); 8) наличие юридической силы; 9) издание в соответствии с правилами юридической техники.

В том числе, исходя из практики деятельности федеральных органов государственной власти, к типичным признакам нормативного правового акта федерального органа исполнитель-

ной власти можно отнести: 1) утверждение любой формы (вида) нормативного правового акта федерального органа исполнительной власти приказом; 2) издание ведомственных нормативных правовых актов от имени министерства, службы, агентства; 3) допустимость издания смешанных правовых актов. Хотелось бы отметить, что, т. к. НПА является разновидностью правового акта, он будет обладать всеми признаками типичного правового акта.

Список источников

1. Алексеев А. А. Общая теория права. 2-е изд. М.: Проспект, 2009. 427 с.
2. Тихомиров Ю. А. Теория закона. М.: Наука, 1982. 257 с.
3. Марченко М. Н. Источники права: учеб. пособие. М.: Проспект, ТК Велби, 2005. 760 с.
4. Ижокин Р. А. Нетипичные правовые акты в регулировании личных отношений: автореф. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2008. 23 с.
5. Кивленок Т. В. Смешанные правовые акты как вид атипичных правовых актов // Проблемы экономики и юридической практики. 2009. № 1. С. 260–263.
6. Иванов Р. Н. Юридическая природа нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 169 с.
7. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд. М., 1997. 944 с.
8. Словарь русского языка. В 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp> (дата обращения: 01.02.2025).
9. Шопина О. В. Система правовых актов в современной России: проблемы теории: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2002. 220 с.
10. Бошно С. В. Развитие признаков нормативных правовых актов в современной правотворческой практике // Журнал российского права. 2004. № 2. С. 95–106.
11. Бахрах Д. Н. Понятие нормативного правового акта и практика Верховного Суда РФ // Законодательство. 2004. № 5. С. 35–40.
12. Ковалева В. В. Нормативные правовые акты в механизме правового регулирования: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. 196 с.
13. Мицкевич А. В. Акты высших органов Советского государства. Юридическая природа нормативных актов высших органов государственной власти и управления СССР. М.: Юрид. лит., 1967. 175 с.
14. Ямпольская Ц. А. О правовых актах Совета народного хозяйства // Советское государство и право. 1960. № 11. С. 86–93.
15. Арзамасов Ю. Г. Ведомственный нормотворческий процесс в Российской Федерации: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2004. 364 с.
16. Шитов Г. А. Особенности систематизации ведомственных нормативных правовых актов: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2024. 32 с.
17. Шебанов А. Ф. Некоторые вопросы правовой нормы и нормативных актов в советском праве // Советское государство и право. 1964. № 7. С. 103–104.
18. Джоусе-Иванина М. Нормативный правовой акт в системе источников российского права: автореф. ... канд. юрид. наук. М., 2010. 26 с.
19. Петров Н. К вопросу о нормативности правовых актов // Советское государство и право. 1963. № 9. С. 108.
20. Керимов Д. А. Культура и техника законотворчества. М.: Юрид. лит., 1991. 160 с.
21. Лукьянова Е. А. Закон как источник советского государственного права. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1988. 152 с.
22. Тихомиров Ю. А. Современное публичное право: монографический учебник. М.: Эксмо, 2008. 446 с.
23. Лутова Л. К. Преамбула нормативного правового акта (проблемы теории и практики): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2011. 271 с.

24. Кашанина Т. В. Юридическая техника: учебник. 2-е изд., пересмотр. М.: Норма: Инфра-М, 2011. 496 с.
25. Малько А. В., Шундилов К. В. Цели и средства в праве и правовой политике. Саратов: Изд-во Саратовской гос. академии, 2003. 233 с.

References

1. Alekseev A. A. Obshhaya teoriya prava. 2-e izd. M.: Prospekt, 2009. 427 s.
2. Tihomirov Ju. A. Teoriya zakona. M.: Nauka, 1982. 257 s.
3. Marchenko M. N. Istochniki prava: ucheb. posobie. M.: Prospekt, TK Velbi, 2005. 760 s.
4. Izhokin R. A. Netipichnye pravovye akty v regulirovanii lichnyh otnoshenij: avtoref. ... kand. jurid. nauk. Vladimir, 2008. 23 s.
5. Kivlenok T. V. Smeshannye pravovye akty kak vid atipichnyh pravovyh aktov // Problemy jekonomiki i juridicheskoy praktiki. 2009. № 1. S. 260–263.
6. Ivanov R. N. Juridicheskaya priroda normativnyh pravovyh aktov federal'nyh organov ispolnitel'noj vlasti: dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2005. 169 s.
7. Ozhegov S. I., Shvedova N. Ju. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka: 80 000 slov i frazeologicheskikh vyrazhenij. 4-e izd. M., 1997. 944 s.
8. Slovar' russkogo jazyka. V 4 t. / pod red. A. P. Evgen'evoj. 4-e izd., ster. M.: Rus. jaz.; Poligrafresursy, 1999. URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp> (data obrashhenija: 01.02.2025).
9. Shopina O. V. Sistema pravovyh aktov v sovremennoj Rossii: problemy teorii: dis. ... kand. jurid. nauk. Saratov, 2002. 220 s.
10. Boshno S. V. Razvitie priznakov normativnyh pravovyh aktov v sovremennoj pravotvorcheskoj praktike // Zhurnal rossijskogo prava. 2004. № 2. S. 95–106.
11. Bahrah D. N. Ponjatie normativnogo pravovogo akta i praktika Verhovnogo Suda RF // Zakonodatel'stvo. 2004. № 5. S. 35–40.
12. Kovaleva V. V. Normativnye pravovye akty v mehanizme pravovogo regulirovanija: dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2009. 196 s.
13. Mickevich A. V. Akty vysshih organov Sovetskogo gosudarstva. Juridicheskaya priroda normativnyh aktov vysshih organov gosudarstvennoj vlasti i upravlenija SSSR. M.: Jurid. lit., 1967. 175 s.
14. Jampol'skaja C. A. O pravovyh aktah Soveta narodnogo hozjajstva // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. 1960. № 11. S. 86–93.
15. Arzamasov Ju. G. Vedomstvennyj normotvorcheskij process v Rossijskoj Federacii: dis. ... d-ra jurid. nauk. M., 2004. 364 s.
16. Shitov G. A. Osobennosti sistematizacii vedomstvennyh normativnyh pravovyh aktov: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2024. 32 s.
17. Shebanov A. F. Nekotorye voprosy pravovoj normy i normativnyh aktov v sovetskom prave // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. 1964. № 7. S. 103–104.
18. Dzhouse-Ivanina M. Normativnyj pravovoj akt v sisteme istochnikov rossijskogo prava: avtoref. ... kand. jurid. nauk. M., 2010. 26 s.
19. Petrov N. K voprosu o normativnosti pravovyh aktov // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. 1963. № 9. S. 108.
20. Kerimov D. A. Kul'tura i tehnika zakonotvorchestva. M.: Jurid. lit., 1991. 160 s.
21. Luk'janova E. A. Zakon kak istochnik sovetskogo gosudarstvennogo prava. M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1988. 152 s.
22. Tihomirov Ju. A. Sovremennoe publichnoe pravo: monograficheskij uchebnik. M.: Jeksmo, 2008. 446 s.
23. Lutova L. K. Preambula normativnogo pravovogo akta (problemy teorii i praktiki): avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. N. Novgorod, 2011. 271 s.
24. Kashanina T. V. Juridicheskaya tehnika: uchebnik. 2-e izd., peresmotr. M.: Norma: Infra-M, 2011. 496 s.
25. Mal'ko A. V., Shundikov K. V. Celi i sredstva v prave i pravovoj politike. Saratov: Izd-vo Saratovskoj gos. akademii, 2003. 233 s.

Статья поступила в редакцию 01.04.2025; одобрена после рецензирования 05.05.2025; принята к публикации 12.05.2025.

The article was submitted 01.04.2025; approved after reviewing 05.05.2025; accepted for publication 12.05.2025.

Алтайский юридический вестник. 2025. № 2 (50). С. 51–61.

Altai Law Journal. 2025. № 2 (50). P. 51–61.

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Научная статья

УДК 351.74

ОПТИМИЗАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧАСТКОВЫХ УПОЛНОМОЧЕННЫХ И ПАТРУЛЬНО-ПОСТОВОЙ СЛУЖБЫ ПОЛИЦИИ ПОСРЕДСТВОМ ОБЪЕДИНЕНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ПОЛНОМОЧИЙ: НА ПРИМЕРЕ РЕТРОСПЕКТИВНОГО АНАЛИЗА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОВЕТСКОЙ МИЛИЦИИ

Алексей Геннадьевич Гришаков^{1,2}, Ольга Олеговна Попова^{1,3}, Евгений Александрович Федяев^{1,4}

¹Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия

²grishakovag@buimvd.ru

³popovao@buimvd.ru

⁴fea55@buimvd.ru

Аннотация. В статье анализируются исторические этапы становления и развития подразделений участковых уполномоченных милиции и патрульно-постовой службы советского периода. Исследователи придерживаются мнения, что участковые уполномоченные милиции реализуют определенные функции, свойственные также сотрудникам строевых подразделений патрульно-постовой службы милиции. Рассматриваются перспективы оптимизации совместной деятельности рассматриваемых служб в рамках профилактической работы, в т. ч. при обеспечении правопорядка и общественной безопасности в жилом секторе, что приобретает особую актуальность в условиях значительного некомплекта личного состава в подразделениях органов внутренних дел.

Ключевые слова: административный участок, участковый уполномоченный милиции, правонарушение

Для цитирования: Гришаков А. Г., Попова О. О., Федяев Е. А. Оптимизация деятельности участковых уполномоченных и патрульно-постовой службы милиции посредством объединения отдельных полномочий: на примере ретроспективного анализа деятельности советской милиции // Алтайский юридический вестник. 2025. № 2 (50). С. 51–61.

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

Original article

OPTIMIZATION OF THE ACTIVITIES OF DISTRICT POLICE OFFICER AND PATROL AND GUARD SERVICE OF THE POLICE THROUGH THE UNIFICATION OF INDIVIDUAL POWERS: USING THE EXAMPLE OF A RETROSPECTIVE ANALYSIS OF THE ACTIVITIES OF THE SOVIET MILITIA

Aleksej G. Grishakov^{1,2}, Olga O. Popova^{1,3}, Evgenij A. Fedjaev^{1,4}

¹Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia

²grishakovag@buimvd.ru

³popovao@buimvd.ru

⁴fea55@buimvd.ru

Abstract. The article analyzes the historical stages of the formation and development of the units of the district police officers and patrol guards of the Soviet period. The researchers are of the opinion that district police officers perform certain functions that are also characteristic of employees of combatant units of the patrol and guard service of the police. The prospects for optimizing the joint activities of the services under consideration in the framework of preventive work, including in ensuring law and order and public safety in the residential sector, are considered, which becomes particularly relevant in the context of a significant shortage of personnel in the units of internal affairs agencies.

Keywords: administrative district, police commissioner, law-violation

For citation: Grishakov A. G., Popova O. O., Fedjaev E. A. Optimization of the activities of district police officer and patrol and guard service of the police through the unification of individual powers: using the example of a retrospective analysis of the activities of the Soviet militia. Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal. 2025;2:51–61 (In Russ.).

© Гришаков А. Г., Попова О. О., Федяев Е. А., 2025

В настоящее время подразделения участковых уполномоченных полиции территориальных органов МВД России занимают ведущие позиции в вопросах профилактики правонарушений и поддержания правопорядка в общественных местах. Наружные наряды патрульно-постовой службы полиции также вносят существенный вклад в профилактику уличной преступности, раскрытие преступлений по горячим следам, обеспечение общественного порядка и общественной безопасности. Осуществляя правоохранительную деятельность, данные подразделения полиции находятся в тесном взаимодействии, зачастую решают идентичные задачи и реализуют однотипные функции.

В связи с этим возникает вопрос о возможной оптимизации деятельности участковых уполномоченных полиции и патрульно-постовой службы полиции в части унификации их полномочий. Полагаем, что расширение форм совместного решения задач по обеспечению правопорядка в жилом секторе административного участка, а также на улицах и в иных общественных местах, в т. ч. взаимозаменяемость сотрудников полиции, позволит частично решить проблему кадрового некомплекта последних лет. Для выяснения целесообразности предложенных инициатив и выработки соответствующих решений предлагаем обратиться к ретроспективному анализу нормативных правовых актов, регулировавших правоохранительную деятельность советской милиции двадцатого века.

Как известно, в период становления и поступательного развития советской государственности пристальное внимание уделялось органам внутренних дел, обеспечивающим правопорядок и безопасность граждан. Служба участковых инспекторов милиции и патрульно-постовая служба милиции, так же как и сегодня, являлись ключевыми подразделениями органов внутренних дел, выполняя задачи по поддержанию правопорядка, обеспечению законности и общественной безопасности.

Напомним, что в первое послеоктябрьское десятилетие революции 1917 г. полностью была упразднена существовавшая ранее система организации местного правопорядка. Так, в период 1918–1920 гг. вместо урядников и околоточных надзирателей, функционировавших в царской полиции, были введены должности старших милиционеров и волостных милиционеров. Позднее возникла необходимость в такой категории сотрудников милиции, которые работали бы на определенной территории, хорошо знали население и занимались вопросами профилактики правонарушений. В этой связи в 1922 г. в советской

печати широко обсуждался вопрос о введении в штат всей городской милиции должности городского надзирателя [1, с. 20].

Нельзя не отметить, что нормативное правовое регулирование правоприменительной деятельности участковых надзирателей и постовых милиционеров, являвшихся прототипом патрульно-постовой службы полиции, осуществлялось поэтапно. При этом в отдельные периоды времени развитие и реформирование данных подразделений органов внутренних дел происходило параллельно. Так, в 1923 г. были приняты ведомственные нормативные правовые акты, определившие основные цели, задачи, функции, правовое положение и организацию деятельности участковых надзирателей и постовых милиционеров.

В частности, приказом Центрального административного управления НКВД г. Москвы от 2 сентября 1923 г. № 4 была утверждена «Инструкция постовому милиционеру»¹. Непосредственное содержание принятой инструкции соответствовало реалиям того периода времени и кроме привычных постовых обязанностей, направленных на поддержание правопорядка и законности в общественных местах, предполагало реализацию задач, связанных с противодействием контрреволюционным проявлениям в советском обществе.

Чуть позже, 17 ноября 1923 г., Народным комиссариатом внутренних дел РСФСР была утверждена «Инструкция участковому надзирателю»². Полагаем, что данный нормативный правовой акт положил начало формированию института участковых инспекторов в советской милиции, т. к. принятая инструкция закрепляла организацию низового милицейского аппарата в городах, при этом участковым надзирателям вверялись определенные участки.

Кроме этого, к обязанностям участкового надзирателя было отнесено наблюдение за исполнением частными и должностными лицами законов, обязательных постановлений и распоряжений советской власти, относящихся к охране революционного порядка, общественной и личной безопасности, благоустройства.

¹ Об объявлении Дня образования патрульно-постовой службы милиции общественной безопасности Российской Федерации [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 5 сентября 2002 г. № 866. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

² Об объявлении Дня участковых уполномоченных милиции [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 6 сентября 2002 г. № 868. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

В круг их задач включалось обнаружение, предотвращение и пресечение уголовных преступлений и нарушений революционного порядка и благоустройства в пределах, установленных нормативными правовыми актами. Сотрудники должны были осуществлять содействие государственным учреждениям и должностным лицам по реализации возложенных на них задач, а также оказывать помощь гражданам в предусмотренных законодательством случаях [2, с. 17].

Краткий анализ ведомственной нормативной правовой базы показывает, что отдельные полномочия и задачи участкового надзирателя и постового милиционера начала 20-х гг. прошлого века были по многим направлениям деятельности идентичными. Также не может остаться незамеченным тот факт, что на данном историческом этапе ярко прослеживалась взаимозаменяемость отдельных функций участкового надзирателя с постовым милиционером.

Например, согласно инструкции, регламентирующей деятельность участкового надзирателя, был закреплен порядок взаимодействия с постовыми милиционерами. Кроме того, прописывались основания и типовые ситуации, при которых участковый надзиратель был вправе возложить исполнение своих должностных обязанностей на постового милиционера и наоборот. Наряду с этим участковый надзиратель в целях общего наблюдения за порученным ему участком и успешного выполнения возложенных на него обязанностей должен был днем и ночью обходить обслуживаемый участок, расписываясь при ночных обходах в постовых книжках милиционеров с обозначением времени обхода.

Кроме дежурства в отделениях, участковые надзиратели могли временно нести постовую службу на улицах с большим движением, на перекрестках и площадях. Находясь на посту, во время дежурства или обхода, участковый надзиратель должен был незамедлительно сообщать руководству обо всех выявленных происшествиях, к примеру о пожаре, манифестации или митинге, если на их устройство не было дано разрешения [2, с. 18].

Наряду с этим в ведомственной инструкции были закреплены основания и направления взаимодействия участкового надзирателя и постового милиционера. Например, при невозможности обойтись собственными силами участковый надзиратель мог требовать содействия от постовых милиционеров для пресечения выявленного им преступления или административного нарушения, преследования скрывающихся от него лиц, подлежащих задержанию, сопровождения задержанных в отделение милиции или оказания

помощи как ему, так и другим должностным лицам, и пр.

Несомненный интерес представляет деятельность советской милиции в сельских поселениях в указанный период времени. В январе 1924 г. была утверждена Инструкция волостному милиционеру, явившаяся первым нормативным правовым актом, регламентировавшим деятельность сельского (волостного) участкового надзирателя. Волостной милиционер осуществлял возложенные на него обязанности лично или через младших милиционеров, которые находились при волостном (районном) центре. Заметим, что все милиционеры находились при волостном центре, а территория волости была распределена на административные (милицейские) участки, которые закреплялись за каждым милиционером и посещались ими при периодических объездах или командировках. Управление волостной милиции находилось в волостном центре, а милиционеры — на своих участках при сельсоветах [3].

В целях общего наблюдения за волостью и успешного выполнения служебных задач на волостного милиционера были возложены следующие обязанности: как можно чаще объезжать район своей волости, осматривать труднодоступные и отдаленные места, посещать крупные населенные пункты, базары, ярмарки, станции, пристани, постоянные дворы и места, где проводятся массовые мероприятия или бывает скопление народа [4, с. 21].

Важно отметить, что некоторые из вышеперечисленных обязанностей сельского участкового надзирателя через десятилетия вновь были отражены в ведомственном нормативном правовом акте. Напомним, что приказ МВД России от 31 декабря 2012 г. № 1166 «Вопросы организации деятельности участковых уполномоченных полиции»¹ содержал отдельный раздел «Особенности несения службы участковым уполномоченным полиции в сельском поселении». При несении службы в сельском поселении участковый уполномоченный полиции должен был знать в пределах своего административного участка местонахождение селений, хуторов, усадеб, фельдшерско-акушерских пунктов, ветеринарных пунктов, станций, скотопрогонных дорог, ферм; знать направление и состояние рек, шоссейных, грунтовых и железных дорог, горных троп, лесов, степень их проходимости, местонахождение и состояние гатей, мостов, переправ, бродов, а также местонахождение болот и сте-

¹ Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (документ утратил силу).

пень их проходимости. Кроме того, участковый уполномоченный полиции обязан был ежемесячно посещать крупные населенные пункты, рынки, станции, пристани, аэродромы и другие общественные места с массовым пребыванием граждан, осматривать малопосещаемые места, заброшенные строения и территории.

Возвращаясь к анализу советского законодательства, отметим, что во второй половине 1930-х гг. был подготовлен и издан ряд нормативных актов, регламентирующих деятельность участковых в новых условиях. К ним следует отнести инструкцию участковому уполномоченному города, инструкцию участковому уполномоченному сельской местности, а также директиву о формах и методах руководства работой участковых.

В свою очередь, нормативное регулирование деятельности патрульно-постовой службы милиции по-прежнему являлось актуальным направлением государственной политики и реформировалось одновременно с правовыми актами, регламентирующими деятельность участковых уполномоченных милиции. В 1937 г. был принят Устав постовой службы милиции, в котором большое значение отводилось вопросам организации постовой службы. Данный нормативный правовой акт определил порядок составления дислокации и проверки постов, инструктаж милиционеров, а также роль постового милиционера в деле борьбы с преступностью, обязанности при несении службы на железнодорожном и водном транспорте, участие в регулировании уличного движения.

В 1940 г. ввиду происходящих геополитических изменений в мире, а также в связи с началом Второй мировой войны в новой редакции был издан устав патрульно-постовой службы милиции, согласно которому милиционер на посту должен был выполнять разнообразные и многочисленные обязанности, например задерживать лиц, совершающих или совершивших преступления, принимать меры к сохранению следов преступления и всей обстановки его совершения, прекращать хулиганские действия и задерживать хулиганов, не допускать и прекращать нарушения общественной тишины и спокойствия, не допускать нищенства, азартных игр и появления гадалок, задерживать беспризорных и безнадзорных детей [4, с. 22].

Следовательно, можно вновь с уверенностью утверждать, что задачи и функции участкового уполномоченного, проходящего службу в городе или селе, и постового милиционера были по многим составляющим однотипными. Более того, в нормативных правовых актах рассмотренного

периода также отчетливо прослеживается взаимосвязь участкового уполномоченного и постового милиционера при несении службы.

В годы Великой Отечественной войны как на участковых уполномоченных, так и на постовых милиционеров были возложены особые задачи военного времени, связанные с эвакуацией граждан с прифронтовых территорий, борьбой с диверсантами, розыском дезертиров, активизацией деятельности по обеспечению правопорядка в тыловых регионах и пр. Приказом Главного управления милиции НКВД СССР от 27 августа 1942 г. № 29/p/1550 были приняты серьезные меры по совершенствованию организации работы участковых уполномоченных милиции, а приказом НКВД СССР от 9 сентября 1943 г. № 590 была утверждена «Временная инструкция участковому уполномоченному сельской местности», что было особенно актуально для службы участковых уполномоченных тыловых районов.

К особым обязанностям участковых уполномоченных в военное время и в местностях, объявленных на военном положении, было отнесено: поддержание правопорядка, обеспечение сохранности государственного и общественного имущества, а также личного имущества и безопасности граждан; охрана социалистической собственности и борьба с уголовной преступностью; выявление и задержание лиц, уклоняющихся от воинской службы, и нарушителей правил воинского учета; наблюдение за соблюдением паспортного режима и правилами разрешительной системы; оказание помощи лицам, пострадавшим от преступлений и несчастных случаев, а также находящимся в бедственном состоянии; наблюдение за содержанием в чистоте и порядке колодцев, водоемов и других объектов общего пользования; оказание помощи госавтоинспекторам по надзору за движением транспорта [5, с. 24].

Таким образом, в военное время компетенция участковых уполномоченных милиции по охране правопорядка на вверенных им участках была максимально широка, как, в принципе, и обязанности постовых милиционеров. Приоритетными задачами данных подразделений органов внутренних дел являлись поддержание законности, охрана общественного порядка и обеспечение общественной безопасности.

В июле 1952 г. МВД СССР была принята «Инструкция по службе уполномоченного милиции». Данный нормативный правовой акт установил детальную регламентацию закрепления за участковым уполномоченным милиции постоянного участка, при этом особое внимание уделя-

лось необходимости знания сотрудником милиции характеристики обслуживаемой им территории. Очевидно, что последовательное обновление нормативных правовых актов, регламентировавших деятельность участковых уполномоченных милиции, было направлено на дальнейшее совершенствование данной службы с учетом реалий того времени.

Позднее, в 1970 г., была издана «Инструкция по службе участкового инспектора милиции». Среди основных обязанностей участкового инспектора на первый план ставились общая и индивидуальная профилактика, предупреждение и раскрытие преступлений, розыск преступников и лиц, без вести пропавших, охрана социалистической собственности, охрана прав и законных интересов граждан. Заметим, что до 1974 г. участковые инспекторы милиции находились в структуре службы охраны общественного порядка (именовавшейся в то время наружной службой милиции), позднее они были переведены во вновь созданную службу профилактики, являющуюся, в свою очередь, составной частью подразделений уголовного розыска [1, с. 22–23].

Важно отметить, что в данный период времени также продолжалось и совершенствование патрульно-постовой службы милиции. В июле 1974 г. был принят новый Устав патрульно-постовой службы милиции [6]. Основными задачами патрульно-постовой службы являлись: обеспечение общественного порядка; предупреждение, пресечение преступлений и других правонарушений; охрана социалистической собственности; охрана прав и законных интересов граждан, предприятий, организаций и учреждений от преступных проявлений и антиобщественных действий; активное участие в раскрытии преступлений и задержании преступников. Уставом патрульно-постовой службы милиции могли руководствоваться все работники милиции при осуществлении охраны правопорядка.

Подчеркнем, что все вышеуказанные нормативные правовые акты советского периода, регламентировавшие деятельность участковых уполномоченных милиции и сотрудников патрульно-постовой службы милиции, в большинстве своем содержали однородные задачи и функции по приоритетным направлениям деятельности органов внутренних дел, т. е. были во много идентичны. Правоохранительная деятельность указанных подразделений была универсальна, и наблюдалась определенная интеграция участковых уполномоченных и патрульно-постовой службы милиции. Кроме того, отдельные положения, указанные в исследовании нормативных правовых актов советского периода,

по-прежнему являются актуальными и в большинстве случаев фактически уже реализуются участковыми уполномоченными полиции и сотрудниками патрульно-постовой службы.

В целях выяснения возможности объединения отдельных функций в сфере профилактики правонарушений в общественных местах жилого сектора и взаимозаменяемости между подразделениями участковых уполномоченных полиции и патрульно-постовой службы полиции в текущий момент времени нами был проведен опрос практических сотрудников органов внутренних дел, проходящих службу в городах и сельских поселениях Алтайского края.

В интервьюировании приняли участие 494 представителя службы участковых уполномоченных полиции, из них 205 человек проходят службу в городах, а 289 — в сельской местности, 438 — представители подразделений патрульно-постовой службы полиции, из них 306 работают в городе, 132, соответственно, — в селе. В разработанной нами анкете было представлено 16 вопросов с различными вариантами ответов, а также предлагалось сообщить краткую информацию о себе, указав общий стаж службы в органах внутренних дел и структурном подразделении полиции, занимаемую должность, возраст, уровень образования. При этом следует отметить, что на некоторые вопросы анкеты респонденты не всегда давали ответы, оставляя предложенные варианты незаполненными, в связи с чем общее количество ответов по предложенным группам вопросов в цифровом выражении может отличаться с небольшой погрешностью.

Общий стаж правоохранительной службы участковых уполномоченных полиции, работающих в городах, составляет: 7 % — менее 1 года; 22,5 % — от 1 года до 3 лет; 21 % — от 3 до 5 лет; 19 % — от 5 до 10 лет; 12,5 % — от 10 до 15 лет; 10 % — от 15 до 20 лет; 7 % — свыше 20 лет. Из них стаж службы в подразделениях участковых уполномоченных полиции: 11,2 % — менее 1 года; 24,4 % — от 1 года до 3 лет; 20 % — от 3 до 5 лет; 15,2 % — от 5 до 10 лет; 10,3 % — от 10 до 15 лет; 5 % — от 15 до 20 лет; 4,5 % — свыше 20 лет; 9 % — стаж не указали. Возраст опрошенных сотрудников полиции: 4,5 % — от 18 до 22 лет; 32,2 % — от 23 до 26 лет; 12,7 % — от 27 до 30 лет; 30,3 % — от 30 до 40 лет; 15,2 % — от 40 до 50 лет; 3 % — старше 50 лет. Из них 43 % имеют среднее профессиональное образование, 57 % — высшее.

В сельских поселениях общий стаж правоохранительной службы участковых уполномоченных полиции составляет: 3 % — менее 1 года; 16,7 % — от 1 года до 3 лет; 14,5 % — от 3 до 5

лет; 24 % — от 5 до 10 лет; 13 % — от 10 до 15 лет; 14,5 % — от 15 до 20 лет; 7 % — свыше 20 лет; 7 % не указали стаж работы. Из них стаж службы в подразделениях участковых уполномоченных полиции: 14 % — менее 1 года; 23,2 % — от 1 года до 3 лет; 16,3 % — от 3 до 5 лет; 18 % — от 5 до 10 лет; 5 % — от 10 до 15 лет; 9 % — от 15 до 20 лет; 3,8 % — свыше 20 лет; 10 % стаж не указали. Возраст сотрудников полиции: 5,2 % — от 18 до 22 лет; 28 % — от 23 до 26 лет; 14,3 % — от 27 до 30 лет; 30 % — от 30 до 40 лет; 17,3 % — от 40 до 50 лет; 2,5 % — старше 50 лет. Из них имеют среднее профессиональное образование 39,5 %, 55,5 % — высшее, 5 % не указали свой образовательный уровень.

Проведя сравнительный анализ данных, представленных в анкетах опроса, можно сделать вывод, что в сельских поселениях Алтайского края в текущий момент работают сотрудники полиции, имеющие наибольший стаж службы не только в органах внутренних дел, но и в подразделениях участковых уполномоченных полиции.

В частности, в городах наиболее опытные сотрудники полиции, прослужившие в органах внутренних дел более 10 лет, составляют 30 %, в службе — 19,8 %. При этом большая часть (43,5 %) проходят службу в полиции от 1 года до 5 лет, в подразделениях участковых уполномоченных полиции в этот же период времени — 44,5 %. Наибольшее количество респондентов (32,2 %) — в возрасте от 23 до 26 лет, 3 % — лица старше 50 лет.

В сельских поселениях сотрудники полиции с выслугой более 10 лет представлены 34,5 %, в службе — 17,8 %. Наибольшая часть (24 %) проходит службу в органах внутренних дел от 5 до 10 лет, 23,2 % — в подразделениях участковых уполномоченных полиции от 1 года до 3 лет. Преобладающее большинство респондентов 28 % — в возрасте от 23 до 26 лет и 30 % — в возрасте от 30 до 40 лет, при этом 2,5 % — лица старше 50 лет. Высшее образование имеют 55,5 % участковых уполномоченных полиции, работающих в селе, что в целом сопоставимо с усредненными показателями коллег в городе — 57 %.

Относительно сотрудников патрульно-постовой службы полиции, с которыми проводилось анкетирование, по аналогии с участковыми уполномоченными полицией необходимо отразить отдельные характеризующие их сведения.

Итак, общий стаж правоохранительной службы сотрудников патрульно-постовой службы полиции, работающих в городах, составляет: 5,3 % — менее 1 года; 26,2 % — от 1 года до 3 лет; 20,6 % — от 3 до 5 лет; 20,6 % — от 5 до

10 лет; 8,5 % — от 10 до 15 лет; 10,7 % — от 15 до 20 лет; 8,2 % — свыше 20 лет. Из них стаж службы в подразделениях патрульно-постовой службы полиции: 7,2 % — менее 1 года; 26,5 % — от 1 года до 3 лет; 20 % — от 3 до 5 лет; 20,6 % — от 5 до 10 лет; 9,2 % — от 10 до 15 лет; 10,2 % — от 15 до 20 лет; 6,2 % — свыше 20 лет. Возраст сотрудников полиции: 14 % — от 18 до 22 лет; 34 % — от 23 до 26 лет; 14 % — от 27 до 30 лет; 25 % — от 30 до 40 лет; 13 % — от 40 до 50 лет. Из них 10,8 % имеют среднее образование, 72,5 % — среднее профессиональное, 16,7 % — высшее.

В сельских поселениях общий стаж правоохранительной службы сотрудников патрульно-постовой службы полиции составляет: 4,5 % — менее 1 года; 43,7 % — от 1 года до 3 лет; 30,3 % — от 3 до 5 лет; 12 % — от 5 до 10 лет; 3 % — от 10 до 15 лет; 5 % — от 15 до 20 лет; 1,5 % — свыше 20 лет. Из них стаж службы в подразделениях патрульно-постовой службы полиции: 6,3 % — менее 1 года; 50,3 % — от 1 года до 3 лет; 25,8 % — от 3 до 5 лет; 10,6 % — от 5 до 10 лет; 3 % — от 10 до 15 лет; 3 % — от 15 до 20 лет; 1 % — свыше 20 лет. Возраст опрошенных сотрудников полиции: 25 % — от 18 до 22 лет; 44 % — от 23 до 26 лет; 12,5 % — от 27 до 30 лет; 14,5 % — от 30 до 40 лет; 4 % — от 40 до 50 лет. Из них 27,3 % имеют среднее образование, 61,4 % — среднее профессиональное, 11,3 % — высшее.

В городах наиболее опытные сотрудники полиции, прослужившие в органах внутренних дел более 10 лет, составляют 27,4 %, в службе — 25,6 %. При этом большая часть (46,8 %) проходит службу в полиции от 1 года до 5 лет, в подразделениях патрульно-постовой службы в этот же период времени — 46,5 %. Наибольшее количество респондентов (34 %) — в возрасте от 23 до 26 лет и лишь 13 % — лица от 40 до 50 лет.

В сельских поселениях сотрудники полиции с выслугой более 10 лет представлены 9,5 % в органах внутренних дел и в службе — 7 %. Наибольшая часть (74 %) проходит службу в органах внутренних дел от 1 года до 5 лет, и 76 % в этот же период времени — в подразделениях патрульно-постовой службы. Преобладающее большинство респондентов (44 %) — в возрасте от 23 до 26 лет.

Большинство сотрудников в сельской местности имеют среднее профессиональное образование (61,4 %), 27,3 % закончили только школу, и лишь 11,3 % получили высшее образование. Указанные показатели коррелируют с усредненными показателями коллег в городе: 72,5 %, 10,8 % и 16,7 % соответственно.

Теперь более детально остановимся на некоторых вопросах анкеты и полученных ответах для выяснения мнения практиков о целесообразности объединения отдельных функций в сфере профилактики правонарушений и взаимозаменяемости по отдельным направлениям работы рассматриваемых подразделений полиции. Начнем с сотрудников подразделений участковых уполномоченных полиции территориальных органов, проходящих службу в городах и сельских поселениях. Варианты ответов будут представлены в тексте последовательно друг за другом, сначала город, затем село, разграниченные круглыми скобками. Например, 11 % (14 %), где 11 % будет относиться к городу, 14 % — к селу.

Так, на вопрос «Возможна ли взаимозаменяемость участковых уполномоченных полиции и сотрудников патрульно-постовой службы полиции при решении задач по обеспечению правопорядка на улицах и в других общественных местах административного участка?» 52,2 % (72 %) дали положительный ответ, 41,4 % (22,5 %) ответили отрицательно, 6,4 % (5,5 %) затруднились ответить.

Отвечая на вопрос о возможных рисках снижения эффективности деятельности участковых уполномоченных полиции при возложении на них отдельных функций патрульно-постовой службы полиции, связанных с обеспечением правопорядка на улицах и в других общественных местах, 66,8 % (61,7 %) респондентов указали на существенное снижение эффективности деятельности службы, 14,6 % (15,2 %) считают, что это никак не повлияет на их деятельность, 13,6 % (18,3 %) обозначили частичное негативное влияние, 4,8 % (4,8 %) затруднились ответить.

На вопрос «Может ли участковый уполномоченный полиции самостоятельно обеспечить правопорядок в жилом секторе и в иных общественных местах административного участка при отсутствии наружных нарядов патрульно-постовой службы полиции?» 32,7 % (57,7 %) дали положительный ответ, 61 % (35 %) ответили отрицательно, 6,3 % (8,3 %) затруднились ответить.

На вопрос «Могут ли сотрудники патрульно-постовой службы полиции эффективно проводить индивидуальную профилактическую работу с лицами, состоящими на профилактическом учете органов внутренних дел?» 61,4 % (69,5 %) дали положительный ответ, 34,2 % (21,5 %) ответили отрицательно, 4,4 % (9 %) затруднились ответить.

На вопрос «Есть ли необходимость сотрудникам патрульно-постовой службы полиции по-

сещать по месту жительства лиц, допускающих правонарушения в семейно-бытовой сфере?» 71,7 % (76,5 %) ответили «да», 26,3 % (19,7 %) — «нет», 2 % (3,8 %) затруднились ответить.

На вопрос «Есть ли необходимость привлекать сотрудников патрульно-постовой службы полиции к мероприятиям, связанным с посещением по месту жительства или пребывания лиц, освобожденных из мест лишения свободы и имеющих непогашенную или неснятую судимость за совершение тяжкого или особо тяжкого преступления; преступления при рецидиве преступлений; двух и более преступлений, предусмотренных частью первой статьи 228, статьей 228.3, частью первой статьи 231, частью первой статьи 234.1 УК; умышленного преступления в отношении несовершеннолетнего?» 75,6 % (80,6 %) ответили положительно, 22,4 % (14,8 %) — отрицательно, 2 % (4,6 %) затруднились ответить.

На вопрос «Есть ли необходимость привлекать сотрудников патрульно-постовой службы полиции к мероприятиям, связанным с посещением по месту жительства или пребывания лиц, совершивших административные правонарушения, посягающие на общественный порядок и общественную безопасность, при проведении публичных или официальных спортивных мероприятий?» 75 % (84,8 %) ответили положительно, 23 % (12,7 %) — отрицательно, 2 % (2,5 %) затруднились ответить.

На вопрос «Смогут ли сотрудники патрульно-постовой службы полиции реализовывать такую форму профилактического воздействия, как профилактическая беседа?» 77,6 % (81,8 %) дали положительный ответ, 16 % (13 %) ответили отрицательно, 6,4 % (5,2 %) затруднились ответить.

На вопрос «Смогут ли сотрудники патрульно-постовой службы полиции осуществлять правовое информирование населения административного участка во время отсутствия участкового уполномоченного полиции?» 50,7 % (74 %) ответили положительно, 45,3 % (17,2 %) — отрицательно, 4 % (8,8 %) затруднились ответить.

На вопрос «Могут ли сотрудники патрульно-постовой службы полиции осуществлять профилактический обход территории административного участка во время отсутствия участкового уполномоченного полиции?» 75,2 % (77,7 %) ответили «да», 20 % (20,3 %) — «нет» и лишь 4,8 % (2 %) затруднились ответить.

На вопрос «Целесообразно ли привлекать сотрудников патрульно-постовой службы полиции к поквартирному или подворовому обходу жилого сектора?» 84 % (85,5 %) также дали по-

ложительный ответ, 12 % (10,5 %) ответили отрицательно, 4 % (4 %) затруднились ответить.

На вопрос «Возможно ли объединение такой формы несения службы, как профилактический обход административного участка, с патрулированием жилого сектора?» 75 % (77,6 %) ответили «да», 18 % (17,4 %) — «нет», 7 % (5 %) затруднились дать ответ.

И, наконец, на вопрос «Как часто Вы взаимодействуете с сотрудниками патрульно-постовой службы полиции при несении службы на территории обслуживаемого административного участка (в течение месяца)?» 31 % (58,5 %) указали, что не взаимодействуют, 42 % (24 %) отметили периодичность от 1 до 4 раз, 16,5 % (12,5 %) — от 5 до 10 раз, 10,5 % (5 %) выбрали вариант ответа «более 10 раз».

Проанализировав полученные результаты анкетирования, можно сделать вывод, что участковые уполномоченные полиции в преобладающем большинстве — 52,2 % (72 %) — положительно оценивают взаимозаменяемость с патрульно-постовой службой полиции при обеспечении правопорядка на улицах и в других общественных местах административного участка. В то же время 66,8 % (61,7 %) респондентов полагают, что возможно снижение эффективности деятельности службы при возложении на них отдельных функций, связанных с обеспечением правопорядка. При этом к отсутствию наружных нарядов патрульно-постовой службы полиции в жилом секторе и вытекающей из этого самостоятельности в вопросах обеспечения правопорядка, большая часть опрошенных — 61 % (35 %) — отнеслась отрицательно.

Интересно мнение участковых уполномоченных полиции и о возможном перераспределении своих функций в осуществлении индивидуальной профилактической работы с лицами, состоящими на профилактическом учете органов внутренних дел. Преобладающее большинство практиков — 61,4 % (69,5 %) — считают, что сотрудники патрульно-постовой службы полиции могут вполне эффективно проводить такую работу. Кроме этого, 71,7 % (76,5 %) полагают, что они могут также посещать по месту жительства лиц, допускающих правонарушения в семейно-бытовой сфере.

В контексте сказанного 75,6 % (80,6 %) опрошенных предлагают привлекать патрульно-постовую службу полиции для посещения по месту жительства лиц, освобожденных из мест лишения свободы и имеющих непогашенную или неснятую судимость за совершение тяжкого или особо тяжкого преступления, преступления при рецидиве преступлений, двух и более преступле-

ний, умышленного преступления в отношении несовершеннолетнего. Наконец, 75 % (84,8 %) допускают и привлечение к мероприятиям, связанным с посещением по месту жительства лиц, совершивших административные правонарушения, посягающие на общественный порядок и общественную безопасность, при проведении публичных или официальных спортивных мероприятий.

Относительно целесообразности использования форм профилактического воздействия с вышеуказанными категориями лиц, участковые уполномоченные полиции тоже допускают такую возможность. В частности, 77,6 % (81,8 %) респондентов положительно оценивают проведение сотрудниками патрульно-постовой службы полиции профилактических бесед и правового информирования населения — 50,7 % (74 %) соответственно.

Нельзя не отметить интерес участковых уполномоченных полиции к привлечению патрульно-постовой службы полиции для профилактического обхода территории административного участка. 75,2 % (77,7 %) респондентов полагают, что во время отсутствия участкового уполномоченного полиции такую форму несения службы вполне реально возложить на наружные наряды полиции. Относительно поквартирного или подворового обхода жилого сектора большинство — 84 % (85,5 %) — также придерживаются такого мнения. Более того, 75 % (77,6 %) считают уместным объединить профилактический обход административного участка с патрулированием жилого сектора.

Далее необходимо проанализировать ответы, предоставленные сотрудниками патрульно-постовой службы полиции, в таком же виде, уделив внимание как городским, так и сельским территориальным органам. Варианты ответов будут также представлены в тексте последовательно друг за другом, сначала город, затем село, разграниченные круглыми скобками.

На вопрос «Возможна ли взаимозаменяемость сотрудников патрульно-постовой службы полиции и участковых уполномоченных полиции при решении задач по обеспечению правопорядка на улицах и в других общественных местах?» 34,6 % (64 %) дали положительный ответ, 55,4 % (23 %) ответили отрицательно, 10 % (13 %) затруднились ответить.

На вопрос «Существуют ли риски снижения эффективности деятельности нарядов патрульно-постовой службы полиции при возложении на них отдельных функций участковых уполномоченных полиции, связанных с обеспечением правопорядка на территории административного

участка?» 77 % (47 %) указали на существенное снижение эффективности деятельности службы, 7 % (16 %) считают, что это никак не повлияет на их деятельность, 15 % (33 %) обозначили частичное негативное влияние, 1 % (4 %) респондентов затруднились ответить.

На вопрос «Могут ли наряды патрульно-постовой службы полиции обеспечить правопорядок в жилом секторе административного участка при отсутствии участкового уполномоченного полиции?» 41 % (70,5 %) дали положительный ответ, 47 % (15,5 %) ответили отрицательно, 12 % (14 %) затруднились ответить.

На вопрос «Могут ли сотрудники патрульно-постовой службы полиции эффективно проводить индивидуальную профилактическую работу с лицами, состоящими на профилактическом учете органов внутренних дел?» 33 % (75 %) дали положительный ответ, 60 % (15 %) ответили отрицательно, 7 % (10 %) затруднились ответить.

На вопрос «Есть ли необходимость сотрудникам патрульно-постовой службы полиции посещать по месту жительства лиц, допускающих правонарушения в семейно-бытовой сфере, при отсутствии на административном участке участкового уполномоченного полиции?» 27 % (56,5 %) ответили «да», 68 % (35,5 %) — «нет», 5 % (8 %) затруднились ответить.

На вопрос «Есть ли необходимость привлекать сотрудников патрульно-постовой службы полиции к мероприятиям, связанным с посещением по месту жительства или пребывания лиц, освобожденных из мест лишения свободы и имеющих непогашенную или неснятую судимость за совершение тяжкого или особо тяжкого преступления; преступления при рецидиве преступлений; двух и более преступлений, предусмотренных частью первой статьи 228, статьей 228.3, частью первой статьи 231, частью первой статьи 234.1 УК; умышленного преступления в отношении несовершеннолетнего?» 24 % (67,5 %) ответили положительно, 71 % (20 %) — отрицательно, 5 % (12,5 %) затруднились ответить.

На вопрос «Есть ли необходимость привлекать сотрудников патрульно-постовой службы полиции к мероприятиям, связанным с посещением по месту жительства или пребывания лиц, совершивших административные правонарушения, посягающие на общественный порядок и общественную безопасность, при проведении публичных или официальных спортивных мероприятий?» 48 % (62 %) ответили положительно, 47 % (27 %) — отрицательно, 5 % (11 %) затруднились ответить.

На вопрос «Смогут ли сотрудники патрульно-постовой службы полиции реализовывать такую форму профилактического воздействия, как профилактическая беседа?» 48 % (76 %) дали положительный ответ, 47 % (12 %) ответили отрицательно, 5 % (12 %) затруднились ответить.

На вопрос «Смогут ли сотрудники патрульно-постовой службы полиции осуществлять правовое информирование населения административного участка во время отсутствия участкового уполномоченного полиции?» 31 % (64 %) ответили положительно, 63 % (21 %) — отрицательно, 6 % (15 %) затруднились ответить.

На вопрос «Могут ли сотрудники патрульно-постовой службы полиции осуществлять профилактический обход территории административного участка во время отсутствия участкового уполномоченного полиции?» 23 % (58 %) ответили «да», 71 % (30 %) — «нет», 6 % (12 %) затруднились ответить.

На вопрос «Целесообразно ли привлекать сотрудников патрульно-постовой службы полиции к поквартирному или подворовому обходу жилого сектора?» 11 % (50 %) дали положительный ответ, 84 % (37 %) ответили отрицательно, 5 % (13 %) затруднились ответить.

На вопрос «Возможно ли объединение патрулирования жилого сектора с профилактическим обходом при отсутствии на административном участке участкового уполномоченного полиции?» 20 % (71 %) ответили «да», 77 % (27 %) — «нет», 3 % (2 %) затруднились дать ответ.

На вопрос «Как часто Вы взаимодействуете с участковым уполномоченным полиции при несении службы (в течение месяца)?» 22 % (17 %) указали, что не взаимодействуют, 45 % (13 %) отметили периодичность от 1 до 4 раз, 22 % (42 %) — от 5 до 10 раз, 11 % (28 %) выбрали вариант ответа «более 10 раз».

Проведенный опрос показывает, что сотрудники патрульно-постовой службы полиции в отличие от участковых уполномоченных полиции высказывают сомнения по вопросу взаимозаменяемости служб при решении задач по обеспечению правопорядка на улицах и в других общественных местах. Сотрудники, проходящие службу в городских условиях, преимущественно считают, что это будет неэффективно, в свою очередь, сельские полицейские, наоборот, согласны с возможной взаимозаменяемостью (ответили положительно — 34,6 % (64 %), отрицательно — 55,4 % (23 %)).

В то же время 77 % (47 %) респондентов полагают, что возможно снижение эффективности деятельности при возложении на них отдельных функций участковых уполномоченных полиции,

связанных с обеспечением правопорядка. Между тем к отсутствию участкового уполномоченного полиции в жилом секторе и вытекающей из этого самостоятельности в вопросах обеспечения правопорядка в жилом секторе почти половина опрошенных сотрудников, проходящих службу в городе, отнеслась отрицательно — 47 % (15 %), а в сельской местности, наоборот, большинство готово выполнить эту задачу самостоятельно и ответили положительно — 41 % (70,5 %).

Заслуживает внимания точка зрения сотрудников патрульно-постовой службы полиции о совмещении функций по проведению индивидуальной профилактической работы с лицами, состоящими на профилактическом учете, — 60 % (15 %) респондентов, работающих в городе, полагают, что не справятся с данной задачей. Кроме этого, 68 % (35,5 %) полагают, что посещать по месту жительства лиц, допускающих правонарушения в семейно-бытовой сфере нецелесообразно. Здесь мы видим расхождение мнений сотрудников: в сельской местности полагают, что смогут эффективно проводить индивидуальную профилактическую работу с лицами, состоящими на профилактическом учете органов внутренних дел, 33 % (75 %) респондентов.

Схожая ситуация и с целесообразностью направления наружных нарядов полиции для посещения по месту жительства лиц, освобожденных из мест лишения свободы и имеющих непогашенную или неснятую судимость за совершение тяжких преступлений, — 68 % (35,5 %) (большинство) городских респондентов ответили отрицательно. Напротив, 48 % (62 %) по аналогии с участковыми уполномоченными полиции ответили положительно, допуская возможность привлечения нарядов полиции к посещению по месту жительства лиц, совершивших административные правонарушения, посягающие на общественный порядок и общественную безопасность, при проведении публичных или официальных спортивных мероприятий.

Относительно целесообразности использования форм профилактического воздействия с вышеуказанными категориями лиц сотрудники патрульно-постовой службы полиции солидарны с участковыми уполномоченными полиции, допуская такую возможность. Так, 48 % (76 %) положительно оценивают проведение профилактических бесед, но в городе считают неуместным осуществлять правовое информирование населения 63 % (21 %), в отличие от большинства положительных ответов в селе — 31 % (64 %). Отдельно отметим относительно высокий процент респондентов в сельской местности, затруднившихся ответить на указанный вопрос, — 6 % (15 %).

Особо выделим позицию респондентов о привлечении патрульно-постовой службы полиции к профилактическому обходу административных участков, считающих, что в отсутствие участковых уполномоченных полиции такую форму несения службы нельзя возлагать на иных лиц, — 71 % (30 %), и здесь прослеживается тенденция: сотрудники, проходящие службу в сельской местности, в большинстве готовы к решению такой задачи — 23 % (58 %). Относительно поквартирного и подворового обхода большинство в городе — 84 % (37 %) — придерживаются такого же мнения, положительно высказались 11 % (50 %). Наконец, 77 % (27 %) также считают неуместным объединение профилактического обхода административного участка с патрулированием жилого сектора, при наличии совершенно противоположной точки зрения в селе — 20 % (71 %).

По итогам сравнительного анализа результатов проведенного анкетирования можно констатировать, что в преобладающем большинстве вопросов, связанных с осуществлением правопорядка в жилом секторе, сотрудники подразделений участковых уполномоченных и патрульно-постовой службы полиции, дислоцирующиеся в сельской местности, придерживаются единого мнения о возможном объединении отдельных функций в сфере профилактики правонарушений в общественных местах. Также респонденты солидарны в большинстве вопросов взаимозаменяемости между собой. В основном разногласия существуют в перераспределении функций, связанных с проведением профилактического, поквартирного и подворового обходов, а также с объединением профилактического обхода административного участка с патрулированием жилого сектора в городской местности.

Отдельно отметим, что вопросы объединения функций подразделений участковых уполномоченных и патрульно-постовой службы, иных служб и подразделений полиции участвующих в охране общественного порядка рассматривались и другими исследователями [7, 8, 9].

Соответственно, можно сделать вывод, что существовавшая ранее нормативная правовая база, регламентировавшая деятельность подразделений участковых уполномоченных и патрульно-постовой службы советской милиции, вполне оправдывала свою эффективность в сфере унификации полномочий и может быть также адаптирована к реалиям сегодняшних дней. Объединение функций рассматриваемых служб полиции в сфере профилактики правонарушений и обеспечения правопорядка в жилом секторе административного участка может частично решить проблемы кадрового некомплекта полиции.

Список источников

1. Лен К. В. История службы участковых полиции и следствия: учеб. пособие. Барнаул: Барнаулский юрид. ин-т МВД России, 2017. 71 с.
2. Моисеев С. В., Тяпкин М. О. Деятельность участковых уполномоченных милиции на Алтае (1917–1941 гг.): сб. док. Барнаул: Барнаулский юрид. ин-т МВД России, 2019. 148 с.
3. Инструкция волостному милиционеру с постатейными к ней разъяснениями / под ред. И. Ф. Киселева. М.: Изд. НКВД РСФСР, 1927. 110 с.
4. Изингер А. В. Нормативное правовое регулирование деятельности патрульно-постовой службы полиции в контексте исторического развития // Научный портал МВД России. 2024. № 1 (65). С. 18–28.
5. Хакимов С. Х., Каримов Р. Р., Мухаметов П. А. Становление и направления деятельности участковых инспекторов милиции в Башкирской АССР (1920–1990 гг.): учеб. пособие. Уфа: Уфимский юрид. ин-т МВД России, 2022. 64 с.
6. Устав патрульно-постовой службы Советской милиции: Утвержден приказом Министра внутренних дел СССР от 20 июля 1974 г. № 200. М.: Воениздат, 1974. 262 с.
7. Головкин В. В., Сергеев С. В. Административная реформа в системе МВД: проблемы и перспективы // Алтайский юридический вестник. 2019. № 1 (25). С. 35–38.
8. Койнов М. Ю. К вопросу целесообразности создания единой патрульной службы МВД России // Полицейская деятельность. 2023. № 1. С. 28–42.
9. Шевцов А. В. Проблемы привлечения участковых уполномоченных полиции к обеспечению правопорядка вне территории закрепленных административных участков // Труды Академии управления МВД России. 2014. № 4 (32). С. 53–56.

References

1. Len K. V. Istorija sluzhby uchastkovyh policii i sledstvija: ucheb. posobie. Barnaul: Barnaul'skij jurid. in-t MVD Rossii, 2017. 71 s.
2. Moiseev S. V., Tjapkin M. O. Dejatel'nost' uchastkovyh upolnomochennyh milicii na Altae (1917–1941 gg.): sb. dok. Barnaul: Barnaul'skij jurid. in-t MVD Rossii, 2019. 148 s.
3. Instrukcija volostnomu milicioneru s postatejnymi k nej raz#jasnenijami / pod red. I. F. Kiseljova. M.: Izd. NKVD RSFSR, 1927. 110 s.
4. Izinger A. V. Normativnoe pravovoe regulirovanie dejatel'nosti patrol'no-postovoj sluzhby policii v kontekste istoricheskogo razvitija // Nauchnyj portal MVD Rossii. 2024. № 1 (65). S. 18–28.
5. Hakimov S. H., Karimov R. R., Muhametov P. A. Stanovlenie i napravlenija dejatel'nosti uchastkovyh inspektorov milicii v Bashkirskoj ASSR (1920–1990 gg.): ucheb. posobie. Ufa: Ufimskij jurid. in-t MVD Rossii, 2022. 64 s.
6. Ustav patrol'no-postovoj sluzhby Sovetskoj milicii: Utverzhen prikazom Ministra vnutrennih del SSSR ot 20 ijulja 1974 g. № 200. M.: Voenizdat, 1974. 262 s.
7. Golovko V. V., Sergeev S. V. Administrativnaja reforma v sisteme MVD: problemy i perspektivy // Altajskij juridicheskij vestnik. 2019. № 1 (25). S. 35–38.
8. Kojnov M. Ju. K voprosu celesoobraznosti sozdanija edinoj patrol'noj sluzhby MVD Rossii // Policejskaja dejatel'nost'. 2023. № 1. S. 28–42.
9. Shevcov A. V. Problemy privlechenija uchastkovyh upolnomochennyh policii k obespecheniju pravoporjadka vne territorii zakreplennyh administrativnyh uchastkov // Trudy Akademii upravlenija MVD Rossii. 2014. № 4 (32). S. 53–56.

Информация об авторе

А. А. Гришаков — кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

A. G. Grishakov — Candidate of Science (Law), Associate Professor.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. Авторами внесен равный вклад в написание статьи.

The authors declare no conflicts of interests. The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

Статья поступила в редакцию 03.03.2025; одобрена после рецензирования 02.04.2025; принята к публикации 12.05.2025.

The article was submitted 03.03.2025; approved after reviewing 02.04.2025; accepted for publication 12.05.2025.

Алтайский юридический вестник. 2025. № 2 (50). С. 62–67.

Altai Law Journal. 2025. № 2 (50). P. 62–67.

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Научная статья

УДК 342.9

О ВОСТРЕБОВАННОСТИ АДМИНИСТРАТИВНОГО ШТРАФА И ПРОБЛЕМАХ ЭФФЕКТИВНОСТИ ЕГО РЕАЛИЗАЦИИ

Олег Николаевич Дядькин^{1,2}

¹Владимирский государственный университет имени А. Г. и Н. Г. Столетовых, Владимир, Россия, krimvggu@mail.ru

²Покровский филиал Московского педагогического государственного университета, Покров, Россия

Аннотация. В статье путем анализа норм отечественного законодательства об административных правонарушениях, судебной практики, статистических данных о назначенных административных штрафах за нарушения Правил дорожного движения за последние пять лет и взглядов исследователей в области административной ответственности раскрывается сущность административного наказания в виде штрафа, выделяются его особенности и отличия от иных административно-правовых санкций, что подчеркивает его неоднозначность и востребованность среди средств предупреждения правонарушений.

Вместе с тем автор рассматривает дискуссионные вопросы и находит адекватные решения проблем при сопоставлении норм Конституции Российской Федерации и российского законодательства об административных правонарушениях. Внимание акцентируется на толковании и содержании статей 35 (ч. 3) и 55 (ч. 3) Основного Закона Российской Федерации.

Ключевые слова: административный штраф, особое производство по делам об административных правонарушениях, заменяемость административного штрафа, базовая величина или месячный расчетный показатель, согласие правонарушителя

Для цитирования: Дядькин О. Н. О востребованности административного штрафа и проблемах эффективности его реализации // Алтайский юридический вестник. 2025. № 2 (50). С. 62–67.

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

Original article

ON THE DEMAND FOR ADMINISTRATIVE FINES AND PROBLEMS OF THE EFFECTIVENESS OF ITS IMPLEMENTATION

Oleg N. Dyadkin^{1,2}

¹Vladimir State University named after Alexander Grigorievich and Nikolai Grigorievich Stoletovs, Vladimir, Russia, krimvggu@mail.ru

²Pokrovsky Branch of Moscow Pedagogical State University, Pokrov, Russia

Abstract. In the article, by analyzing the norms of domestic legislation on administrative offenses, judicial practice, statistical data on administrative fines imposed for violations of traffic rules over the past five years and the views of researchers in the field of administrative responsibility, the essence of administrative punishment in the form of a fine is revealed, its features and differences from other administrative legal sanctions are highlighted, which emphasizes its ambiguity and relevance among means of crime prevention.

At the same time, the author examines controversial issues and finds adequate solutions to problems when comparing the norms of the Constitution of the Russian Federation and the Russian legislation on administrative offenses. Attention is focused on the interpretation and content of Articles 35 (Part 3) and 55 (Part 3) of the Basic Law of Russia.

Keywords: administrative fine, special proceedings in cases of administrative offenses, replaceability of an administrative fine, basic amount or monthly calculation index, consent of the offender

For citation: Dyadkin O. N. On the demand for administrative fines and problems of the effectiveness of its implementation. *Altajskij juridicheskij vestnik* = *Altai Law Journal*. 2025;2:62–67 (In Russ.).

Административная ответственность занимает важное место среди мер государственного принуждения в Российской Федерации, которые направлены на защиту и охрану важных общественных отношений, а также на предупреждение совершения новых правонарушений. Среди мер административной ответственности (административных наказаний) заслуживает пристального внимания административный штраф, на что есть отдельные причины и основания.

Административный штраф, являясь одной из ключевых мер административной ответственности, имеет ряд особенностей в отличие от иных административно-правовых санкций, и его можно охарактеризовать следующим образом.

Во-первых, определяя штраф как меру административного принуждения через цель применения (относительно совершенного административно-правового деликта), мы относим его к административным наказаниям. Вместе с тем, определяя его принадлежность к средствам воздействия через прямое или косвенное, несомненно, отнесем его к косвенному воздействию, поскольку штраф представляет собой денежное взыскание и затрагивает у делинквента материальную (имущественную) составляющую его заинтересованности (выгоды) расходования принадлежащих ему денег. При уплате административного штрафа приходится потратить денежные средства не по своей воле, что, в конечном счете, ухудшает имущественное положение правонарушителя и его семьи.

Во-вторых, денежное взыскание является самой распространенной санкцией среди существующих административных наказаний, используемой субъектами административной юрисдикции к правонарушителям административных правонарушений. Доказательством данного тезиса могут служить, к примеру, официальные данные, представленные МВД России по объему штрафных санкций за правонарушения в области дорожного движения за период 2019–2023 гг.¹ Так, если в 2019 г. общее число сумм штрафов, назначенных за данные нарушения, составляло 106 531 377 тыс. рублей, то 2023 г. ознаменовался суммой уже в 170 215 317 тыс. рублей.

В-третьих, административный штраф имеет своей целью предупредить совершение правонарушений как лицом, подвергавшимся административному наказанию, так и иными физическими и юридическими лицами, в отношении

которых не осуществлялось производства по делам об административных правонарушениях².

В-четвертых, востребованность судьями, органами и должностными лицами применения штрафов за административно-правовые деликты можно объяснить широкой географией возможности его использования. К примеру, административный штраф может быть применен к физическому лицу³ или юридическому лицу фактически за каждый административно-правовой деликт. И в качестве санкции за совершенное противоправное деяние административный штраф предусмотрен не только Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ)⁴, но и законами субъектов РФ об административных правонарушениях⁵.

Кроме того, из существующих десяти административных наказаний только два могут назначаться уполномоченными на то органами и должностными лицами. Именно к ним, помимо предупреждения, относится административный штраф. Анализ санкций «федеральных» административных правонарушений показал, что альтернативой предупреждению всегда служит административный штраф. Однако в таких случаях его размер не всегда объясним с точки зрения законодательного установления.

Так, в большинстве случаев альтернативой предупреждению служит штраф в пределах от 500 до 1000 или 2000 рублей. Однако встречаются нормы, в которых размеры штрафа выглядят более несбалансированными. Данный вывод можем подтвердить следующими примерами из КоАП РФ.

Часть 1 ст. 20.61 «Невыполнение правил поведения при чрезвычайной ситуации или угрозе ее возникновения» в санкции в отношении граж-

² Данная цель преследуется всеми административными наказаниями, что закреплено ч. 1 ст. 3.1 КоАП РФ.

³ Не имеет значения возраст правонарушителя, его трудовая занятость, профессия и т. п. Исключение составляет лишь призванный на военную службу гражданин России и курсант военной образовательной организации до заключения с ним контракта о прохождении военной службы.

⁴ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1 (ч. 1), ст. 1.

⁵ Статья 4 Закона Владимирской области от 14.02.2003 № 11-ОЗ «Об административных правонарушениях во Владимирской области». URL: <https://docs.cntd.ru/document/965000859> (дата обращения: 25.01.2025).

¹ Форма № 1-БДД, Показатели состояния безопасности дорожного движения. URL: <http://stat.gibdd.ru/> (дата обращения: 24.01.2025).

дан устанавливает предупреждение или административный штраф от 1000 до 30 000 рублей.

Часть 3 ст. 14.13 «Неправомерные действия при банкротстве» в качестве субъекта административной ответственности определяет должностное лицо, которому может быть назначено предупреждение или административный штраф в пределах 25 000–50 000 рублей. По нашему мнению, такого разрыва в альтернативных санкциях быть не должно, что требует провести ревизию существующих административно-правовых санкций, включая размеры административного штрафа.

В-пятых, штрафы являются в соответствии с п. 3 ст. 41 Бюджетного кодекса Российской Федерации неналоговыми доходами бюджета¹. В этой связи административный штраф, по мнению ряда авторов, становится «финансово-правовой мерой ответственности» [1, с. 118].

В-шестых, за совершение административного правонарушения назначается только административный штраф, даже если альтернативой ему выступает административный арест либо лишение права управления транспортным средством. Такое решение допускается в особом производстве по делам об административных правонарушениях, выявленных с помощью автоматических средств фиксации нарушений в порядке ч. 3 ст. 28.6 КоАП РФ.

В-седьмых, размер административного штрафа может варьироваться при соответствующих условиях. Так, в исключительных случаях минимальный размер штрафа за административное правонарушение, предусмотренное КоАП РФ или законом субъекта РФ об административных правонарушениях, может быть снижен в отношении гражданина, должностного лица и юридического лица, но не более, чем на половину данного размера (ч. 2.2 и 3.2 ст. 4.1 КоАП).

В-восьмых, анализируемое нами административное наказание выступает средством, позволяющим обеспечить исполнение вынесенного по делу о правонарушении постановления. Так, за уклонение от исполнения административного наказания (кроме ч. 2 ст. 20.25 КоАП РФ) всегда назначается увеличенный административный штраф.

В силу обозначенных обстоятельств необходимо коснуться актуальных вопросов юридического установления и порядка исполнения административного штрафа в Российской Федерации.

Работы, в которых исследуются проблемы относительно административного штрафа, со-

держат дискуссионные вопросы, которые требуют адекватных ответов.

Так, А. В. Зубач и С. Г. Черняев обращают внимание на несостоятельность существования регионального законодательства об административных правонарушениях в силу положений ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации². Они также предлагают поддержать мнение взаимозаменяемости исполнения штрафа, используя возможности обязательных работ [2].

Первоначально определимся с легитимностью законов субъектов РФ об административных правонарушениях. В соответствии с п. «к» ч. 1 ст. 72 Основного Закона РФ в предмет совместного ведения России и ее субъектов наравне с другими входит административное и административно-процессуальное законодательство³. При этом ч. 3 ст. 55 Конституции РФ права и свободы человека и гражданина позволяет ограничивать лишь федеральным законом и только в «целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства».

Вместе с тем ч. 2 ст. 76 Основного Закона РФ обязывает по предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации издавать «федеральные законы и принимаемые в соответствии с ними законы и иные нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации». В настоящее время в нашей стране нормы об административных правонарушениях (административной ответственности), содержащие неблагоприятные последствия для делинквентов административно-правовых деликтов, содержатся в федеральном законе (КоАП РФ) и законах субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях. Необходимо заметить, что ч. 1 ст. 1.1 КоАП РФ подчеркивает, что законы субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях принимаются в соответствии с КоАП РФ и не должны ему противоречить. Статья 1.3¹ КоАП РФ устанавливает полномочия субъектов РФ в области административных правонарушений, которые касаются лишь установления административной ответственности за нарушения региональных и местных правил поведения, а также закрепления «своих» субъектов

² Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 04.07.2020).

³ Безусловно, к их числу отнесено законодательство об административных правонарушениях.

¹ Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ // Российская газета. 1998. 12 авг. № 153–154.

административной юрисдикции и определения их статусов.

Позицию легитимности регионального административно-деликтного законодательства отстаивает и Верховный Суд Российской Федерации. Так, подп. «д» п. 28 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 50 допускает, что «субъекты Российской Федерации могут предусматривать санкции в законах, регламентирующих ответственность за административные правонарушения, принимаемых в пределах их компетенции...»¹.

Заслуживает, по нашему убеждению, внимания предложение о взаимозаменяемости административных наказаний. В первую очередь это следует отнести к административному штрафу. Для выработки решения следует подвергнуть анализу законодательство об административных правонарушениях отдельных государств на постсоветском пространстве².

Так, Кодекс Республики Беларусь от 6 января 2021 г. № 91-З (далее — КоАП РБ)³ в ст. 6.5 закрепил содержание общественных работ (в КоАП РФ так именуются обязательные работы) и порядок назначения. Их отличает то, что они назначаются судом с согласия правонарушителя. Отсюда можно сделать вывод, что деликвент выбирает по своему усмотрению — отбытие общественных (обязательных) работ или уплату административного штрафа.

КоАП Республики Узбекистан (далее — КоАП РУ)⁴ в отличие от других государств указывает на обязательность привлечения к оплачиваемым общественным работам. И при этом допускает заменяемость неотбытого срока оплачи-

ваемых общественных работ другими видами административных наказаний. Например, штраф в размере одной базовой расчетной величины приравнивается к восьми часам таких работ. С учетом положений КоАП РФ, обязывающих лицо, привлекаемое к административной ответственности, участвовать при рассмотрении дела, которое может окончиться назначением административного ареста, административного выдворения за пределы России или обязательных работ, а также аналогичных норм КоАП РБ и КоАП РУ, можно предложить следующее комплексное решение.

Во-первых, последнее предложение, закрепленное в ч. 1 ст. 3.12 КоАП РФ, закрепить в следующей редакции: «Обязательные работы назначаются судьей с согласия лица, привлекаемого к административной ответственности».

Во-вторых, для обеспечения обязательного участия лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении (п. 2 ч. 3 ст. 25.1 КоАП РФ), на рассмотрении дела о правонарушении необходимо скорректировать ч. 3 ст. 27.5 «Сроки административного задержания», включив в нее после слов «административный арест» через запятую: «обязательные работы».

В-третьих, в итоге осуществления данных процедур законодателю надлежит провести ревизию санкций административно-правовых деликтов федерального административно-деликтного законодательства, предусмотрев в них альтернативные принудительные меры, в качестве которых выступают основные наказания — административный штраф, обязательные работы и административный арест.

Другую проблему административисты видят в невозможности назначения административного штрафа органами и должностными лицами, усматривая при этом нарушение ч. 3 ст. 35 Конституции РФ: «Никто не может быть лишен своего имущества иначе как по решению суда». Внимательное изучение нормативной базы, касающейся данной проблемы, позволяет судить в нашем случае о гарантиях права собственности в гражданском праве. Лишение имущества возможно только по решению суда и только в строго предусмотренных законом случаях: обращение взыскания на имущество должника по обязательствам; отчуждение имущества, когда оно не принадлежит данному лицу на основе закона; конфискация или реквизиция и т. п. [3, с. 92].

Следует также отметить, что по итогам 2023 г. возросло число дорожно-транспортных происшествий, повлекших смерть и ранение потерпевших. Законодатель отреагировал на дан-

¹ О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25.12.2018 № 50 // Российская газета. 2019. 15 янв. № 6.

² Во время СССР первоначально принимались основы законодательства Союза ССР и союзных республик об административных правонарушениях, на их основе каждая союзная республика создавала свой КоАП, который имел много общего со схожими нормативно-правовыми актами.

³ Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях от 6 января 2021 г. № 91-З. URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=38043824#pos=759 (дата обращения: 25.01.2025).

⁴ Кодекс Республики Узбекистан об административной ответственности (утвержден Законом Республики Узбекистан от 22 сентября 1994 г. № 2015-XII). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30421092 (дата обращения: 25.01.2025).

ную ситуацию, увеличив верхнюю границу административного штрафа ровно на половину за нарушение Правил дорожного движения¹ [12]. Однако санкции увеличились только в 12 статьях главы 12 КоАП РФ. В связи с этим отмечаем, что изменение размеров административного штрафа в России осуществляется не систематически, а как реакция на сложившуюся ситуацию. В этой связи можно заимствовать законодательную практику исчисления административных штрафов в законодательстве ряда государств, которые ранее входили в СССР (Беларусь, Узбекистан, Казахстан и др.).

В частности, максимальные размеры штрафов за все административные правонарушения в данных странах ежегодно изменяются. Они зависят не от абсолютных величин, а от кратности к базовой величине или месячного расчетного показателя. Такие показатели пересматриваются в октябре-ноябре заканчивающегося календарного года и утверждаются на следующий аналогичный период. Подобное позволяет изменять размеры денежного взыскания ежегодно (последовательно) и влиять на предупреждение правонарушений.

Таким образом, можем заключить, что административный штраф, имея отличительные признаки от иных мер административной ответственности, остается востребованным при назначении санкции за совершенное административное правонарушение) и способен выступать средством предупреждения правонарушений.

Для оптимизации его эффективности, на наш взгляд, необходимо размеры административных штрафов в Российской Федерации устанавливать не в абсолютных величинах от и до, а закреплять их пределы в кратности к базовой величине (расчетному месячному показателю) на каждый год федеральным законом.

Кроме того, для заменяемости штрафа и обеспечения назначения обязательных работ российскому законодателю установить альтернативные санкции статей Особенной части КоАП РФ, включив в них основные административные наказания — административный штраф, обязательные работы и административный арест, а обязательные работы назначать с согласия правонарушителя.

¹ О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федеральный закон Российской Федерации от 26.12.2024 № 40-ФЗ // Российская газета. 2024. 28 дек. № 297.

Список источников

1. Позднякова Е. В., Боренштейн А. Л. Административный штраф как финансово-правовая мера ответственности // Вестник Владимирского юридического института. 2015. № 3. С. 116–118.
2. Зубач А. В., Черняев С. Г. Штраф в системе административных наказаний Российской Федерации в свете законодательных новаций по данной проблеме // Вестник экономической безопасности. 2017. № 2. С. 30–34.
3. Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный): с учетом изменений, одобренных в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. / Т. Я. Хабриева, Л. В. Андриченко, С. Б. Нанба, А. Е. Помазанский; под ред. Т. Я. Хабриевой; обращение к читателям В. В. Путина. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: Инфра-М, 2024. 368 с.

References

1. Pozdnjakova E. V., Borenshtejn A. L. Administrativnyj shtraf kak finansovo-pravovaja mera otvetstvennosti // Vestnik Vladimirskogo juridicheskogo instituta. 2015. № 3. S. 116–118.
2. Zubach A. V., Chernjaev S. G. Shtraf v sisteme administrativnyh nakazaniy Rossijskoj Federacii v svete zakonodatel'nyh novacij po dannoj probleme // Vestnik jekonomicheskoy bezopasnosti. 2017. № 2. S. 30–34.
3. Kommentarij k Konstitucii Rossijskoj Federacii (postatejnyj): s uchetom izmenenij, odobrennyh v hode obshherossijskogo golosovanija 1 ijulja 2020 g. / T. Ja. Habrieva, L. V. Andrichenko, S. B. Nanba, A. E. Pomazanskij; pod red. T. Ja. Habrievoj; obrashhenie k chitateljam V. V. Putina. M.: Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedenija pri Pravitel'stve Rossijskoj Federacii: Infra-M, 2024. 368 s.

Информация об авторе

О. Н. Дядькин — кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

O. N. Dyadkin — Candidate of Science (Law), Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 01.02.2025; одобрена после рецензирования 14.03.2025; принята к публикации 12.05.2025.

The article was submitted 01.02.2025; approved after reviewing 14.03.2025; accepted for publication 12.05.2025.

Алтайский юридический вестник. 2025. № 2 (50). С. 68–73.

Altai Law Journal. 2025. № 2 (50). P. 68–73.

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Научная статья

УДК 351.74:004.56

ФОРМИРОВАНИЕ КУЛЬТУРЫ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ КАК ОСНОВНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛИЦИИ ПО ПРОФИЛАКТИКЕ ВОВЛЕЧЕНИЯ В ДЕСТРУКТИВНЫЕ МОЛОДЕЖНЫЕ СУБКУЛЬТУРЫ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ

Владислав Геннадьевич Жуков

ВНИИ МВД России, Москва, Россия, us-cs2222@inbox.ru

Аннотация. В статье раскрывается актуальная проблема формирования деструктивных субкультур в молодежной среде, влияния данных сообществ на молодежь в условиях цифровизации. Комплексно исследуются принципы культуры информационной безопасности, а также механизмы ее развития. Определены субъекты формирования культуры информационной безопасности, обозначен их правовой статус, обоснована роль полиции как основного субъекта данной деятельности. На основе анализа направлений развития рассматриваемой деятельности сформулированы проблемы, с которыми она сталкивается, а также предложены пути их решения. Материалы исследования базируются на научных разработках по данной тематике, статистических данных, результатах социологических опросов и экспертных оценках, что придает ему высокую научную и практическую значимость для специалистов в области права.

Ключевые слова: цифровизация, деструктивные группы, Интернет, молодежь, культура информационной безопасности, полиция, административная деятельность полиции, профилактика

Для цитирования: Жуков В. Г. Формирование культуры информационной безопасности как основное направление административной деятельности полиции по профилактике вовлечения в деструктивные молодежные субкультуры в цифровой среде // Алтайский юридический вестник. 2025. № 2 (50). С. 68–73.

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

Original article

FORMATION OF AN INFORMATION SECURITY CULTURE AS THE MAIN DIRECTION OF POLICE ADMINISTRATIVE ACTIVITIES AIMED AT PREVENTING INVOLVEMENT IN DESTRUCTIVE YOUTH SUBCULTURES IN THE DIGITAL ENVIRONMENT

Vladislav G. Zhukov

All-Russian Scientific Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia,
us-cs2222@inbox.ru

Abstract. The article reveals the actual problem of the formation of destructive subcultures among young people, the influence of these communities on young people in the context of digitalization. The work comprehensively examines the principles of information security culture, as well as the mechanisms of its development. The subjects of information security culture formation are identified, their legal status is determined, and the role of the police as the main subject of this activity is substantiated. Based on the analysis of the directions of development of the activity under consideration, the problems it faces are formulated, as well as ways to solve them are proposed. The research materials are based on scientific developments on this topic, statistical data, the results of sociological surveys and expert assessments, which gives it high scientific and practical significance for specialists in the field of law.

Keywords: digitalization, destructive groups, the Internet, youth, information security culture, police, police administrative activities, prevention

For citation: Zhukov V. G. Formation of an information security culture as the main direction of police administrative activities to prevent involvement in destructive youth subcultures in the digital environment. *Altajskij juridicheskij vestnik* = *Altai Law Journal*. 2025;2:68–73 (In Russ.).

Цифровая среда стала основным пространством социализации молодежи, однако ее открытость и анонимность способствуют распространению деструктивных субкультур (радикальные движения, кибербуллинг, суицидальные сообщества). Полиция как ключевой субъект обеспечения безопасности сталкивается с необходимостью адаптировать методы работы к новым вызовам. Развитие правового сознания и культуры информационной безопасности среди молодежи — важный инструмент профилактики вовлечения в деструктивные сообщества. В 2025 г. формирование культуры информационной безопасности называют ключевым трендом года в борьбе с киберугрозами [1].

Деструктивные молодежные субкультуры (далее — ДМС) представляют собой одно из тех опасных явлений, которое может оказывать разрушительное воздействие как на отдельную личность, так и на определенную социальную группу людей и общество в целом. Их отличительным признаком является деструктивный (асоциальный) набор ценностей, целей и стандартов поведения, которые разделяют его участники. Термин «деструктивный» означает разрушительный и нарушающий порядок, также этот термин толкуется как непродуктивный, ведущий к разрушению. Деструктивное поведение — процесс, в котором личность не адаптируется к окружающей среде и устоявшимся социальным нормам, проявляя индивидуальные особенности путем действий или реакций, отклоняющихся от общепринятых культурных, моральных и этических устоев [2, с. 13].

Таким образом, деструктивные молодежные субкультуры в цифровой среде представляют собой ориентированные на молодежную аудиторию идеологические течения, характеризующиеся общими антисоциальными, разрушительными взглядами и стереотипами мышления и поведения, которые активно распространяются через цифровые платформы и социальные сети и способны провоцировать совершение общественно опасных действий подростками в «офлайне».

В деятельности по противодействию вовлечению в деструктивные молодежные субкультуры в цифровой среде особую роль играет уровень правовой культуры молодежи, а в особенности культуры информационной безопасности.

Культура информационной безопасности (далее — КИБ) — это совокупность сформированных знаний, умений и навыков по вопросам информационной безопасности, обеспечивающая

безопасное пребывание гражданина Российской Федерации в информационном пространстве¹.

КИБ можно охарактеризовать как систему ценностей, знаний и практик, направленных на защиту информации и минимизацию цифровых угроз. Ее развитие становится ключевым условием устойчивости личности, бизнеса и государства в цифровую эпоху.

В то же время для формирования КИБ у молодежи необходим высокий уровень правового сознания и КИБ у сотрудников полиции как основного субъекта противодействия вовлечения в ДМС в цифровой среде [3, с. 60], которые выполняют функции профилактики (лекции, сотрудничество с школами), выявления и блокировки запрещенного контента, расследования киберпреступлений и др.

Административная деятельность полиции по формированию культуры информационной безопасности в целях противодействия вовлечению в деструктивные молодежные субкультуры в цифровой среде направлена на выявление и устранение причин, порождающих правонарушения (иные деструктивные явления), и условий, способствующих совершению правонарушений или облегчающих их совершение; на повышение уровня правовой грамотности и развитие правосознания молодежи, на оказание воспитательного воздействия на определенные группы несовершеннолетних, лиц, отбывающих уголовное наказание, не связанное с лишением свободы; на устранение факторов цифровой среды, отрицательно влияющих на их поведение, а также на проведение обучающих лекций, тесное сотрудничество со школами и другими образовательными организациями и платформами².

Одной из первоочередных задач для сотрудников полиции является выявление на раннем этапе подростков, склонных к девиантным формам поведения, транслирующих свои намерения в Интернете. Отдельное пристальное внимание также уделяется участникам неформальных молодежных организаций, движений

¹ Об утверждении Концепции формирования и развития культуры информационной безопасности граждан Российской Федерации [Электронный ресурс]: распоряжение Правительства Российской Федерации от 22.12.2022 № 4088-р. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон Российской Федерации от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ (ред. от 08.08.2024). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

и группировок, потенциально способных к противоправным, антиобщественным действиям.

Можно сделать вывод, что в вопросе противодействия вовлечения в ДМС в цифровой среде от уровня правосознания и КИБ сотрудников полиции напрямую зависит уровень правосознания и КИБ обычных граждан, в т. ч. молодежи, что вызвано определенными обстоятельствами.

Современное общество существует в условиях цифровой трансформации, где информационные технологии пронизывают все сферы жизни. Это создает не только возможности, но и риски: кибератаки, утечки данных, фишинг, манипуляция сознанием.

КИБ является важнейшим аспектом современного цифрового общества. Она включает в себя комплекс знаний, навыков и поведенческих моделей, направленных на защиту данных и информационных систем от различных угроз. В условиях роста кибератак и цифровизации экономики развитие КИБ становится все более актуальным.

Основные принципы КИБ:

1. Конфиденциальность, целостность и доступность. Эти три принципа являются основой информационной безопасности. Конфиденциальность гарантирует, что доступ к информации имеют только уполномоченные лица. Целостность обеспечивает неизменность данных, а доступность — их постоянную доступность [4].

2. Простота использования информационных систем: снижает риск ошибок, которые могут привести к нарушениям безопасности [5].

3. Контроль над операциями: позволяет отслеживать и блокировать нежелательные действия в информационных системах.

4. Разграничение доступа: каждому пользователю предоставляется доступ к информации в соответствии с его полномочиями.

Можно сформулировать основные пути совершенствования КИБ:

1. Формирование культуры кибербезопасности: компании будут инвестировать в обучение персонала и внедрение политики ответственного использования данных. Это включает интерактивные тренинги и вовлечение сотрудников в процесс киберзащиты [6].

2. Принцип нулевого доверия. Этот подход предполагает проверку всех пользователей и устройств перед предоставлением доступа к ресурсам, что повышает безопасность [7].

3. Использование облачных технологий: рост популярности облачных сервисов для хранения и обработки данных, особенно в России, где планируется переход на отечественные решения [8, с. 25].

4. Развитие квантовых технологий: внедрение постквантовой криптографии для защиты от потенциальных атак на квантовых компьютерах.

Также можно выделить механизмы развития КИБ, среди которых:

1) образовательные программы: регулярные тренинги и семинары для сотрудников, направленные на повышение осведомленности и формирование культуры безопасности [9];

2) мотивация и пример руководства: личный пример руководства и создание комфортных условий труда для сотрудников способствуют формированию КИБ [10];

3) государственная поддержка: системный подход к повышению грамотности населения по вопросам КИБ через регулярные мониторинги и информационные кампании.

Сформированная КИБ должна включать в себя [11, с. 35]:

- осведомленность о цифровых угрозах и методах защиты;

- ответственное поведение при работе с данными (пароли, конфиденциальность);

- навыки использования защитных технологий (антивирусы, VPN, шифрование);

- правовую грамотность (знание законов о персональных данных, авторском праве);

- этический аспект — уважение к приватности других пользователей.

Основная цель КИБ — это формирование у общества, в особенности у молодежи, устойчивого иммунитета к киберугрозам через образование, технологии и правовое регулирование [12, с. 68].

Для формирования КИБ необходимо взаимодействие таких субъектов, как [13]:

1. Государство (разрабатывает законодательство, национальные программы (например, «Цифровая экономика» в РФ, включающая направление по кибербезопасности), осуществляет поддержку образовательных инициатив (курсы для населения, гранты для исследований).

2. Правоохранительные органы (профилактика, выявление и блокировка запрещенного контента, расследования киберпреступлений и др.).

3. Бизнес и IT-компании (занимаются внедрением стандартов безопасности, обучают сотрудников (тренинги по предотвращению утечек), разрабатывают пользовательские решения с защитой «по умолчанию» (двухфакторная аутентификация, автоматическое обновление программного обеспечения).

4. Образовательные учреждения (осуществляют интеграцию основ кибербезопасности

в школьные и вузовские программы, проводят олимпиады по информационной безопасности).

5. Средства массовой информации и инфлюенсеры: (популяризируют темы через статьи, видеоролики, подкасты, развенчивают мифы (например, «меня не взломают, я не важен для хакеров»)).

6. Гражданское общество (создание некоммерческих организаций, занимающихся цифровым просвещением (например, «Роскомсвобода»), организация волонтерских проектов для помощи жертвам киберпреступлений).

К ключевым направлениям развития КИБ можно отнести следующие:

- Образование и просвещение:
 - правоохранительные органы: обучение сотрудников полиции основам информационной безопасности;
 - школы и вузы: введение предметов по цифровой гигиене, урокам по распознаванию фишинговых писем;
 - онлайн-курсы: платформы вроде Coursera, Stepik предлагают курсы по основам кибербезопасности;
 - кампании в соцсетях: хештег #БезопасныйИнтернет, инфографика о создании надежных паролей.
- Технологическая инфраструктура:
 - использование искусственного интеллекта для анализа угроз (например, системы обнаружения вторжений);
 - оснащение сотрудников полиции необходимым оборудованием и программным обеспечением для осуществления рассматриваемой деятельности;
 - внедрение квантовой криптографии для защиты каналов связи;
 - развитие биометрической аутентификации (отпечатки пальцев, распознавание лица).
- Правовое регулирование:
 - ужесточение наказаний за киберпреступления (например, статья 272 УК РФ «Неправомерный доступ к компьютерной информации»¹);
 - регулирование сбора и хранения персональных данных (аналоги GDPR в России — федеральный закон Российской Федерации № 152-ФЗ²).

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 28.12.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2025) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² О персональных данных [Электронный ресурс]: федеральный закон Российской Федерации от 27.07.2006 № 152-ФЗ (ред. от 08.08.2024). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

В процессе формирования КИБ встречается ряд проблем, среди них:

- человеческий фактор (95 % утечек данных происходят из-за ошибок сотрудников (данные IBM — крупнейшего мирового производителя и поставщика аппаратно-программного обеспечения)) [14];
- цифровое неравенство (нехватка знаний у старшего поколения и жителей сельских регионов);
- быстрое устаревание технологий (появление новых угроз (например, атаки на IoT-устройства);
- этические дилеммы (баланс между безопасностью и приватностью (например, использование распознавания лиц));
- ограниченное финансирование программ профилактики;
- нехватка инструментов для анализа зашифрованных мессенджеров (Telegram, Signal);
- сложность привлечения к ответственности анонимных пользователей;
- дефицит специалистов по киберпсихологии и digital-расследованиям.

Деятельность полиции по формированию культуры информационной безопасности является ключевым элементом профилактики вовлечения в деструктивные молодежные субкультуры в цифровой среде.

Для решения проблем, имеющих место в данной деятельности, необходимо разработать комплекс мероприятий, в числе которых:

- создание курсов по повышению квалификации сотрудников полиции по направлению информационной безопасности;
- создание единого центра по кибербезопасности с участием Министерства внутренних дел Российской Федерации, Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, Министерства образования;
- участие в международных операциях (Interpol, Europol) для борьбы с трансграничными угрозами;
- введение курсов по киберпсихологии и digital-криминалистике в образовательных организациях системы МВД России;
- внедрение в школах курса «Цифровая самооборона» с участием сотрудников полиции;
- создание онлайн-платформы МВД с уроками по распознаванию деструктивного контента;
- внедрение обязательных курсов по кибербезопасности в школах;

- создание государственных платформ для бесплатного обучения (аналоги Digital Literacy в США);

- стимулирование бизнеса к разработке «безопасных по дизайну» технологий;

- инвестирование в современные технологии анализа цифрового пространства;

- закупка программного обеспечения для анализа Big Data (массивы структурированных и неструктурированных данных, которые собираются из множества источников: покупательских привычек, веб-аналитики, социальных сетей, сенсоров и IoT-устройств), например Palantir;

- внедрение AI-алгоритмов для автоматического выявления опасных сообщений;

- развитие межведомственной и международной кооперации.

В заключение хочется отметить, что формирование КИБ требует комплексного подхода, включающего совершенствование административной деятельности полиции в данном направлении, повышение квалификации сотрудников полиции как основного субъекта профилактики и противодействия вовлечения в деструктивные молодежные субкультуры в цифровой среде, разработку образовательных программ, государственную поддержку данной деятельности. Кроме того, необходимо внедрять современные технологии и принципы данной деятельности, что играет важную роль в повышении уровня безопасности.

Список источников

1. Технологии против угроз: 7 трендов кибербезопасности в 2025 году. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/industry/678f84c69a79478682c0120b> (дата обращения: 05.03.2025).
2. Куликов В. Б. Деструктивное поведение: теоретико-методологический аспект // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2006. № 3 (27). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/destruktivnoe-povedenie-teoretiko-metodologicheskiiy-aspekt/viewe> (дата обращения: 17.03.2025).
3. Жуков В. Г. К вопросу о совершенствовании деятельности полиции по противодействию деструктивным молодежным субкультурам в цифровой среде // Научный вестник Орловского юридического института МВД России им. В. В. Лукьянова. 2024. № 3(100). С. 57–64.
4. Что такое информационная безопасность (InfoSec)? URL: <https://www.microsoft.com/ru-ru/security/business/security-101/what-is-information-security-infosec> (дата обращения: 05.03.2025).
5. Принципы информационной безопасности. URL: <https://arinteg.ru/articles/printsiipy-informatsionnoy-bezopasnosti-26490.html> (дата обращения: 05.03.2025).
6. Узнай семь трендов кибербезопасности в 2025 году. URL: https://dzen.ru/a/Z5tNjTkQmh2Iv_Di (дата обращения: 05.03.2025).
7. Тренды в борьбе с киберпреступностью 2025 — мнение эксперта. URL: <https://ak152.ru/tpost/vubjmb0yc1-trendi-v-borbe-s-kiberprestupnostyu-2025> (дата обращения: 05.03.2025).
8. Смирнов А. В. Электронные доказательства, электронное доказывание, искусственный интеллект: что далее? // Уголовное судопроизводство. 2024. № 1. С. 24–31.
9. Формирование культуры безопасности у сотрудников с помощью DLP-системы. URL: https://rt-solar.ru/products/solar_dozor/blog/3919/ (дата обращения: 05.03.2025).
10. Повышаем культуру информационной безопасности в финтех-компаниях. URL: <https://habr.com/ru/companies/exness/articles/490354/> (дата обращения: 05.03.2025).
11. Смирнов А. А. Формирование системы правового обеспечения информационно-психологической безопасности в Российской Федерации: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2022. 444 с.
12. Перепелова Е. А. Деструктивные субкультурные сообщества несовершеннолетних как угроза национальной безопасности Российской Федерации // Административное право и процесс. 2024. № 5. С. 67–70.
13. Культура ИБ — государство для граждан. URL: <https://bisa.ru/glavred-bdit/kultura-ib-gosudarstvo-dlya-grazhdan> (дата обращения: 05.03.2025).
14. Must-Know Phishing Statistics: Updated 2022. URL: <https://www.tessian.com/blog/phishing-statistics-2020/> (дата обращения: 11.04.2025).

References

1. Tehnologii protiv ugroz: 7 trendov kiberbezopasnosti v 2025 godu. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/industry/678f84c69a79478682c0120b> (data obrashheniya: 05.03.2025).

2. Kulikov V. B. Destruktivnoe povedenie: teoretiko-metodologicheskij aspekt // Psihopedagogika v pravoohranitel'nyh organah. 2006. № 3 (27). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/destruktivnoe-povedenie-teoretiko-metodologicheskij-aspekt/viewe> (data obrashhenija: 17.03.2025).
3. Zhukov V. G. K voprosu o sovershenstvovanii dejatel'nosti policii po protivodejstviyu destruktivnym molodjozhnym subkul'turam v cifrovoj srede // Nauchnyj vestnik Orlovskogo juridicheskogo instituta MVD Rossii im. V. V. Luk'janova. 2024. № 3(100). S. 57–64.
4. Chto takoe informacionnaja bezopasnost' (InfoSec)? URL: <https://www.microsoft.com/ru-ru/security/business/security-101/what-is-information-security-infosec> (data obrashhenija: 05.03.2025).
5. Principy informacionnoj bezopasnosti. URL: <https://arinteg.ru/articles/printsiipy-informatsionnoy-bezopasnosti-26490.html> (data obrashhenija: 05.03.2025).
6. Uznaj sem' trendov kiberbezopasnosti v 2025 godu. URL: https://dzen.ru/a/Z5tNjTkQmh2Iv_Di (data obrashhenija: 05.03.2025).
7. Trendy v bor'be s kiberprestupnost'ju 2025 — mnenie jeksperta. URL: <https://ak152.ru/tpost/vubjmb0yc1-trendi-v-borbe-s-kiberprestupnostyu-2025> (data obrashhenija: 05.03.2025).
8. Smirnov A. V. Jelektronnye dokazatel'stva, jelektronnoe dokazyvanie, iskusstvennyj intellekt: chto dalee? // Ugolovnoe sudoproizvodstvo. 2024. № 1. S. 24–31.
9. Formirovanie kul'tury bezopasnosti u sotrudnikov s pomoshh'ju DLP-sistemy. URL: https://rt-solar.ru/products/solar_dozor/blog/3919/ (data obrashhenija: 05.03.2025).
10. Povyshaem kul'turu informacionnoj bezopasnosti v finteh-kompanii. URL: <https://habr.com/ru/companies/exness/articles/490354/> (data obrashhenija: 05.03.2025).
11. Smirnov A. A. Formirovanie sistemy pravovogo obespechenija informacionno-psihologicheskoy bezopasnosti v Rossijskoj Federacii: dis. ... d-ra jurid. nauk. M., 2022. 444 s.
12. Perepelova E. A. Destruktivnye subkul'turnye soobshhestva nesovershennoletnih kak ugroza nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii // Administrativnoe pravo i process. 2024. № 5. S. 67–70.
13. Kul'tura IB — gosudarstvo dlja grazhdan. URL: <https://bisa.ru/glavred-bdit/kultura-ib-gosudarstvo-dlya-grazhdan> (data obrashhenija: 05.03.2025).
14. Must-Know Phishing Statistics: Updated 2022. URL: <https://www.tessian.com/blog/phishing-statistics-2020/> (data obrashhenija: 11.04.2025).

Статья поступила в редакцию 20.03.2025; одобрена после рецензирования 24.04.2025; принята к публикации 12.05.2025.

The article was submitted 20.03.2025; approved after reviewing 24.04.2025; accepted for publication 12.05.2025.

Алтайский юридический вестник. 2025. № 2 (50). С. 74–80.

Altai Law Journal. 2025. № 2 (50). P. 74–80.

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Научная статья

УДК 342:316.752(571.150)

К ВОПРОСУ О РЕАЛИЗАЦИИ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА НА ДОСТУП К КУЛЬТУРНЫМ ЦЕННОСТЯМ (НА ПРИМЕРЕ «КОМПЛЕКСА: КАЗАРМЫ БАРНАУЛЬСКОГО СТРЕЛКОВОГО ПОЛКА» В БАРНАУЛЬСКОМ ЮРИДИЧЕСКОМ ИНСТИТУТЕ МВД РОССИИ)

Юлия Сергеевна Зубенко

Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия, zubenkoyulia@mail.ru

Аннотация. Установлен юридический аспект положения объекта культурного наследия «Комплекс: Казармы Барнаульского стрелкового полка», расположенного на территории Барнаульского юридического института МВД России. Проведен анализ нормативных документов, регламентирующих право на доступ к культурным ценностям в Российской Федерации и региональных правовых документов, регулирующих отношения, связанные с исследуемым объектом. Рассмотрены доктринальные подходы к определению сущности права на доступ к культурным ценностям и критерии ограничения таких прав. Исследование показало, что имеется правовая неопределенность в реализации конституционного права на доступ к объектам культурного наследия, находящимся на территории с ограниченным допуском граждан. Автором внесены предложения по обеспечению реализации конституционного права на доступ к «Комплексу: Казармы Барнаульского стрелкового полка».

Ключевые слова: право, закон, культурные ценности, объект культурного наследия, «Комплекс: Казармы Барнаульского стрелкового полка», реализация конституционных прав

Для цитирования: Зубенко Ю. С. К вопросу о реализации конституционного права на доступ к культурным ценностям (на примере «Комплекса: Казармы Барнаульского стрелкового полка» в Барнаульском юридическом институте МВД России) // Алтайский юридический вестник. 2025. № 2 (50). С. 74–80.

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

Original article

IMPLEMENTATION OF THE CONSTITUTIONAL RIGHT TO ACCESS CULTURAL VALUES (USING THE EXAMPLE OF THE "COMPLEX: BARRACKS OF THE BARNAUL RIFLE REGIMENT" IN BARNAUL LAW INSTITUTE OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA)

Julija S. Zubenko

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia, zubenkoyulia@mail.ru

Abstract. The legal aspect of the position of the "Complex: barracks of the Barnaul Rifle Regiment" located on the territory of the Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia has been established. The analysis of regulatory documents regulating the right of access to cultural property in the Russian Federation and regional legal documents regulating relations related to the object under study is carried out. The article considers doctrinal approaches to determining the essence of the right to access cultural property and criteria for limiting such rights. The study showed that there is a legal uncertainty in the implementation of the constitutional right to access cultural heritage sites located in the territory with limited access by citizens. The author has made proposals to ensure the implementation of the constitutional right of access to the "Complex: barracks of the Barnaul Rifle Regiment".

Keywords: law, cultural values, object of cultural heritage, complex: barracks of the Barnaul rifle regiment, exercise of constitutional rights

For citation: Zubenko J. S. Implementation of the constitutional right to access cultural values (using the example of the "Complex: barracks of the Barnaul Rifle Regiment" in Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia). Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal. 2025;2:74–80 (In Russ.).

© Зубенко Ю. С., 2025

На территории Барнаульского юридического института МВД России располагается объект культурного наследия регионального значения — «Комплекс: Казармы Барнаульского стрелкового полка». Считается, что в 1905 г. этот «военный городок» [1, с. 52] имел стратегическое значение для Российской империи и размещение этой воинской части было целесообразно именно в г. Барнауле. Соответственно, на сегодняшний день этот комплекс приобрел важное историческое значение для Алтайского края, и этот факт делает его стратегически важным объектом в развитии региона, в частности туристической индустрии. Кроме того, комплекс вызывает большой интерес не только для научных исследований у специалистов в истории, архитектуре, краеведении, но и у обычных граждан России, которые приезжают в Алтайский край в качестве туристов¹.

Основным правовым актом, регулирующим отношения, связанные с объектами культурного наследия, является Федеральный закон Российской Федерации от 25.06.2002 № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» (далее — ФЗ № 73)². Правовое положение казарм Барнаульского стрелкового полка определяют следующие региональные нормативные документы: постановление Алтайского краевого Законодательного Собрания от 28.12.1994 № 169 «Об историко-культурном наследии Алтайского края»³, приказ Управления государственной охраны объектов культурного наследия Алтайского края от 20.08.2020 № 722 «Об установлении зон охраны объекта культурного наследия регионального значения “Комплекс: Казармы Барнаульского стрелкового полка”, 1905 г., расположенного по адресу: Алтайский край, г. Барнаул, ул. Чкалова, 49 утверждения режимов использования земель и требований к градострои-

тельным регламентам в границах территорий данных зон»⁴ и приказ Управления государственной охраны объектов культурного наследия Алтайского края от 15.10.2021 № 904 «Об утверждении предмета охраны объекта культурного наследия»⁵. Анализ перечисленных документов позволяет говорить о сложной юридической судьбе в получении официального статуса объекта культурного наследия регионального значения.

Официально статус объекта культурного наследия присваивается с момента внесения записи в единый реестр объектов культурного наследия⁶. Такой статус казармы Барнаульского стрелкового полка получили на основании приказа Минкультуры РФ от 15.10.2021 № 904, в котором они утверждены в качестве предмета охраны, присвоенный им номер указан в едином реестре объектов культурного наследия, который является уникальным, присваивается однократно и повторно не используется⁷. Однако на государственную охрану казармы Барнаульского стрелкового полка были поставлены именно постановлением Алтайского краевого Законодательного Собрания от 28.12.1994 № 169. На сегодняшний день документ имеет историческое значение, поскольку является первым законодательным актом в регионе, официально объявившим объекты, имеющие историческое, культурное и научное значение и находящиеся на территории Алтайского края, охраняемыми памятниками истории и культуры. Этот юридический акт позволил обеспечить сохранение историко-

¹ Например, на крупнейшей в мире платформе о путешествиях Tripadvisor рекомендуется посетить Казармы Барнаульского стрелкового полка в качестве архитектурной достопримечательности в г. Барнауле. URL: https://www.tripadvisor.ru/Attraction_Review-g737147-d27539853-Reviews-Barracks_Barnaulskogo_Polka-Barnaul_Altai_Krai_Siberian_District.html (дата обращения: 05.09.2024).

² Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации: федеральный закон Российской Федерации от 25.06.2002 № 73-ФЗ // Российская газета. 2002. № 116–117.

³ Об историко-культурном наследии Алтайского края: постановление Алтайского краевого Законодательного Собрания от 28.12.1994 № 169 // Сборник законодательства Алтайского края. 2005. № 105. С. 3.

⁴ Об установлении зон охраны объекта культурного наследия регионального значения «Комплекс: Казармы Барнаульского стрелкового полка», 1905 г., расположенного по адресу: Алтайский край, г. Барнаул, ул. Чкалова, 49, утверждения режимов использования земель и требований к градостроительным регламентам в границах территорий данных зон: приказ Управления государственной охраны объектов культурного наследия Алтайского края от 20.08.2020 № 722. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/2201202008250003> (дата обращения: 05.09.2024).

⁵ Об утверждении предмета охраны объекта культурного наследия [Электронный ресурс]: приказ Управления государственной охраны объектов культурного наследия Алтайского края от 15.10.2021 № 904. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁶ Положение о едином государственном реестре объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации [Электронный ресурс]: приказ Министерства культуры Российской Федерации от 03.10.2011 № 954. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁷ Там же, пункт 5.

культурного наследия на территории Алтайского края, и в т. ч. казармы Барнаульского стрелкового полка. Получается, что юридически с 1994 по 2021 г. исследуемый объект культурного наследия находился в промежуточном положении. В этот период они не относились к категории выявленных объектов культурного наследия, в отношении которых не заключается охрannое обязательство, не утверждены зоны охраны и защитные зоны и не устанавливаются требования к обеспечению доступа граждан к этому объекту. Соответственно, до принятия решения о включении или невключении в единый реестр объектов культурного наследия. Поскольку без этих данных невозможно определить субъект, который возьмет на себя такого рода обязательства. Казармы с 1994 г. были официально признаны недвижимыми памятниками истории и культуры, которые подлежат охране.

Важную роль в оформлении правового статуса казарм Барнаульского стрелкового полка сыграл Федеральный закон Российской Федерации от 22.10.2014 № 315-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации” и отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹, который ввел ст. 3.1 «Территория объекта культурного наследия, границы территории объекта культурного наследия», т. е. законодатель обозначил обязанность обозначения границ объектов культурного наследия для проведения процедуры узаконивания объекта. Однако определить эти границы в городской среде нелегко, учитывая градостроительные регламенты и права различных субъектов на земельные участки, в границах которых располагаются объекты культурного наследия. Вышеуказанным законом также была введена глава IV «Единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации и государственный учет объектов, обладающих признаками объекта культурного наследия», и в правовом поле появилась обязанность официальной регистрации такого рода объектов в специальном реестре для подтверждения их правового статуса. И только приказом Управления государственной охраны объектов культурного наследия Алтай-

ского края от 20.08.2020 № 722 были установлены зоны охраны объекта культурного наследия регионального значения с названием «Комплекс: Казармы Барнаульского стрелкового полка» и официальным адресом расположения «Алтайский край, г. Барнаул, ул. Чкалова, 49». То есть приказ официально подтверждает, что региональный орган охраны культурного наследия провел все необходимые мероприятия и экспертизы для прохождения этапа оформления необходимых документов для подачи заявления о регистрации этого объекта в едином реестре объектов культурного наследия. Культурное и историческое значение влечет дополнительные обязанности для законного владельца. Законному владельцу выдается охрannое обязательство (ст. 47.6 ФЗ № 73), которое содержит ряд требований по сохранению, содержанию, использованию объекта культурного наследия, и в т. ч. требование по обеспечению доступа к объекту культурного наследия, которое конкретизируется в ст. 47.4 ФЗ № 73-ФЗ. В пункте 2 ст. 47.4 ФЗ № 73 указано, что «доступ к объекту культурного наследия осуществляется в целях реализации права граждан на доступ к культурным ценностям, популяризации объекта культурного наследия, использования его при осуществлении научной, культурно-просветительной, образовательной, туристской, экскурсионной и (или) религиозной деятельности». Получается, что с 2021 г. приобрел актуальность вопрос обеспечения доступа к казармам Барнаульского стрелкового полка как к объекту культурного наследия регионального значения, поскольку ст. 47.4 ФЗ № 73-ФЗ определяет требования к обеспечению доступа к объекту культурного наследия именно «включенного в реестр». В пункте 4 ст. 47.4 ФЗ № 73-ФЗ устанавливается правило об условиях доступа, которые определяются решением регионального органа охраны объекта культурного наследия по согласованию с законным владельцем. Думается, что целесообразно было бы заключить специальное соглашение об условиях доступа к казармам между Управлением государственной охраны объектов культурного наследия Алтайского края и Барнаульским юридическим институтом МВД России. На практике такого рода соглашения заключаются. Например, соглашение между Главным управлением культурного наследия Московской области и Федеральным государственным бюджетным учреждением «Центр реабилитации» Управления делами Президента Российской Федерации об условиях доступа граждан Российской Федерации, иностранных граждан и лиц без гражданства к объекту культурного наследия, включенному в единый государствен-

¹ О внесении изменений в Федеральный закон «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон Российской Федерации от 22.10.2014 № 315-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации от 6 июня 2022 г.¹ Соглашение содержит все важные условия: 1) доступ граждан к объекту как к культурной ценности осуществляется несколько раз в год в праздничные дни: на возмездной или безвозмездной основе; 2) доступ к осмотру и фотофиксации объекта не предоставляется; 3) доступ к объекту в иные дни для одиночных посетителей может быть ограничен; 4) экскурсионное обслуживание пользователем (законным владельцем) не предоставляется; 5) вся информация об условиях доступа граждан размещена на сайте организации. Заключение такого рода соглашения на уровне закона обеспечивает реализацию конституционных прав на доступ к культурным ценностям и довольно четко определяет условия доступа к объекту.

Конституция Российской Федерации гарантирует доступ к культурным ценностям, обеспечивая гражданам реализацию своих конституционных прав. Право на доступ к культурным ценностям гарантируется ч. 2 ст. 44 Конституции Российской Федерации. Обеспечение доступа к культурным ценностям является наиболее эффективным способом приобщения граждан к культурной жизни, и это необходимо для культурного развития современного человека. В статье 9 Закона Российской Федерации от 09.10.1992 № 3612-I «Основы законодательства Российской Федерации о культуре»², который является правовой базой сохранения и развития культуры, подчеркивается, что «права человека в области культурной деятельности приоритетны по отношению к правам в этой области государства и любых его структур, общественных и национальных движений, политических партий, этнических общностей, этноконфессиональных групп и религиозных организаций, профессиональных и иных объединений». Государство в лице своих органов создает условия для реализации этого права. В федеральном законе от 25.06.2002 № 73-ФЗ обозначена одна из приори-

тетных задач государства, и в т. ч. в деятельности по обеспечению доступа к культурным ценностям — сохранения объектов культурного наследия.

Посещение различных объектов культуры является одним из трендов современности. На уровне диссертационного исследования было обосновано мнение, которое особо актуально для современного общества, что права на доступ к культурным ценностям и пользование учреждениями культуры — это отдельно обособленная группа прав, предоставляющая возможность гражданам творчески самовыражаться, самореализовываться и культурно развиваться, принимая участие в культурной жизни [2, с. 3–4]. Автор подчеркивает важность и неотъемлемость права на доступ к культурным ценностям от человека, поскольку оно напрямую связано с личностным развитием.

Среди ученых нет единого мнения о правовом характере реализации права на доступ к культурным ценностям. Можно выделить несколько основных подходов: 1) в зависимости от поведения субъекта; 2) в зависимости от категории культурных ценностей. Например, по мнению М. В. Яновича, содержание права на доступ к культурным ценностям объединяет ряд активных действий субъекта, связанных с его правовыми возможностями, а именно: 1) право-поведение предполагает существующую возможность доступа к культурным ценностям; 2) право-требование предоставляет возможность обращаться с требованиями к государственным органам обеспечить защиту культурных прав и доступ к культурным ценностям; 3) право-пользование позволяет непосредственно извлекать полезные свойства из культурной ценности в процессе участия в культурной жизни [3, с. 15–16]. Автор в приоритет ставит индивидуальные потребности и желания гражданина, реализацию которых должно обеспечить государство. Бесспорно, данный подход актуален и связан с ростом качества жизни, а реализация культурных прав является необходимым элементом в этой цепи.

Так, в контексте исследования наиболее близким видится подход Ю. С. Кабановой, которая считает, что содержание этого права зависит от вида культурных ценностей. Автор делит культурные ценности на материальные и нематериальные. В содержание права на доступ к материальным культурным ценностям включается публичное информирование о состоянии объекта и условиях доступа для реализации конституционного права. Имеется в виду физический контакт с объектом культурного наследия. Кроме

¹ Соглашение об условиях доступа граждан Российской Федерации, иностранных граждан и лиц без гражданства к объекту культурного наследия, включенному в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации от 06.06.2022. URL: https://rc-udprf.ru/wp-content/uploads/informatsiya_o_dopuske_k_obektu_kulturnogo_naslediya.pdf (дата обращения: 09.09.2024).

² Основы законодательства Российской Федерации о культуре [Электронный ресурс]: закон Российской Федерации от 09.10.1992 № 3612-I. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

того, автор обосновывает мнение о «возможности доступа к материальным культурным ценностям с помощью средств массовой информации, учреждений и организаций, предоставляющих возможность ознакомления с ними опосредованно, через информационно-телекоммуникационную сеть “Интернет”, либо осуществляющих услуги по информационному просвещению населения» [4, с. 8]. Применительно к данному исследованию вызывают интерес критерии физического доступа и виртуального ознакомления с объектом. Реализовать физический доступ к казармам Барнаульского стрелкового полка не всегда возможно. Вход на территорию Барнаульского юридического института МВД России ограничен, действует пропускной режим. Соответственно, не любой желающий в удобное для него время имеет возможность осуществить свое конституционное право на доступ к объекту культурного наследия регионального значения как виду культурных ценностей. Первоначально может возникнуть впечатление, что «право любого на беспрепятственное участие в культурной жизни», предусмотренное ст. 27 Всеобщей декларации прав человека от 10 декабря 1948 г.¹, ущемлено. Возникает вопрос, в каких случаях имеют место быть ограничения реализации конституционных прав на доступ к культурным ценностям. По мнению П. А. Шапчица, реализация права на доступ к культурным ценностям должна исключать даже возможность причинения ущерба их целостности и внешнему виду [5, с. 203]. Вероятность причинения ущерба целостности или внешнему виду «Комплекса: Казармы Барнаульского стрелкового полка» исключается, поскольку законный владелец в лице Барнаульского юридического института МВД России выполняет условия охранного обязательства. Обязательство по сохранению недвижимого памятника истории и культуры от 22.10.2004 № 55/2004 юридически связывает Барнаульский юридический институт МВД России и казармы Барнаульского стрелкового полка. Документ был оформлен по требованиям законодательства того времени и не учитывает ныне действующие требования законодательства, в частности, не содержит условия доступа граждан к объекту культурного наследия. Кроме того, используются устаревшие термины. Например, объект относится к виду недвижимых памятников истории и культуры, однако содержит обязанности по проведению ремонта, реставрационных и благо-

устроительных работ, с приложением Акта технического состояния памятника истории и культуры и определения плана работ по памятнику и благоустройству его территории. «Охранное обязательство собственника или иного законного владельца объекта культурного наследия, включенного в реестр» и существенные условия к нему были внесены в 2014 г. с принятием Федерального закона Российской Федерации от 22.10.2014 № 315-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации” и отдельные законодательные акты Российской Федерации». Обязанности по организации ремонтных работ и заключения договора подряда с целью обеспечения сохранности объекта культурного наследия вытекают из первых пунктов установленных требований и возлагаются на законного владельца. В 2023 г. были проведены масштабные работы по реставрации внешнего фасада данного комплекса [6].

На уровне законодательства, в частности, ст. 12 Закона Российской Федерации от 09.10.1992 № 3612-1 «Основы законодательства Российской Федерации о культуре», установлены ограничения на доступ к культурным ценностям, а именно: если содержатся секретные сведения и (или) особый режим пользования. Конечно, на территории ведомственной образовательной организации имеется информация, которая не подлежит свободному разглашению. Фотоснимок на фоне объекта культурного наследия с дальнейшим выкладыванием на личной странице в социальных сетях можно назвать трендом современной культурной жизни, особенно среди туристов. Целесообразно было бы ввести запрет на фото- и видеосъемку во время физического доступа к казармам Барнаульского стрелкового полка со стороны территории института.

Особый режим пользования заключается в ограничении доступа в общественно значимых целях на основании закона, по мнению Г. Г. Камалова [7, с. 118–125]. Видится, что ограничение доступа на территорию образовательной организации в общественно значимых целях может быть связано с условиями повышенной опасности терроризма. Однако территория института подлежит обязательной охране МВД России, поэтому все необходимые меры по обеспечению антитеррористической безопасности соблюдаются. Особый режим связан с термином «особый государственно-правовой режим», под которым понимается временно вводимый на основании закона ограничительный порядок работы органов власти различных уровней и ограничение жизне-

¹ Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

деятельности граждан на определенной территории Российской Федерации, где возникли чрезвычайные ситуации, создающие угрозы обществу и государству. Поэтому критерии, выделенные Законом Российской Федерации от 09.10.1992 № 3612-1 «Основы законодательства Российской Федерации о культуре», о секретных сведениях и особом режиме пользования, не в полной мере отражают понимание вопроса реализации конституционного права на доступ к культурным ценностям в исследуемом контексте.

Возникает вопрос, каким образом возможна реализация конституционных прав на доступ к культурным ценностям в отношении казарм Барнаульского стрелкового полка.

Вызывает интерес позиция Конституционного Суда Российской Федерации о том, что «установление ограничений прав и свобод должно быть соразмерно защищаемым конституцией и законами ценностям правового государства. Эти ограничения должны учитывать необходимый баланс интересов человека, общества и государства, принципы определенности и соразмерности требуют также установления законодателем четких и разумных временных рамок, допускаемых ограничений прав и свобод»¹. То есть, если речь возникает о необходимости ограничения реализации конституционных прав, то законом должен быть определен срок, на который вводится данное ограничение, и впоследствии ограничение отменяется. Само расположение казарм Барнаульского стрелкового полка на территории ведомственной образовательной организации ограничивает доступ к объекту культурного наследия регионального значения, но это никак не связано с введением на какой-то срок ограничений доступа в особом положении. Возможно, появится необходимость в юридическом оформлении этих отношений между Барнаульским юридическим институтом МВД России и региональным органом охраны объектов культурного наследия. Например, в виде соглашения об условиях доступа на территорию института с целью посещения объекта культурного наследия регионального значения.

Требуется решения вопрос о том, каким образом обеспечить баланс между интересами образовательного учреждения, находящегося под

обязательной охраной МВД России, и интересами общества. Каким образом обеспечить реализацию конституционного права на доступ к культурным ценностям в существующих условиях? Действительно, уровень развития современных технологий и возможности Интернета позволяют в дистанционной форме побывать в любом музее или осмотреть любой объект культурного значения в мировом масштабе. Категория «доступности» в данном контексте связана не только с непосредственным физическим доступом, но и с виртуальным. В современной научной литературе по этому поводу высказано мнение, что «доступ к культурным ценностям становится возможным без непосредственного физического восприятия, что обеспечивает восполнение дефицита культурного обогащения граждан (в том числе проживающих на существенно удаленных от сосредоточения культурных ценностей территориях) и повышение качества предоставляемых им услуг в культурной сфере» [8, с. 7]. Видится, что качественная видеозапись казарм Барнаульского стрелкового полка, размещенная на странице музея на сайте Барнаульского юридического института МВД России, которую сможет посмотреть любой интересующийся, в необходимой мере обеспечит реализацию конституционного права на доступ к культурным ценностям в дистанционной форме. Кроме того, в дистанционной форме на сайте института через ссылку «электронное обращение» можно направить обращение с просьбой разрешить посещение казарм Барнаульского стрелкового полка на территории института и после получения положительного ответа реализовать свое конституционное право в форме физического доступа.

Таким образом, на данный момент имеется правовая неопределенность в реализации конституционного права на доступ к культурным ценностям на территории с ограниченным для граждан доступом. Заключение соглашения об условиях доступа к казармам Барнаульского стрелкового полка между Управлением государственной охраны объектов культурного наследия Алтайского края и Барнаульским юридическим институтом МВД России будет в полной мере обеспечивать реализацию конституционного права на доступ к культурным ценностям. Интернет-технологии могут стать эффективным средством в обеспечении реализации данного конституционного права.

¹ По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» по жалобе гражданки И. Г. Черновой [Электронный ресурс]: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 14.07.1998 № 86-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Список источников

1. Чернобаева К. В. Особенности архитектуры комплекса зданий воинских казарм в г. Барнауле // Вестник ТГАСУ. 2016. № 1. С. 38–55.
2. Степанова И. В. Конституционные права и свободы человека и гражданина в Российской Федерации в области культуры: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010.
3. Янович М. В. Конституционное право на доступ к объектам культурного наследия в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2016. 26 с.
4. Кабанова Ю. С. Конституционное право человека и гражданина на доступ к культурным ценностям и его защита в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2018. 26 с.
5. Шапчиц П. А. Есть ли право на доступ к выявленным объектам культурного наследия // Право на культурное наследие. СПб.: Издательство СПбГУ, 2011. С. 203–212.
6. Старинные казармы на территории БЮИ МВД отреставрируют за 27 млн рублей в Барнауле. URL: <https://www.amic.ru/news/starinnye-kazarmy-na-territorii-byui-mvd-otrestaviruyut-za-27-mln-rublej-v-barnaule-518909> (дата обращения: 05.09.2024).
7. Камалова Г. Г. Правовой режим информации ограниченного доступа: вопросы формирования понятийного аппарата // Вестник Удмуртского университета. Серия: Экономика и право. 2016. Вып. 4. № 26. С. 118–124.
8. Кудряшева Е. Д. Конституционное право на доступ к культурным ценностям в системе конституционных прав человека и гражданина в Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. 2020. № 8 (188). С. 6–8.

References

1. Chernobaeva K. V. Osobennosti arhitektury kompleksa zdaniy voinskih kazarm v g. Barnaule // Vestnik TGASU. 2016. № 1. S. 38–55.
2. Stepanova I. V. Konstitucionnye prava i svobody cheloveka i grazhdanina v Rossijskoj Federacii v oblasti kul'tury: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2010.
3. Janovich M. V. Konstitucionnoe pravo na dostup k ob#ektam kul'turnogo nasledija v Rossijskoj Federacii: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. Kazan', 2016. 26 s.
4. Kabanova Ju. S. Konstitucionnoe pravo cheloveka i grazhdanina na dostup k kul'turnym cennostjam i ego zashhita v Rossijskoj Federacii: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. Omsk, 2018. 26 s.
5. Shapchic P. A. Est' li pravo na dostup k vyjavlennym ob#ektam kul'turnogo nasledija // Pravo na kul'turnoe nasledie. SPb.: Izdatel'stvo SPBGU, 2011. S. 203–212.
6. Starinnye kazarmy na territorii BJUI MVD otrestavirujut za 27 mln rublej v Barnaule. URL: <https://www.amic.ru/news/starinnye-kazarmy-na-territorii-byui-mvd-otrestaviruyut-za-27-mln-rublej-v-barnaule-518909> (data obrashhenija: 05.09.2024).
7. Kamalova G. G. Pravovoj rezhim informacii ogranichenного доступа: voprosy formirovanija ponjatijnogo apparata // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Serija: Jekonomika i pravo. 2016. Vyp. 4. № 26. S. 118–124.
8. Kudrjasheva E. D. Konstitucionnoe pravo na dostup k kul'turnym cennostjam v sisteme konstitucionnyh prav cheloveka i grazhdanina v Rossijskoj Federacii // Pravo i gosudarstvo: teorija i praktika. 2020. № 8 (188). S. 6–8.

Информация об авторе

Ю. С. Зубенко — кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

Ju. S. Zubenko — Candidate of Science (Law), Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 10.09.2024; одобрена после рецензирования 17.02.2025; принята к публикации 12.05.2025.

The article was submitted 10.09.2024; approved after reviewing 17.02.2025; accepted for publication 12.05.2025.

Алтайский юридический вестник. 2025. № 2 (50). С. 81–92.

Altai Law Journal. 2025. № 2 (50). P. 81–92.

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Научная статья

УДК 342.5

НЕЗАВИСИМОСТЬ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ И ЕЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ С ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ И ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТЬЮ ДЛЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БАЛАНСА ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОГО УСТРОЙСТВА: КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

Людмила Геннадьевна Коновалова

Алтайский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Барнаул, Россия, vaskova82@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу конституционно-правового регулирования независимости судебной власти и ее взаимодействия с законодательной и исполнительной властью для обеспечения баланса государственно-правового устройства на примере зарубежных стран. В статье приводится мысль, что конституционно-правовое регулирование, при всей значимости для обеспечения независимости суда, не гарантирует существование реально высокого и независимого статуса суда в той или иной стране. Реальная независимость судебной власти связана с механизмами разделения властей в той или иной стране, с культурно-историческими особенностями государства и существующей в нем политической обстановкой. Вносятся авторские предложения по нивелированию недостатков конституционно-правового регулирования современных судебных систем.

Ключевые слова: независимость судебной власти, правосудие, разделение властей, демократизм, конституционализация

Для цитирования: Коновалова Л. Г. Независимость судебной власти и ее взаимодействие с законодательной и исполнительной властью для обеспечения баланса государственно-правового устройства: конституционно-правовое регулирование в зарубежных странах // Алтайский юридический вестник. 2025. № 2 (50). С. 81–92.

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

Original article

INDEPENDENCE OF THE JUDICIARY AND ITS INTERACTION WITH THE LEGISLATIVE AND EXECUTIVE BRANCHES TO ENSURE THE BALANCE OF THE STATE AND LEGAL STRUCTURE: CONSTITUTIONAL AND LEGAL REGULATION IN FOREIGN COUNTRIES

Liudmila G. Konovalova

Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President
of the Russian Federation, Barnaul, Russia, vaskova82@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of constitutional and legal regulation of the independence of the judiciary and its interaction with the legislative and executive branches to ensure the balance of the state and legal structure using the example of foreign countries. The article suggests that constitutional and legal regulation, with all its significant importance for ensuring the independence of the court, does not guarantee the existence of a really high and independent status of the court in a particular country. The real independence of the judiciary is connected with the mechanisms of separation of powers in a given country, with the cultural and historical features of the state and the existing political situation in it. The author's proposals are made to level the shortcomings of the constitutional and legal regulation of modern judicial systems.

Keywords: independence of the judiciary, justice, separation of powers, democracy, constitutionalization.

For citation: Konovalova L. G. Independence of the judiciary and its interaction with the legislative and executive branches to ensure the balance of the state and legal structure: constitutional and legal regulation in foreign countries. *Altajskij juridicheskij vestnik* = *Altai Law Journal*. 2025;2:81–92 (In Russ.).

© Коновалова Л. Г., 2025

Независимость судебной власти и ее взаимодействие с законодательной и исполнительной властью для обеспечения баланса государственно-правового устройства является важнейшим требованием системы разделения властей, демократизма, правовой государственности, парламентаризма и конституционализма. Практически все современные конституции содержат разделы, посвященные регламентации судебной власти: «О судебной власти» — конституции Франции [1], Испании [2], Японии [3]; «Судебная организация» и «Положения о судопроизводстве» — конституция Италии [4]; «Правосудие» — Основной закон ФРГ [5] и др. В них закладываются такие конституционные основы организации судебной власти, как самостоятельность судебной власти в системе разделения властей, общие правила построения судебной системы и установления статуса судей, принципы правосудия и судебные гарантии защиты прав граждан.

В конституционно-правовом регулировании судебной власти можно отметить следующие основные тенденции:

1. Подробное регулирование устройства судебной системы на конституционном уровне не осуществляется, давая возможность парламентам через закон устанавливать и менять соотношение звеньев судебной системы, полномочия судов. Чаще всего в конституции говорится лишь о высших судах, что создает гарантии наличия судебной власти и позволяет сохранять устойчивость конституции, текст которой остается неизменным при необходимости корректировки регулирования судебной системы. В развитие конституции в ФРГ принят Закон о судостроительстве 1975 г. и Закон «О судьях» 1961 г., во Франции — Кодекс судостроительства 1978 г., в США — раздел 28 свода законов США «Судостроительство и судопроизводство», в Испании — «Органический закон о судебной власти» 1981 г. [6, с. 387].

При всем многообразии правового регулирования в зарубежных странах признается три основных модели судебных систем: единая система, параллельно существующие системы федерации и территориальных единиц, система общих судов в сосуществовании со специализированными судами. Модель единой судебной системы существует в Швеции, Японии, Нидерландах, Ирландии, Австрии. Она предполагает, что уголовное, гражданское, административное, а в ряде стран и конституционное судопроизводство осуществляется единой системой общих судов, хотя возможно наличие квазисудебных органов, специализирующихся на разбирательстве отдельных категорий дел. Модель парал-

лельно существующих систем федерации и территориальных единиц наиболее ярко представлена в США, но используется в Мексике, Австралии. Система общих судов в сосуществовании со специализированными судами (административным, налоговыми, социальными, страховыми и т. п.) представлена в ФРГ, Швейцарии. Например, в ФРГ действует пять автономных судебных систем: административные, трудовые, социальные, конституционный суд и суды земель [7, с. 102; 6, с. 392; 8, с. 76–105].

2. В конституциях содержатся указания на некоторые принципы судостроительства и судопроизводства, обеспечивающие независимость и высокий статус судебной власти. Прямое закрепление принципа независимости судей можно проследить на примере ст. 97 Основного закона ФРГ, ст. 76 Конституции Японии, ст. 178 Конституции Польской Республики [9]. Также в конституциях часто упоминаются такие принципы, как запрет создания чрезвычайных судов, участие народа в отправлении правосудия, открытость и гласность правосудия, состязательность, несменяемость судей, презумпция невиновности, право на суд присяжных, доступность правосудия, недопустимость двойного наказания за одно и то же преступление [8, с. 76–105] и др.

3. Современное конституционно-правовое регулирование статуса суда предполагает наличие институтов конституционного контроля. К настоящему времени конституционная юстиция широко распространена и достаточно разнообразна. Американская модель организации конституционного правосудия предполагает, что конституционный контроль осуществляется общей судебной системой. Ее классический пример — США, она также воспринята в Канаде, Японии, Индии, скандинавских странах. Европейская модель характеризуется наделением полномочиями конституционного контроля специально созданного органа (Конституционного суда — в Италии, Конституционного трибунала — в Польше, Конституционного совета — во Франции, Федерального конституционного суда — в Германии). По порядку осуществления конституционный контроль может быть конкретным, т. е. возникающим в связи с рассмотрением конкретного дела, и абстрактным, т. е. осуществляемым по запросу компетентного органа. Деятельность конституционных судов построена на системе предварительного или последующего контроля. Предварительный контроль осуществляется до вступления в силу закона с целью предотвратить вступление в силу противоречащего конституции закона. При последующем конституционном контроле орган судебного

конституционного надзора проверяет на соответствие конституции вступившие в силу законы с целью устранить ошибку законодателя [6, с. 409].

Американская модель конституционного контроля имеет определенные преимущества перед европейской моделью конституционного контроля вследствие наличия у судов объективной возможности рассмотреть большее количество дел, в которых законы могут быть проверены на соответствие конституции. С другой стороны, американская модель не предполагает абстрактного нормоконтроля и осуществляется только в связи с конкретным делом. В рамках конкретного нормоконтроля процесс может быть инициирован только по заявлениям частных лиц: идея проверки конституционности закона по запросу официальных лиц отвергается в связи с убежденностью в том, что такая процедура привела бы к попыткам парламентского меньшинства получить в суде то, чего не удалось добиться в парламенте, или же к попыткам исполнительной власти вместо наложения вето использовать аннулирование закона [10, с. 52].

Предварительный конституционный контроль зачастую критикуется за свою квазисудебную природу, поскольку получается, что суд выступает как бы дополнительной палатой парламента. В этом смысле последующий конституционный контроль по отношению к правотворческому процессу рассматривается как «внешний». Однако он порождает проблему наличия правовых последствий законов, которые применялись до их признания неконституционными [11, с. 11].

При этом на практике наблюдается усиление роли и функционала органов конституционного контроля, сближение систем конституционного контроля разных стран и формирование общего правила о «презумпции конституционности закона» [12, с. 66; 10, с. 52]. Например, во Франции с 2008 г. Конституционный совет наделен полномочиями последующего конституционного контроля (которые к настоящему времени реализуются наиболее часто, нежели предварительный контроль), расширен круг субъектов, правомочных обращаться в этот орган [13, с. 130]. Конституционный суд Бельгии был трансформирован из арбитра между органами публичной власти в полноценный орган конституционной юстиции, активно защищающий права и свободы граждан [14, с. 62]. Отмечается усиление статуса и значимости решений Верховного суда Японии как органа конституционной юстиции [15, с. 672]. Аналогичная тенденция видна в Великобритании после реформ 1999–2002 гг., в результате которых была упразднена должность лорда-канцлера

и создан Верховный суд [16, с. 191]. В скандинавских странах органы конституционной юстиции не получают развитие в качестве полноценных судов, но в этих странах право рассматривать закон на предмет его соответствия конституции имеют все органы управления [17, с. 14; 18, с. 100].

4. Помимо собственно регламентации судебной власти, в конституциях затрагиваются вопросы статуса судей, а также органов и должностных лиц, способствующих качественному отправлению правосудия (адвокатуры, прокуратуры, нотариата, судейского сообщества и т. п.). В конституциях тезисно формулируются правила получения судейских полномочий и их прекращения, судейская несменяемость, независимость и несовместимость, которые в дальнейшем развиваются в законодательных актах.

Получение судейских полномочий и их прекращение чаще всего происходит при участии парламента. Так, в Германии Бундестаг и Бундесрат избирают равное число судей Конституционного суда ФРГ, а также Бундестаг назначает часть членов комитета по выборам судей иных высших судов [5]. В Италии парламент избирает треть судей конституционных судов, а также участвует в формировании Высшего совета магистратуры, который назначает остальных судей и организует судебную систему страны [19, с. 95]. В США федеральные судьи назначаются Президентом «по совету и с согласия Сената» [20, с. 18–23]. В Португалии парламент Республики назначает десять из тринадцати конституционных судей, а в Польше все члены Конституционного трибунала избираются членами парламента [21, с. 99].

Однако есть и примеры формирования судейского корпуса без участия парламента. Например, в Индии судьи Высшего Суда назначаются Президентом после консультаций с Главным судьей и губернатором штата [22, с. 473]. В Японии судьи Верховного суда назначаются Кабинетом, но их кандидатуры «подлежат пересмотру народом при проведении первых после данного назначения всеобщих выборов в Палату представителей» [23, с. 405].

Критикуемым способом замещения судейских должностей является избрание, которое наиболее активно используется только в штатах США. Появление этого способа изначально имело целью приблизить судей к населению, однако практика продемонстрировала, что внушительные объемы финансирования избирательных кампаний судей имеют следствием потерю их беспристрастности, обуславливая снисходительность к лицам и компаниям, сыгравшим важную

роль в их назначении на должность [24, с. 117]. Участие в назначении судей двух или нескольких ветвей власти является определенной гарантией против чрезмерной концентрации власти у одной из ветвей и повышает беспристрастность суда.

То есть общая задача конституционно-правового регулирования процесса назначения судей состоит в том, чтобы предоставить полномочия профессиональным и независимым судьям чаще всего при участии парламента, органов судейского сообщества и иных ветвей власти. Однако эта задача совершенно по-разному претворяется в жизнь в разных странах.

Так, на практике процедура назначения судей США гораздо более сложная и длительная, чем это закреплено в конституции. До настоящего времени Конгресс так и не принял закон, который бы устанавливал требования к возрасту, образованию или профессиональным качествам будущих судей. По факту наиболее часто назначаются кандидатуры, представляющие ту же политическую партию, что и президент [8, с. 79]. Кандидатуры проходят длительные согласования в специальных комиссиях Сената, комитете Американской ассоциации юристов. Проводимый отбор касается не только квалификации претендентов, но и всех фактов биографии, идейных установок и политических взглядов. Судьи Верховного Суда считаются «людьми от политики», являются носителями индивидуальной «судебной философии» [25, с. 113]. Несмотря на то что около 90 % президентских назначений — как минимум номинальные члены той же политической партии, что и президент, история страны знает многочисленные примеры, когда назначенные президентом судьи не придерживались его политики. Традиционным примером здесь является назначение Д. Эйзенхауэром на пост главного судьи Э. Уоррена, названное впоследствии президентом «крупнейшей ошибкой». Назначенный судья пошел по пути расширительного толкования конституции и, вразрез позиции президента, усилил процессуальные права обвиняемых, повысил уровень защиты прав афроамериканского населения [8, с. 77]. Существующий порядок формирования Верховного суда США позволяет ему считаться одним из самых «сильных» судов в мире, активно проводить свою политику. Однако при этом качество принимаемых решений и их «политический вектор» находятся в значительной зависимости от состава суда.

Немецкие юристы, опасаясь такой политики судебной системы, как в США, заложили в законодательстве ФРГ более политически нейтральную процедуру формирования Феде-

рального конституционного суда, однако оказалось, что практика ее применения отличается от законодательного регулирования. В частности, несмотря на то что ст. 94 Основного закона ФРГ четко закрепляет избрание судей Конституционного Суда двумя палатами парламента по половине судей каждая, Закон о Федеральном конституционном суде передал данное полномочие Бундестагу парламентарскому комитету, состоящему из 12 членов, формируемому по принципу пропорционального представительства партий парламента. По закону избранный комитетом кандидат становится судьей Конституционного суда, по существу, без участия парламента. Более того, на практике решение о том, кто станет судьей Конституционного суда, принимает даже не парламентарский комитет, а «верхи» политических партий, входящих в этот комитет. С одной стороны, сложившаяся ситуация критикуется за ее противоречие конституции, отсутствие парламентарских дебатов и кулуарность, с другой — оправдывается из-за нежелания предавать гласности процесс обсуждения кандидатур судей и стремлением опереться на партийные установки, как характеризующие мировоззренческую позицию судьи. Такая процедура формирования Федерального конституционного суда не мешает многим авторам считать его авторитетным, сильным, в некоторых вопросах достаточно активным [26, с. 39–49]. По мнению немецкого профессора У. Кишеля, «утверждение о том, что Конституционный суд Германии и его решения стоят над политикой, может считаться мифом, но это полезный миф, который необходимо поддерживать, дабы он действовал в реальности» [26, с. 48].

В соответствии со ст. 56 Конституции Франции в Конституционный совет три члена назначаются по решению Президента Республики, три члена назначаются председателем Национального собрания и три — председателем Сената. Также пожизненными членами Конституционного совета по праву являются бывшие президенты Республики. При подготовке действующей Конституции этой страны идея полного назначения Конституционного совета была отвергнута, чтобы не политизировать процедуру назначения. Однако в 2010 г. в законодательство Франции были внесены изменения, требующие для назначения членов Конституционного совета наличия заключения специальных комиссий палат парламента. И хотя законодательство не устанавливает критериев отбора кандидатов, на практике кандидаты представляют собой лиц, обладающих признанной репутацией в области политики и права, а сам Совет формулирует пра-

новые позиции, требующие наличия соответствующих профессиональных навыков у заинтересованных лиц. Регулярно поднимается вопрос об исключении из состава Совета бывших президентов [21, с. 88–105].

Зарубежная практика формирования судов порождает дискуссии о том, какие квалификационные требования предъявлять к судьям (например, континентальная правовая семья характеризуется развитием карьеры судьи именно в рамках судебной системы, а американская практика допускает назначение судей из других профессий), какова должна быть роль судейского сообщества или министерства юстиции в отборе кадров, требуется ли учитывать гендерный, национальный, конфессиональный, языковой фактор при формировании судов [27, с. 158].

Большинство правовых систем гарантирует судьям пребывание в должности до достижения ими определенного возраста или, как в случае с федеральными судьями США, до тех пор, «пока их поведение является безупречным» [20, с. 21]. Последняя формулировка дает судьям Верховного суда США право самостоятельно определять время своей отставки. Досрочное прекращение полномочий судей возможно в порядке исключения в усложненных процедурах, например, в США это процедура импичмента, в ФРГ ст. 98 Конституции предусматривает возможность отстранения федеральных судей от должности Федеральным конституционным судом по ходатайству Бундестага в случаях нарушения ими принципиальных положений Конституции или основ конституционного строя [5, с. 69]. Пока таких случаев в истории западногерманского правосудия не было [28]. На текущий момент осуждены и смещены в порядке импичмента только 15 федеральных судей США (при этом четверо из них фактически оставили свой пост еще до окончания всей процедуры) [29]. Достаточно редкое применение на практике процедур принудительного лишения полномочий судей объясняется тщательностью отбора кандидатов в судьи и сложностью механизмов отрешения от должности [8, с. 77].

В целом обеспечение высокого статуса судьи имеет позитивные последствия. Так, по мнению Л. Фридмэна, благодаря такому статусу судей в США «правительство каждый год проигрывает десятки важных дел, и при этом режим молча проглатывает горькую, но неизбежную пилюлю» [30, с. 58]. Интересно, что в странах континентального права в силу коллегиального характера судебной процедуры и отсутствия прямого признания прецедента судья остается как бы незаметной персоной, «анонимным»,

а в странах общего права у каждого судьи по особому делу есть собственное персональное суждение, отражающееся в судебном решении [31, с. 152].

5. Роль законодательного регулирования признается приоритетной по отношению к прецедентному праву. Этот постулат в большей мере касается стран англосаксонской правовой семьи, однако имеет значение и в системе континентального права в условиях отмечаемого сближения правовых систем при реализации «судейского усмотрения» [32, с. 32]. Особенно это характерно для формирования кассационными и высшими судами правовых позиций общего характера.

Различие состоит в том, что континентальные системы законодательно призваны максимально гарантировать независимость судей при реализации судейского усмотрения: судьи не обязаны принимать предыдущие судебные решения как правила поведения. В основе англосаксонского прецедентного права лежит принцип *stare decisis* (лат. «стоять на ранее вынесенном») [33, с. 115]. На основе этого принципа образуются разные виды судебных прецедентов. В Великобритании — первичные, создающие правовую норму (*original precedent*) и прецеденты толкования, интерпретирующие уже существующую статутную норму (*declaratory precedent*) [34, с. 12]. В США — первоначальные (*original*), создающие правовую норму; обязательные (*binding*), которым надлежит следовать; декларативные (*declaratory*), являющиеся простым применением уже существующего прецедента; убеждающие (*persuasive*), которым можно следовать или не следовать в зависимости от обстоятельств дела и прецеденты «по умолчанию» (*subsilentio*), отвергающие предыдущие прецеденты без обсуждения [35, с. 1195]. Процесс создания прецедента по принципу *stare decisis* включает в себя три этапа: первый — определение судьей законодательной нормы, регулирующей рассматриваемый вопрос; второй — при отсутствии законодательной нормы требуется применить существующий прецедент; третий — при отсутствии имеющегося прецедента возможно создание нового правила поведения [25, с. 106–112]. Основопологающий принцип прецедента требует от судов следования предыдущему решению до тех пор, пока не будут особо установлены основания, по которым суд не мог бы следовать предыдущему решению [36, с. 94].

В рассматриваемых правовых системах приоритет закона выводится из конституционных требований верховенства закона (в континентальной семье), «клаузулы о верховенстве» Кон-

ституции США, не упоминающей о существовании прецедента, или из британской доктрины «верховенства парламента». А само существование прецедента или обобщающей судебной практики обеспечивается схожими правовыми средствами: 1) пересмотром судебных решений; 2) дисциплинарной и конституционной ответственностью судей. Примечательно при этом, что в англосаксонской системе неприменение прецедента прямо не рассматривается как основание дисциплинарной ответственности. Например, дисциплинарными проступками в различных судебных системах США считаются: принятие заведомо недобросовестного решения, недолжное использование права усмотрения, существенные правовые ошибки, повторяющиеся правовые ошибки [33, с. 115]. Такая ситуация дает исследователям возможность заключить, что обязывающая сила прецедентного права проистекает лишь из воли судейского сообщества, а не из каких-либо указаний закона или конституции и имеет отчасти схожую природу в странах континентального и общего права [25, с. 120; 33, с. 113–137; 32, с. 32].

В зарубежной практике считается, что следование принципу *stare decisis* имеет такие положительные последствия, как предсказуемость, справедливость, легитимность и эффективность судебных решений [33, с. 40–44]. Однако судейское сообщество не может обязать субъектов права выполнять правила, установленные прецедентом, до их обращения в суд, в отличие от законодателя, устанавливающего универсальные правила.

6. Влияние судебной власти на исполнительную власть предполагается главным образом через процедуры административной юстиции, однако расширяется конституционный контроль за действиями органов исполнительной власти. Зарубежный опыт административной юстиции многообразен. Чаще всего его обобщенно характеризуют по англосаксонской и романо-германской модели. В англосаксонской системе административные дела рассматривают суды общей юрисдикции, а в романо-германской — для рассмотрения административных дел создаются специализированные суды [37, с. 312]. Однако в этих двух системах правовое регулирование административной юстиции может существенно различаться. Поэтому достаточно часто выделяются и другие модели. В качестве распространенного, например, можно назвать деление систем административного судопроизводства на французскую, германскую, англосаксонскую и модель административных присутствий в общих судах. Соответственно, французская система от-

личается тем, что проверку актов публичной администрации осуществляют административные трибуналы, действующие в рамках исполнительной власти. В Германии административные суды относятся к судебной системе. В Великобритании, при наличии полномочий судов общей юрисдикции в сфере административного судопроизводства, на практике действует около 2000 административных трибуналов тридцати различных категорий, призванных разгрузить суды. Модель специализированных присутствий предполагает выделение в структуре общих судов специализированных отделений административной юрисдикции (Испания, Египет) [38, с. 62; 39, с. 431].

Административное судопроизводство по общему правилу предполагает возможность оспаривания в судах действий (бездействия) и актов органов исполнительной власти через призму проверки их законности. Однако в настоящее время административная юстиция все более тесно переплетается с конституционной юстицией. Это связано с тем, что конституционные суды могут иметь полномочия не только в части проверки конституционности законов, но и по разрешению споров о компетенции между органами власти, о признании действий должностных лиц неконституционными. Например, Федеральный конституционный суд Германии уполномочен давать толкование Основному закону в случае возникновения споров или сомнений относительно наличия у высших федеральных органов права на совершение определенных действий, а также рассматривать жалобы на действия должностных лиц, затрагивающих конституционные права граждан [5, с. 151].

В системах общего права (Великобритания, США, Австралия, Канада, Новая Зеландия, Индия, Сингапур и др.) как конституционный контроль, так и административную юстицию осуществляют общие суды, поэтому судебные приказы в отношении органов исполнительной власти признают мерами конституционно-правового реагирования. Суды этих стран могут выносить такие приказы, как мандамус (понуждает органы власти не совершать какие-либо действия), запрет (используется для пресечения превышения полномочий должностными лицами), предписание (обязывает орган власти совершить какое-либо действие), декларативный приказ (констатирует неконституционность деяния), приказ-аннуляцию, приказы, верифицирующие полномочия, и др. Кроме того, на практике со временем происходит расширение спектра действий, признаваемых судами в качестве конституционных деликтов. К таковым могут относиться

«действия, косвенно нарушающие конституцию», превышение «подразумеваемых» полномочий, нарушение присяги, неконституционная практика применения законов, «нарушение разумных ожиданий граждан» [40, с. 141–165].

В то же время наблюдается и обратное влияние органов исполнительной власти на суды. Это может быть связано с процедурами назначения судей, а также с финансированием и организационным обеспечением деятельности судов со стороны исполнительных органов. Например, для ФРГ и других романских стран свойственно наличие административного и финансового контроля над судами со стороны министерства юстиции, которое координирует кадровую политику судов, проводит аттестацию судей, занимается материально-техническим снабжением [7, с. 106]. Также органы исполнительной власти сами выполняют квазисудебные функции при привлечении к административной ответственности и при осуществлении иных юрисдикционных полномочий.

Описанные выше тенденции конституционно-правового регулирования имеют весомое значение для обеспечения независимости суда и, соответственно, для развития парламентаризма. Благодаря им изживает себя практика чрезвычайных судов, продажи судебных должностей, судебной коррумпированности, зависимости суда от произвола властных элит государства, широко распространенная в прошлом. Вместе с тем одного лишь факта конституционно-правового закрепления независимости судебной власти недостаточно для реального существования этой независимости. Реальная независимость судебной власти связана с механизмами разделения властей в той или иной стране, культурно-историческими особенностями государства и существующей в нем политической обстановкой.

Возникают ситуации прямого вмешательства исполнительной власти в деятельность судов. Так, в 2007 г. Президент Украины В. Ющенко распорядился распустить парламент и объявил проведение досрочных выборов. Указ о роспуске Рады был оспорен в Конституционном Суде, что привело к тому, что председатель Конституционного Суда подал в отставку, а пять судей сообщили в ходе пресс-конференции об оказываемом на них неприемлемом политическом давлении. При этом премьер-министр прямо заявил СМИ о том, что если Конституционный Суд не в состоянии принять решение о конституционности указа о роспуске парламента, сам этот суд заслуживает того, чтобы его распустили [27, с. 160]. В 2016 г. правительство Польши отказалось официально публиковать решение Конститу-

ционного трибунала, которое признало принятый парламентом в 2015 г. новый закон о себе неконституционным [41, с. 68–69].

Также на практике наблюдается злоупотребление полномочиями парламентов в отношении судов. Венгерский пример ярко демонстрирует, как задержка в создании дополнительного уровня апелляционных судов (районных судов), предусмотренных поправками в Конституцию, принятыми в 1997 г. и оставшимися нереализованными на долгие годы, повлияла на эффективность судебной системы. Конституционный суд Венгрии в 2001 г. признал неконституционным закон, которым парламент создал один районный суд вместо предписываемых конституцией нескольких районных судов [27, с. 164].

Законодатель в Индонезии имеет опыт контрпродуктивного отношения к актам Конституционного суда, поскольку, неоднократно принимая новые законы, он восстанавливал признанное неконституционным регулирование, используя близкие по значению формулировки. Более того, Верховный суд этой страны на фоне неприязни к судебной конкуренции, созданной Конституционным судом, также позволяет себе игнорировать некоторые решения органа конституционной юстиции [42, с. 428].

На стыке юриспруденции и политологии исследуется имевшее место в истории методики ослабление судебной власти в интересах правящего режима, включая «устрашение» судей в целях выработки у них конформистской позиции, манипулирование составом суда, сужение полномочий судов или их ликвидация. Такие методики имели место в Бразилии, Португалии, советских и нацистских странах. Одним из хрестоматийных примеров является опыт Египта, где в 1979 г. был создан Верховный конституционный суд. Его учреждение было связано со стратегией по привлечению иностранных инвестиций. В этой части суд «оправдал ожидания» режима в области экономики, разрешив земельную реформу, поддержав план приватизации и изменения законодательства в сфере недвижимости. Однако со временем Суд стал более активным в политических делах, защищая свободу печати, оценивая легитимность выборов, права оппозиционных партий. В ответ на это правительство назначило нового лояльного председателя Суда, увеличило число судей, введя на эти должности «своих» людей, перевело «радикальных» судей на «незначительные» дела и законодательно ограничило рассмотрение избирательных споров. Тем самым после примерно двадцати лет существования органа конституционного

контроля Египта его самостоятельная работа была пресечена [43, с. 162–164].

Даже в странах с устоявшимися демократическими традициями регулярно возникают сомнения в беспристрастности суда. Например, в Германии критикуются широкие полномочия Министерства юстиции по назначению рядовых судей, создающие условия для зависимости позиции судей от влияния органов исполнительной власти [28]. Во Франции подвергается сомнению результативность проведенной «рационализации» судебной системы за счет ликвидации мировых судей и укрупнения учреждений юстиции. По мнению многих исследователей, это создало юридические барьеры для широких масс населения по обращению в суд, а также усилило возможности влияния бюрократического аппарата на решения судей [44]. Судебная система США упрекается за ее политизированность и недоступность широким массам населения по причине дороговизны и затянутости процессов. В политико-правовой литературе описываются такие стратегии воздействия на непопулярные судебные решения в демократических правовых порядках, как сопротивление их исполнению, борьба за то, чтобы их результат был перекрыт при помощи законодательства или конституци-

онных поправок, критика судей за «активизм» [45; 43, с. 165].

Задача нивелирования подобных недостатков судебных систем в настоящее время решается через развитие институтов медиации, специализированных судов или квазисудебных органов (действующих наряду с основной судебной системой), обеспечение независимости финансирования судейского сообщества, создание механизмов бесплатной или доступной юридической помощи для граждан и малых организаций, внедрение более продуманных условий взаимодействия органов власти и судейского сообщества при принятии управленческих решений в отношении судебной системы или карьеры судей, создание международных стандартов правового регулирования судебной власти и наднациональных судов, более детального процессуального регулирования деятельности судов. Для большей эффективности судебного контроля рекомендуется закреплять расширенный круг субъектов, которые могут обращаться в суд с инициативами контрольных действий в отношении правительства, поскольку судебная власть почти никогда не определяет сама свою повестку дня.

Список источников

1. Конституция Французской Республики от 4 октября 1958 г. // Конституции государств Европейского Союза / под общ. ред. Л. А. Окунькова. М.: Инфра-М, Норма, 1997. С. 121–134.
2. Конституция Королевства Испании от 6 декабря 1978 г. URL: <https://legalns.com/download/books/cons/spain.pdf> (дата обращения: 01.02.2025).
3. Конституция Японии от 3 ноября 1946 г. // Конституции зарубежных государств: Великобритания, Франция, Германия, Италия, Европейский союз, Соединенные Штаты Америки, Япония, Индия: учеб. пособие / сост. В. В. Маклаков. М.: Волтерс-Клувер, 2006. С. 432–445.
4. Конституция Итальянской Республики 1947 г. // Конституции зарубежных государств: Великобритания, Франция, Германия, Италия, Европейский союз, Соединенные Штаты Америки, Япония, Индия: учеб. пособие / сост. В. В. Маклаков. М.: Волтерс-Клувер, 2006. С. 231–245.
5. Основной закон Федеративной Республики Германия от 23 мая 1949 г. // Конституции зарубежных государств: учеб. пособие / сост. В. В. Маклаков. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Изд-во БЕК, 2001. С. 98–129.
6. Конституционное право зарубежных стран: учебник для вузов / под ред. М. В. Баглая, Ю. И. Лейбо, Л. М. Энтина. М.: Норма, 2005. 832 с.
7. Гребенников В. В., Грудцына Л. Ю. Принципы организации и типологизации судебных систем // Государство и право. 2018. № 1. С. 102–106.
8. Герасимова А. Е. Конституционные основы права на судебную защиту в США: дис. ... канд. юрид. наук. М.: Московский гос. юрид. ун-т им. О. Е. Кутафина (МГЮА), 2015. 182 с.
9. Конституция Республики Польша от 2 апреля 1997 г. URL: <https://legalns.com/download/books/cons/poland.pdf> (дата обращения: 01.02.2025).
10. Садурский В. Конституционный контроль в Европе и США: влияние, парадоксы и сближение // Сравнительное конституционное обозрение. 2013. № 4 (95). С. 49–67.
11. Виноградова Е. В., Данилевская И. Л. Поправки 2020 года в Конституцию Российской Федерации. Конституционный контроль «ex ante» как институт отечественного и зарубежного конституционализма // Государство и право. 2020. № 5. С. 7–18.

12. Андреева И. А. Становление и развитие французского подхода к определению места судебной власти в системе разделения властей // Государство и право. 2015. № 3. С. 61–69.
13. Калиш Д. Специфика трактовки конституционности в Пятой республике во Франции // Сравнительное конституционное обозрение. 2021. № 3 (142). С. 125–140.
14. Блохин П. Судебный контроль законодательства в Королевстве Бельгия: от конституционного арбитража к конституционному правосудию // Сравнительное конституционное обозрение. 2015. № 4 (107). С. 62–83.
15. Fujita T., Izumi T. The Supreme Court of Japan, one step forward (but only discreetly) // International Journal of Constitutional Law, Volume 16, Issue 2, April 2018. P. 672–681. URL: <https://doi.org/10.1093/icon/moy047> (дата обращения: 01.02.2025).
16. Иванова И. К. Конституционная реформа в Великобритании: трансформация судебной власти // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2013. № 3. С. 175–195.
17. Данилевская И. Л. О некоторых аспектах правовой природы Законодательного совета Швеции // Право и государство: теория и практика. 2020. № 2 (182). С. 14–17.
18. Исаев М. А. Модернизация материальной конституции: опыт Норвегии // Государство и право. 2021. № 1. С. 98–110.
19. Фьеккони Ф. Независимость, эффективность и качество правосудия: сравнительные перспективы // Сравнительное конституционное обозрение. 2017. № 1 (116). С. 95–117.
20. Соединенные Штаты Америки. Конституция и законодательные акты / сост. В. И. Лафитский; под ред. и со вступ. ст. О. А. Жидкова. М.: Прогресс: Универс, 1993. 766 с.
21. Антонов А. Конституционный Совет Франции: порядок формирования и проекты реформирования // Сравнительное конституционное обозрение. 2015. № 6 (109). С. 88–105.
22. Конституция Индии // Конституции зарубежных государств: Великобритания, Франция, Германия, Италия, Европейский союз, Соединенные Штаты Америки, Япония, Индия: учеб. пособие / сост. В. В. Маклаков. М.: Волтерс-Клувер, 2006. С. 521–562.
23. Конституция Японии от 3 ноября 1946 г. // Конституции зарубежных государств: Великобритания, Франция, Германия, Италия, Европейский союз, Соединенные Штаты Америки, Япония, Индия: учеб. пособие / сост. В. В. Маклаков. М.: Волтерс-Клувер, 2006. С. 621–632.
24. Храмова Т. Иллюзия независимости избираемых судей: размышления по поводу решения Верховного суда США по делу «Уильямс-Юли против Ассоциации адвокатов Флориды» // Сравнительное конституционное обозрение. 2015. № 4 (107). С. 117–127.
25. Бернам У. Правовая система США. М.: Новая юстиция, 2006. 1216 с.
26. Кишель У. Партия, папа и политика? Назначение судей Конституционного суда Германии: сравнительно-правовая перспектива // Сравнительное конституционное обозрение. 2014. № 5 (102). С. 39–55.
27. Уитц Р. Независимость судебной власти: новый взгляд на основные принципы через призму международных документов и практику конституционных судов // Сравнительное конституционное обозрение. 2009. № 2 (69). С. 153–166.
28. Терри П. Независимость судей в Германии в европейском контексте. URL: https://www.taljournal.ru/jour/article/view/29?locale=ru_RU (дата обращения: 01.02.2025).
29. Забродин А. Наказание властью. История импичментов в США уходит вглубь веков и не ограничивается президентами // Коммерсантъ. 2023. 7 окт.
30. Фридмэн Л. Введение в американское право. М.: Прогресс-Универс, 1992. 286 с.
31. Марченко М. Н. Правовые системы современного мира: учеб. пособие. М.: ИКД «Зеркало-М», 2008. 528 с.
32. Момотов В. В. Толкование правовых норм Верховным Судом Российской Федерации в контексте современной правовой системы // Государство и право. 2018. № 4. С. 30–36.
33. Гринько А., Жаринов К. Воля судейского сообщества как источник обязывающей силы прецедентного права США // Сравнительное конституционное обозрение. 2020. № 6 (139). С. 113–140.
34. Гицу М. А. Судебный прецедент как источник права в свете современных тенденций в России // Государство и право. 2017. № 6. С. 11–15.
35. Black's Law Dictionary / ed. by B. A. Garner. St. Paul, 1999. 312 p.
36. Денека И. М. О некоторых особенностях прецедента в федеральных окружных судах США // Государство и право. 2012. № 8. С. 92–99.
37. Healy T. Stare Decisis as a Constitutional Requirement // West Virginia Law Reviv. 2001. Vol. 104. P. 21–45.

38. Арбитражный процесс: учебник / отв. ред. В. В. Ярков. М.: Инфотропик Медиа, 2010. 443 с.
39. Майоров В. И. Институт административной юстиции в странах Западной Европы: компаративное исследование // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2022. № 1 (59). С. 62–69.
40. Международная и внутригосударственная защита прав человека: учебник / под ред. Р.М. Валеева. М.: Статут, 2011. 466 с.
41. Лесив Б. В. Реалии и потенциал конституционного контроля над действиями и решениями властей: сравнительное исследование // Сравнительное конституционное обозрение. 2020. № 6 (139). С. 147–170.
42. Мрозек А., Следзиньска-Симон А. Легитимность конституционных судов и принцип верховенства права: сравнительный взгляд на польский конституционный кризис // Сравнительное конституционное обозрение. 2017. № 1 (116). С. 64–79.
43. Butt S., Murharjanti P. What constitutes compliance? Legislative responses to Constitutional Court decisions in Indonesia // International Journal of Constitutional Law, Volume 20, Issue 1, January 2022. P. 428–453. URL: <https://doi.org/10.1093/icon/moac014> (дата обращения: 01.02.2025).
44. Соломон-мл. П. Г. Суды и судьи при авторитарных режимах // Сравнительное конституционное обозрение. 2008. № 3 (64). С. 162–164.
45. Разделение и взаимодействие ветвей власти. Франция. URL: <https://www.hyno.ru/tom1/1733.html> (дата обращения: 01.02.2025).

References

1. Konstytucja Francuskiej Republiki z 4 października 1958 g. // Konstytucji państw Europejskiego Sojuszu / pod obsł. red. L. A. Okun'kova. M.: Infra-M, Norma, 1997. S. 121–134.
2. Konstytucja Korolewstwa Hiszpanii z 6 października 1978 g. URL: <https://legalns.com/download/books/cons/spain.pdf> (дата обращения: 01.02.2025).
3. Konstytucja Japonii z 3 października 1946 g. // Konstytucji państw Europejskiego Sojuszu: Wielka Brytania, Francja, Niemcy, Włochy, Europejski sojuz, Soedinenne Shtaty Ameriki, Japonia, Indija: ucheb. posobie / sost. V. V. Maklakov. M.: Volters-Kluver, 2006. S. 432–445.
4. Konstytucja Ital'janskiej Republiki z 1947 g. // Konstytucji państw Europejskiego Sojuszu: Wielka Brytania, Francja, Niemcy, Włochy, Europejski sojuz, Soedinenne Shtaty Ameriki, Japonia, Indija: ucheb. posobie / sost. V. V. Maklakov. M.: Volters-Kluver, 2006. S. 231–245.
5. Osnovnyj zakon Federativnoj Republiki Germanija z 23 maja 1949 g. // Konstytucji państw Europejskiego Sojuszu: ucheb. posobie / sost. V. V. Maklakov. 3-e izd., pererab. i dop. M.: Izd-vo BEK, 2001. S. 98–129.
6. Конституционное право зарубежных стран: учебник для вузов / под ред. М. В. Баглая, Ю. И. Лейбо, Л. М. Жентина. М.: Норма, 2005. 832 с.
7. Grebennikov V. V., Grudcyna L. Ju. Principy organizacii i tipologizacii sudebnyh sistem // Gosudarstvo i pravo. 2018. № 1. S. 102–106.
8. Gerasimova A. E. Конституционные основы права на судебную защиту в США: дис. ... канд. юрид. наук. М.: Московский гос. юрид. ун-т им. О. Е. Кутафина (МГЮА), 2015. 182 с.
9. Konstytucja Republiki Pol'sha z 2 kwietnia 1997 g. URL: <https://legalns.com/download/books/cons/poland.pdf> (дата обращения: 01.02.2025).
10. Sadurskij V. Конституционный контроль в Европе и США: влияние, парадоксы и сближение // Sravnitel'noe konstitucionnoe obozrenie. 2013. № 4 (95). S. 49–67.
11. Vinogradova E. V., Danilevskaja I. L. Поправки 2020 года в Конституцию Российской Федерации. Конституционный контроль «ex ante» как институт ответственного и зарубежного конституционализма // Gosudarstvo i pravo. 2020. № 5. S. 7–18.
12. Andreeva I. A. Stanovlenie i razvitie francuzskogo podhoda k opredeleniju mesta sudebnoj vlasti v sisteme razdelenija vlastej // Gosudarstvo i pravo. 2015. № 3. S. 61–69.
13. Kalish D. Specifika traktovki konstitucionnosti v Pjatoj respublike vo Francii // Sravnitel'noe konstitucionnoe obozrenie. 2021. № 3 (142). S. 125–140.
14. Blohin P. Судебный контроль законодательства в Королевстве Бельгия: от конституционного арбитража к конституционному правосудию // Sravnitel'noe konstitucionnoe obozrenie. 2015. № 4 (107). S. 62–83.
15. Fujita T., Izumi T. The Supreme Court of Japan, one step forward (but only discreetly) // International Journal of Constitutional Law, Volume 16, Issue 2, April 2018. P. 672–681. URL: <https://doi.org/10.1093/icon/moy047> (дата обращения: 01.02.2025).

16. Ivanova I. K. Konstitucionnaja reforma v Velikobritanii: transformacija sudebnoj vlasti // Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossijskoj akademii nauk. 2013. № 3. S. 175–195.
17. Danilevskaja I. L. O nekotoryh aspektah pravovoj prirody Zakonodatel'nogo soveta Shvecii // Pravo i gosudarstvo: teorija i praktika. 2020. № 2 (182). S. 14–17.
18. Isaev M. A. Modernizacija material'noj konstitucii: opjat Norvegii // Gosudarstvo i pravo. 2021. № 1. S. 98–110.
19. F'ekkoni F. Nezavisimost', jeffektivnost' i kachestvo pravosudija: sravnitel'nye perspektivy // Sravnitel'noe konstitucionnoe obozrenie. 2017. № 1 (116). S. 95–117.
20. Soedinennye Shtaty Ameriki. Konstitucija i zakonodatel'nye akty / sost. V. I. Lafitskij; pod red. i so vstup. st. O. A. Zhidkova. M.: Progress: Univers, 1993. 766 s.
21. Antonov A. Konstitucionnyj Sovet Francii: porjadok formirovanija i proekty reformirovanija // Sravnitel'noe konstitucionnoe obozrenie. 2015. № 6 (109). S. 88–105.
22. Konstitucija Indii // Konstitucii zarubezhnyh gosudarstv: Velikobritanija, Francija, Germanija, Italija, Evropejskij sojuz, Soedinennye Shtaty Ameriki, Japonija, Indija: ucheb. posobie / sost. V. V. Maklakov. M.: Volters-Kluver, 2006. S. 521–562.
23. Konstitucija Japonii ot 3 nojabrja 1946 g. // Konstitucii zarubezhnyh gosudarstv: Velikobritanija, Francija, Germanija, Italija, Evropejskij sojuz, Soedinennye Shtaty Ameriki, Japonija, Indija: ucheb. posobie / sost. V. V. Maklakov. M.: Volters-Kluver, 2006. S. 621–632.
24. Hramova T. Illjuzija nezavisimosti izbiraemyh sudej: razмышlenija po povodu reshenija Verhovnogo suda SShA po delu «Uil'jams-Juli protiv Asociacii advokatov Floridy» // Sravnitel'noe konstitucionnoe obozrenie. 2015. № 4 (107). S. 117–127.
25. Bernam U. Pravovaja sistema SShA. M.: Novaja justicija, 2006. 1216 s.
26. Kishel' U. Partija, papa i politika? Naznachenie sudej Konstitucionnogo suda Germanii: sravnitel'no-pravovaja perspektiva // Sravnitel'noe konstitucionnoe obozrenie. 2014. № 5 (102). S. 39–55.
27. Uitec R. Nezavisimost' sudebnoj vlasti: novyj vzgljad na osnovnye principy cherez prizmu mezhdunarodnyh dokumentov i praktiku konstitucionnyh sudov // Sravnitel'noe konstitucionnoe obozrenie. 2009. № 2 (69). S. 153–166.
28. Terri P. Nezavisimost' sudej v Germanii v evropejskom kontekste. URL: https://www.taljournal.ru/jour/article/view/29?locale=ru_RU (data obrashhenija: 01.02.2025).
29. Zabrodin A. Nakazanie vlast'ju. Istorija impichmentov v SShA uhodit vglub' vekov i ne ograničivaetsja prezidentami // Kommersant#. 2023. 7 okt.
30. Fridmjen L. Vvedenie v amerikanskoe pravo. M.: Progress-Univers, 1992. 286 s.
31. Marchenko M. N. Pravovye sistemy sovremennogo mira: ucheb. posobie. M.: IKD «Zerkalo-M», 2008. 528 s.
32. Momotov V. V. Tolkovanie pravovyh norm Verhovnym Sudom Rossijskoj Federacii v kontekste sovremennoj pravovoj sistemy // Gosudarstvo i pravo. 2018. № 4. S. 30–36.
33. Grin'ko A., Zharinov K. Volja sudejskogo soobshhestva kak istochnik objazyvajushhej sily precedentnogo prava SShA // Sravnitel'noe konstitucionnoe obozrenie. 2020. № 6 (139). S. 113–140.
34. Gicu M. A. Sudebnyj precedent kak istochnik prava v svete sovremennyh tendencij v Rossii // Gosudarstvo i pravo. 2017. № 6. S. 11–15.
35. Black's Law Dictionary / ed. by B. A. Garner. St. Paul, 1999. 312 r.
36. Deneka I. M. O nekotoryh osobennostjah precedenta v federal'nyh okružnyh sudah SShA // Gosudarstvo i pravo. 2012. № 8. S. 92–99.
37. Healy T. Stare Desisis as a Constitutional Requirement // West Virginia Law Reviv. 2001. Vol. 104. R. 21–45.
38. Arbitrazhnyj process: uchebnik / otv. red. V. V. Jarkov. M.: Infotropik Media, 2010. 443 s.
39. Majorov V. I. Institut administrativnoj justicii v stranah Zapadnoj Evropy: komparativnoe issledovanie // Juridicheskaja nauka i pravohranitel'naja praktika. 2022. № 1 (59). S. 62–69.
40. Mezhdunarodnaja i vnutrigosudarstvennaja zashhita prav cheloveka: uchebnik / pod red. R. M. Valeeva. M.: Statut, 2011. 466 s.
41. Lesiv B. V. Realii i potencial konstitucionnogo kontrolja nad dejstvijami i reshenijami vlastej: sravnitel'noe issledovanie // Sravnitel'noe konstitucionnoe obozrenie. 2020. № 6. (139). S. 147–170.
42. Mrozek A., Sledzin'ska-Simon A. Legitimnost' konstitucionnyh sudov i princip verhovenstva prava: sravnitel'nyj vzgljad na pol'skij konstitucionnyj krizis // Sravnitel'noe konstitucionnoe obozrenie. 2017. № 1 (116). S. 64–79.

43. Butt S., Murharjanti P. What constitutes compliance? Legislative responses to Constitutional Court decisions in Indonesia // International Journal of Constitutional Law, Volume 20, Issue 1, January 2022. P. 428–453. URL: <https://doi.org/10.1093/icon/moac014> (data obrashhenija: 01.02.2025).

44. Solomon-m. P. G. Sudy i sud'i pri avtoritarnyh rezhimah // Sravnitel'noe konstitucionnoe obozrenie. 2008. № 3 (64). S. 162–164.

45. Razdelenie i vzaimodejstvie vetvej vlasti. Francija. URL: <https://www.hyno.ru/tom1/1733.html> (data obrashhenija: 01.02.2025).

Информация об авторе

Л. Г. Коновалова — кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

L. G. Konovalova — Candidate of Science (Law), Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 14.02.2025; одобрена после рецензирования 10.04.2025; принята к публикации 12.05.2025.

The article was submitted 14.02.2025; approved after reviewing 10.04.2025; accepted for publication 12.05.2025.

Алтайский юридический вестник. 2025. № 2 (50). С. 93–97.

Altai Law Journal. 2025. № 2 (50). P. 93–97.

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Научная статья

УДК 342.9

ИЗУЧЕНИЕ СТАДИЙ АДМИНИСТРАТИВНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ: ОТ ТЕОРИИ К ПРАКТИКЕ

Иван Александрович Смирнов

ФКУ «Научный центр БДД МВД России», Москва, Россия, ismirnov115@mvd.ru

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению административных процедур, применяемых при проведении административного расследования, что является актуальной темой в рамках современного правового регулирования. Автор погружается в исследование проблем, связанных с правовым регулированием процессуальных действий, которые совершаются в ходе административного расследования. Внимание уделяется не только существующим недостаткам, но и вопросам формирования четких и эффективных норм, что способствует улучшению системы административного правосудия. Кроме того, в статье предлагается ситуационный подход к определению эффективности административного расследования, который позволяет анализировать процесс с учетом условий и обстоятельств. В целом работа направлена на развитие научных подходов к изучению административных процедур и может быть полезной как для научного сообщества, так и для практиков в области права.

Ключевые слова: административные процедуры, аллегоризмы процессуальных действий, административное расследование, должностные лица, административное производство

Для цитирования: Смирнов И. А. Изучение стадий административного расследования: от теории к практике // Алтайский юридический вестник. 2025. № 2 (50). С. 93–97.

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

Original article

STUDY OF STAGES OF ADMINISTRATIVE INVESTIGATION: FROM THEORY TO PRACTICE

Ivan A. Smirnov

Federal public establishment "Scientific State Institution of Road Safety of the Ministry of the Interior of the Russian Federation", Moscow, Russia, ismirnov115@mvd.ru

Abstract. The article is devoted to the consideration of administrative procedures applied during the conduct of an administrative investigation, which is a relevant topic within the framework of modern legal regulation. The author delves into the study of problems associated with the legal regulation of procedural actions that are performed during an administrative investigation. Attention is paid not only to existing shortcomings, but also to the issues of forming clear and effective norms, which will contribute to the improvement of the administrative justice system. In addition, the article proposes a situational approach to determining the effectiveness of an administrative investigation, which allows analyzing the process taking into account the conditions and circumstances. In general, the work is aimed at developing scientific approaches to the study of administrative procedures and can be useful for both the scientific community and practitioners in the field of law.

Keywords: administrative procedures, allegorisms of procedural actions, administrative investigation, officials, administrative proceedings

For citation: Smirnov I. A. Study of stages of administrative investigation: from theory to practice. Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal. 2025;2:93–97 (In Russ.).

© Смирнов И. А., 2025

Административное расследование (далее — АР) административных правонарушений заключается в поэтапной деятельности уполномоченного должностного лица совершать процессуальные действия [1, с. 63], эти поэтапные процессуальные действия можно распределить на определенные алгоритмы или административные процедуры¹. Рассмотрим, каков механизм принятия решения должностным лицом о целесообразности проведения АР. В случае когда правонарушитель установлен или задержан, известны другие элементы объективной стороны деяния (время, место, способ совершения правонарушения):

1. Обнаружение или получение сведений, на основе которых возбуждается дело об административном правонарушении. Например, должностное лицо располагает данными, указывающими на правонарушение, предусмотренное ч. 2 ст. 7.27 КоАП РФ².

2. Установление данных о правонарушителе.

Должностное лицо органов внутренних дел (далее — ОВД) в данном случае в соответствии со ст. 28.5 КоАП РФ может составить протокол об административном правонарушении — немедленно после обнаружения факта совершения административного правонарушения. Если по делу проводится АР, то протокол составляется по истечении срока на расследование, т. е. через один месяц — разница в приведенных сроках позволяет говорить о нецелесообразности проведения АР, т. к. нет необходимости осуществлять процессуальные действия, связанные с установлением личности и другими фактами, в случае очевидности личности правонарушителя.

Следует отметить, что при проведении АР должностное лицо ОВД должно руководствоваться федеральным административным законодательством, т. к. АР является процессуальным правовым институтом, регулируемым КоАП РФ, в соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 1.3 КоАП РФ, поэтому иные нормативно-правовые акты не могут содержать нормы, регулирующие АР³.

¹ О применении норм КоАП при проведении административного расследования [Электронный ресурс]: письмо Роспотребнадзора от 19.08.2009 № 01/11921-9-32. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 22.06.2024).

³ В статье 20.6 Кодекса Вологодской области об административных правонарушениях от 17 февраля 2003 г. № 868-ОЗ содержалось правило о проведении административного расследования, в Законе Вологод-

Любая административная процедура представляет собой систему, основанную на определенных алгоритмах, которые характеризуются четко установленными процедурными нормами и правилами. АР не является исключением из этого общего правила. Безусловно, с точки зрения теории административного процесса деятельность уполномоченных должностных лиц, занимающихся рассмотрением административных правонарушений и проведением АР, строго регулируется соответствующими административно-процессуальными нормами. Однако в реальной практике мы сталкиваемся с рядом пробелов в правовом регулировании административных процедур, которые, к сожалению, зачастую преодолеваются с использованием таких инструментов, как «аналогия закона» и разнообразные «шаблоны», выработанные в процессе правоприменительной практики [2, с. 72].

Это вызывает определенные опасения, поскольку применение указанных методов, таких как аналогия закона и использование шаблонов, не всегда соответствует принципам правовой определенности и последовательно применяемым нормам. Во-первых, необходимо подчеркнуть, что согласно действующим положениям КоАП РФ и Кодекса административного судопроизводства РФ⁴ (далее — КАС) аналогия закона и права процессуальных норм не допускается. Во-вторых, существует риск, что так называемые шаблоны действий ОВД могут существенно противоречить сущности правового регулирования публичных отношений, создавая тем самым правовые коллизии и неопределенность в осуществлении правосудия.

В связи с вышеизложенным нужно обратить внимание на необходимость более тщательного и комплексного регламентирования административных процедур, что позволит минимизировать правовые пробелы и повысить эффективность и прозрачность административного расследования.

Следует согласиться с высказыванием, что необходимо выработать теоретические подходы к осуществлению АР в конкретных ситуациях, а не применение новых теоретических подходов вообще, эффективность АР напрямую зависит от применения ситуационного подхода при исполь-

ской области от 08.12.2010 № 2429-ОЗ «Об административных правонарушениях в Вологодской области» данная норма не содержится.

⁴ Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 08.08.2024).

зовании теоретических положений административного процесса должностными лицами [3]. Отметим, что нормы КоАП РФ, регулирующие институт АР, позволяют выделить стадии в АР, а именно:

- возбуждение АР;
- осуществление процессуальных действий в рамках АР;
- оформление протокола об административном правонарушении;
- направление материалов дела для рассмотрения.

К указанным стадиям мы предлагаем добавить факультативную стадию, в рамках которой должны рассматриваться возражения лиц, являющихся субъектами административного производства на действия (бездействие) должностного лица ОВД, проводящего АР [4, с. 10]. Рассмотрим на примере состава, предусмотренного ч. 2 ст. 7.27 КоАП РФ, какие полномочия реализуются должностным лицом на указанных этапах АР и какие проблемы в реализации административного законодательства проявляются в настоящее время в АР.

Особенность состава административного правонарушения (ч. 2 ст. 7.27 КоАП РФ) влияет на характер процессуальных действий, совершаемых в АР. Так, для квалификации деяния в рамках административной или уголовной ответственности сотрудник ОВД должен проверить с помощью автоматизированных информационных систем сведения о наличии административного наказания лица, совершившего мелкое хищение имущества в течение года (ч. 2 ст. 7.27 КоАП РФ). Если в течение года сведения о привлечении лица к ответственности по ч. 2 ст. 7.27 КоАП РФ подтверждаются, тогда сотрудник ОВД обязан руководствоваться административной преюдицией в отношении судебного решения о привлечении к административной ответственности по ч. 2 ст. 7.27 КоАП РФ.

В научной литературе отмечается, что реализация заложенного в ч. 2 ст. 7.27 КоАП РФ механизма правового регулирования вызывает неоспоримые сложности в практике по причине того, что хищение имущества, как правило, совершается в условиях, которые характеризуются неочевидностью [5, с. 34]. Поэтому в стадии возбуждения АР должностное лицо ОВД не наделено определенными полномочиями по проведению АР, если нет сведений о правонарушителе. Также стоит заметить, что не содержатся разъяснения по данной ситуации в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от

24.03.2005 № 5¹. В абзаце 3 п. 4 указанного постановления закреплено лишь указание на «несущественные недостатки протокола», под которыми понимаются такие недостатки, которые выявляются только при рассмотрении дела по существу. Понятно, что неустановление личности правонарушителя, совершившего мелкое хищение имущества, не относится к «несущественным недостаткам протокола», следовательно, должностное лицо ОВД, следуя требованиям КоАП РФ, должно прекратить производство по делу. Стоит сделать акцент на том, что в рамках АР должностное лицо должно осуществить всевозможные процессуальные действия по установлению личности правонарушителя, и в настоящее время это, к сожалению, является единственной возможностью начать АР в отношении неустановленного лица, совершившего административное правонарушение.

В практике суды обращают значительное внимание на качество проводимого АР — были ли совершены необходимые действия для установления личности правонарушителя. Так, суд при рассмотрении жалобы гражданина С. на постановление участкового уполномоченного полиции о прекращении производства по делу по ч. 1 ст. 7.27 КоАП РФ ввиду отсутствия состава административного правонарушения пришел к выводу, что соответствующие мероприятия по установлению личности по делу об административном правонарушении не проводились, что привело к существенному ущемлению прав потерпевшего². Суд отменил постановление участкового уполномоченного полиции и возвратил материалы дела на новое рассмотрение. Заметим, что в КоАП РФ не содержится норм, регламентирующих повторное проведение АР, следовательно, в таких случаях устранение существенных процессуальных недостатков по делу должно проходить в общем порядке, т. е. вновь, через каждую стадию АР, однако в КоАП РФ не содержится норм, регулирующих данное положение. Д. А. Кошелев и Д. В. Вараков, рассматривая вопрос, в какой стадии административного производства должностное лицо ОВД должно устранить существенные процессуальные нару-

¹ О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24.03.2005 № 5. Доступ из справ.-правовой службы «КонсультантПлюс».

² Решение Славгородского городского суда Алтайского края от 21 мая 2020 г. № 12-48/2020 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой службы «КонсультантПлюс».

шения по делу, считают, что ограничиваться лишь одной стадией возбуждения дела в подобных ситуациях нелогично [6, с. 89]. Следует согласиться с мнением указанных авторов по следующим основаниям: 1) сотрудник ОВД не вправе возбудить производство по делу, т. к. правонарушитель неизвестен; 2) действующее административное законодательство предусматривает четкий алгоритм реализации полномочий: а) возбуждение и проведение АР, по окончании АР вынесение протокола об административном правонарушении (ст. 28.7 КоАП РФ); б) направление материалов дела для рассмотрения в суд (ст. 28.8 КоАП РФ); в) рассмотрение жалоб лиц, считающих, что их права нарушены при административном производстве. Следовательно, возвращенные судом на новое рассмотрение материалы дела (п. 4 ч. 1 ст. 30.7 КоАП РФ) в связи с допущенными существенными процессуальными нарушениями, такими как неустановление лица, совершившего правонарушение, в АР должны быть исправлены сотрудником ОВД на стадии осуществления процессуальных действий в рамках АР, а не на стадии возбуждения производства по делу [7].

Каждая из описанных ранее стадий из института административного расследования играет важную роль в обеспечении правовой определенности и справедливости процесса административного расследования. Они взаимосвязаны и последовательно способствуют достижению главной цели — установлению фактов правонарушения и применению адекватных мер ответственности.

Проведение аналогий между административным и уголовным законодательством в рам-

ках расследования показывает нам необходимость в реформировании административного законодательства, которое могло бы упростить непосредственно АР, а также процесс административно-правовой преюдиции. Подобные этапы стали бы ключевыми для обеспечения принципов законности и защиты прав граждан, т. к. позволят субъектам административного производства выражать свое мнение и защищать свои интересы в процессе расследования. Учитывая, что административное производство влияет на права и законные интересы граждан, внедрение данных реформ позволит сделать процесс более прозрачным и справедливым, способствуя тем самым повышению доверия к институтам административной юстиции. Таким образом, предлагаемое дополнение способствует более полному учету мнений всех участников процесса и формирует более сбалансированный подход к осуществлению административного расследования. Предлагаем исключить возможность конфликтных ситуаций в случаях, предусмотренных п. 4 ч. 1 ст. 30.7 КоАП РФ, дополнить кодекс регламентированным порядком действий для должностных лиц по направлению дела об административном правонарушении в досудебном порядке для получения досудебного решения по собранным материалам, исключая возможность возвращения дела по аналогии с уголовным законодательством п. 2 ч. 1 ст. 221 УПК РФ, но без участия прокурора. В случаях возвращения дела на новое рассмотрение дополнить действующий КоАП РФ нормой, которая позволит возобновлять административное производство с этапа, который уже был достигнут.

Список источников

1. Сотников С. С., Димитров А. Н., Кочеров Ю. Н. К вопросу о порядке проведения полицией административного расследования дел об административных правонарушениях // Административное право и процесс. 2019. № 1. С. 59–63.
2. Горшков И. С. О некоторых вопросах производства по делам об административных правонарушениях в отношении неустановленного лица в правоприменительной практике органов внутренних дел // Административное право и процесс. 2020. № 5. С. 72–76.
3. Волчецкая Т. С., Хорьков В. Н. Актуальные проблемы административного расследования // Административное право и процесс. 2007. № 3. С. 18–21.
4. Барамзина О. Н. Процессуальное положение лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2014. 21 с.
5. Шевцов А. В. К вопросу о проблемах привлечения к административной ответственности за хищение имущества // Административное право и процесс. 2018. № 1. С. 34–37.
6. Кошелев Д. А., Вараков Д. В. Возбуждение дел об административных правонарушениях в отношении неустановленных лиц // Российский юридический журнал. 2022. № 1. С. 86–93.
7. Калюжный Ю. Н. О некоторых вопросах правового регулирования делегирования государственных полномочий отдельным субъектам в области безопасности дорожного движения // Безопасность дорожного движения. 2024. № 1. С. 10–13.

References

1. Sotnikov S. S., Dimitrov A. N., Kocherov Ju. N. K voprosu o porjadke provedenija policiej administrativnogo rassledovanija del ob administrativnyh pravonarushenijah // Administrativnoe pravo i process. 2019. № 1. S. 59–63.
2. Gorshkov I. S. O nekotoryh voprosah proizvodstva po delam ob administrativnyh pravonarushenijah v otnoshenii neustanovlennogo lica v pravoprimenitel'noj praktike organov vnutrennih del // Administrativnoe pravo i process. 2020. № 5. S. 72–76.
3. Volcheckaja T. S., Hor'kov V. N. Aktual'nye problemy administrativnogo rassledovanija // Administrativnoe pravo i process. 2007. № 3. S. 18–21.
4. Baramzina O. N. Processual'noe polozhenie lica, v otnoshenii kotorogo vedetsja proizvodstvo po delu ob administrativnom pravonarushenii: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. Cheljabinsk, 2014. 21 s.
5. Shevcov A. V. K voprosu o problemah privlechenija k administrativnoj otvetstvennosti za hishhenie imushhestva // Administrativnoe pravo i process. 2018. № 1. S. 34–37.
6. Koshelev D. A., Varakosov D. V. Vozbuzhdenie del ob administrativnyh pravonarushenijah v otnoshenii neustanovlennyh lic // Rossijskij juridicheskij zhurnal. 2022. № 1. S. 86–93.
7. Kaljuzhnyj Ju. N. O nekotoryh voprosah pravovogo regulirovanija delegirovanija gosudarstvennyh polnomochij otdel'nym sub#ektam v oblasti bezopasnosti dorozhnogo dvizhenija // Bezopasnost' dorozhnogo dvizhenija. 2024. № 1. S. 10–13.

Статья поступила в редакцию 25.11.2024; одобрена после рецензирования 28.02.2025; принята к публикации 12.05.2025.

The article was submitted 25.11.2024; approved after reviewing 28.02.2025; accepted for publication 12.05.2025.

Алтайский юридический вестник. 2025. № 2 (50). С. 98–104.

Altai Law Journal. 2025. № 2 (50). P. 98–104.

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Научная статья

УДК 342.9:004.73

ПРИМЕНЕНИЕ ИНФОРМАЦИИ, ПОЛУЧЕННОЙ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СИСТЕМЫ «УМНЫЙ ГОРОД», В ДОКАЗЫВАНИИ ПО ДЕЛАМ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ

Максим Геннадьевич Терехов

ВНИИ МВД России, Москва, Россия, Maxxx47@inbox.ru

Аннотация. В данной статье обосновывается административно-правовая сущность информации, получаемой с применением системы «Умный город», для целей ее использования в производстве по делам об административных правонарушениях. Отдельное внимание в данном исследовании уделяется определению существующих разновидностей информации в системе «Умный город», а также обсуждению возможностей и особенностей их применения в качестве доказательств. Уточняются некоторые аспекты, связанные с оценением такого рода доказательств в производстве по делам об административных правонарушениях. Отмечается перспективность теоретического обоснования правового содержания категории «цифровые доказательства».

Ключевые слова: цифровые доказательства, цифровые данные, административные правонарушения, применение доказательств, фактические данные, оценка доказательств, цифровая среда, цифровая трансформация

Для цитирования: Терехов М. Г. Применение информации, полученной с использованием системы «Умный город», в доказывании по делам об административных правонарушениях // Алтайский юридический вестник. 2025. № 2 (50). С. 98–104.

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

Original article

THE USE OF INFORMATION OBTAINED USING THE SMART CITY SYSTEM IN PROVING CASES OF ADMINISTRATIVE OFFENSES

Maxim G. Terekhov

All-Russian Scientific Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia, Maxxx47@inbox.ru

Annotation. This paper substantiates the administrative and legal essence of the information obtained using the smart city system for the purposes of its use in proceedings on administrative offenses. Special attention in this study is paid to the definition of existing types of information in the smart city system, as well as to the discussion of the possibilities and features of their use as evidence. Some aspects related to the evaluation of such evidence in the proceedings on administrative offenses are being clarified. The perspective of the theoretical substantiation of the legal content of the category "digital evidence" is noted.

Keywords: digital evidence, digital data, administrative offenses, application of evidence, factual data, evaluation of evidence, digital environment, digital transformation

For citation: Terekhov M. G. The use of information obtained using the smart city system in proving cases of administrative offenses. Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal. 2025;2:98–104 (In Russ.).

На современном этапе развития общественных отношений промышленная революция 4.0, спрогнозированная К. Швабом [1], существенным образом меняет облик современных городов России, в т. ч. за счет повсеместного внедрения передовых технологий, автоматизирующих многие задачи человека, как рутинные, так и высокоинтеллектуальные, предопределяя появление на государственном уровне общей концепции развития умных городов.

«Умный город», являясь комплексной программно-технической системой, основан на сборе, обработке и анализе больших данных, представляющих собой информацию, которая затрагивает административное управление фактически каждой сферы городской жизни — от транспортных потоков и энергопотребления до охраны общественного порядка и общественной безопасности уже более чем в двухстах городах России.

Оценить объем цифровых данных по направлению обеспечения общественного порядка и общественной безопасности представляется нереальной задачей ввиду триллионов обрабатываемых объектов цифровой информации. Однако отдельные тенденции пользы такой информации очевидны. Например, в Центре оперативного управления ГУ МВД России по г. Москве в 2025 г. состоялась пресс-конференция, в рамках которой представители полиции совместно с коллегами из правительства Москвы обсудили эффективность программно-технических средств и системы «Умный город». В частности, за последние 10 лет с момента внедрения в Москве системы видеонаблюдения количество зарегистрированных в городе преступлений сократилось на 23,3 %. В три раза меньше стало преступлений, совершенных в общественных местах. В 34,5 раза снизилось количество квартирных краж, в 10 раз — разбойных нападений, в 10,5 раза — грабежей, в 25 раз — угонов транспортных средств¹. Вместе с тем статистика по административным правонарушениям имеет похожие тенденции.

Соответственно, возрастающая роль информации «умных городов», массово создаваемой в рамках обеспечения безопасности и правопорядка, обусловлена высоким потенциалом для оперативного выявления совершаемых административных правонарушений, установления ви-

новных лиц и предотвращения будущих противоправных деяний. Использование информации «умного города» в производстве по делам об административных правонарушениях требует тщательного научного анализа и четкого административно-правового регулирования, учитывающего как возможности, так и риски, связанные с их применением.

В связи с этим настоящая статья посвящена изучению значения информации, полученной с использованием системы «умного города» для производства по делам об административных правонарушениях, выявлению проблем и определению перспектив их использования. И, несмотря на очевидные преимущества, связанные с применением информации, полученной с использованием систем «умного города» в производстве по делам об административных правонарушениях, существует ряд правоприменительных проблем, требующих научного осмысления и практического решения. Это связано с отсутствием четкой административно-правовой регламентации, определяющей порядок сбора, обработки, хранения и использования информации, полученной с использованием систем «умного города», в качестве доказательств по делам об административных правонарушениях. Вместе с тем еще одной важной проблемой является ограниченность возможностей оценки достоверности информации, полученной из систем «умного города» сотрудниками правоохранительных органов для целей ее использования в производстве по делам об административных правонарушениях в качестве цифровых доказательств.

Таким образом, сложность и многообразие программно-технических решений, создающих информацию для системы «умного города», требуют наличия специальных знаний и навыков для проведения их анализа, оценки достоверности и допустимости в производстве по делам об административных правонарушениях. Отсутствие общепризнанных стандартов, административно-правовых регламентов и возможностей для всесторонней оценки достоверности информации, полученной с использованием системы «умного города», не позволяет эффективно осуществлять административно-процессуальную деятельность уполномоченным должностным лицам, тем самым обосновывая актуальность и необходимость проведения научного исследования по заявленной теме работы.

Первоначально для определения места и роли процедуры применения информации, полученной с использованием системы «Умный го-

¹ Доклад пресс-службы ГУ МВД России по г. Москве. URL: <https://77.xn--b1aew.xn--p1ai/news/item/63718067> (дата обращения: 11.04.2025).

род», в доказывании по делам об административных правонарушениях необходимо установить административно-правовую сущность понятия системы «Умный город».

Существует множество научно-правовых подходов к определению понятия «умный город». Например, С. Г. Шеина, Л. В. Гирия, Е. С. Питык и О. В. Медведев пишут, что «...это система, обеспечивающая современный уровень городской жизни, увеличение рентабельности использования ресурсов за счет объединения всех служб и информационных систем города...» [2]. В свою очередь, другие ученые, например О. Дурдыев, А. Чарыев, А. Джапбарова и О. Беркелиева, дают иное определение: «...это такие города, которые используют современные технологии и инновационные решения для улучшения уровня жизни граждан, а также функционирования промышленности городских агломераций...» [3], существуют и другие подходы [4]. Из этого следует, что в настоящее время не сложилось единого научного мнения на этот счет при наличии уже существующей концепции «умных городов». В этой связи для основной части исследования в последующем логично взять за основу собирательное понятие «умного города» в котором представлены признаки некоторой совокупности элементов, составляющих единое целое [5], и которое наиболее целостно, по мнению автора, позволит отразить все особенности феномена для достижения наибольшей точности результатов работы.

Так, «умный город» (англ. *smart-city*) представляет собой комплексный подход к государственному и муниципальному управлению, а также развитию городской территории, промышленной и социальной инфраструктуры, основанный на использовании информационно-коммуникационных технологий [6]. Целью данного подхода в соответствии с приказом Министра России от 25 декабря 2020 г. № 866/пр «Об утверждении Концепции проекта цифровизации городского хозяйства “Умный город”» выступает повышение качества жизни горожан, оптимизация использования ресурсов и обеспечения устойчивого развития¹. Вместе с тем наиболее распространенными ключевыми элементами

формирования (создания) информации «умного города» выступают (рис. 1):

I. Системы видеонаблюдения (видеозаписи с камер видеонаблюдения, установленных в общественных местах, на транспорте, зданиях и сооружениях), обеспечивающие сбор и анализ видеoinформации с целью обеспечения общественной безопасности и правопорядка, выявления административных правонарушений;

II. Датчики окружающей среды, позволяющие контролировать уровень загрязнения воздуха, шума, радиации и других параметров окружающей среды в городских агломерациях, обеспечивая оперативное реагирование на экологические угрозы;

III. Транспортные системы (информация о скорости, интенсивности и составе транспортных потоков, получаемая с помощью датчиков, камер и других программно-технических устройств), оптимизирующие транспортные потоки как железнодорожного транспорта, так речного и автомобильного, что для последнего вида наиболее актуально, т. к. снижаются транспортные заторы, повышается безопасность дорожного движения и обеспечивается удобство для участников дорожного движения, в т. ч. пассажиров;

IV. Системы управления отходами, комплексно оптимизирующие сбор, сортировку и переработку отходов, снижая нагрузку на окружающую среду и обеспечивая рациональное использование ресурсов в городском хозяйстве;

V. Системы учета потребления ресурсов (информация о потреблении электроэнергии, воды, газа и других ресурсов, получаемая с помощью счетчиков и датчиков), позволяющие контролировать потребление ресурсов, выявлять утечки и неэффективное использование, стимулируя энергосбережение и ресурсосбережение;

VI. Интеллектуальные системы, обрабатывающие информацию с использованием технологий искусственного интеллекта (машинного обучения) для целей анализа (например, данных о поведении граждан в общественных местах) или автоматизированного принятия решений (например, автоматического включения и выключения освещения, обеспечивающие экономичное и эффективное освещение городских улиц, парков и иных общественных мест массового скопления граждан, повышая тем самым общественную безопасность и комфорт для населения городов).

¹ Об утверждении Концепции проекта цифровизации городского хозяйства «Умный город» [Электронный ресурс]: приказ Министра России от 25 декабря 2020 г. № 866/пр. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Рис. 1. Инфраструктура «умного города» [7]

Таким образом, программно-технические устройства и системы программного обеспечения сформировали в настоящее время массив больших данных, которые предлагается для удобства классифицировать «по критериям элементов формирования (создания) информации в “умном городе”». Вместе с тем отличительным и общим признаком такой информации выступает ее цифровая природа.

Можно сделать вывод, что информация, генерируемая (создаваемая) системами «умного города», может быть использована в качестве доказательств при производстве по делам об административных правонарушениях. Однако достаточно важным остается вопрос административно-правового регулирования порядка особенностей использования и оценки такой информации в производстве по делам об административных правонарушениях, остающийся малоисследованным и не закрепленным законодательно.

Так, административно-правовые основы использования информации «умного города» в настоящее время опираются на общие нормы КоАП РФ¹ о доказательствах, а также иных федеральных законов и нормативно-правовых актов субъектов РФ, регулирующих деятельность органов, уполномоченных составлять протоколы об административных правонарушениях и рассматривать соответствующую категорию дел.

Это создает правовую неопределенность и затрудняет возможность применения информации, существующей в цифровой форме и требующей особого порядка ее применения.

В частности, наиболее затруднительными аспектами применения цифровой информации «умного города» в качестве доказательств в производстве по делам об административных правонарушениях выступают вопросы оценки такого рода информации с уточнением ее допустимости и достоверности.

Методы установления достоверности и уникальности цифровой информации «умного города» включают в себя проверку технических характеристик устройств и систем, создающих эти данные, анализ метаданных, сравнение цифровой информации, полученной из разных источников, а также проведение экспертизы. Важным фактором, влияющим на достоверность цифровой информации «умного города», используемой как доказательство в производстве по делам об административных правонарушениях, являются ошибки и сбои в работе программно-технических систем, создающих такую информацию. В частности, технические неисправности, перебои в электроснабжении, кибератаки и другие факторы могут привести к искажению или утрате цифровых данных.

Соответственно, любая процессуальная процедура по интерпретации и оценке цифровой информации «умного города» в контексте конкретного дела об административном правонарушении требует учета всех обстоятельств дела,

¹ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

а также специальных знаний, которые должны опираться на специализированный законодательный понятийный аппарат исследуемого феномена, в т. ч. первоначального определения в производстве по делам об административных правонарушениях характера информации, с которой работает должностное лицо, для целей ее последующего эффективного административно-процессуального применения.

Для решения складывающихся проблем применения цифровой информации в производстве по делам об административных правонарушениях предлагается в качестве нового вида доказательств рассматривать «цифровые доказательства», современная правовая и фактическая сущность которых позволяет свидетельствовать об их обособленном социально-правовом статусе.

Так, традиционно понятие доказательств в административном праве, как правило, определяется как любые фактические данные, на основании которых уполномоченное должностное лицо устанавливает наличие либо отсутствие административного правонарушения, а также виновность лица в его совершении и иные обстоятельства, имеющие существенное значение для правильного разрешения дела в соответствии со ст. 26.2 КоАП РФ. Ключевым элементом данного определения является установление фактических данных. Следовательно, цифровые доказательства также должны соответствовать данному критерию, однако процесс установления и их оценки существенно отличается от работы с традиционными фактическими доказательствами.

Предварительно, «цифровое доказательство» можно определить как информацию (фактические данные), предоставленную в цифровой форме, полученную законным путем и имеющую значение для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию в производстве по делам об административных правонарушениях.

В отличие от традиционных, цифровые доказательства обладают не только рядом родовых, но и специфических признаков, которые подтверждают их достоверность и легитимность.

I. Цифровая форма данных представляет собой главный специфический признак, определяющий, что информация существует в виде битов и байтов, т. е. в формате, который может быть обработан компьютером или другим программно-техническим устройством, подразумевая, что данные не представлены в аналоговой форме, а требуют специализированного оборудования и программного обеспечения для доступа, интерпретации и административно-правового анализа. Цифровая форма такой информации и ее

доказательственное значение определяется ее характеристикой в понятии «цифрового доказательства», их дальнейшим применением, в т. ч. в административно-юрисдикционной деятельности.

Например, из дела № 5 20.3.1-0769/2023 следует, что гражданин Б. (данные изменены) совершил действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды по признакам расы и национальности с использованием сети «Интернет», выразившиеся в том, что в социальной сети «В» (данные изменены) пользователь под ником А. Б. (данные изменены) на своей странице размещал материалы экстремистского содержания — это было обнаружено с использованием интеллектуальных систем в ходе мониторинга цифровой среды правоохранительными органами.

Таким образом, решением суда по делу № 05-069/2023 от 02.05.2023 гражданин Б. признан виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного ст. 20.3.1 КоАП РФ¹.

Из примера следует, что информация в цифровой форме может быть представлена для целей применения в качестве доказательств в производстве по делу об административном правонарушении исключительно в цифровой форме (в первоначальном (родовом) виде) и на определенном интернет-сайте (ресурсе), а равно осуществлены представление и последующая оценка такого рода данных.

II. Информативность как признак подразумевает, что цифровые данные должны содержать информацию (способную подтвердить или опровергнуть наличие или отсутствие события административного правонарушения, виновность лица в его совершении, смягчающие или отягчающие обстоятельства, а также другие факты, имеющие юридическое значение), имеющую значение для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по делу об административном правонарушении.

Особенностью данного признака выступает техническое содержание объекта информации. Так, традиционная информация имеет свойства статичности и, как правило, не изменяется со временем. В свою очередь, информация в цифровой форме динамична и может быть изменена со временем, в связи с чем присутствует необходимость фиксации информации в определенный момент времени.

III. Подлинность цифровых данных представляет собой в той или иной программно-

¹ Официальный сайт Московского городского суда. URL: www.mos-gorsud.ru (дата обращения: 11.04.2025).

технической форме подтверждение подлинности источника цифрового доказательства и отсутствие сомнений в том, что оно не было изменено или искажено каким-либо программно-техническим способом.

Так, подтверждение подлинности цифровых данных включает в себя также процедуру установления личности создателя рассматриваемых цифровых данных, времени и места его создания, а также проверку на предмет наличия признаков изменения или модификации, в частности метаданных файла (дата, время создания, автор, информация об устройстве), которые играют ключевую роль в установлении допустимости. Следовательно, если подлинность цифровых данных не подтверждена, они не могут быть признаны допустимым цифровым доказательством и не могут быть использованы для принятия решения в производстве по делу об административном правонарушении.

Бремя доказывания подлинности цифровых данных, претендующих на признание «цифровым доказательством», лежит на стороне, представляющей это доказательство: она должна представить достаточные доказательства, подтверждающие подлинность источника и отсутствие признаков подделки.

IV. Целостность цифровой информации. Подразумевает наличие первичного вида цифровой информации, без внесения каких-либо изменений в нее.

V. Допустимость и законность. Любая информация должна быть собрана в условиях соблюдения законодательства.

VI. Относимость. Цифровая информация должна обязательно иметь связь с обстоятельствами дела об административном правонарушении, способными подтвердить или опровергнуть факты.

Рассмотрим, например, апелляцию ООО «К-Транс» к МАДИ от 15.10.2020 № 0356043010520101502001792 по делу об административном правонарушении и требовании признать его незаконным. Суд приходит к выводу об отсутствии в действиях общества состава административного правонарушения. В частности, несмотря на существующий запрет проезда и парковки автотранспортного средства в местах зеленых насаждений, а также представленной в материалах дела административным органом выписки из реестра зеленых насаждений. Не представляется возможным соотнести на местности границы территории с зелеными насаждениями и точку, где было зафиксировано место парковки автомобиля. Таким образом, решением

Девятого арбитражного суда города Москвы от 29.03.2021 по делу № А40-261830/2020 постановление МАДИ от 15.10.2020 № 0356043010520101502001792 признано незаконным и отменено на основании нарушений ст. 29.10 КоАП РФ (не доказаны обстоятельства, на которые ссылается МАДИ)¹.

Соответственно, отсутствие хотя бы одного из вышеперечисленных признаков в цифровой информации может повлечь за собой невозможность ее признания как цифрового доказательства либо признание ее недопустимой и, как следствие, невозможность ее использования при производстве дела об административном правонарушении. Это, в свою очередь, может существенно повлиять на исход дела, особенно в случаях, когда цифровые доказательства являются основным или единственным источником информации об обстоятельствах правонарушения.

Выводы. По итогам исследования установлено, что цифровая информация, полученная с использованием системы «умного города», имеет важное значение в качестве доказательств для производства по делам об административных правонарушениях на современном этапе развития городских агломераций. Однако использование цифровой информации «умного города» не лишено ряда проблем, таких как отсутствие четкой административно-правовой регламентации, ограниченность возможностей экспертизы и оценки достоверности и допустимости цифровой информации, а также риски ее изменения в цифровой среде.

Предложения по определению правового содержания «цифровых доказательств» могут способствовать более эффективной организации и осуществлению административно-юрисдикционной деятельности, совершенствованию административного законодательства в сфере использования цифровой информации.

¹ Решение Девятого арбитражного суда города Москвы от 29 марта 2021 г. по делу № А40-261830/2020. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/vh7XBjok8hdc/?ysclid=m9hclyzxm216093907> (дата обращения: 11.04.2025).

Список источников

1. Шваб К. Четвертая промышленная революция. М.: Эксмо, 2016. 137 с.
2. Шеина С. Г., Гиря Л. В., Питык Е. С., Медведев О. В. Интеллектуальная городская система и ее реализация на современном этапе развития России // ИВД. 2019. № 1 (52). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/intellektualnaya-gorodskaya-sistema-i-ee-realizatsiya-na-sovremennom-etape-razvitiya-rossii> (дата обращения: 11.04.2025).
3. Дурдыев О., Чарыев А., Джапбарова А., Беркелиева О. Умные города и транспортная инфраструктура // Инновационная наука. 2024. № 11-1-2. С. 44–45.
4. Перезолова А. С. О проблеме публичного управления в концепции умных городов // Политэкс. 2015. № 2. С. 131–143.
5. Кириллов В. И., Старченко А. А. Логика: учебник для юрид. вузов. М.: Юристъ, 2006. 256 с.
6. Севрюкова Е. А. Цифровые платформы в экологических и метеорологических системах: учеб. пособие. М.: Ай Пи Ар Медиа, 2023. 195 с.
7. Аналитический материал. URL: <https://immunocap.ru/photo/napravlenie-infrastruktura/73> (дата обращения: 11.04.2025).

References

1. Shvab K. Chetvertaja promyshlennaja revolyucija. M.: Jeksmo, 2016. 137 s.
2. Sheina S. G., Girja L. V., Pityk E. S., Medvedev O. V. Intellektual'naja gorodskaja sistema i ee realizacija na sovremennom jetape razvitija Rossii // IVD. 2019. № 1 (52). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/intellektualnaya-gorodskaya-sistema-i-ee-realizatsiya-na-sovremennom-etape-razvitiya-rossii> (data obrashhenija: 11.04.2025).
3. Durdyev O., Charyev A., Dzhapbarova A., Berkelieva O. Umnye goroda i transportnaja infrastruktura // Innovacionnaja nauka. 2024. № 11-1-2. S. 44–45.
4. Perezolova A. S. O probleme publichnogo upravlenija v koncepcii umnyh gorodov // Politjeks. 2015. № 2. S. 131–143.
5. Kirillov V. I., Starchenko A. A. Logika: uchebnik dlja jurid. vuzov. M.: Jurist#, 2006. 256 s.
6. Sevrjukova E. A. Cifrovye platformy v jekologicheskikh i meteorologicheskikh sistemah: ucheb. posobie. M.: Aj Pi Ar Media, 2023. 195 s.
7. Analiticheskij material. URL: <https://immunocap.ru/photo/napravlenie-infrastruktura/73> (data obrashhenija: 11.04.2025).

Статья поступила в редакцию 17.04.2025; одобрена после рецензирования 07.05.2025; принята к публикации 12.05.2025.

The article was submitted 17.04.2025; approved after reviewing 07.05.2025; accepted for publication 12.05.2025.

Уголовно-правовые науки

Алтайский юридический вестник. 2025. № 2 (50). С. 105–109.

Altai Law Journal. 2025. № 2 (50). P. 105–109.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 159.97

ПСИХИЧЕСКИЕ АНОМАЛИИ И ПСИХИЧЕСКИЕ ЗАВИСИМОСТИ В ПРЕСТУПНОМ ПОВЕДЕНИИ

Юрий Миранович Антонян

ВНИИ МВД России, Москва, Россия

Аннотация. Статья посвящена проблемам преступного поведения лица с расстройствами психической деятельности на грани между нормой и патологией, эти расстройства обозначены как психические аномалии. Показано, какие аномалии и как воздействуют на психологию личности, как они проявляются при совершении преступлений. Психические аномалии значимы при формировании психической зависимости от собственных влечений. Автор высказывает предположение, что такая зависимость может возникнуть не под влиянием психических аномалий, а под воздействием бессознательного. Названы и рассмотрены основные виды психической зависимости и ее признаки. Предлагается авторское понимание бессознательного.

Ключевые слова: психические аномалии, психическая зависимость, вменяемость, невменяемость, свобода воли, бессознательное

Для цитирования: Антонян Ю. М. Психические аномалии и психические зависимости в преступном поведении // Алтайский юридический вестник. 2025. № 2 (50). С. 105–109.

CRIMINAL LAW SCIENCES

Original article

MENTAL ANOMALIES AND MENTAL ADDICTIONS IN CRIMINAL BEHAVIOR

Jurij M. Antonjan

All-Russian Scientific Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia

Abstract. The article is devoted to the problems of criminal behavior of a person with mental disorders on the verge between the norm and pathology, these disorders are designated as mental anomalies. It shows which anomalies and how they affect personality psychology, how they manifest themselves in the commission of crimes. Mental anomalies are significant in the formation of mental dependence on one's own drives. The author suggests that such significance may arise not under the influence of mental anomalies, but under the influence of the unconscious. The main types of mental dependence and its signs are named and considered. The author's understanding of the unconscious is proposed.

Keywords: mental anomalies, mental dependence, sanity, insanity, free will, the unconscious

For citation: Antonjan Ju. M. Mental anomalies and mental addictions in criminal behavior. Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal. 2025;2:105–109 (In Russ.).

© Антонян Ю. М., 2025

«К психическим аномалиям можно отнести прежде всего структурные или функциональные отклонения стабильного характера, например, олигофрении, конституционные психопатии, патохарактерологические развития, остаточные явления органического поражения центральной нервной системы травматической этиологии и т. д. Вместе с тем среди преступников большой удельный вес занимают алкоголики, встречаются, хотя и значительно реже, наркоманы, эпилептики, еще реже — шизофреники в стадии стойкой ремиссии, лица, на момент обследования страдающие реактивными состояниями и другими расстройствами психической деятельности. Все указанные расстройства можно условно объединить в единую группу психических аномалий в целях специального научного изучения, профилактического и иного воздействия. С учетом сказанного под психическими аномалиями следует понимать все расстройства психической деятельности, не достигшие психотического уровня и не исключающие вменяемости, но влекущие личностные изменения, которые могут привести к отклоняющемуся поведению. Такие аномалии затрудняют социальную адаптацию индивида и снижают его способность отдавать себе отчет в своих действиях и руководить ими» [1, с. 130].

«У лиц с психическими аномалиями преобладают нормальные психические явления и процессы, а потому такие лица сохраняют в основном свои социальные связи, в подавляющем большинстве случаев они трудоспособны, дееспособны и вменяемы. Психические аномалии препятствуют нормальной социализации личности, мешают заниматься определенными видами деятельности, в связи с чем повышается вероятность совершения противоправных действий, ведения антиобщественного образа жизни» [1, с. 131].

Отмеченные аномалии уменьшают сопротивляемость к влиянию ситуаций, особенно конфликтных; препятствуют развитию социально полезных черт личности, адаптации ее к внешней среде; нейтрализуют механизмы самоконтроля; сужают выбор решений и вариантов поведения; стимулируют импульсивные, непродуманные поступки, что в конечном итоге может привести к совершению преступления.

В специальной литературе наряду с понятием «психические аномалии» используются и такие как «пограничные состояния», «психические недостатки», «патопсихологические особенности», «аномалии личности» и др., каждое из которых обозначает примерно одни и те же явления — расстройства психической деятельности

на границе между нормой и патологией. На языке уголовного права они называются психическими расстройствами, не исключающими вменяемость, когда человек во время совершения преступления не мог в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими. Помимо указанных выше психических расстройств, могут присутствовать и иные, к примеру психопатические черты характера, легкое умственное отставание, последствия алкоголизма и наркомании.

Любые расстройства психической деятельности, в т. ч. предполагающие невменяемость, представляют несомненный криминологический интерес, поскольку дают возможность понять субъективные причины преступного поведения, его мотивы и цели, особенности восприятия и оценки ситуаций. Психиатрические статусы чрезвычайно важны в работе по исправлению осужденных.

Психические расстройства личности создают для нее особую объективную и субъективную ситуацию, содержанием которой становятся специфические взаимоотношения между личностью и обществом, отношения личности к самой себе. При этом возможно усиление эгоистических мотивов и негативных тенденций, способных нанести ущерб социально значимым ценностям. Если расстройство психики внешне как-то выражено, это может формировать к его носителю определенное отношение окружающих и создать ему соответствующий статус в формальной и неформальной среде, в зависимости от которого человек начинает строить свое поведение уже в новой объективной и субъективной ситуации.

При этом происходит изменение позиций личности и многосторонняя перестройка ее взаимоотношений с ее окружением. Усиление эгоистических мотивов и неблагоприятных тенденций в развитии личности способно привести к утрате социального престижа субъекта, нанести ущерб его коммуникативным связям и механизмам взаимодействия с внешней средой.

Конфликты аномальных личностей с окружающими их людьми зачастую порождаются переживаниями либо чувством отличия или зависимости от других людей. Чем более четко воспринимается и осознается личностью психотравмирующее воздействие со стороны других людей, тем негативнее последствия в отношении нее. В результате изменяются индивидуальные реакции на внешние и внутренние раздражители и ограничиваются возможности выполнения некоторых социальных функций [2].

Криминологическое исследование психических аномалий является важной и необходимой частью социально-психиатрических исследований, в которых значимы гуманистические и просветительские идеи, нашли отражение этическая ценность труда, ответственность за судьбу детей и подростков, инвалидов и престарелых, трудности жителей сверхкрупных городов и городских агломераций, мигрантов и недавних жителей. Все большее распространение получают исследования, посвященные вялотекущим эндогенным процессам и пограничным нервно-психическим заболеваниям. Результаты данных работ чрезвычайно важны для понимания преступного поведения, особенно насильственного, способности человека управлять им, а это является едва ли не главным вопросом уголовного права.

Удельный вес лиц с психическими расстройствами среди совершивших преступления установить можно лишь приблизительно, точных данных не имеется. Здесь решающее значение может иметь практика назначения судебных психиатрических экспертиз и качество их проведения, что очень важно для криминологических выводов, которые должны строиться в зависимости от того, какая аномалия установлена, как она повлияла на преступное поведение.

В специальной литературе отмечается, что отдельные зависимые преступники из числа убийц, насильников, воров, мошенников представляют собой особый криминологический тип, недостаточно сегодня изученный. Для современной науки и практики необходимость криминологического познания их обусловлена сложностью распознавания и оценки вопроса вменяемости/невменяемости. Во время совершения общественно опасного деяния некоторые из них могли отдавать себе отчет в том, что совершаемые ими действия общественно опасны, однако не могли воздержаться от их реализации, поскольку имеющиеся у них расстройства психики не позволяли им управлять своим поведением [3].

Критерии и признаки невменяемости, т. е. медицинские причины и юридические условия, устраняющие уголовную ответственность лица за совершенное им преступное деяние, сформулированы в ч. 1 ст. 21 УК РФ: «...не подлежит уголовной ответственности лицо, которое во время совершения общественно опасного деяния находилось в состоянии невменяемости, то есть не могло осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими вследствие хронического психического расстройства, временного психического расстройства, слабоумия либо иного болезненного состояния психики».

Исследователи, изучающие поведение серийных преступников, отмечают, что утрата контроля над своим поведением чаще происходит у них при совершении повторных преступлений в силу неподконтрольности поступков сознанию. Постоянство, непрерывность, повторность совершения схожих (однотипных) действий указывает на их серийность, что, на наш взгляд, может быть объяснено желанием избавиться от мучительных переживаний, постоянного дискомфорта, внутренней напряженности и тревожности, стремлением обеспечить себе безопасность.

Проведенные нами опросы таких преступников позволили выявить у них различные виды психической зависимости. К примеру, наиболее распространенной среди них считается химическая зависимость — от табака, алкоголя, наркотиков; социально-психологическая — от любого другого человека; субъективная — от самого себя; игровая — от азартных и иных игр. Наличие такого зависимого поведения может иметь место как при расстройствах психики, так и при их отсутствии.

При этом серийный преступник, будучи рабом своих зависимостей, перестает быть хозяином собственной судьбы. Для него самым важным становится получение актуализированного на данный момент чувственного удовольствия, наслаждения. Такой преступник не испытывает угрызений совести, раскаяния, не считает себя ответственным перед кем-либо.

В психологии, и особенно в психиатрии, психическая зависимость человека от самого себя обычно объясняется наличием расстройств психической деятельности, патопсихологическими особенностями личности. Между тем можно полагать, что здесь могут действовать психологические механизмы и внепсихические расстройства в виде бессознательных зон психики.

Под бессознательным можно понимать не вспоминаемые переживания и впечатления детства и раннего отрочества, вытесненные из сознания в силу их травматичности, аморальности или ненужности, а также автоматизмы и инстинкты. Индивидуальное бессознательное, как и коллективное, есть у всех людей, оно готово принять в себя все, что не нужно человеку или вредно для него в данный момент, однако его действие бесспорно и при отсутствии аномалий или болезней. Сам индивид может ничего не знать о своем бессознательном, вообще не подозревать о его существовании, не понимать, что именно оно образует смысл его поведения.

По нашим наблюдениям, в жесткую психическую зависимость от самого себя чаще попада-

дают некрофильские личности и те, поведение которых мотивируется влечением к игре.

Так, Грушин, 19 лет, был осужден за убийство своего командира в военном училище и еще пятерых курсантов того же училища. Нам он рассказал, что родился и вырос в малом городе на Волге, у его родителей там был свой дом, в котором жили родители отца и его братья. Сколько себя помнит, он всегда интересовался вопросами смерти, старался прочесть об этом в книжках, стал писать о ней рассказы и посылал их в разные газеты, но там отказывались их печатать. Вдыхал пары бензина, чтобы потерять сознание и увидеть, что находится за гранью жизни. Когда умер дедушка, в дом принесли гроб, Грушин лег в него (ему было тогда 12 лет) и пролежал, наверное, несколько часов, пока его там не обнаружили родители.

В военном училище учился хорошо, его всегда отмечали, а непосредственный командир, которого Грушин потом застрелил из автомата, неоднократно награждал. Курсанты, которые в это время были в соседнем помещении, услышав выстрелы, бросились бежать, но он успел застрелить пятерых из них. На наш вопрос, почему он стрелял по своим товарищам, дал красноречивый ответ: «Но они же были живые, бежали», т. е. он убивал саму жизнь. С места происшествия убежал в лес, но через несколько часов вернулся в город и пришел с повинной.

Грушин является ярко выраженным некрофилом. Некрофилия представляет собой патологический интерес к смерти, стремление делать живое неживым, находиться вблизи трупов. Можно предположить, что эта патология порождается высокой, но бессознательной тревожностью, когда человек пытается преодолеть свои страхи путем опредмечивания источников опасности. Некрофилия не всегда приводит к совершению общественно опасных действий, при надлежащем воспитании и в целом успешной социализации некрофил может стать врачом-патологоанатомом или служителем морга.

Для самого действующего субъекта могут быть полной неожиданностью внезапно вспыхнувшие ярость и гнев, о чем он будет сожалеть и не понимать, почему такое произошло. Серийные сексуальные убийцы иногда пытаются обуздать свои некрофильские влечения и больше не

убивать, для чего стараются усиленно заниматься спортом и тяжелым физическим трудом, чтобы не осталось сил на очередное насилие, но им это не удается.

Во всех названных случаях у личности сохраняется способность понимать сущность своих действий, их противоправность и неприемлемость, пагубность для себя самого, однако человек утрачивает способность удержаться от уголовного наказуемых поступков и руководить своим поведением. Многие преступления, в т. ч. убийства, можно было предотвратить, если бы люди, склонные к неконтролируемому поведению, получили необходимую психотерапевтическую помощь. Не все они на виду, но очень многие, если иметь в виду освобождаемых с мест лишения свободы. Им нужна именно квалифицированная помощь, а не только душещипательные контакты с участковыми уполномоченными полиции.

Невозможность управлять своим поведением может быть следствием невроза навязчивых состояний, проявляющегося в произвольных, многократно повторяющихся нежелательных действиях, а также социально запретных образов, мыслей, слов. Подобные состояния обуславливают дезорганизацию аффективной сферы, агрессивность поведения, неприемлемый характер навязчивостей, от которых он не способен избавиться самостоятельно. У субъекта наступает личностное оскудение, составляющие переживания накапливаются, нередко приводя к уголовно наказуемым деяниям.

Таким образом, можно выделить наиболее характерные признаки «зависимого криминального поведения: а) сильное желание к совершению агрессивных или иных преступных действий; б) нарушенная способность контролировать свое поведение; в) усугубление физических и психических расстройств при отсутствии возможности нейтрализации подобных расстройств (абстиненция); г) озабоченность положением из-за понуждает многих серийных сексуальных убийц продолжать трудиться; д) сохранение устойчивого общественно опасного поведения вопреки ясному пониманию вредных последствий; е) отсутствие желания совершать насильственные противоправные действия совместно с кем бы то ни было» [2].

Список источников

1. Личность преступника и профилактика преступлений: монография / Ю. М. Антонян, О. Р. Афанасьева, М. В. Гончарова [и др.]; под ред. Ю. М. Антоняна. М.: Проспект, 2017. 224 с.
2. Казарян М. А. Предупреждение насильственных преступлений против личности, совершаемых лицами с психическими аномалиями, не исключающими вменяемости: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. 159 с.

3. Антонян Ю. М. Психическая зависимость и преступное поведение // Общество и право. 2024. № 1 (87). С. 8–15.
4. Клещина Е. Н. О некоторых вопросах типологии жертв преступлений // Вестник Московского университета МВД России. 2017. № 1 (41). С. 37–41.
5. Сазонова Н. И. Понятие психических аномалий // Вестник Московского университета МВД России. 2008. № 10. С. 178–185.
6. Семенов В. Н. Психологический профиль личности с диссоциальным расстройством, совершившей насильственные преступления: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Минск, 2017. 26 с.
7. Спасенников Б. А. Принудительные меры медицинского характера: теория, уголовно-правовое регулирование, практика: дис. ... д-ра юрид. наук. Архангельск, 2004. 368 с.

References

1. Lichnost' prestupnika i profilaktika prestuplenij: monografija / Ju. M. Antonjan, O. R. Afanas'eva, M. V. Goncharova [i dr.]; pod red. Ju. M. Antonjana. M.: Prospekt, 2017. 224 s.
2. Kazarjan M. A. Preduprezhdenie nasil'stvennyh prestuplenij protiv lichnosti, sovershaemyh licami s psihicheskimi anomalijami, ne iskljuchajushhimi vmenjaemosti: dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2012. 159 s.
3. Antonjan Ju. M. Psihicheskaja zavisimost' i prestupnoe povedenie // Obshhestvo i pravo. 2024. № 1 (87). S. 8–15.
4. Kleshchina E. N. O nekotoryh voprosah tipologii zhertv prestuplenij // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2017. № 1 (41). S. 37–41.
5. Sazonova N. I. Ponjatie psichicheskikh anomalij // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2008. № 10. S. 178–185.
6. Semenov V. N. Psihologicheskij profil' lichnosti s dissocial'nym rasstrojstvom, sovershivshej nasil'stvennye prestuplenija: avtoref. dis. ... kand. psihol. nauk. Minsk, 2017. 26 s.
7. Spasennikov B. A. Prinuditel'nye mery medicinskogo haraktera: teorija, ugodovno-pravovoe regulirovanie, praktika: dis. ... d-ra jurid. nauk. Arhangel'sk, 2004. 368 s.

Информация об авторе

Ю. М. Антонян — заслуженный деятель науки РСФСР, доктор юридических наук, профессор.

Information about the author

Ju. M. Antonjan — Honored Scientist of the RSFSR, Doctor of Science (Law), Professor.

Статья поступила в редакцию 05.12.2024; одобрена после рецензирования 14.02.2025; принята к публикации 12.05.2025.

The article was submitted 05.12.2024; approved after reviewing 14.02.2025; accepted for publication 12.05.2025.

Научная статья

УДК 343.132

ТАКТИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ ВЕРБАЛЬНЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ С ЛИЦАМИ, СТРАДАЮЩИМИ УМСТВЕННОЙ ОТСТАЛОСТЬЮ**Дмитрий Станиславович Гордеев**Академия управления МВД России, Москва, Россия, dsgordeev@list.ru,<https://orcid.org/0009-0002-7120-6260>

Аннотация. Статья посвящена повышению эффективности вербальных следственных действий с лицами, страдающими умственной отсталостью. Обращается внимание, что лица с умственной отсталостью в подавляющем большинстве случаев признаются вменяемыми, но обладают специфическими психологическими особенностями, требующими адаптации тактики следственных действий. Значимость проблемы подтверждается мнением практических работников: в ходе анкетирования руководители следственных подразделений и следователи указали на дефицит методических рекомендаций по работе с лицами, страдающими психическими расстройствами, несмотря на существующую потребность. Ключевым результатом работы является выделение и обоснование практически значимых тактических приемов для эффективного проведения вербальных следственных действий, учитывающих когнитивные и психологические особенности лиц с умственной отсталостью и направленных на получение достоверных показаний.

Ключевые слова: криминалистика, умственная отсталость, вербальные следственные действия, тактика допроса, тактический прием, судебно-психиатрическая экспертиза

Для цитирования: Гордеев Д. С. Тактические приемы вербальных следственных действий с лицами, страдающими умственной отсталостью // Алтайский юридический вестник. 2025. № 2 (50). С. 110–116.

CRIMINAL LAW SCIENCES

Original article

TACTICAL TECHNIQUES IN THE PRODUCTION OF VERBAL INVESTIGATIVE ACTIONS WITH PERSONS SUFFERING FROM MENTAL RETARDATION**Dmitry S. Gordeev**Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia, dsgordeev@list.ru,<https://orcid.org/0009-0002-7120-6260>

Abstract. The article is devoted to improving the effectiveness of verbal investigative actions with people suffering from mental retardation. Attention is drawn to the fact that persons with mental retardation, in the vast majority of cases, are recognized as sane, but have specific psychological characteristics that require adaptation of investigative tactics. The importance of the problem is confirmed by the opinion of practitioners: during the survey, the heads of investigative departments and investigators pointed out the lack of methodological recommendations for working with people suffering from mental disorders, despite the existing need. The key result of the work is the identification and justification of practically significant tactical techniques for the effective conduct of verbal investigative actions that take into account the cognitive and psychological characteristics of people with mental retardation and are aimed at obtaining reliable testimony.

Keywords: criminalistics, mental retardation, verbal investigative actions, interrogation tactics, tactical technique, forensic psychiatric examination

For citation: Gordeev D. S. Features of the use of tactical techniques in the production of verbal investigative actions with persons suffering from mental retardation. *Altajskij juridicheskij vestnik* = *Altai Law Journal*. 2025;2:110–116 (In Russ.).

Согласно статистическим данным, в нашей стране наблюдается тенденция оздоровления населения, в частности снижается число лиц, страдающих таким психическим заболеванием, как умственная отсталость. На этом благоприятном фоне более активным, к сожалению, становится криминальное поведение изучаемой социальной категории: удельный вес подозреваемых и обвиняемых) уступает лишь синдрому зависимости от психоактивных веществ и органическим расстройствам личности, составляя 19 % [1; 2, с. 51].

Несмотря на наличие криминалистической литературы о тактике следственных действий с лицами, имеющими психические аномалии, результаты анкетирования следователей и руководителей следственных органов территориальных подразделений МВД России свидетельствуют о потребности в практико-ориентированных методических рекомендациях, в т. ч. раскрывающих особенности тактики вербальных следственных действий (46 % опрошенных)¹. Следует иметь в виду, что большинство лиц с умственной отсталостью, направляемых на судебно-психиатрическую экспертизу в связи с совершением противоправных деяний, признаются вменяемыми (24 642 из 28 300 лиц) [2, с. 51]. Данный факт подчеркивает актуальность повышения доказательственного значения результатов вербальных следственных действий, проводимых с лицами изучаемой категории.

Следственные действия, в которых доказательства выявляются «на основе речевого общения», называются вербальными, или устными, словесными (от лат. слова *verbalis* — устный, словесный) [3, с. 681]. Речевой способ обмена информацией, безусловно, наблюдается почти во всех следственных действиях, в т. ч. при осмотре места происшествия, в проверке показаний на месте, предъявлении для опознания, но в них устная речь уступает место иным методам сбора криминалистически значимой информации, в частности измерению и наблюдению. Получаемые при этом сведения могут быть обозначены как вербальные лишь с точки зрения средства фиксации выявленных фактических сведений.

Допрос и очная ставка являются вербальными: по цели, по познавательному приему, а также по способу передачи информации. Тактическое решение о производстве следственного действия

в каждом конкретном случае связано со следовой картиной преступления. Но вряд ли можно привести пример предварительного расследования без проведения такого следственного действия, как допрос.

Эффективность расследования во многом определяется способностью следователя учитывать индивидуальные особенности участников уголовного процесса. При проведении вербальных следственных действий, в частности допроса, учет психического здоровья становится особенно важным. Одновременно корректное понимание медицинских терминов является необходимым условием для эффективного взаимодействия со специалистами в области психиатрии и психологии в целях правильной оценки данных, имеющих юридическое значение.

Согласно международной классификации болезней 10-го пересмотра, умственная отсталость определяется как состояние задержанного или неполного развития психики, характеризующееся нарушением когнитивных, речевых, моторных и социальных способностей [4, с. 221]. В юридической практике и медицинской документации могут встречаться такие термины, как «олигофрения», «дебильность», «имбецильность», «идиотия» [5, с. 73–76; 6, с. 1437], «нарушение интеллектуального развития» (*intellectual developmental disorder*) [7, с. 47–50].

Отдельное внимание следует уделить анализу этиологических факторов умственной отсталости. Их можно разделить на эндогенные (наследственные) и экзогенные (средовые), часто действующие совместно [7, с. 47–50]. Для следователя владение знаниями об этиологии умственной отсталости имеет важное практическое значение. Это позволяет не только своевременно выявить потенциальные основания для сомнений в психическом состоянии участника предварительного следствия, но и существенно оптимизировать процесс сбора материалов, необходимых для назначения судебно-психиатрической экспертизы. Понимание этиологических факторов — таких как перенесенные матерью инфекции во время беременности, родовые травмы, заболевания ребенка в раннем детстве или неблагоприятные условия воспитания — дает следователю возможность предметно формулировать запросы в медицинские и образовательные организации, а также систематизировать сбор анамнестических данных при допросах родственников и других лиц, осведомленных о жизни и развитии подследственного.

Тактическому решению следователя о выборе криминалистического приема при производстве вербальных следственных действий пред-

¹ Анкетирование проводилось с обучающимися в Академии управления МВД России, имеющими стаж службы в органах предварительного расследования, а также следователями территориальных органов МВД России в шести федеральных округах Российской Федерации (всего 200 респондентов).

шествует установление клинической формы психического заболевания. Так, И. Кертесом, в одной из работ по тактике допроса, изданной в 1965 г. под общей редакцией профессора А. И. Винберга, было отмечено, что «при определении тактики допроса следователь должен учитывать особенности тех психических процессов, которые участвуют в формировании показаний (ощущение, восприятие, память и мышление), личные особенности (характер, темперамент, возраст, интересы, склонности) и процессуальное положение допрашиваемого» [8, с. 7]. На наличие тактических особенностей производства допроса и очной ставки с лицами с аномалиями психики указывает Р. С. Белкин [9, с. 65]. К наиболее значимым для следственной практики относятся ограничения когнитивных функций, включая ощущение, восприятие, внимание, память и мышление. Кроме того, отмечаются специфические особенности в речевом развитии, моторике, эмоционально-волевой сфере и социальной адаптации [10, с. 31–39]. Именно такое разнообразие и глубина нарушений диктует объективную необходимость дифференцированного подхода со стороны следователя на всех этапах планирования, проведения и фиксации результатов следственных действий.

При этом следует учитывать, что лица с легкой умственной отсталостью (дебильностью), составляющие значительную часть среди лиц, направляемых на судебно-психиатрическую экспертизу, демонстрируют существенный разброс в выраженности психического недоразвития: от форм, приближающихся к умеренной умственной отсталости, до вариантов, пограничных с практической нормой [11, с. 254]. Особенностью лиц с умственной отсталостью, отличающей их от лиц с иными формами психических расстройств и психически здоровых лиц, является изначальное недоразвитие психики, возникающее вследствие патологического воздействия в ранние периоды развития [11, с. 246].

Ряд исследователей подчеркивают необходимость адаптации стандартных тактических приемов к психологическим особенностям данной категории участников уголовного процесса. Так, С. А. Антипова в своих работах отмечает важность учета психического состояния подозреваемого (обвиняемого) уже на подготовительном этапе допроса, указывая на целесообразность использования таких тактических приемов, как «беседа», «устранение эмоционального и смыслового барьера» (особенно применительно к лицам с олигофренией), «снятие напряженности» и «проявление понимания» [12, с. 10; 13,

с. 133]. Данные приемы, по мнению исследователя, способствуют установлению психологического контакта и созданию доверительной атмосферы, необходимых для получения полных и достоверных показаний от уязвимых категорий допрашиваемых.

Особое внимание в работах С. А. Антиповой уделяется проблеме повышенной внушаемости, характерной для лиц с умственной отсталостью, а также инфантильных личностей и психопатов истерического и неустойчивого типов [13, с. 146]. В связи с этим автор рекомендует исключать элементы внушения при применении тактических приемов и предостерегает от использования манипулятивных методик, которые могут привести к искажению показаний и самооговору. Превентивные меры по исключению влияния третьих лиц на подэкспертных, особенно несовершеннолетних и лиц с олигофренией, также рассматриваются как важный аспект обеспечения достоверности показаний и защиты от возможного давления со стороны соучастников [13, с. 93].

С точки зрения оптимальной формы получения показаний профессор С. П. Щерба акцентировал внимание на том, что указанные лица дают правильные показания, они достаточно точно воспроизводят картину происшедшего, но недостаточная активность и целенаправленность психических процессов обуславливают односложность и стереотипность их ответов на поставленные вопросы. Отдельное внимание уделяется повышенной внушаемости. Такие обвиняемые, рассказывая о происшедшем, могут сообщить неправдоподобные факты, указать на лиц, не причастных к преступлению, или оговорить себя [14, с. 183].

Автор также обращает внимание на необходимость контроля за формой и тоном вопросов, учитывая склонность лиц с олигофренией к некритическому восприятию информации и подверженности внушению. В противоположность этому для допросов психопатов и эпилептиков рекомендуется использование приема постановки неожиданных вопросов как средства отвлечения от свойственных им резонерства и болтливости. Кроме того, «особенности психологии лиц, страдающих психическими недостатками, мало используются в ходе допроса, следователи редко учитывают свойства памяти, интеллекта, мышления, состояния эмоционально-волевой сферы» [15, с. 91].

В свою очередь, В. В. Радаев акцентирует внимание на том, что не рекомендуется производство очной ставки с участием умственно

неполноценных обвиняемых, т. к. «они недополняют смысл этого следственного действия, теряются в конфликтной ситуации и соглашаются со вторым ее участником» [16, с. 59].

Таким образом, анализ научных работ отечественных исследователей, посвященных тактике вербальных следственных действий с лицами, имеющими психические аномалии, демонстрирует признание важности учета их индивидуальных особенностей и выявление ряда тактических особенностей производства вербальных следственных действий. Поэтому тактика вербальных следственных действий, направленная на изобличение лжи, включающая эмоциональное воздействие, фактор внезапности, последовательное изложение фактов, создание следственного напряжения или допущение легенды, а также приемы, применяемые при проверке и уточнении показаний на месте, например предоставление полной инициативы участнику, осуществление действий порознь, сочетание рассказа с показом и демонстрацией действий или исследование мест и предметов, основанная на допущении об определенном уровне когнитивных способностей, эмоциональной зрелости и сохранности интеллекта участника процесса, к исследуемой категории лиц не может быть применима [17, с. 628–632, 643–644; 18, с. 211].

Применительно к проверке показаний на месте предоставление полной инициативы лицу, чьи показания проверяются, становится крайне проблематичным. Нарушение пространственной ориентации и воспроизведение последовательности действий приводят к ошибочным указаниям, обусловленным фрагментарностью памяти и повышенной внушаемостью. Вместо предоставления полной свободы действий, следователю необходимо обеспечивать более активное сопровождение и направляющую помощь, структурируя процесс проверки, возможно, с использованием визуальных подсказок и разбивкой маршрута на логические этапы. Прием же «оживления» памяти следует применять с исключительной осторожностью, чтобы избежать давления и не спровоцировать ложные воспоминания.

Важным становится сочетание проверки показаний с исследованием мест и предметов, по-

скольку конкретность мышления лиц с умственной отсталостью делает физические доказательства более надежным ориентиром, чем их вербальные описания, зачастую неполные из-за фрагментарности восприятия. Наблюдение за поведением лица, чьи показания проверяются, приобретает особую значимость, но интерпретация неуверенности должна учитывать не только возможность лжи, но и трудности с ориентацией, а эмоциональное состояние может быть обусловлено стрессом.

При допросе лиц с умственной отсталостью необходимо отказаться от приемов эмоционального воздействия и использовать специализированные методики, направленные на обеспечение понимания, создание доверительной атмосферы и предотвращение самооговора. Именно поэтому взаимосвязь клинических факторов психической сферы с особенностями криминалистической тактики является необходимым условием для создания эффективных методов взаимодействия с лицами, страдающими различными степенями умственной отсталости. Такой подход обеспечивает не только повышение качества и достоверности получаемых доказательств, но и способствует соблюдению законности и уважению прав данной категории участников уголовного процесса, минимизируя риски получения искаженных или недостоверных показаний, обусловленных особенностями их психического состояния.

Для целей предварительного следствия при рассмотрении классификации умственной отсталости представляется целесообразным обратиться к соотношению клинических определений умственной отсталости с глубиной психического недоразвития, измеряемой с помощью коэффициента интеллекта (IQ). В качестве основы может быть использована таблица, приведенная в имеющихся работах по психиатрии [19, с. 622]. Однако для практического применения следователем представленная таблица была дополнена столбцом «Умственный возраст». Диапазон значения возраста, включенный нами в таблицу, был приведен в профильных методических рекомендациях [20, с. 15–17].

Таблица. Соотношение клинических и психометрических оценок тяжести умственной отсталости (IQ)

IQ (по тесту Векслера)	Клиническое определение	Определение степени УО по МКБ-10	Другие градации УО	Умственный возраст (дополнительно)
80–100	Норма (средняя)	Норма	Норма	—
70–80	Пограничная с нормой задержка развития	Пограничная	Пограничные формы	—
50–70	Дебильность	Лёгкая	Мягкая форма	9–12 лет
35–50	Имбецильность	Умеренная	Среднетяжелая	6–9 лет
20–35 (40)	Имбецильность	Тяжёлая	Тяжелая	3–6 лет
< 20	Идиотия	Глубокая	Очень глубокая	До 3 лет

Показатель умственного возраста позволяет соотнести уровень интеллектуального развития лица с умственной отсталостью с умственным возрастом типично развивающегося несовершеннолетнего (малолетнего). Данное сопоставление носит ориентировочный характер, но представляет значимую практическую ценность для следователя, поскольку дает возможность визуализировать уровень развития, особенности мышления, понимания и коммуникативных способностей взрослого лица с умственной отсталостью через призму психического развития ребенка определенного возраста. Для несовершеннолетних, как известно, свойственны такие особенности, как быстрая утомляемость, повышенная внушаемость и подверженность влиянию взрослых, склонность к фантазированию, а также малоэффективность средств логического воздействия [21, с. 122–123]. Именно исходя из этого сопоставления, обоснованным с точки зрения криминалистической тактики становится применение к совершеннолетним лицам, страдающим умственной отсталостью, тактических приемов и методических рекомендаций, разработанных для работы с несовершеннолетними и малолетними участниками уголовного процесса [21, с. 122–123].

Таким образом, в качестве основных научно-практических рекомендаций, направленных на решение обозначенной проблемы и применимых ко всем рассматриваемым вербальным следственным действиям при работе с лицами с ум-

ственной отсталостью, предлагается использование следующих тактических приемов:

1) установление психологического контакта. Важно вести следственное действие ровным, спокойным тоном, чтобы не вызвать у обвиняемого отрицательные эмоции (тревожность, подавленное настроение, агрессию);

2) индивидуальная формулировка вопросов. Она должна быть избрана с учетом психических способностей обвиняемого;

3) поэтапное предъявление информации. Важно обеспечить условное деление следственного действия на части, с разъяснением его смысла;

4) применение контрольных и уточняющих вопросов, включая «обратные», для проверки понимания;

5) структурирование беседы на короткие логические блоки с паузами для предотвращения переутомления;

6) использование простых и ясных формулировок разговорной речи, исключающих специальную терминологию и сложные конструкции;

7) максимальная визуализация доказательственной информации (схемы, фотографии, предметы);

8) обеспечение дословного протоколирования показаний;

9) особое практическое значение для выбора криминалистической тактики производства вербальных следственных действий имеет предложение автора об использовании концепции «умственного возраста».

Список источников

1. Здравоохранение в России. 2023: стат. сб. / Росстат. М., 2023. 179 с.
2. Шпорт С. В., Макушкина О. А., Муганцева Л. А. Мониторинг показателей судебно-психиатрической экспертизы и профилактики в психиатрической службе Российской Федерации (2018–2022 гг.). М.: ФГБУ «НМИЦ ПН им. В. П. Сербского» Минздрава России, 2024. 201 с.

3. Курс уголовного процесса / под ред. д-ра юрид. наук, проф. Л. В. Головки. 2-е изд., испр. М.: Статут, 2017. 1280 с.
4. Психические расстройства и расстройства поведения (F00–F99): (Класс V МКБ-10, адаптированный для использования в Российской Федерации) / под ред. Б. А. Казаковцева, В. Б. Голланда. М.: Минздрав России, 1998. 292 с.
5. Психические расстройства (раздел V «Международной статистической классификации болезней, травм и причин смерти 9-го пересмотра», адаптированный для использования в СССР). М.: Рыбинская тип., 1983. 76 с.
6. Психиатрия: национальное руководство / гл. ред.: Ю. А. Александровский, Н. Г. Незнанов. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2022. 1892 с.
7. МКБ-11. Глава 06. Психические и поведенческие расстройства и нарушения нейropsychического развития. Статистическая классификация. М.: «КДУ», «Университетская книга», 2021. 432 с.
8. Кертэс И. Тактика и психологические основы допроса. М.: Юрид. лит., 1965. 164 с.
9. Белкин Р. С. Криминалистическая энциклопедия. М.: Изд-во БЕК, 1997. 342 с.
10. Исаев Д. Н. Умственная отсталость у детей и подростков: руководство. СПб.: Речь, 2003. 391 с.
11. Судебная психиатрия: учебник / под ред. Г. В. Морозова. М.: Юрид. лит., 1986. 335 с.
12. Антипова С. А. Особенности тактики допроса лиц с дефектами психики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. 22 с.
13. Антипова С. А. Особенности тактики допроса лиц с дефектами психики: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. 223 с.
14. Щерба С. П. Избранные труды / сост.: Н. Э. Кузнецова, П. А. Смирнов; вступ. ст. Ф. М. Кобзарев. М., 2016. 308 с.
15. Щерба С. П. Расследование и судебное разбирательство по делам лиц, страдающих физическими или психическими недостатками. М.: Юрид. лит., 1975. 144 с.
16. Радаев В. В. Расследование преступлений, совершенных лицами с психическими недостатками: учеб. пособие. Волгоград: ВСШ МВД СССР, 1987. 64 с.
17. Аверьянова Т. В., Белкин Р. С., Корухов Ю. Г., Россинская Е. Р. Криминалистика: учебник для вузов / под ред. Р. С. Белкина. М.: Норма, 2000. 990 с.
18. Антонян Ю. М., Гульдан В. В. Криминальная психопатология. М.: Наука, 1991. 243 с.
19. Руководство по психиатрии: в 2 т. Т. 2 / А. С. Тиганов, А. В. Снежневский, Д. Д. Орловская [и др.]; под ред. А. С. Тиганова. М.: Медицина, 1999. 784 с.
20. Методические рекомендации по организации и осуществлению образовательной деятельности по программам профессионального обучения лиц с умственной отсталостью (нарушениями интеллектуального развития) / Д. Р. Макеева, Е. А. Канатникова, Е. В. Николаева, Е. А. Деникаева. М.: ФГБОУ ДПО ИРПО, 2022. 33 с.
21. Лившиц Е. М., Белкин Р. С. Тактика следственных действий. М.: Новый юрист, 1997. 176 с.

References

1. Zdravoohranenie v Rossii. 2023: stat. sb. / Rosstat. M., 2023. 179 s.
2. Shport S. V., Makushkina O. A., Muganceva L. A. Monitoring pokazatelej sudebno-psihiatricheskoj jekspertizy i profilaktiki v psihiatricheskoj sluzhbe Rossijskoj Federacii (2018–2022 gg.). M.: FGBU «NMIC PN im. V. P. Serbskogo» Minzdrava Rossii, 2024. 201 s.
3. Kurs ugovolnogo processa / pod red. d-ra jurid. nauk, prof. L. V. Golovko. 2-e izd., ispr. M.: Statut, 2017. 1280 s.
4. Psihicheskie rasstrojstva i rasstrojstva povedenija (F00–F99): (Klass V MKB-10, adaptirovannyj dlja ispol'zovanija v Rossijskoj Federacii) / pod red. B. A. Kazakovceva, V. B. Gollanda. M.: Minzdrav Rossii, 1998. 292 s.
5. Psihicheskie rasstrojstva (razdel V «Mezhdunarodnoj statisticheskoj klassifikacii boleznej, travm i prichin smerti 9-go peresmotra», adaptirovannyj dlja ispol'zovanija v SSSR). M.: Rybinskaja tip., 1983. 76 s.
6. Psihiatrija: nacional'noe rukovodstvo / gl. red.: Ju. A. Aleksandrovskij, N. G. Neznakov. M.: GJeOTAR-Media, 2022. 1892 s.
7. МКБ-11. Глава 06. Psihicheskie i povedencheskie rasstrojstva i narushenija nejropsihicheskogo razvitija. Statisticheskaja klassifikacija. M.: «KDU», «Universitetskaja kniga», 2021. 432 s.
8. Kertjes I. Taktika i psihologicheskie osnovy doprosa. M.: Jurid. lit., 1965. 164 s.

9. Belkin R. S. Kriminalisticheskaja jenciklopedija. M.: Izd-vo BEK, 1997. 342 s.
10. Isaev D. N. Umstvennaja otstalost' u detej i podrostkov: rukovodstvo. SPb.: Rech', 2003. 391 s.
11. Sudebnaja psihiatrija: uchebnik / pod red. G. V. Morozova. M.: Jurid. lit., 1986. 335 s.
12. Antipova S. A. Osobennosti taktiki doprosa lic s defektami psihiki: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2002. 22 s.
13. Antipova S. A. Osobennosti taktiki doprosa lic s defektami psihiki: dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2002. 223 s.
14. Shherba S. P. Izbrannye trudy / sost.: N. Je. Kuznecova, P. A. Smirnov; vstup. st. F. M. Kobzarev. M., 2016. 308 s.
15. Shherba S. P. Rassledovanie i sudebnoe razbiratel'stvo po delam lic, stradajushhih fizicheskimi ili psihicheskimi nedostatkami. M.: Jurid. lit., 1975. 144 s.
16. Radaev V. V. Rassledovanie prestuplenij, sovershennyh licami s psihicheskimi nedostatkami: ucheb. posobie. Volgograd: VSSh MVD SSSR, 1987. 64 s.
17. Aver'janova T. V., Belkin R. S., Koruhov Ju. G. Rossinskaja E. R. Kriminalistika: uchebnik dlja vuzov / pod red. R. S. Belkina. M.: Norma, 2000. 990 s.
18. Antonjan Ju. M., Gul'dan V. V. Kriminal'naja patopsihologija. M.: Nauka, 1991. 243 s.
19. Rukovodstvo po psihiatrii: v 2 t. T. 2 / A. S. Tiganov, A. V. Snezhnevskij, D. D. Orlovskaja [i dr.]; pod red. A. S. Tiganova. M.: Medicina, 1999. 784 s.
20. Metodicheskie rekomendacii po organizacii i osushhestvleniju obrazovatel'noj dejatel'nosti po programmam professional'nogo obuchenija lic s umstvennoj otstalost'ju (narushenijami intellektual'nogo razviti-ja) / D. R. Makeeva, E. A. Kanatnikova, E. V. Nikolaeva, E. A. Denikaeva. M.: FGBOU DPO IRPO, 2022. 33 s.
21. Livshic E. M., Belkin R. S. Taktika sledstvennyh dejstvij. M.: Novyj jurist#, 1997. 176 s.

Статья поступила в редакцию 21.03.2025; одобрена после рецензирования 07.05.2025; принята к публикации 12.05.2025.

The article was submitted 21.03.2025; approved after reviewing 05.05.2025; accepted for publication 12.05.2025.

Научная статья

УДК 343.10

О ПОНЯТИИ И ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ОСНОВАНИЙ ДЛЯ ВОЗВРАЩЕНИЯ ПРОКУРОРОМ УГОЛОВНОГО ДЕЛА СЛЕДОВАТЕЛЮ

Николай Сергеевич Дружинкин

Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия, prk.ppk90@mail.ru

Аннотация. Автор анализирует нормы закона и позиции российской уголовно-процессуальной доктрины относительно понимания, сути, перечня (возможных) оснований для возвращения прокурором уголовного дела в следственный орган по нормам п. 2 ч. 1 ст. 221 УПК РФ. На основе реализованного исследования обоснованы выводы о надлежащем предмете и непосредственных задачах прокурорской оценки на данном этапе как самостоятельной стадии процесса. Оценивая фактические основания для возвращения дела в следственный орган, автор критически оценивает позиции уголовно-процессуальной доктрины, в которых законодатель в нормах п. 2 ч. 1 ст. 221 УПК РФ (якобы) закрепил единое, «обобщающее» основание исключительно для решения прокурора о направлении дела на дополнительное следствие. Автором, напротив, доказывается дифференциация и телеологическая самостоятельность как оснований для дополнительного следствия по возвращенному делу, так и оснований, связанных с устранением нарушений закона или выявленных недостатков в расследовании. В итоге обоснована и предлагается согласованная система новаций, связанных с системой и оценочными критериями для точного понимания каждого из оснований для возвращения дела в следственный орган.

Ключевые слова: прокурор, предмет и задачи оценки, обвинительное заключение, дифференциация оснований, дополнительное следствие, нарушение закона

Для цитирования: Дружинкин Н. С. О понятии и дифференциации оснований для возвращения прокурором уголовного дела следователю // Алтайский юридический вестник. 2025. № 2 (50). С. 117–124.

CRIMINAL LAW SCIENCES

Original article

ON THE CONCEPT AND DIFFERENTIATION OF GROUNDS FOR THE PROSECUTOR TO RETURN A CRIMINAL CASE TO THE INVESTIGATOR

Nikolay S. Druzhinkin

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russia, ppk.ppk90@mail.ru

Abstract. The author analyzes the norms of the law and the positions of the Russian criminal procedure doctrine regarding the understanding, essence, and list of (possible) grounds for the prosecutor to return a criminal case to an investigative body according to the norms of paragraph 2, Part 1, Article 221 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. Based on the implemented research, the conclusions about the appropriate subject and the immediate tasks of the prosecutor's assessment at this stage are substantiated as an independent stage of the process. Assessing the factual grounds for returning the case to the investigative body, the author critically evaluates the positions of the criminal procedure doctrine, in fact, which the legislator in the norms of paragraph 2, part 1, Article 221 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation (allegedly) fixed a single, "generalizing" basis solely for the prosecutor's decision to send the case for additional investigation. On the contrary, the author proves the differentiation and teleological independence of the grounds for additional investigation of the returned case, as well as the grounds related to the elimination of violations of the law or identified shortcomings in the investigation. As a result, an agreed system of innovations related to the system and evaluation criteria is justified and proposed for an accurate understanding of each of the grounds for returning the case to the investigating authority.

Keywords: prosecutor, subject and objectives of the assessment, indictment, differentiation of grounds, additional investigation, violations of the law

For citation: Druzhinkin N. S. On the concept and differentiation of grounds for the prosecutor to return a criminal case to the investigator. Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal. 2025;2:117–124 (In Russ.).

Точность в понимании и дифференциации оснований для принятия прокурором решения о возвращении уголовного дела в следственный орган по нормам п. 2 ч. 1 ст. 221 УПК РФ требует исходной определенности в предмете и задачах деятельности этого субъекта на этапе изучения (оценки) материалов уголовного дела, поступившего с обвинительным заключением. Если исходить из того, что этап, регламентированный нормами гл. 31 УПК РФ, являет собой самостоятельную, следующую за стадией предварительного расследования, стадию уголовного процесса России [1, с. 123–137], то данная стадия должна быть, во-первых, контрольно-проверочной по отношению к предыдущему этапу уголовного судопроизводства; во-вторых, ее непосредственные задачи должны быть телеологически согласованы с задачами последующего этапа в движении дела и в целом процесса. Как следствие, деятельность прокурора на исследуемом этапе предметно и телеологически связана с решением двух непосредственных процессуальных задач:

- во-первых, это деятельность и акты прокурора, связанные с оценкой законности досудебного этапа уголовного судопроизводства на предмет выявления и, как следствие, устранения тех существенных нарушений закона, которые объективно препятствуют внесению уголовного дела на рассмотрение суда первой инстанции;

- во-вторых, это объективная оценка прокурором итогового следственного утверждения-тезиса (обвинения) о доказанной виновности обвиняемого. Причем как в контексте акта (возможного) властного его утверждения (как публичного притязания-иска к суду о разрешении дела по существу), так и в контексте наличия оснований для осуществления функции обвинительной власти по поддержанию утвержденного государственного обвинения перед независимым и беспристрастным судом.

Основы для указанной дифференциации как непосредственно предмета прокурорской проверки, так и его задач на этом процессуальном этапе закреплены в действующем уголовно-процессуальном законе. По нормам ч. 1 ст. 221 УПК РФ прокурор (по итогам изучения как в целом материалов уголовного дела, так и собственно обвинительного заключения) вправе принять решение:

- 1) об утверждении обвинительного заключения и о направлении уголовного дела в суд;

- 2) о возвращении дела следователю для производства дополнительного следствия, изменения объема обвинения либо квалификации действий обвиняемых или пересоставления обвинительного заключения и устранения выявленных

недостатков со своими письменными указаниями;

- 3) о направлении дела вышестоящему прокурору для утверждения обвинительного заключения, если оно подсудно вышестоящему суду.

Конвенционально оставим без комментария первый и третий вариант указанных решений, ибо они достаточно правильно восприняты практикой и, как правило, не вызывают особых коллизий в точном своем применении. И, напротив, попробуем последовательно понять волю закона применительно к варианту решения, предусмотренного п. 2 ч. 1 ст. 221 УПК РФ. Суть проблемы в различии понимания доктриной и практикой тех предписаний, которые сформулированы в указанной норме. Речь по букве закона идет:

- либо о едином (максимально обобщающем) основании для решения прокурора о возвращении уголовного дела следователю: именно для дополнительного расследования (по сути, приведенного в указанной норме «примерного перечня» нарушений закона);

- либо о нескольких, относительно самостоятельных основаниях, порождающих обязанность для следователя: либо осуществить дополнительное предварительное следствие для целей полного, всестороннего и объективного исследования отдельных обстоятельств предмета доказывания (либо обязывающих этого субъекта принять решение об изменении объема обвинения, юридической квалификации действий (деяния) обвиняемого, ранее ему инкриминированных, либо требующих сугубо технического пересоставления обвинительного заключения (ввиду выявленных в нем нарушений закона), без существенного изменения сути и формулы непосредственно обвинения), либо устранить отдельные недостатки-нарушения по делу, также объективно препятствующие внесению дела и обвинения на рассмотрение суда первой инстанции.

О том, что нормативная конструкция исследуемой нормы — реальная проблема, свидетельствуют позиции уголовно-процессуальной доктрины. Л. Р. Муллагалеева, например, полагает, что действующее уголовно-процессуальное законодательство России в настоящее время, в принципе, не содержит ни понятия оснований для возвращения прокурором уголовного дела следователю для производства дополнительного следствия, ни перечня самих оснований. При этом под собственными основаниями указанный автор понимает «такие допущенные следователем нарушения уголовного и уголовно-процессуального закона, без устранения которых уголовное дело невозможно направить в суд,

а суду — вынести итоговое процессуальное решение по делу» [2, с. 53–54].

Из тех же, по сути, концептов исходит К. А. Трифонова, которая аналогично утверждает, что «в УПК не регламентированы основания возвращения уголовного дела на дополнительное расследование прокурором. <...> На практике возникают определенные проблемы применения норм данного правового института из-за неполноты и неточности соответствующих законоположений» [3, с. 6].

Подчеркнем, исследователи однозначно исходят из того, что в нормах п. 2 ч. 1 ст. 221 УПК РФ законодателем сформулировано единое основание, требующее именно возвращения уголовного дела для дополнительного следствия. В свою очередь, перечисленные законодателем непосредственно в содержании указанной нормы «нарушения-недостатки» суть отдельные элементы этого «обобщающего» процессуального основания.

Еще более системно этот подход обосновывается в исследовании Р. Г. Кузьмина. Исследователь однозначен в посылах о том, что и изменение объема обвинения или юридической квалификации содеянного в обвинительном заключении, и устранение любых из нарушений закона, и собственно пробелы (недостатки) в исследовании фактических обстоятельств дела (п. 2 ч. 1 ст. 221 УПК) — предмет именно процесса дополнительного следствия по делу. В качестве аргументов автор приводит доводы о том, что практически по каждому из перечисленных в указанной норме элементов-нарушений востребована система познавательных следственных действий, направленных к устранению нарушений закона. Как следствие, именно основание «возвращение дела на дополнительное следствие» является более общим по отношению к основаниям «изменение объема обвинения» или «переквалификация действий обвиняемых» [4, с. 109]. Как решение-выход Р. Г. Кузьминым постулируется вывод о том, что «такие основания возвращения прокурором дела следователю, как “изменение объема обвинения” и “переквалификация деяния” не должны быть самостоятельными — их необходимо исключить из диспозиции указанной нормы как фактически входящие в другое, более общее основание» [4, с. 109].

Допустим, указанное — предмет для дискуссии. Однако непосредственно по тексту исследования в рамках анализа прецедентной практики по этому основанию исследователь в принципе не усматривает нарушений закона в том, что в постановлении прокурора о возвращении

дела следователю одновременно приводится несколько или вся система оснований, «перечисленных» в предписании п. 2 ч. 1 ст. 221 УПК РФ. Кроме того, автор неоднократно апеллирует к нормам ст. 213 УПК РСФСР (1960 г.), т. к. именно предписания последней, как он полагает, наиболее полно, как образец, регламентировали актуальный перечень оснований для возвращения дела от прокурора в следственный орган.

Не согласимся, т. к. доктрине российского уголовно-процессуального права достаточно известны и иные оценки указанной нормы: как исключительно **предмета** непосредственной оценки прокурора по делу, поступившему с обвинительным заключением, но никак не перечня оснований для возвращения дела в следственный орган. В нормах УПК РФ (2001 г.) законодатель отказался от подобного перечня, и деятельность прокурора на данном этапе по факту «не определена». Как следствие, если и должно апеллировать к нормам ст. 213 УПК РСФСР (1960 г.), то лишь в качестве реально востребованного перечня обстоятельств, определяющих предмет непосредственной проверки-оценки прокурора по делу, поступившему с обвинительным заключением. Вместе с тем этот предмет не способствует определенности в понимании собственно оснований для законного и обоснованного возвращения дела следователю по нормам п. 2 ч. 1 ст. 221 УПК РФ.

Как представляется, более точно в сути указанных оснований пробуют определиться С. В. Векленко и В. Н. Авдеев. Эти авторы, правда, также апеллируют исключительно к акту о возвращении дела на дополнительное следствие как к наиболее «общему» основанию, однако приводят все же именно основания вынесения этого решения, а не предмет оценки прокурора в рамках изучения дела по нормам гл. 31 УПК РФ. Что касается собственно сути «новаций», то по факту авторы ссылаются на те основания, которые в достаточной мере были разъяснены и апробированы судебной-следственной практикой по нормам ст. 232 УПК РСФСР (1960 г.) [5, с. 21].

Отчасти признаем, что апелляции указанных авторов исключительно к дополнительному расследованию как наиболее «общему» основанию, по идее, могут быть «оправданы» тем, что само именование ст. 232 УПК РСФСР (1960 г.) акцентированно указывало именно на возвращение уголовного дела для дополнительного расследования, без вариантов. Однако при анализе самих оснований, приведенных в этой статье, однозначно следовал вывод о том, что, по сути, законодателем была сформирована именно система

самостоятельных нарушений закона для возвращения дела следователю. Одни из них реально относились к сугубо исследовательской стороне деятельности по возвращенному делу (к дополнительному исследованию). Другие являлись самостоятельными, нередко существенными нарушениями закона, подлежащими императивному устранению. Третьи касались сугубо технических моментов исправления (устранения) отдельных недостатков в расследовании или надлежащем оформлении процессуальных актов уголовного дела. Напомним и то, что наиболее значимые нарушения-основания были содержательно раскрыты законодателем в нормах ст. 215, 342–347 УПК РСФСР (1960 г.), что более или менее формировало состояние правовой определенности для практики и основу для понимания в доктрине. В действующем уголовно-процессуальном законе применительно к деятельности и актам прокурора по нормам ст. 221 УПК РФ нет ни нормы, аналогичной ст. 232 УПК РСФСР (1960 г.), ни разумных бланкетных отсылок к иным нормам закона, посилено «поясняющим» основу решений прокурора на данном процессуальном этапе.

Решение предлагает Р. Г. Кузьмин, полагая, что «...во избежание проявления субъективизма со стороны работников надзорного органа особенно важно законодательно закрепить положение о том, что список оснований для возвращения уголовного дела является исчерпывающим и не подлежащим толкованию в сторону их расширения» [4, с. 152].

Мы, напротив, возражаем относительно установления строгого и пресекающего, по сути, перечня оснований подобного рода. Причины указанного в том, что как текущая следственно-судебная практика, так и прецеденты высшей судебной инстанции России или правовые позиции пленума будут постоянно дополнять, изменять, коррелировать перечень или суть (понимание) тех или иных оснований — нарушений закона. Указанное, соответственно, потребует постоянных оперативных изменений в закон, что, как представляется, затруднительно и вряд ли оправданно.

Во-вторых, отдельные из оснований носят настолько оценочный (сугубо субъективный) характер, особенно в части их реальной существенности или возможности устранения отдельных из нарушений непосредственно судом в рамках рассмотрения дела по существу (гл. 37 УПК РФ), что однозначно говорить об их исходной императивности уже не приходится. Тем более что и в этом моменте доктрина однозначно определиться не может. Если одни из исследова-

телей весомо настаивают на свойстве (признаке) существенности выявленных нарушений закона — как единственном основании для возвращения дела в следственный орган (для устранения выявленных нарушений закона) [2, с. 53; 6, с. 100; 7, с. 71], то другие, напротив, апеллируют к безусловной востребованности устранения любых из нарушений закона или недостатков в расследовании [8, с. 23].

В-третьих, система как оценочных, так и безусловных оснований для возвращения дела в орган предварительного расследования так распределена законодателем применительно к отдельным из стадий, процессуальных институтов и производств, что даже попытка «объединить» их в рамках единой статьи уголовно-процессуального закона, как представляется, обречена. Конвенционально «обособленные» в нормах гл. 31 УПК РФ основания для итоговых решений прокурорской проверки будут неизбежно дублироваться, дополняться, коррелироваться нормами — основаниями иных законодательных норм (к примеру, ст. 237, 389.15, 389.16, 389.17 УПК РФ). И, на наш взгляд, нет ни малейших сомнений в том, что прокурор обязательно примет к вниманию, оценке и убежденности либо перечень, либо оценочные критерии указанных обязательных норм. Поэтому если и надо рассуждать об указанных основаниях, их точном понимании, перечне, сути, то исключительно на основе объективных оценочных критериев, достаточно раскрытых российской уголовно-процессуальной доктриной, апробированных следственно-судебной практикой, базирующихся на основополагающих (оценочных) нормах закона как необходимым фундаменте для собственно доктрины и практики.

Именно на этой объективной основе сформируем свою систему подходов как к пониманию собственно оснований — нарушений закона, лежащих в основе решения прокурора о возвращении уголовного дела в орган предварительного расследования, так и к пониманию тех закономерностей следственно-судебной практики, которые объективированы и формируются в настоящее время.

Прежде всего, определенным аналогом норм, сформулированных в ст. 232 УПК РФ (1960 г.), как представляется, должна быть нормативно представлена следующая система оснований для возвращения прокурором дела в следственный орган по нормам гл. 31 УПК РФ:

Статья 221.1 УПК РФ. Основания для возвращения прокурором уголовного дела следователю.

Прокурор по итогам проверки-оценки материалов поступившего уголовного дела вправе сформировать указания и возвратить дело руководителю следственного органа для устранения выявленных нарушений закона в случаях:

1) односторонности или неполноты произведенного расследования, которая объективно не может быть восполнена сторонами и судом как при подготовке дела к судебному разбирательству в порядке гл. 33–34 настоящего Кодекса, так и непосредственно в ходе рассмотрения дела по существу;

2) внутренней убежденности прокурора в несоответствии итоговых выводов следствия, изложенных в обвинительном заключении, фактическим обстоятельствам дела, как они установлены в ходе предварительного расследования;

3) неправильного применения материально-процессуального закона, в т. ч. по смыслу предписаний ст. 237, п. 5, 6 ст. 389.15, ст. 389.17, 389.18 настоящего Кодекса;

4) наличия оснований для предъявления обвиняемому другого обвинения, связанного с ранее предъявленным, либо для изменения обвинения на более тяжкое или существенно отличающееся по фактическим обстоятельствам от обвинения, содержащегося в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого и (или) обвинительном заключении;

5) наличия оснований для привлечения по данному уголовному делу в качестве обвиняемых других лиц; при невозможности в соответствии с нормами ст. 154 настоящего Кодекса выделить о них материалы дела в отдельное производство;

6) неправильного соединения или выделения уголовного дела, объективированного в соответствии с нормами ст. 153–155 настоящего Кодекса как существенное препятствие для рассмотрения дела судом.

Оговоримся, мы осознанно отказались от «официального» именованья ст. 232 УПК РСФСР (1960 г.), которое однозначно указывало только на основания для возвращения дела для дополнительного расследования. Во-вторых, в предлагаемой редакции нормы содержательно и существенно изменены или дополнены нарушения-основания для исследуемого решения прокурора, в т. ч. в части отстаиваемых нами оценочных критериев, которые должны быть приняты во внимание в ходе прокурорской оценки материалов поступившего уголовного дела (гл. 31 УПК РФ). В-третьих, мы акцентируем именно право, а не императивную обязанность

прокурора по принятию указанного решения, т. к. отдельные из нарушений закона вполне могут быть технически устранены посредством усилий сторон и суда, в т. ч. посредством истребования-приобщения отдельных из документов на этапе предварительных слушаний или в ходе рассмотрения дела по существу.

В контексте правовой определенности действий и решений прокурора на исследуемом этапе, полагаем, столь же востребованно разъяснение собственно сути и содержания нарушений, формирующих то или иное из указанных оснований. Каждое из названных оснований, на наш взгляд, должно быть максимально раскрыто именно как воля закона, исключая субъективные моменты в правопонимании (правосознании) того или иного управомоченного субъекта. К примеру, основание, предусмотренное п. 1 ст. 221.1 УПК РФ (в нашей редакции), по аналогии норм ст. 434 УПК РСФСР (1960 г.) может быть изложено в виде следующей оценочной нормы:

Статья 221.2 УПК РФ. Односторонность или неполнота произведенного следствия как основание для возвращения дела.

Односторонним или неполно произведенным предварительным расследованием признается досудебное процессуальное производство, которое оставило невыясненными или неполно выясненными такие обстоятельства, установление которых может иметь существенное значение для разрешения уголовного дела по существу.

Предварительное расследование, во всяком случае, должно быть признано односторонним или неполным, когда в рамках производства по уголовному делу:

1) не были установлены или с недостаточной всесторонностью и полнотой были установлены обстоятельства, составляющие суть и содержание основного вопроса, подлежащего разрешению по уголовному делу судом;

2) не были допрошены лица, чьи показания имеют существенное значение для объективного рассмотрения (разрешения) дела, или не была произведена экспертиза, когда ее производство по закону является обязательным, а равно не были истребованы или неполно истребованы сведения, документы, вещественные доказательства, имеющие существенное значение для дела;

3) не установлены с достаточной полнотой необходимые данные о личности обвиняемого (обвиняемых) по делу и (или) потерпевшего (потерпевших);

4) не были исполнены или в неполной мере исполнены требования (указания) прокурора, сформулированные в ранее принятом им поста-

новлении о возвращении дела в следственный орган.

В свою очередь, основание, предусмотренное п. 2 ст. 221.1 УПК РФ, по аналогии норм ст. 344 УПК РСФСР (1960 г.), на наш взгляд, должно быть раскрыто через предписания предлагаемой новации в виде:

Статья 221.3 УПК РФ. Несоответствие выводов следователя, изложенных в обвинительном заключении, фактическим обстоятельствам уголовного дела.

Обвинительное заключение признается не соответствующим фактическим обстоятельствам дела, если по внутреннему убеждению прокурора, сформированному по итогам проверки (оценки), поступившего дела:

1) итоговые выводы и доводы следователя, изложенные в обвинительном заключении, не подтверждаются доказательствами, сформированными в рамках досудебного уголовного судопроизводства и нашедшими свое закрепление в материалах уголовного дела;

2) следователь, завершив предварительное расследование и составив обвинительное заключение по делу, необоснованно не учел обстоятельства, которые могут существенно повлиять на оценки и итоговые выводы суда в ходе судебного разбирательства по существу;

3) при наличии противоречивых доказательств по делу, имеющих существенное значение для выводов суда по основному вопросу уголовного дела, в обвинительном заключении не указано, по каким основаниям следователь привел в заключении одни доказательства и отверг другие;

4) выводы следователя, изложенные в обвинительном заключении, содержат существенные противоречия, которые могут повлиять на итоговое решение вопроса о виновности или невиновности обвиняемого в инкриминируемых ему преступлениях, на правильность применения уголовного закона или на определение вида и размера наказания или иной меры уголовно-правового характера.

Для определенности в критериях оценки таких нарушений закона, которые связаны с неправильным применением материального (уголовного) закона по данному делу или с существенными нарушениями уголовно-процессуального закона, в нормы гл. 31 УПК РФ, на наш взгляд, должна быть введена ст. 221.4 УПК РФ в следующей нормативной редакции:

Статья 221.4 УПК РФ. Неправильное применение материального закона к фактическим обстоятельствам дела или существенные нарушения уголовно-процессуального закона как ос-

нования для возвращения уголовного дела следователю.

1. Неправильным применением уголовного закона как основания для возвращения уголовного дела следователю по основаниям п. 2 ч. 1 ст. 221 настоящего Кодекса являются обстоятельства, предусмотренные п. 1 и 2 ч. 1 ст. 389.18 настоящего Кодекса, при условии, что эти нарушения не могут быть самостоятельно устранены прокурором в рамках предоставленных ему полномочий.

2. При выявлении в ходе изучения материалов дела, поступивших от следователя с обвинительным заключением, нарушений уголовно-процессуального закона прокурор вправе возвратить уголовное дело следователю в случае признания их существенными по правилам ч. 1 ст. 389.17 настоящего Кодекса и обязан принять такое решение — при установлении нарушений, предусмотренных ст. 237 и (или) ч. 2 ст. 389.18 настоящего Кодекса.

Как представляется, нуждаются в дополнительном нормативном регулировании (разъяснении) и иные основания, связанные с (возможным) решением прокурора о возвращении уголовного дела в следственный орган. Новации по этим моментам могут быть сформированы в порядке:

Статья 221.5 УПК РФ. Основания для предъявления обвиняемому другого обвинения, связанного с ранее предъявленным, либо для изменения обвинения на более тяжкое и (или) существенно отличающееся по фактическим обстоятельствам от обвинения, содержащегося в обвинительном заключении.

1. Прокурор вправе своим постановлением исключить из обвинительного заключения отдельные пункты обвинения или в части исключения отдельных преступных эпизодов (деяний), а также применить уголовный закон о менее тяжком преступлении. При этом в случае необходимости прокурор либо дает письменное указание следователю о пересоставлении обвинительного заключения, либо самостоятельно пересоставляет обвинительное заключение в соответствии со своим внутренним убеждением, основанным на изучении (оценке) материалов поступившего уголовного дела.

2. Если по итогам изучения дела прокурор приходит к внутреннему убеждению о необходимости изменить обвинение на более тяжкое или существенно отличающееся по фактическим обстоятельствам от обвинения, ранее предъявленного обвиняемому, он своим постановлением направляет уголовное дело руководителю следственного органа для предъявления обвиняемому

нового обвинения, допроса по этому обвинению и обеспечения его иных прав по данному факту.

Статья 221.6 УПК РФ. Наличие оснований для привлечения по уголовному делу в качестве обвиняемых других лиц — при невозможности выделить о них материалы дела в отдельное производство.

Если по итогам проверки (оценки) материалов поступившего уголовного дела прокурор усмотрит основания для привлечения в качестве обвиняемых других лиц и невозможности выделения по этому обвинению материалов в отдельное производство, он, не предрешая вопросов о юридической и фактической стороне этого обвинения, возвращает материалы в целом уголовного дела в следственный орган для формирования и предъявления обвинения в отношении достаточно установленных лиц или подлежащих дополнительному установлению в ходе дополнительного расследования.

Нуждается в пояснении и такое основание для (возможного) возвращения дела в следственный орган, как неправильное соединение или выделение уголовного дела, сформированное

нами в качестве отдельного (самостоятельного) в нормах ст. 221.1 УПК РФ:

Статья 221.7 УПК РФ. Неправильное соединение или выделение уголовного дела как существенное препятствие для рассмотрения дела судом.

1. Неправильное соединение или выделение уголовного дела (материалов уголовного дела) с нарушением правил или условий ст. 153–155 настоящего Кодекса, создающее существенные препятствия для всестороннего, полного и объективного разрешения дела по существу, при невозможности устранения данного нарушения при подготовке дела к судебному разбирательству является безусловным основанием для возвращения дела в следственный орган.

Как представляется, именно сформированная система оснований для объективной оценки прокурором материалов поступившего уголовного дела и принятия на этой основе итоговых процессуальных решений позволит обеспечить состояние и правовой определенности, и исходной рациональности деятельности и актов последнего по нормам гл. 31 УПК РФ.

Список источников

1. Ковтун Н. Н. Формирование государственного обвинения как самостоятельная стадия уголовного судопроизводства России // Журнал российского права. 2019. № 9. С. 123–137.
2. Муллагалеева Л. Р. Институт возвращения прокурором уголовного дела следователю: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2021. 226 с.
3. Трифонова К. А. Правовой институт возвращения уголовного дела на дополнительное расследование: проблемы теории и практики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2012. 28 с.
4. Кузьмин Р. Г. Процессуальные полномочия прокурора и следователя при возвращении уголовного дела для производства дополнительного расследования: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2024. 240 с.
5. Векленко С. В., Авдеев В. Н. К вопросу о нормативной регламентации оснований и порядка возвращения уголовного дела прокурором для производства дополнительного следствия // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2014. № 1 (35). С. 19–23.
6. Ескина С. В. Проблемы института направления уголовных дел на дополнительное расследование: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000. 24 с.
7. Назаров А. Д. Следственные и судебные ошибки и уголовно-процессуальный механизм их устранения. М.: Юрлитинформ, 2017. 388 с.
8. Аубакирова А. А. Следственные и экспертные ошибки при формировании внутреннего убеждения: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Челябинск, 2010. 44 с.

References

1. Kovtun N. N. Formirovanie gosudarstvennogo obvinenija kak samostojatel'naja stadija ugovnogo sudoproizvodstva Rossii // Zhurnal rossijskogo prava. 2019. № 9. S. 123–137.
2. Mullagaleeva L. R. Institut vozvrashhenija prokurorom ugovnogo dela sledovatelju: dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2021. 226 s.
3. Trifonova K. A. Pravovoj institut vozvrashhenija ugovnogo dela na dopolnitel'noe rassledovanie: problemy teorii i praktiki: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. Volgograd, 2012. 28 s.
4. Kuz'min R. G. Processual'nye polnomochija prokurora i sledovatelja pri vozvrashhenii ugovnogo dela dlja proizvodstva dopolnitel'nogo rassledovaniya: dis. ... kand. jurid. nauk. SPb., 2024. 240 s.

5. Veklenko S. V., Avdeev V. N. K voprosu o normativnoj reglamentacii osnovanij i porjadka vozvrashhenija ugovnogo dela prokurorom dlja proizvodstva dopolnitel'nogo sledstvija // Vestnik Kalininskogo filiala Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. 2014. № 1 (35). S. 19–23.

6. Eskina S. V. Problemy instituta napravlenija ugovnyh del na dopolnitel'noe rassledovanie: dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2000. 24 s.

7. Nazarov A. D. Sledstvennye i sudebnye oshibki i ugovno-processual'nyj mehanizm ih ustraneniya. M.: Jurlitinform, 2017. 388 s.

8. Aubakirova A. A. Sledstvennye i jekspertnye oshibki pri formirovanii vnutrennego ubezhdeniya: avtoref. dis. ... d-ra jurid. nauk. Cheljabinsk, 2010. 44 s.

Статья поступила в редакцию 18.02.2025; одобрена после рецензирования 21.03.2025; принята к публикации 12.05.2025.

The article was submitted 18.02.2025; approved after reviewing 21.03.2025; accepted for publication 12.05.2025.

Научная статья

УДК 343

ПРЕЗУМПЦИЯ ОСОЗНАНИЯ ВИНОВНЫМ ПРИЗНАКОВ УМЫШЛЕННОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ ИЛИ ОБЪЕКТИВНОЕ ВМЕНЕНИЕ?

Евгений Сергеевич КвасниковОмская академия МВД России, Омск, Россия, evgen1219@mail.ru,<https://orcid.org/0000-0002-2418-3900>

Аннотация. Актуальность темы исследования обусловлена проблемой соотношения презюмирования правоприменителем осознания субъектом умышленного преступления его признаков и объективного вменения. Определить грань между презумпцией осознания лицом признаков умышленного преступления и объективным вменением довольно проблематично. В статье приводятся противоречия в судебной практике при квалификации преступлений; в соответствующей части анализируются вопросы презюмирования осознания признаков преступления в практике применения зарубежного уголовного законодательства и проводится аналогия с отраслевым отечественным законодательством; исследуются мнения представителей доктрины уголовного права. Автор обосновывается противопоставление презумпции осознания лицом признаков умышленного преступления и объективного вменения, приводятся критерии их отграничения.

Ключевые слова: осознание, признаки, умышленное преступление, вина, объективное вменение, квалификация

Для цитирования: Квасников Е. С. Презумпция осознания виновным признаков умышленного преступления или объективное вменение? // Алтайский юридический вестник. 2025. № 2 (50). С. 125–133.

CRIMINAL LAW SCIENCES

Original article

IS THERE A PRESUMPTION THAT THE PERPETRATOR IS AWARE OF THE SIGNS OF AN INTENTIONAL CRIME OR AN OBJECTIVE IMPUTATION?

Evgeny S. KvasnikovOmsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Omsk, Russia, evgen1219@mail.ru,<https://orcid.org/0000-0002-2418-3900>

Abstract. The relevance of the research topic is due to the problem of the correlation between the law enforcement officer's summary of the subject's awareness of an intentional crime and its objective imputation. It is quite problematic to determine the line between the presumption that a person is aware of the signs of an intentional crime and objective imputation. The article presents contradictions in judicial practice in the qualification of crimes; The relevant part analyzes the issues of presuming awareness of the signs of a crime in the practice of applying foreign criminal legislation and draws an analogy with domestic industry legislation; the opinions of representatives of the doctrine of criminal law are examined. The author substantiates the opposition between the presumption of a person's awareness of the signs of an intentional crime and objective imputation, and provides criteria for their differentiation.

Keywords: awareness, signs, intentional crime, guilt, objective imputation, qualification

For citation: Kvasnikov E. S. Is there a presumption that the perpetrator is aware of the signs of an intentional crime or an objective imputation? *Altajskij juridicheskij vestnik* = *Altai Law Journal*. 2025;2:125–133 (In Russ.).

Осознание субъектом признаков преступления базируется на процессах восприятия, мышления, его оценки окружающей действительности и своих собственных действий. Противоправность как признак преступления представляет собой сложный и многоаспектный юридический феномен, содержащий в себе направленность посягательства на установленный правовой порядок, нарушение уголовно-правового запрета, несоблюдение правовых предписаний иной отраслевой принадлежности, являющихся юридическими признаками элементов состава отдельных преступлений [1, с. 78].

Вменяемое лицо при совершении преступления воспринимает как минимум базовые признаки противоправности, что формирует его представление об общественной опасности своих действий [2]. Человек, как разумное существо, действует осознанно и предсказуемо в социуме. Это коррелирует с идеей автономии личности в философии права и ответственности индивида за выбор своих действий [3].

Правоприменительная практика в случаях установления вины характеризуется «скептичностью» восприятия оправдательных обстоятельств, предлагаемых виновными, поскольку человек, обладающий вменяемостью и достигший возраста уголовной ответственности, способен осознавать характер своих действий в рамках общепринятых социальных норм [4], следовательно, способен осознавать общественную опасность деяния. Например, мотивируя обвинительные приговоры, суды указывают: «...данные доводы подсудимый выдвинул в целях своей защиты, из стремления избежать ответственности за совершенное преступление»¹; «...заявления о незаконном воздействии сделаны им ... чтобы избежать ответственности за содеянное»²; «...довод о том, что ... не принадлежит ей, является надуманным и направленным на то, чтобы избежать ответственности за содеянное»³ и др.

При наличии противоправности деяния осознание субъектом отдельных признаков умышленного преступления зачастую презюмируется.

Презумпция осознания лицом отдельных признаков умышленных преступлений (далее — презумпция осознания) тесно соприкасается с фикцией в праве. В юридической литературе под фикцией в уголовном праве понимается регламентированный УК РФ регулятор общественных отношений, находящихся в состоянии невосполнимой неизвестности, носящей императивный характер [5, с. 323]. В доктрине к таковой относят в т. ч. запрет объективного вменения [6, с. 101].

Вместе с тем презумпция осознания представлена в виде допущения, которое используется, когда отсутствуют прямые доказательства, что лицо осознавало конкретные признаки преступления [7]. Как элемент субъективной стороны преступления рассматриваемая презумпция исходит из психического отношения лица к совершаемому общественно опасному деянию и не противоречит базовому принципу уголовного права — принципу виновной ответственности (*nullum crimen sine culpa*). Влияние презумпции особенно возрастает при квалификации преступления, совершенного с фактическими ошибками [8]. Таким образом, полагаем, что к фикции в уголовном праве презумпцию осознания виновным признаков умышленного преступления относить нельзя.

Презумпцию осознания необходимо отграничивать от объективного вменения, т. е. привлечения к уголовной ответственности в отсутствие вины индивида [9, с. 15]. Так, весьма спорной в плане субъективности вменения представляется квалификация по ч. 4 ст. 111 УК РФ действий К., который кулаком нанес удары в область головы Б., отчего потерпевший упал и ударился головой об асфальтированную поверхность, получив в результате удара, падения и соударения головой об асфальт закрытую тупую черепно-мозговую травму, что было признано тяжким вредом здоровью. Впоследствии потерпевший скончался⁴. То есть тяжкий вред здоровью был причинен не в результате ударов, а в результате соударения головой об асфальт. В чем проявились в данном случае объективные критерии тяжкого вреда здоровью в связи с ударами? Ответ: ни в чем. Следовательно, квалификация действий К. по ч. 4 ст. 111 УК РФ, а не по ч. 1 ст. 109 УК РФ по сути является аналогом объективного вменения.

¹ Приговор Доволенского районного суда от 30 января 2024 г. по уголовному делу № 1-4/2024. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/pr1alUDUOfle/> (дата обращения: 26.01.2025).

² Приговор Омского районного суда от 29 января 2024 г. по уголовному делу № 1-13/2024. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/IfyGV1N4HMUN/> (дата обращения: 26.01.2025).

³ Приговор Богградского районного суда от 18 января 2024 г. по уголовному делу № 1-2/2024. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/JciVfAFgOmUx/> (дата обращения: 26.01.2025).

⁴ Калининский районный суд г. Санкт-Петербурга огласил приговор по уголовному делу в отношении Антона Кирьянова, признанного виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 111 УК РФ. URL: <https://t.me/SPbGS/19558> (дата обращения: 23.01.2025).

Противоположная ситуация: М. нанес потерпевшему не менее четырех ударов ногами в жизненно важные органы, в результате чего причинил тяжкий вред здоровью. От причиненных повреждений потерпевший скончался. Суд квалифицировал действия М. по ч. 1 ст. 109 УК РФ¹. Возникает риторический вопрос: разве количественные (нанесение нескольких ударов) и качественные (удары ногами в жизненно важные органы, от которых причиняется вред, опасный для жизни) показатели посягательства не презюмируют осознание М. общественной опасности своих действий, в результате которых может быть причинен тяжкий вред здоровью? Если так, то действия М. надлежало квалифицировать по ч. 4 ст. 111 УК РФ.

Несмотря на практически нулевые показатели применения ст. 305 УК РФ «Вынесение заведомо неправосудных приговора, решения или иного судебного акта» и ст. 299 УК РФ «Привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности или незаконное возбуждение уголовного дела», крайне низкий процент оправданных лиц в судах первой инстанции², в правоприменительной практике случаи исключения из квалификации соответствующих составов преступлений, переквалификации в связи с первоначально ошибочным вменением редкостью не являются.

Российское законодательство предусматривает ответственность независимо от вины в некоторых отраслях права лишь в исключительных случаях. Так, в гражданском законодательстве термин «объективное вменение» не используется в том же контексте, как в уголовном праве. Однако законодатель закрепляет положения, где ответственность может наступать независимо от вины лица, что аналогично сути объективного вменения. В таких случаях вина или умысел не являются обязательными для наступления гражданской ответственности, например по ст. 1079 ГК РФ (ответственность за вред, причиненный источником повышенной опасности), в соответ-

ствии с которой по общему правилу предусматривается ответственность владельца источника повышенной опасности за вред, причиненный этим источником, независимо от вины. Законодательство об обязательном страховании (например, закон о страховании гражданской ответственности) также предусматривает возможность привлечения к ответственности за действия (или бездействие) независимо от наличия вины, в случае причинения вреда третьим лицам при дорожно-транспортном происшествии.

В уголовном законодательстве зарубежных стран (Англии (и, более широко, в праве Великобритании), Соединенных Штатах Америки) используется принцип, известный как *strict liability* (строгая ответственность) [10, с. 809], который, вопреки признаваемому законодательством данных стран принципу виновной ответственности, имеет сходство с объективным вменением.

При строгой ответственности (*strict liability*), как правило, отсутствует необходимость доказывать, что обвиняемый осознавал или намеренно совершал преступление. В этих случаях достаточно доказательства того, что преступление было совершено [11, с. 136], даже если обвиняемый не имел намерения совершать незаконные действия или не осознавал их противоправность. Профессор И. Д. Козочкин, анализируя уголовное законодательство указанных стран, отмечает, что правило строгой ответственности используется при разрешении дел о преступлениях различной тяжести — как против половой свободы и неприкосновенности, убийствах, так и при мисдиминарах (мелкие преступления, наказуемые штрафом и (или) тюремным заключением) [12, с. 82] и суммарных посягательствах [13, с. 70–71]. Вместе с тем строгая ответственность имеет свои пределы и в большинстве уголовных законов используется принцип экономии ее реализации.

Объективное вменение в отечественном уголовном праве недопустимо, поскольку приводит к ответственности за вред независимо от вины, что противоречит принципам уголовного права, однако допускается рассматриваемая презумпция. Вместе с тем определить грань между объективным вменением и презумпцией осознания лица отдельных признаков умышленного преступления в некоторых ситуациях довольно проблематично.

Так, несмотря на устоявшуюся судебную практику по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, и разъяснения Верховного Суда Российской Федерации: «Об умысле на сбыт указанных средств ... могут свидетельствовать при наличии к тому оснований их

¹ Приговор Красногвардейского районного суда г. Санкт-Петербурга 26 августа 2021 г. по уголовному делу № 1-567 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 01.02.2025).

² Так, по сведениям Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации за период 2019–2023 гг. случай осуждения по ст. 305 УК РФ был только один — в 2020 г., по ст. 299 УК РФ — шесть (по ч. 2 — один в 2019 г., по ч. 1 — три в 2020 г., по ч. 1 — один в 2022 г., по ч. 2 — один в 2022 г.). Процент оправданных лиц в судах первой инстанции за данный период времени варьируется от 0,25 до 0,27. URL: <https://cdep.ru/index.php?id=79/> (дата обращения: 06.01.2025).

приобретение, изготовление, переработка, хранение ... количество (объем) ... и т. п.»¹, суд переквалифицировал действия Д. с ч. 3 ст. 30, п. «г» ч. 4 ст. 228¹ УК РФ (покушение на незаконный сбыт наркотических средств в крупном размере) на ч. 2 ст. 228 УК РФ (незаконное приобретение и хранение без цели сбыта наркотических средств в крупном размере), мотивируя тем, что «само по себе количество обнаруженного у Д. наркотического вещества при отсутствии других доказательств, в том числе опровергающих доводы Д. о приобретении наркотического вещества в личных целях, не может свидетельствовать о наличии у него умысла на сбыт наркотических средств» [14].

В другой ситуации подсудимый утверждал, что не знал о том, что производит наркотическое средство, а полагал, что изготавливает краску. В этом случае суд учел результаты психолого-психиатрической судебной экспертизы, которые показали, что подсудимый способен правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для дела и давать о них показания, и другие доказательства (переписка о производстве наркотического средства, записная книжка подсудимого, содержащая записи об оборудовании лаборатории, приобретении расходных материалов, и др.)². Давая указанные показания, подсудимый преследовал цель уйти от уголовной ответственности.

В третьей ситуации, на основе показаний участников уголовного судопроизводства правоприменителем был сделан вывод об отсутствии умысла у М. на передачу наркотических средств и взятки. М. поясняла, что не знала о том, что передавала наркотики и взятку, ее просто просили передать сверток и деньги человеку. М. систематически занималась передачей продуктов осужденным, ей звонили родственники осужденных, отбывающих наказание в исправительной колонии, и просили собрать продукты разным осужденным, потому что сами жили далеко, а почтой отправлять выходило долго. Ей отправляли деньги, и она в магазинах покупала продукты, а также предметы первой необходимости

и через пункт приема-передачи колонии передавала осужденным посылки, ничего запрещенного она никогда не передавала³. Такой характер деятельности М. был взят за основу в исключении умысла на совершение преступления.

Если в указанных ситуациях правоприменителем был установлен предмет преступления и учтены другие доказательства по уголовному делу, свидетельствующие об осознании/неосознании признаков преступления (показания свидетелей, вещественные доказательства, результаты экспертизы и др.), то следующий случай, частично затрагивая уголовно-правовую тематику, если не является примером объективного вменения, то точно может служить примером презумпции осознания лицом нарушения соответствующих норм. Так, отбывая наказание в виде принудительных работ, осужденный принял наркотическое средство в форме таблетки розового цвета, после чего был установлен факт его наркотического опьянения, и в связи со злостным нарушением порядка и условий отбывания принудительных работ ему была произведена замена неотбытого наказания на лишение свободы. Осужденный утверждал, что нашел таблетку, подумал, что это обезболивающее средство и, т. к. у него болел живот, употребил ее. О том, что эта таблетка — наркотик, он не знал, т. е. нарушение совершил без умысла и не осознавая последствия. Суд посчитал данные доводы необоснованными и надуманными, направленными на избежание ответственности за совершенное нарушение условий отбывания наказания⁴. Здравый смысл говорит о том, что осужденный, являясь вменяемым, достигшим возраста уголовной ответственности человеком, который самостоятельно вступает в полемику с судом на юридическую тему, навряд ли стал бы принимать найденную таблетку неизвестного свойства, не осознавая, что может нарушить условия отбывания наказания. При этом УИК РФ не закрепляет принцип виновной ответственности за нарушение порядка исполнения наказания вовсе. То есть сам по себе факт нарушения презюмирует осознание осужденным того, что он действует вопреки соответствующим нормам.

Кроме того, в практике применения норм иных отраслей права, содержащих некоторый

¹ О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 2006 г. № 14. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Приговор Ленинградского областного суда от 30 января 2024 г. по уголовному делу № 2-3/2024. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/nwBHb3fUgDdS/> (дата обращения: 26.01.2025).

³ Приговор Оловянинского районного суда от 14 июля 2023 г. по уголовному делу № 1-176/2023. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/M5wes3eEPHxR/> (дата обращения: 26.01.2025).

⁴ Апелляционное постановление Оренбургского областного суда от 5 июля 2023 г. по делу № 4/17-190/2023. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/0TN37enrRC5j/> (дата обращения: 26.01.2025).

«карательный» элемент, широко распространена рассматриваемая презумпция. Так, статьей 1.5 КоАП РФ закреплены положения о презумпции невиновности правонарушителя. Постановлением Конституционного Суда Российской Федерации от 24 ноября 2022 г. № 51-П запрещено до внесения соответствующих поправок в КоАП РФ привлекать к административной ответственности водителей, которые управляли автомобилем после приема лекарств, негативно влияющих на внимание и реакцию водителя (не наркотиков, не психотропных и не алкогольных веществ)¹. Вместе с тем Верховный Суд Российской Федерации указал, что запрет привлечения к административной ответственности, установленный указанным постановлением Конституционного Суда Российской Федерации, применим к случаям управления транспортными средствами под воздействием препаратов, хотя и ухудшающих внимание и реакцию, но не содержащих в своем составе алкоголя, психотропных или наркотических веществ. Если состояние опьянения установлено на основании положительных результатов химико-токсикологического исследования биологических сред, действия водителя образуют объективную сторону состава административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 12.8 КоАП РФ². Таким образом, если человек, хоть и без намерения принять наркотик, принимает лекарство, его содержащее, и управляет транспортным средством, его вина в совершении указанного административного правонарушения считается установленной.

В науке уголовного права существуют разные взгляды на обоснование и пределы применения рассматриваемой презумпции. Сторонники считают, что презумпция осознания необходима для поддержания стабильности правоприменения и справедливости [15]. Логично, что взрослый, вменяемый человек осознает основные признаки своего поведения. Критики указывают, что презумпция не должна подменять доказательство субъективной стороны преступления [156]. Презумпция осознания иногда вступает

в противоречие с принципами уголовного права, если используется без должной проверки фактических обстоятельств [17, с. 19].

Мы поддерживаем сторонников допущения использования презумпции осознания виновным отдельных признаков умышленного преступления, поскольку это является инструментом, обеспечивающим правовую предсказуемость и справедливость, но ее применение требует строгой правовой оценки конкретных обстоятельств дела, дабы не нарушить принцип *nulla poena sine culpa* (без вины нет наказания) и не перейти к объективному вменению.

Если от нее отказаться, то обычное заблуждение лица об общественной опасности деяния можно считать невиновным причинением вреда. Так, в отношении мирового судьи в отставке Л. было возбуждено уголовное дело по ч. 4 ст. 33, ч. 2 ст. 286, ч. 1 ст. 138 УК РФ. Л. в период осуществления судебных полномочий подстрекала мирового судью К., который, не имея в производстве судебных дел, дающих основание на получение информации о владельце (фамилии, имени, отчестве и адресе) абонентского номера, а также детализации телефонных соединений абонентского номера, при отсутствии иных законных оснований для ограничения конституционного права граждан на тайну телефонных переговоров, в нарушение требований действующего законодательства Российской Федерации подписал судебный запрос в абонентскую компанию, ответ на который был передан Л. Уголовное дело в отношении Л. было возбуждено вопреки утверждениям последней о том, что «...в ее действиях отсутствуют признаки состава преступления, а предпринятая ею в нарушение установленного порядка попытка установить лицо ... не привела к наступлению общественно опасных последствий и не повлекла существенного нарушения прав и законных интересов граждан»³. В другом случае суд отклонил доводы осужденного, который просил исключить из квалификации ст. 226 УК РФ, утверждая, что похищенный пистолет неисправен и у него не было умысла на приведение оружия в исправное состояние. Суд указал, что ответственность наступает и за хищение комплектующих деталей оружия, техническая возможность восстановления пистолета подтверждена экспертизой⁴.

¹ По делу о проверке конституционности примечания к статье 12.8 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с запросом Салехардского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа [Электронный ресурс]: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 24 ноября 2022 г. № 51-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Постановление Верховного Суда Российской Федерации от 25 апреля 2023 г. № 78-АД23-9-КЗ [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Апелляционное определение Апелляционной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 26 июля 2022 г. по делу № АПЛ22-297. URL: <https://sudact.ru/vsrf/doc/zbJS78H0shl8/> (дата обращения: 21.12.2024).

⁴ Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 14 ноября 2024 г. № 88-УД24-7-К8. URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/2423754 (дата обращения: 21.12.2024).

Возникает вопрос: насколько вменение будет субъективным, когда установлен только факт действия, без каких-либо дополнительных доказательств вины? Например, при покушении на кражу из банкомата, когда лицо не знает, не может и не должно знать, сколько конкретно денег там находится.

Судебная практика складывается следующим образом. П. и Г. были осуждены по ч. 3 ст. 30, п. «в» ч. 3 ст. 158 УК РФ и ч. 3 ст. 30, п. «б» ч. 4 ст. 158 УК РФ за попытку кражи из банкоматов. В одном случае в банкомате находилась сумма, эквивалентная особо крупному размеру (преступление не было доведено до конца по независящим от виновных обстоятельствам — не смогли физически вскрыть банкомат), в другом — крупному размеру (преступление не было доведено до конца по независящим от виновного обстоятельствам — не смог проникнуть в банкомат, был задержан на месте совершения преступления). Виновные при совершении деяния не знали, сколько именно денег там находится¹. Другой пример: за аналогичные действия Х. был осужден по ч. 3 ст. 30, п. «б» ч. 2 ст. 158 УК РФ, поскольку в банкомате находилось всего 6600 рублей, хотя виновный также не знал, сколько именно денег находилось в банкомате (преступление не было доведено до конца по независящим от виновного обстоятельствам — не смог проникнуть в банкомат)². Соответственно, и в первом, и во втором случае действия виновных были квалифицированы по предполагаемым фактическим последствиям.

Вместе с тем, согласно устоявшейся судебной практике, при покушении умысел может быть только конкретизированным (определенным)³. В ситуациях, связанных с хищениями, конкретизированный умысел предполагает достоверную осведомленность лица о количественных и качественных признаках предмета [18]. Если не доказано, что субъекты обладают такой осведомленностью, их умысел является неопределенным, следовательно, покушение на

кражу в крупном или особо крупном размере, исходя из правил квалификации, вменяться не должно.

Таким образом, в указанном примере вменение не ч. 3 ст. 30, п. «б» ч. 2 ст. 158 УК РФ, а покушения на хищение в крупном или особо крупном размере — более квалифицированных составов кражи, на наш взгляд, являлось бы проявлением объективного вменения.

Определить грань между презумпцией осознания и объективным вменением невозможно без оценки мотивов и противоправности/непротивоправности поведения.

Например, человек находит на улице пакетик с порошком белого цвета, кладет его в карман, по каким-либо причинам правоохранительные органы человека задерживают, и выясняется, что в пакетике героин массой, эквивалентной особо крупному размеру. Ответственность за хранение наркотиков в особо крупном размере — лишение свободы на срок от десяти до пятнадцати лет со штрафом в размере до пятисот тысяч рублей. Человек утверждает, что не знал о том, что в пакете наркотики, а поднял его просто, без умысла на совершение преступления. Вменять ли ч. 3 ст. 228 УК РФ? Для ответа на данный вопрос необходимо соотнести мотив поведения лица с противоправностью его действий.

В психологическом аспекте каждое действие имеет причину или мотив — побуждение, стремление личности, связанное с удовлетворением определенной потребности [19, 20, 21, с. 337–346, и др.]. Это значит, что субъект поднял пакетик с порошком белого цвета не просто так.

В основе закрепления определенного возраста уголовной ответственности лежат юридические, психологические, нейробиологические и социокультурные факторы. Такая регламентация основывается на способности человека осознавать свои действия, отличать добро от зла и нести за них ответственность. Имеет значение когнитивное и моральное развитие личности. Уже на стадии формальных операций (примерно с 11–12 лет) человек способен к абстрактному мышлению, анализу последствий и предвидению результатов своих действий [22]. Возраст ответственности определяется моментом, когда индивид способен осознавать последствия своих действий и принимать решения на основе моральных норм (Лоуренс Кольберг) [23]. Базовые способности к различению правильного и неправильного формируются обычно к подростковому возрасту (12–14 лет) [24].

Итак, закрепление положений в УК РФ о возрасте уголовной ответственности связано с обеспечением справедливости (учитывается,

¹ Приговор Октябрьского районного суда г. Самары от 18 сентября 2017 г. по уголовному делу № 1-192/2017. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/v9CisDMUI2IP/> (дата обращения: 18.12.2024).

² Приговор Октябрьского районного суда г. Красноярска от 16 апреля 2020 г. по уголовному делу № 1-161/2020. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/Mvc0tPZ6HQN/> (дата обращения: 18.12.2024).

³ Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 11 марта 2015 г. № 82-АПУ15-4 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

что наказание должно применяться только к тем, кто способен осознавать и контролировать свои действия); предсказуемости (определение в законе возрастных рамок во избежание произвольного правоприменения).

Возвращаясь к вопросу о находке наркотика, отметим, что осознание отдельных признаков умышленного преступления характеризуется избыточностью. Субъект вовсе не обязательно должен обладать какими-либо специальными познаниями о составе наркотических средств, их виде или размере. Достаточно того, что виновный осознает противоправность своих действий.

Ответ на поставленный выше вопрос, на наш взгляд, можно дать следующий: вменяемое лицо, достигшее возраста уголовной ответственности, подобравшее пакет с неизвестным веществом белого цвета, без данных о намерениях обратиться по этому поводу в правоохранительные органы, выбросить его или иным образом от него избавиться, осознает противоправность своих действий, следовательно, подлежит уголовной ответственности. Полагаем, что доводы такого субъекта о том, что, например, он не знал,

что в пакете наркотик, не знал, что там героин, не знал про массу, эквивалентную крупному размеру, не знал про уголовно-правовой запрет приобретения и хранения наркотиков, не должны влиять на квалификацию преступления по ч. 3 ст. 228 УК РФ.

Таким образом, противоправное поведение лица презюмирует осознание им признаков умышленного преступления. Неосознание субъектом преступления противоправности своего поведения, если таковое имело место, является юридической ошибкой, а следовательно, не влияет на решение вопроса о наличии вины в его действиях и возможности его привлечения к уголовной ответственности. Рассматриваемая презумпция не относится к фикции в уголовном праве и противопоставляется объективному вменению тем, что исходит из психического отношения лица к совершаемому общественно опасному деянию. Данная презумпция не противоречит принципу виновной ответственности, ее использование будет способствовать функционированию уголовно-правовых норм и неотвратимости уголовной ответственности.

Список источников

1. Пудовочкин Ю. Е. Противоправность как признак преступления: опыт анализа, проблемы, перспективы // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12, № 1. С. 70–81.
2. Вершок И. Л. Теоретико-правовые вопросы соотношения правового сознания и правового знания // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D. Экономические и юридические науки. 2019. № 6. С. 110–115.
3. Похилько А. Д. Предпосылки автономии правового сознания // Общество и право. 2005. № 1 (7). С. 96–100.
4. Алтынбаева Л. М. Возрастная вменяемость субъекта преступления // Сибирское юридическое обозрение. 2014. № 3 (24). С. 56–59.
5. Грузинская Е. И., Пронина М. П. Презумпции и фикции как средства юридической техники в уголовном законодательстве // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2019. № 3. С. 315–323.
6. Бытко С. Ю. О допустимости и пределах объективного вменения в уголовном праве // Современное право. 2009. № 7. С. 99–103.
7. Groшев А. В. Презумпции в уголовном праве и их роль в правоприменительной деятельности // Юридическая техника. 2010. № 4. С. 145–153.
8. Кораблева С. Ю. Влияние фактических ошибок на оценку уголовно-правовой вины и квалификацию преступлений // Журнал российского права. 2024. № 2 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
9. Бавсун М. В. Целесообразность объективного вменения // Научный вестник Омской академии МВД России. 2005. № 2. С. 15–18.
10. Хужин А. М. О конструкции строгой юридической ответственности в праве // Юридическая техника. 2013. № 7-2. С. 807–813.
11. Козочкин И. Д. Строгая ответственность в уголовном праве Англии и США // Правоведение. 2000. № 1. С. 136–149.
12. Боронбеков С. Преступление и наказание по уголовному праву Соединенных Штатов Америки (краткая характеристика) // Человек: преступление и наказание. 2011. № 3. С. 79–83.
13. Козочкин И. Д. Общая характеристика и некоторые основные тенденции развития американского уголовного права в области учения о наказании // Государство и право. 2015. № 9. С. 72–84.

14. Количество обнаруженного у лица наркотика не говорит об умысле на его сбыт. URL: <https://www.ugpr.ru/news/3930-kolichestvo-obnaryujennogo-u-litsa-narkotika> (дата обращения: 06.01.2025).
15. Панько К. К. Презумпции в уголовном праве и процессе, их значение и классификация // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2013. № 1 (14). С. 311–326.
16. Маслова Е. В. Роль правовых презумпций при конструировании факультативных признаков субъективной стороны состава преступления // Юридическая техника. 2010. № 4. С. 368–376.
17. Есикова М. М., Бурахина О. А., Скребнев В. А. [и др.]. Профессиональная этика юриста // Тамбов: Изд-во ТГТУ, 2015. 80 с.
18. Вишнякова Н. В. Единство умысла как признак продолжаемого хищения // Научный вестник Омской академии МВД России. 2015. № 2. С. 16–19.
19. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. СПб.: Изд-во «Питер», 2000. 712 с.
20. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975. 130 с.
21. Карл Густав Юнг. Концепция коллективного бессознательного // К. Г. Юнг, М.-Л. фон Франц, Дж. Л. Хендерсон [и др.]. Человек и его символы / под общ. ред. С. Н. Сидоренко. М.: Серебряные нити, 1997. 488 с.
22. 4 стадии развития детского интеллекта по Жану Пиаже. URL: <https://mel.fm/vospitaniye/sovetu/3061974-piaget?utm> (дата обращения: 07.01.2025).
23. Обретение социальной зрелости через моральное развитие детей (Л. Кольберг). URL: <https://begemot.ai/projects/1618992-obretenie-socialnoi-zrelosti-cerez-moralnoe-razvitie-detei-l-kolberg?utm> (дата обращения: 07.01.2025).
24. Демин Д. Б. Нейрофизиологическая характеристика вариантов вегетативного тонуса у подростков, проживающих в условиях Европейского Севера: дис. ... д-ра мед. наук. Архангельск, 2016. 270 с.

References

1. Pudovochkin Ju. E. Protivopravnost' kak priznak prestuplenija: opyt analiza, problemy, perspektivy // Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal. 2018. T. 12, № 1. S. 70–81.
2. Vershok I. L. Teoretiko-pravovye voprosy sootnoshenija pravovogo soznaniya i pravovogo znaniya // Vestnik Polockogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya D. Jekonomicheskie i juridicheskie nauki. 2019. № 6. S. 110–115.
3. Pohil'ko A. D. Predposylki avtonomii pravovogo soznaniya // Obshhestvo i pravo. 2005. № 1 (7). S. 96–100.
4. Altynbaeva L. M. Vozrastnaja vmenjaemost' sub#ekta prestuplenija // Sibirskoe juridicheskoe obozrenie. 2014. № 3 (24). S. 56–59.
5. Gruzinskaja E. I., Pronina M. P. Prezumpcii i fikcii kak sredstva juridicheskoy tehniki v уголовном zakonodatel'stve // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo. 2019. № 3. S. 315–323.
6. Bytko S. Ju. O dopustimosti i predelah ob#ektivnogo vmenenija v уголовном prave // Sovremennoe pravo. 2009. № 7. S. 99–103.
7. Groshev A. V. Prezumpcii v уголовном prave i ih rol' v pravoprimeritel'noj dejatel'nosti // Juridicheskaja tehnika. 2010. № 4. S. 145–153.
8. Korableva S. Ju. Vlijanie fakticheskikh oshibok na ocenku ugolovno-pravovoj viny i kvalifikaciju prestuplenij // Zhurnal rossijskogo prava. 2024. № 2 [Elektronnyj resurs]. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tantPljus».
9. Bavsun M. V. Celesoobraznost' ob#ektivnogo vmenenija // Nauchnyj vestnik Omskoj akademii MVD Rossii. 2005. № 2. S. 15–18.
10. Huzhin A. M. O konstrukcii strogoj juridicheskoy otvetstvennosti v prave // Juridicheskaja tehnika. 2013. № 7-2. S. 807–813.
11. Kozochkin I. D. Strogaja otvetstvennost' v уголовном prave Anglii i SShA // Pravovedenie. 2000. № 1. S. 136–149.
12. Boronbekov S. Prestuplenie i nakazanie po уголовному pravu Soedinennyh Shtatov Ameriki (kratkaja harakteristika) // Chelovek: prestuplenie i nakazanie. 2011. № 3. S. 79–83.
13. Kozochkin I. D. Obshhaja harakteristika i nekotorye osnovnye tendencii razvitija amerikanskogo ugolovnogo prava v oblasti uchenija o nakazanii // Gosudarstvo i pravo. 2015. № 9. S. 72–84.

14. Kolichestvo obnaruzhennogo u lica narkotika ne govorit ob umysle na ego sbyt. URL: <https://www.ugpr.ru/news/3930-kolichestvo-obnarujennogo-u-litsa-narkotika> (data obrashhenija: 06.01.2025).
15. Pan'ko K. K. Prezumpcii v ugovnom prave i processe, ih znachenie i klassifikacija // Vestnik VGU. Serija: Pravo. 2013. № 1 (14). S. 311–326.
16. Maslova E. V. Rol' pravovyh prezumpcij pri konstruirovanii fakul'tativnyh priznakov sub#ektivnoj storony sostava prestuplenija // Juridicheskaja tehnika. 2010. № 4. S. 368–376.
17. Esikova M. M., Burahina O. A., Skrebnev V. A. [i dr.]. Professional'naja jetika jurista // Tambov: Izd-vo TGTU, 2015. 80 s.
18. Vishnjakova N. V. Edinstvo umysla kak priznak prodolzhaemogo hishhenija // Nauchnyj vestnik Omskoj akademii MVD Rossii. 2015. № 2. S. 16–19.
19. Rubinshtejn S. L. Osnovy obshhej psihologii. SPb.: Izd-vo «Piter», 2000. 712 s.
20. Leont'ev A. N. Dejatel'nost'. Soznanie. Lichnost'. M.: Politizdat, 1975. 130 s.
21. Karl Gustav Jung. Konceptija kollektivnogo bessoznatel'nogo // K. G. Jung, M.-L. fon Franc, Dzh. L. Henderson [i dr.]. Chelovek i ego simvoly / pod obshh. red. S. N. Sidorenko. M.: Serebrjanye niti, 1997. 488 s.
22. 4 stadii razvitija detskogo intellekta po Zhanu Piazhe. URL: <https://mel.fm/vospitaniye/sovety/3061974-piaget?utm> (data obrashhenija: 07.01.2025).
23. Obretenie social'noj zrelosti cherez moral'noe razvitie detej (L. Kol'berg). URL: <https://begemot.ai/projects/1618992-obretenie-socialnoi-zrelosti-cerez-moralnoe-razvitie-detei-l-kolberg?utm> (data obrashhenija: 07.01.2025).
24. Djomin D. B. Nejrofiziologicheskaja harakteristika variantov vegetativnogo tonusa u podrostkov, prozhivajushhih v uslovijah Evropejskogo Severa: dis. ... d-ra med. nauk. Arhangel'sk, 2016. 270 s.

Информация об авторе

E. C. Квасников — кандидат юридических наук.

Information about the author

E. S. Kvasnikov — Candidate of Science (Law).

Статья поступила в редакцию 13.02.2025; одобрена после рецензирования 20.03.2025; принята к публикации 12.05.2025.

The article was submitted 13.02.2025; approved after reviewing 20.03.2025; accepted for publication 12.05.2025.

ОПТИМИЗАЦИЯ РАБОТЫ ПО БОРЬБЕ С ПРОЯВЛЕНИЯМИ МЕЖДУНАРОДНОГО ХИМИЧЕСКОГО ТЕРРОРИЗМА

Петр Николаевич Кобец

ВНИИ МВД России, Москва, Россия, pkobets37@rambler.ru,

<https://orcid.org/0000-0001-6527-3788>

Аннотация. В процессе проведения исследования химического терроризма акцентируется внимание на том, что в последние годы усиливаются случаи применения террористами для совершения атак опасных химических веществ. В настоящее время химический терроризм становится реальной угрозой для национальной безопасности нашей страны, существенно превосходя по своему масштабу возможности использования для актов террора иные виды вооружения. В заключение делается вывод о том, что объективные оценки потенциальных террористических угроз дают основание утверждать, что в ближайшей перспективе существует высокая вероятность использования международными террористами для совершения терактов опасных высокотоксичных химвеществ. Борьба с международным химическим террором должна основываться на незамедлительных контртеррористических действиях. Противодействие актам химического терроризма должно представлять собой комплексный процесс, играющий принципиальную роль для обеспечения защиты населения и гарантирования государственной безопасности. Одновременно с этим немаловажно оптимизировать подготовку сотрудников полиции по данному направлению деятельности.

Ключевые слова: международный террор, опасные химические вещества, химический терроризм, предупреждение преступности, меры антитеррористической безопасности

Для цитирования: Кобец П. Н. Оптимизация работы по борьбе с проявлениями международного химического терроризма // Алтайский юридический вестник. 2025. № 2 (50). С. 134–140.

CRIMINAL LAW SCIENCES

Original article

OPTIMIZATION OF WORK TO COMBAT MANIFESTATIONS OF INTERNATIONAL CHEMICAL TERRORISM

Peter N. Kobets

All-Russian Scientific Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia, pkobets37@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6527-3788>

Abstract. In the process of conducting the study of chemical terrorism, attention is focused on the fact that in recent years, cases of terrorists using dangerous chemical substances to commit attacks have increased. It is for this reason that at present it is becoming a real threat to the national security of our country, significantly exceeding in its scale the possibilities of using other types of weapons for acts of terrorism. In conclusion, it is concluded that objective assessments of potential terrorist threats give grounds to assert that in the near future there is a high probability of the use of dangerous highly toxic chemicals by international terrorists to commit terrorist attacks. The fight against international chemical terrorism should be based on immediate counter-terrorism actions. Counteracting acts of chemical terrorism should be a comprehensive process that plays a fundamental role in ensuring the protection of the population and guaranteeing national security. At the same time, it is important to optimize the training of police officers in this area of activity.

Keywords: international terrorism, hazardous chemicals, chemical terrorism, crime prevention, anti-terrorist security measures

For citation: Kobets P. N. Optimization of work to combat manifestations of international chemical terrorism. *Altajskij juridicheskij vestnik* = *Altai Law Journal*. 2025;2:134–140 (In Russ.)

В эпоху динамично меняющегося и быстро трансформирующегося миропорядка происходит усиление роста разного рода вызовов, в т. ч. детерминированных международной террористической деятельностью [1, с. 175]. Именно по этой причине высокими рисками потенциальных угроз химического терроризма не следует пренебрегать. Опыт борьбы с международным террором насыщен экстремальными примерами применения вредных химических соединений и опасных химикатов для совершения террористических атак — от распыления зарина в метрополитене г. Токио и распространения спор сибирской язвы в почтовых отравлениях в США до использования боевых отравляющих веществ в Сирийской Арабской Республике и на территории новых регионов Российской Федерации [2]. Еще в 2017 г. на тот момент помощником секретаря Совета Безопасности Российской Федерации Алексеем Павловым отмечалось, что «неоднократные факты применения отравляющих веществ и высокотоксичных химикатов международными террористическими группировками свидетельствуют о росте угрозы использования химических и отравляющих веществ в террористических целях на территории Российской Федерации» [3].

Индустриальная революция вместе с научно-техническим развитием и технологическими прорывами послужила исходной причиной возникновения разного рода опасных химических средств, разрушающих человеческую среду обитания. В настоящее время все эти средства полностью адаптируются международными террористическими организациями для совершения террористических атак. Согласно оценкам различных международных организаций (ООН, ВОЗ и др.), проявления химического международного террора являются одними из наиболее опасных. Во многом это обусловлено возможностями использования опасных химических компонентов. Российскими экспертами данные вещества разделяются «на инкапситанты (вещества, которые временно выводят человека из строя, являются сильнодействующими фармпрепаратами, полицейскими средствами, психотропными веществами и др.); отравляющие вещества (яды, боевые вещества смертельного действия, являющиеся составными элементами химоружия), которые избирательно поражают только людей; экотоксиканты (токсичные химические соединения, которые синтезируют в промышленном масштабе, нефтепродукты и др.), поражающие людей и различные экосистемы» [4, с. 159].

Глобальная международная ситуация указывает на то, что использование опасных химиче-

ских веществ для осуществления актов международного террора становится вполне реальным средством и инструментом по оказанию существенного давления на различные государства [5, с. 138]. Так, например, как подчеркивают эксперты в одном из проведенных исследований рассматриваемого терроризма, в прошлом десятилетии только на территории таких государств, как Сирия и Ирак, были совершены многочисленные и трудно поддающиеся точной количественной оценке акты химического терроризма [6, с. 6]. В первую очередь, данные теракты проводились международными террористами для того, чтобы как можно серьезнее дестабилизировать обстановку в обозначенных государствах, в отношении которых было весьма сложно вести результативные военные действия законными способами. В том числе, чтобы достичь обозначенных преступных целей, международными террористами совместно с актами химического терроризма параллельно применялись методы информационного террора, которые включали разного рода фальсифицирование реальных событий, происходящих в этих странах [7, с. 52].

В новых жизненных условиях, которые имеют место в нашей стране, при постоянно меняющейся международной обстановке, приводящей к усилению химических террористических угроз, в т. ч. исходящих со стороны киевского режима в отношении мирного российского населения, важность исследуемой проблематики еще более актуализируется. По большей части это обусловлено тем, что, как было указано депутатом Государственной Думы Российской Федерации, членом комитета по безопасности Михаилом Шереметом, после химической атаки Украины на Курскую область этот бесчеловечный акт был организован с молчаливого согласия западных кураторов [8]. В феврале 2024 г. Президент Российской Федерации В. В. Путин, проводя встречу с участниками форума «Всё для победы!», подчеркнул: «То, что называется ВСУ, превратилось в террористическую организацию» [9]. В ноябре 2024 г. постпредом Российской Федерации при Организации по запрещению химоружия (далее — ОЗХО) Владимиром Тарабриным было отмечено, что наша страна продолжает работу по сбору и анализу данных о применении Киевом химического оружия и будет далее доводить эту информацию до сведения ОЗХО [10].

Кроме того, в соответствии с оценками, которые были проведены Национальным антитеррористическим комитетом Российской Федерации, на протяжении ряда последних лет фиксируется существенное увеличение разного рода

организаций радикального толка, которые, используя информационные ресурсы, распространяют материалы, на основе которых возможно самостоятельно изготовить взрывное устройство с содержащимися в них химическими компонентами [11, с. 7]. Владение подобной информацией влечет за собой повышение шансов использования химических компонентов для проведения террористических атак.

Как отмечают отечественные специалисты, увеличение числа террористических сетей и группировок в совокупности с их международным характером, применяемыми силами и средствами, а также расширением масштабов деятельности делают возможными утверждения, что в дальнейшей перспективе возможности применения опасных химических веществ для совершения терактов существенно увеличатся [12, с. 38]. В настоящее время также возможно идентифицировать особенности рассматриваемого террора, позволяющие говорить о проблематике международного химического терроризма как о полностью самостоятельной. К числу данных особенностей целесообразно причислить возможности применения химических агентов, не демаскируя их, поскольку они без запаха. Кроме того, их намного больше, чем взрывчатых веществ. Анализируемые террористические атаки могут оказывать более негативное моральное и психологическое воздействие на население, нежели теракты других видов.

Изучение рассматриваемой проблематики убедительно свидетельствует о том, что эффективное сдерживание угроз, которые идут со стороны международного химического террора, возможно при условии реализации комплекса антитеррористических мер, которые будут зафиксированы в специальном плане противодействия анализируемым вызовам, разработанном объединенными усилиями всех заинтересованных министерств и ведомств [13, с. 95]. Совершенно очевидно, что антитеррористические меры, разработанные с учетом накопленного заинтересованными министерствами и ведомствами положительного опыта, а также постоянного мониторинга возникающих и малоизученных опасных химических веществ, послужат основой для дальнейшего развития результативной системы борьбы с химическим терроризмом.

Анализ источников специальной литературы свидетельствует о том, что в отечественных и зарубежных научных кругах было немало дискуссий и серьезных исследований в области возможностей химического терроризма и борьбы с его проявлениями [14, с. 149]. В процессе данных дискуссий были сделаны выводы о том, что

в большинстве сценариев применения химического оружия международными террористами большая часть токсических веществ будет доставлена в огромных количествах, и поэтому, вне всякого сомнения, обязательно станет убийственной для большого числа потенциальных жертв. Кроме того, наиболее опасны вероятные организации со стороны международных террористов серии одновременных подобных нападений, которые, вне всякого сомнения, только увеличат численность жертв и значительно усилят панику у гражданского населения из-за неопределенности относительно количества и места химических террористических атак. В то же время, как отмечают отдельные эксперты, при умелых действиях по ликвидации возможных химических угроз токсичные агенты могут самопроизвольно разлагаться или быть дезактивированы специалистами, а также изолированы бригадами дезактивации.

В целях обеспечения безопасности от последствий актов химического терроризма в дальнейшем отечественным экспертам крайне важно обобщать и анализировать имеющийся перечень токсичных химикатов, которые могут нанести ущерб здоровью человека. В процессе предварительной классификации опасных химических веществ по степени их опасности и физиологического воздействия на человека вполне возможно гораздо быстрее и правильнее определять способы, средства защиты и меры оказываемой первой помощи при совершенных химических террористических актах. Подготовленные с учетом данной классификации специальные методические рекомендации будут способствовать лучшей организации специалистов по защите населения от актов химического терроризма [15, с. 82].

Активизация рассматриваемой международной террористической деятельности может в любой момент привести к преднамеренному заражению территорий и населения высокотоксичными химическими веществами, о чем свидетельствуют подобные ранее совершенные скоординированные нападения террористов. В связи с этим борьба с химическим терроризмом приобретает особую значимость и требует от государственных структур, ответственных за противодействие терроризму, обладать комплексом ответных мер, которые необходимо будет принимать в случае совершения химической террористической угрозы. Во многом эффективная реализация указанного комплекса мер борьбы с химическим терроризмом зависит от того, насколько готовы все заинтересованные субъекты, в т. ч. и правоохранительные службы, осуществлять

этот комплекс мероприятий. В то же время одними из первых реагировать на акты химического терроризма вместе с пожарными и персоналом, осуществляющим неотложную медицинскую помощь, придется сотрудникам полиции, которые будут находиться рядом с местом нападения террористов [16, с. 19].

В случае совершения террористического нападения в отношении граждан с применением опасных химических компонентов в целях недопущения массового отравления населения сразу же необходимо оказать всем пострадавшим требуемую медицинскую помощь. В связи с этим было бы неплохо, если бы сотрудники полиции были подготовлены и разбирались не только в вопросах, которые относятся к общей характеристике опасных химических веществ и индивидуальным мерам защиты от них, но, кроме того, также были бы компетентны в вопросах симптоматики пострадавших, которая характерна для химических террористических атак, а также в оказании первой и экстренной медицинской помощи лицам, получившим химическое отравление.

Для этого было бы логично в дальнейшем проработать вопросы о том, чтобы в рамках служебной подготовки сотрудники полиции могли изучать проблематику, связанную с умением экстренного реагирования на химические террористические угрозы. В том числе возможно было бы готовить личный состав к тому, чтобы он обладал умениями и навыками оказания первой помощи и поддержки пострадавшим в случае крупномасштабного химического террористического акта. В связи с этим также полезно было бы обратить внимание на формы рассматриваемой учебной подготовки, которая в идеале могла бы проводиться в условиях, приближенных к реальной ситуации совершенного химического теракта.

Также важно отметить, что подготовка и обучение сотрудников полиции к любым инцидентам, связанным с химической террористической угрозой, могла бы заканчиваться подтверждением и проверкой полученных ими знаний и навыков. При этом в первую очередь важно было бы проверять не только теоретические навыки посредством тестирования, но и практическое умение оказывать первую помощь жертвам химических террористических атак, уделять внимание особенностям несения службы в условиях совершения рассматриваемых террористических актов. Завершив проверку личного состава по его готовности к несению службы в период совершения химического террористического акта, было бы логично провести критическую

оценку всех его действий и выявить те направления, в которых необходимо будет произвести улучшение функционирования. Накопленный в процессе обучения и подготовки личного состава опыт мог бы в полной мере способствовать принятию необходимых мер в процессе планирования потенциальной антитеррористической деятельности.

Совершенно очевидно, что обеспечивать необходимое обучение и подготовку сотрудников полиции при атаках химического терроризма весьма трудоемко, тем не менее это наиболее эффективный метод подготовки к действиям в случаях возможной химической атаки. Такой вид подготовки представляет собой один из важнейших элементов по предупреждению актов химического терроризма, поскольку обладание необходимыми навыками у сотрудников полиции сможет минимизировать число жертв, пострадавших от химического терроризма, а также способствовать быстрой поимке преступников. Обучение сотрудников полиции токсикологической защите при вероятных химических террористических угрозах в дальнейшем также может помочь им адекватно оценивать ситуации, связанные с потенциальными инцидентами химтерроризма.

В заключение хотелось бы отметить, что различные объективные оценки потенциальных угроз международного терроризма дают основание утверждать, что в дальнейшем опасность совершения рассматриваемых террористических атак будет только усиливаться. Именно по этой причине сдерживание потенциальных угроз международного химического террора возможно при условии реализации комплекса антитеррористических мер, запланированных специальным планом. Одновременно с этим противодействие актам химического терроризма должно представлять собой комплексный, трудоемкий и весьма значимый процесс, играющий принципиальную роль для обеспечения защиты населения и гарантирования государственной безопасности. Борьба с международным химическим террором должна основываться на незамедлительных контртеррористических действиях. Для этого органы власти всех уровней и всех заинтересованных министерств в случае возможных угроз химического терроризма должны обладать полным объемом информационных данных, чтобы оперативно приступить к поиску необходимых решений, направленных на нейтрализацию последствий террористической атаки и сведению к минимуму ее возможных последствий для населения.

Для оптимизации подходов по борьбе с международным химическим терроризмом логичным и правильным представляется развитие межгосударственного взаимодействия с дружественными для Российской Федерации странами. В частности, необходим контроль по соблюдению конвенциональных механизмов, запрещающих использование химоружия, а также материалов и технологий, имеющих двойное назначение. Помимо этого, требуется стремиться к сближению правовых норм в сфере противодействия международному террору, развивая национальное законодательство, которое бы ужесточало меры ответственности за факты участия и пособничества в террористической деятельности.

Наиболее полно решить имеющиеся проблемы по созданию комплексной системы борьбы с химическим терроризмом можно при эффективном взаимодействии всех субъектов данного вида деятельности, включая научно-исследовательские организации и представите-

лей гражданского общества. Также немаловажно развивать последовательную работу правоохранителей и представителей иных заинтересованных субъектов в работе, направленной на противодействие химическому терроризму посредством совершенствования не только тактической, но и технической составляющей этой деятельности.

И наконец, в целях оптимизации имеющихся подходов борьбы с актами международного химического терроризма важно продолжать развивать служебную подготовку сотрудников полиции по данному направлению деятельности, при этом в обязательном порядке повышая их ресурсное обеспечение не только разного рода экипировочным имуществом, но также и новейшими средствами индивидуальной защиты. Кроме того, немаловажно, чтобы помощь, оказываемая пострадавшим от актов химического терроризма, сопровождалась различными профессиональными мерами психологической поддержки.

Список источников

1. Обзор II Всероссийской научно-практической конференции «Правовое обеспечение национальной безопасности. Памяти А. А. Прохожева» (РАНХиГС, Москва, 21 апреля 2023 г.) / О. Ф. Акбашев, К. В. Алексеев, В. П. Беркут [и др.] // Транспортное право и безопасность. 2023. № 4 (48). С. 158–191.
2. Применение токсичных химических веществ против российских военнослужащих и мирного населения. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_organizations/organizacia-pozapreseniu-himiceskogo-oruzia/1896481/ (дата обращения: 08.12.2024).
3. СБ РФ: Растет угроза использования террористами химоружия на территории России. URL: <https://topwar.ru/115389-sb-rf-rastet-ugroza-ispolzovaniya-terroristami-himoruzhiya-na-territorii-rossii.html?ysclid=m4s1i938u7148519339> (дата обращения: 08.12.2024).
4. Андреев В. Г. Оружие и война: новые тенденции развития // Вестник Академии военных наук. 2005. № 1. С. 159–168.
5. Кобец П. Н. Предупреждение террористических атак на предприятиях и организациях, производящих либо хранящих опасные химические вещества // Юрист-Правоведъ. 2023. № 2 (105). С. 136–142.
6. Ковтун В. А., Голипад А. Н., Мельников А. В. [и др.] Химический терроризм как силовой инструмент проведения внешней политики США и стран Запада // Вестник войск РХБ защиты. 2017. Т. 1, № 2. С. 3–13.
7. Смирнов Н. А. Информационная война в Сирии // Вестник МГИМО. 2015. № 1. С. 49–56.
8. В Госдуме назвали изуверством химическую атаку ВСУ в Курской области. URL: https://www.m24.ru/news/politika/06122024/749776?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fdzen.ru%2Fnews%2Fstory%2F0e5004d9-a7bf-5eda-82fe-e8ca5b220d53?utm_source=CopyBuf (дата обращения: 08.12.2024).
9. Путин назвал ВСУ террористической организацией. URL: <https://www.gazeta.ru/army/news/2024/02/22250305.shtml?ysclid=m4qv3wfre40855106> (дата обращения: 08.12.2024).
10. Россия продолжит сбор данных о применении Киевом химоружия. URL: <https://ria.ru/20241129/khimoruzhie-1986564491.html?in=t> (дата обращения: 08.12.2024).
11. Бортников А. В. Вступительное слово на открытии XI совещания руководителей спецслужб, органов, безопасности и правоохранительных органов иностранных государств — партнеров ФСБ России // Вестник национального антитеррористического комитета. 2012. № 2 (07). С. 6–9.
12. Андреев В. Г. Химический терроризм: возрастающая угроза // Вестник Академии военных наук. 2004. № 4. С. 35–40.

13. Кобец П. Н. Особенности потенциальных угроз химического терроризма и меры по их предупреждению // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2023. № 3 (101). С. 90–99.

14. Обзор III Всероссийской научно-практической конференции «Правовое обеспечение национальной безопасности. Десять лет Закону о стратегическом планировании в Российской Федерации» (РАНХиГС, Москва, 19 апреля 2024 г.) / А. М. Воронов, С. И. Гирько, Д. В. Ирошников [и др.] // Транспортное право и безопасность. 2024. № 3 (51). С. 141–159.

15. Глотов Е. Н., Иванов Е. В., Рыбаков А. В. О месте антидотной терапии в системе защиты населения от химических угроз // Вестник НЦБЖД. 2019. № 2 (40). С. 80–85.

16. Кобец П. Н. Криминологические риски использования компонентов химического оружия и опасных химических веществ в террористических целях // Военно-юридический журнал. 2023. № 5. С. 18–21.

References

1. Obzor II Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii «Pravovoe obespechenie nacional'noj bezopasnosti. Pamjati A. A. Prohozheva» (RANHIGS, Moskva, 21 aprlja 2023 g.) / O. F. Akbashev, K. V. Alekseev, V. P. Berkut [i dr.] // Transportnoe pravo i bezopasnost'. 2023. № 4 (48). S. 158–191.

2. Primenenie toksichnyh himicheskikh veshhestv protiv rossijskikh voennosluzhashchih i mirnogo naselenija. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_organizations/organizacia-po-zapreseniu-himicheskogo-oruzia/1896481/ (data obrashhenija: 08.12.2024).

3. SB RF: Rastet ugroza ispol'zovaniya terroristami himoruzhija na territorii Rossii. URL: <https://topwar.ru/115389-sb-rf-rastet-ugroza-ispolzovaniya-terroristami-himoruzhija-na-territorii-rossii.html?ysclid=m4s1i938u7148519339> (data obrashhenija: 08.12.2024).

4. Andreev V. G. Oruzhie i vojna: novye tendencii razvitija // Vestnik Akademii voennyh nauk. 2005. № 1. S. 159–168.

5. Kobec P. N. Preduprezhdenie terroristicheskikh atak na predpriyatijah i organizacijah, proizvodjashchih libo hranjashchih opasnye himicheskie veshhestva // Jurist#-Pravoved#. 2023. № 2 (105). S. 136–142.

6. Kovtun V. A., Golipad A. N., Mel'nikov A. V. [i dr.] Himicheskij terrorizm kak silovoj instrument provedenija vneshnej politiki SSHA i stran Zapada // Vestnik vojsk RHB zashhity. 2017. T. 1, № 2. S. 3–13.

7. Smirnov N. A. Informacionnaja vojna v Sirii // Vestnik MGIMO. 2015. № 1. S. 49–56.

8. V Gosdume nazvali izuverstvom himicheskiju ataku VSU v Kurskoj oblasti. URL: https://www.m24.ru/news/politika/06122024/749776?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fden.ru%2Fnews%2Fstory%2F0e5004d9-a7bf-5eda-82fe-e8ca5b220d53?utm_source=CopyBuf (data obrashhenija: 08.12.2024).

9. Putin nazval VSU terroristicheskoj organizaciej. URL: <https://www.gazeta.ru/army/news/2024/02/02/22250305.shtml?ysclid=m4qv3wfrey40855106> (data obrashhenija: 08.12.2024).

10. Rossija prodolzhit sbor dannyh o primenении Kievom himoruzhija. URL: <https://ria.ru/20241129/khimoruzhie-1986564491.html?in=t> (data obrashhenija: 08.12.2024).

11. Bortnikov A. V. Vstupitel'noe slovo na otkrytii XI soveshhanija rukovoditelej specsluzhb, organov, bezopasnosti i pravoohranitel'nyh organov inostrannyh gosudarstv — partnerov FSB Rossii // Vestnik nacional'nogo antiterroristicheskogo komiteta. 2012. № 2 (07). S. 6–9.

12. Andreev V. G. Himicheskij terrorizm: vozrastajushhaja ugroza // Vestnik Akademii voennyh nauk. 2004. № 4. S. 35–40.

13. Kobec P. N. Osobennosti potencial'nyh ugroz himicheskogo terrorizma i mery po ih preduprezhdeniju // Vestnik Ufimskogo juridicheskogo instituta MVD Rossii. 2023. № 3 (101). S. 90–99.

14. Obzor III Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii «Pravovoe obespechenie nacional'noj bezopasnosti. Desjat' let Zakonu o strategicheskom planirovanii v Rossijskoj Federacii» (RANHIGS, Moskva, 19 aprlja 2024 g.) / A. M. Voronov, S. I. Gir'ko, D. V. Iroshnikov [i dr.] // Transportnoe pravo i bezopasnost'. 2024. № 3 (51). S. 141–159.

15. Glotov E. N., Ivanov E. V., Rybakov A. V. O meste antidotnoj terapii v sisteme zashhity naselenija ot himicheskikh ugroz // Vestnik NCBZhD. 2019. № 2 (40). S. 80–85.

16. Kobec P. N. Kriminologicheskie riski ispol'zovaniya komponentov himicheskogo oruzhija i opasnyh himicheskikh veshhestv v terroristicheskikh celjah // Voенно-юридический журнал. 2023. № 5. S. 18–21.

Информация об авторе

П. Н. Кобец — доктор юридических наук, профессор.

Information about the author

P. N. Kobets — Doctor of Science (Law), Professor.

Статья поступила в редакцию 10.01.2025; одобрена после рецензирования 14.02.2025; принята к публикации 12.05.2025.

The article was submitted 10.01.2025; approved after reviewing 14.02.2025; accepted for publication 12.05.2025.

Научная статья
УДК 341.655:343.23

ОСОБЕННОСТИ КОНСТРУИРОВАНИЯ САНКЦИЙ ЗА СОСТАВНЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Валерия Валерьевна Медведева

Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия, valeriya.lapteva@mail.ru

Аннотация. В статье отражена необходимость оптимизации процесса конструирования санкций за составные преступления. При совершенствовании законодательства в сфере регламентации составного преступления важно разработать эффективную систему наказания, которая была бы справедлива и соответствовала тяжести совершенного преступления. Автором использованы системный и математический подходы, а также проведен сравнительный анализ различных способов конструирования санкций. В результате обозначены три условные группы конструкций санкций за составные преступления, выделены их преимущества и недостатки. Определены основные факторы, которые необходимо учитывать законодателю при выборе способа создания санкции: соответствие наказания тяжести преступления, соблюдение принципов справедливости, пропорциональности и целесообразности применения видов наказания. Изложены некоторые предложения по совершенствованию конструкций санкций за составные преступления, благодаря которым можно обеспечить справедливость и эффективность уголовного наказания.

Ключевые слова: санкции за составные преступления, конструирование санкций, правила конструирования, составное преступление, назначение наказания, штраф

Для цитирования: Медведева В. В. Особенности конструирования санкций за составные преступления // Алтайский юридический вестник. 2025. № 2 (50). С. 141–147.

CRIMINAL LAW SCIENCES

Original article

FEATURES OF CONSTRUCTING THE SANCTION OF A COMPOSITE CRIMES

Valeria V. Medvedeva

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia,
valeriya.lapteva@mail.ru

Abstract. The article reflects the need to optimize the process of constructing sanctions for composite crimes. When improving legislation in the field of regulation of a composite crime, it is important to develop an effective punishment system that would be fair and correspond to the severity of the crime committed. The author uses a systematic and mathematical approach, as well as a comparative analysis of various ways of constructing sanctions. As a result, three conditional groups of constructions of sanctions for composite crimes are identified, their advantages and disadvantages are highlighted. The main factors that must be taken into account by the legislator when choosing the method of creating a sanction are identified: compliance of the punishment with the severity of the crime, observance of the principles of justice, proportionality and expediency of the types of punishment. Some proposals are outlined to improve the structures of sanctions for composite crimes, through which justice and effectiveness can be ensured.

Keywords: sanctions for composite crimes, construction of sanctions, rules of construction, composite crime, sentencing, fine

For citation: Medvedeva V. V. Features of constructing the sanction of a composite crimes. Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal. 2025;2:141–147 (In Russ.)

Конструирование уголовно-правовых санкций — непростой и многоаспектный процесс, а создание санкции за составное преступление¹ — задача еще более нетривиальная. Наказание за совершение подобных общественно опасных деяний должно быть соразмерным и соответствовать целям, задачам и основным принципам уголовного права, поэтому вопросы построения санкций за составные преступления приобретают особую актуальность.

Механизм построения санкций является дискуссионной темой в теории уголовного права. Отсутствие ясного представления о правильности и справедливости существующих санкций и анализ правоприменительной практики показывают, что законодатель формирует их без должной системности [1, с. 78], что порождает серьезные сомнения в соблюдении принципа законности, а также в эффективности уголовно-правовой политики. При этом санкция уголовно-правовой нормы является выражением общественной опасности, что неоднократно подчеркивает Конституционный Суд Российской Федерации (далее — КС РФ)². В связи с этим возрастает необходимость разработать четкие и обоснованные механизмы наказания за составные преступления, которые учитывали бы все обстоятельства уголовного дела и позволяли со-

блюдать основные принципы уголовного права. Только таким образом можно обеспечить справедливость и эффективность правосудия, а также защитить общество от подобного рода сложных преступных посягательств.

Целью нашей статьи является выявление тенденций, способствующих унифицированной практике назначения наказаний за составные преступления. Она была достигнута посредством анализа уже сконструированных санкций конкретных статей Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ)³, а также исследования общих начал и специальных правил назначения наказания и других элементов института уголовного наказания, а также изучения разработанных в теории концепций построения уголовно-правовых санкций и их особенностей.

Методологической основой стало использование системного и математического подходов, а также сравнительно-правового анализа, поскольку положительный ответ на вопрос о справедливости санкции возможен лишь при установлении согласованности их друг с другом как в рамках одной главы уголовного закона, так и в разных главах в данной правовой системе и в данный период времени [2, с. 208].

Сущность составного преступления оказывает значимое воздействие на конструкцию санкции за него. Именно в таком объединении актов человеческого поведения теряется их индивидуальный характер, и отдельные преступления (назовем их преступления-элементы), находясь в особой взаимосвязи и обладая специфической общественной опасностью в таком сочетании, формируют качественно новый вид поведения. Качественный критерий составного преступления уже упоминался в теории уголовного права [3, с. 8], однако довольно точно.

Основываясь на методе математического сложения верхних границ санкций за квалифицированные составные преступления, нами были выделены три категории санкций:

1. Когда сумма верхних границ санкций за преступления-элементы превышает санкцию за составное преступление (например, за деяния, предусмотренные п. «з» ч. 2 ст. 105, п. «в» ч. 3 ст. 126; п. «г» ч. 2 ст. 127.2 УК РФ и др.);

2. Когда сумма верхних границ санкций за преступления-элементы оказывается меньше суммы санкции за составное преступление (например, за деяния, предусмотренные ч. 4 ст. 111, ч. 3 ст. 123, ч. 2 ст. 128 УК РФ и др.);

³ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

¹ В рамках нашего исследования мы придерживаемся позиции, согласно которой составными преступлениями следует считать такие преступные деяния, которые состоят из двух или нескольких действий, каждое из которых является самостоятельным преступлением, но в своей совокупности образующие одно преступление.

² Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Бородин Вячеслава Николаевича на нарушение его конституционных прав пунктом 3 части 1 статьи 24 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, частью четвертой статьи 78 Уголовного кодекса Российской Федерации и пунктом 20 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» [Электронный ресурс]: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 23.04.2020 № 10940. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шорчева Юрия Валентиновича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 30, пунктом «г» 215 части первой статьи 78 и пунктами «а», «е», «ж» и «з» части второй статьи 105 Уголовного кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 28.05.2020 № 13310. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Когда сумма верхних границ санкций за преступления-элементы равна санкции за составное преступление (например, за деяния, предусмотренные п. «в» ч. 2 ст. 105, п. «а» ч. 2 ст. 127.2 УК РФ и др.).

Для первой категории характерно следующее: составное преступление — это настолько общественно опасное поведение, что обойтись институтом множественности при назначении наказания за него невозможно. По этой причине законодатель создает уголовно-правовой запрет именно в форме составного преступления. Такой вид обладает более высокой степенью общественной опасности, чем сумма преступлений-элементов. По нашему мнению, это обусловлено тем, что составное преступление может влечь более разрушительные последствия и создавать более серьезную угрозу охраняемым уголовным законом общественным отношениям, чем отдельные преступные деяния, не обладающие подобными характеристиками.

В науке уголовного права обращается внимание на отдельные аспекты формирования санкций за составные преступления в некоторых группах преступлений, например против собственности или личности. Одни авторы утверждают, что санкция за составное преступление не должна превышать размеры санкций за входящих в него преступления-элементы [4, с. 8]. Другие настаивают, что составные преступления всегда посягают на несколько самостоятельных уголовно охраняемых общественных отношений и причиняют не одно, а два или более общественно опасных последствий [5, 6], потому и санкция должна быть более строгой, чем предусмотрено за каждое отдельно взятое преступление. Третьи делают акцент лишь на том, что составные преступления следует отличать от преступлений с альтернативными действиями или альтернативными последствиями [7, с. 131]. Например, преступление, предусмотренное ч. 2 ст. 229 УК РФ, является составным (хищение либо вымогательство наркотических средств и психотропных веществ), а предусмотренное ст. 228 УК РФ (незаконные приобретение, хранение, перевозка, изготовление, переработка наркотических средств и психотропных веществ) — деяние с альтернативными действиями.

А. В. Наумов обращает внимание на необходимость выработки единой практики по определению объема насилия, оказывающего влияние, в т. ч. на конструкцию санкции за деяние, включающее в себя такое насилие. По его мнению, во всех случаях совпадения санкций видно, что при использовании института совокупности преступ-

лений соответствующие единичные, но сложные составные преступления не получают надлежащей оценки их степени общественной опасности [8, с. 27]. Так, например, Верховный Суд Российской Федерации в апелляционном определении от 24 июня 2013 г. № 30-АПУ13-6¹ указал, что Ш. М. Алиев осужден по ч. 2 ст. 302 УК РФ к четырем годам лишения свободы с отбыванием в исправительной колонии общего режима незаконно, в связи с чем переквалифицировал деяние, совершенное Ш. М. Алиевым, на ч. 1 ст. 302 УК РФ. Такая ситуация возникла в связи с трудностями установления объема насилия, охваченного нормой. В подобном случае объем причиненного составным преступлением насилия необоснованно нивелируется, что противоречит основным принципам уголовного права.

Мы убеждены, что составные преступления обладают особенной общественной опасностью в сравнении с совокупностью преступлений. В этой связи следует поддержать мнение Н. К. Семерневой, которая отмечает, что составное преступление характеризуется повышенной общественной опасностью по сравнению с его составными частями [9, с. 9]. Сходную точку зрения высказывает и Ю. Н. Юшков, который для различения совокупности преступлений и составного деяния применяет принцип сравнительного анализа санкций [10, с. 66–68].

Обобщая вышесказанное, можно сделать вывод о том, что проблема несоразмерности санкции за составное преступление однозначно существует и обсуждается в теории уголовного права. Также в результате анализа позиций ученых становится понятно, что санкция за составное преступление должна быть строже, чем сумма санкций за преступления-элементы этого составного преступления. То есть наиболее правильным и обоснованным следует признать первый подход к конструированию санкции за составное преступление из обозначенных нами выше.

Полагаем, что уголовно-правовой запрет в виде составного преступления является необходимым инструментом для эффективной борьбы с усложненными формами преступного поведения, наказание за которые не может быть назначено адекватно (соразмерно) по отдельности. В связи с этим усиление ответственности за составное преступление способствует более справедливой охране прав и свобод человека и гражданина, собственности, общественного

¹ Определение Верховного Суда Российской Федерации от 24 июня 2013 г. № 30-АПУ13-6. URL: <https://www.zakonrf.info/suddoc/7b2e854e7a37ef3791987edc82870899/> (дата обращения: 05.01.2025).

порядка и общественной безопасности, окружающей среды, конституционного строя Российской Федерации от преступных посягательств, обеспечению мира и безопасности человечества, а также предупреждению преступлений.

Во второй категории наблюдается противоположная ситуация: согласно логике законодателя, два противоправных действия, объединенных в норме одной статьи, теряют часть общественной опасности. В таком случае составное преступление может рассматриваться как проявление гуманизации уголовно-правовой политики страны. С одной стороны, этот подход позволяет учитывать не только степень общественной опасности составных преступлений, но и обстоятельства, при которых эти преступления были совершены, т. е. одним комплексом противоправного поведения. Так, законодатель стремится достичь баланса между наказанием и соблюдением принципа гуманизма по отношению к лицам, совершившим составные преступления. С другой стороны, суд в любом случае обязан учитывать все обстоятельства совершенного деяния и личность лица, его совершившего. В целом деятельность суда направлена на назначение наиболее справедливого наказания, и дополнительные инструменты в данном случае не нужны. Тем более, что с задачей назначения менее строгого наказания достаточно успешно справляются другие существующие нормы Общей части УК РФ, например содержащиеся в ст. 64 УК РФ «Назначение более мягкого наказания, чем предусмотрено за данное преступление» или ст. 61 УК РФ «Обстоятельства, смягчающие наказание».

Таким образом, считаем, что санкции за составные преступления, относящиеся ко второй категории, не могут в полном объеме отвечать базовым принципам назначения наказания, что приводит к неблагоприятным последствиям, например к увеличению уровня особо опасного рецидива, потому что действующие нормы зачастую не учитывают кумулятивный характер общественной опасности таких деяний. Санкции ориентированы на отдельные правонарушения, а не на их системную взаимосвязь, что формирует у правонарушителей восприятие безнаказанности эскалации противоправных действий: осознавая, что дополнительные составы незначительно увеличат срок или размер будущего вида наказания, они чаще идут на риск совершения более тяжких деяний.

Третья категория закономерно вызывает вопросы в обоснованности существования конструкции составного преступления. В настоящий момент в ситуации, когда лицо совершает пре-

ступление, содержащее в себе одновременно признаки двух самостоятельных составов, одинаковое наказание может быть в случае использования института совокупности преступлений и при назначении наказания в рамках санкции за составное преступление. Указанные обстоятельства ставят под сомнение целесообразность составных преступлений в уголовном законе, что еще раз подтверждает необходимость совершенствования правил конструирования для создания составной конструкции, в частности для санкции.

Как видно из анализа выделенных нами категорий, выявить единую закономерность в санкциях за составные преступления в действующем уголовном законе затруднительно. Исходя из математического подхода, логика законодателя при создании санкции за совершение подобного рода сложных деяний остается непонятной. Санкции за составные преступления создаются хаотично и вызывают много вопросов как в теории, так и в правоприменении. Кроме того, непоследовательность в моделировании санкций влечет неуверенность в обоснованности применения законодателем конструкции составного преступления и ставит под сомнение ее необходимость и целесообразность в отечественном уголовном праве.

Следовательно, было бы обоснованным разработать единые правила конструирования санкций за составные преступления и использовать не просто математическое сложение санкций деяний, входящих в состав такого сложного единичного преступления, а исходить из других критериев: во-первых, характера и степени общественной опасности деяния, а во-вторых, всех обстоятельств его совершения и характерных особенностей субъекта преступления.

Согласно ст. 6 УК РФ наказание, применяемое к лицу, совершившему преступление, должно быть справедливым, т. е. соответствовать общественной опасности содеянного, обстоятельствам его совершения и личности виновного¹. Очевидно, что реализация указанного принципа возможна лишь тогда, когда законодателем учтено все вышеперечисленное при конструировании санкции.

Оценка личности, совершившей составное преступление, — это обширная тема, требующая самостоятельного криминологического исследо-

¹ О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2015 г. № 58 (ред. от 18.12.2018). Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

вания. Мы лишь констатируем, что у лица, совершающего усложненный акт преступного поведения, явно присутствуют определенные криминальные наклонности. Существуют составные преступления с двумя формами вины, когда лицо не предвидело и не желало наступления именно таких преступных последствий. Указанные обстоятельства также необходимо учитывать при конструировании соответствующих уголовно-правовых санкций.

Составные преступления всегда предполагают комбинацию двух отдельных преступлений-элементов, что также должно учитываться при конструировании санкций за них. В данном случае человеческое поведение становится более сложным и многоуровневым, что существенно осложняет процесс раскрытия, доказывания такого преступления и назначения за него наказания. Следовательно, общественная опасность таких действий увеличивается как минимум вдвое, что обуславливает логичность и целесообразность исключения самого мягкого вида уголовного наказания — штрафа. Такой вид наказания лишь ограничивает интересы лица в области имущества, не накладывая других ограничений — на свободу передвижения, ограничения по службе [11, с. 154]. То есть штраф является самым мягким видом наказания, который не способен обеспечить реализацию принципа справедливости, потому как за совершение «удвоенного» преступления наказание должно быть более строгим, чем имущественная ответственность виновного лица. Кроме того, при назначении штрафа важно учитывать ряд обстоятельств, способных повлиять на исполнение судебного акта (например, материальное положение осужденного, членов его семьи, а также возможность получения осужденным заработной платы или иного дохода).

Учитывая более высокую степень общественной опасности и сложность составных преступлений, исключение штрафа из видов наказания за совершение подобных преступлений представляется нам целесообразным. Более строгий вид наказания становится необходимым для предотвращения подобных преступлений и защиты общества от их негативных последствий.

Мы предлагаем учитывать следующие аспекты при конструировании уголовно-правовых санкций за них:

- санкция должна быть универсальной, т. е. содержать в себе необходимый перечень видов и размеров наказаний для того, чтобы реализовать возможность ее применения ко всем случаям, когда совершается составное преступление и отражать его основные признаки;

- санкция должна быть логически обоснованной и не противоречить основным принципам уголовного права;

- санкция не должна ограничивать возможность обращения к другим институтам назначения наказания.

Важно помнить о том, что каждое составное преступление уникально и требует индивидуального подхода при определении видов и размера наказания за него. Следовательно, санкция должна быть альтернативной, т. е. состоять из нескольких вариантов видов и размеров наказаний.

Кроме того, важным является строгое соблюдение правила, предусмотренного ч. 1 ст. 17 УК РФ: «...за исключением случаев, когда совершение двух или более преступлений предусмотрено статьями Особенной части настоящего Кодекса в качестве обстоятельства, влекущего более строгое наказание». Указанное правило дополнительно подчеркивает правильность тезиса о необходимости создания санкций, соответствующих первой категории, выделенной нами выше.

Таким образом, по итогам проведенного нами исследования можно сделать следующие выводы:

1. Правила механического сложения санкций при конструировании санкции за составное преступление недостаточно. Однако не стоит преуменьшать его значения ввиду информативности и неоспоримой достоверности.

2. Составное преступление всегда представляет собой более сложный и опасный вид единичного сложного преступления, требующий соответствующего наказания. Предлагается исключить штраф из перечня видов уголовного наказания, которое может быть назначено за составное преступление. Такой подход позволит улучшить эффективность борьбы с преступностью, обеспечить большую справедливость в уголовном правосудии и сконструировать более строгие санкции.

3. Существующее разнообразие санкций за составные преступления затрудняет выявление логических закономерностей. Диапазон научных мнений по данному вопросу широк, что создает необходимость разработки четких и эффективных правил их конструирования.

4. Санкции за составное преступление должны быть альтернативными, что позволит учесть разнообразие ситуаций, сложность данного вида единичного преступления и индивидуализировать наказание за его совершение.

5. Для усовершенствования процесса определения наказания за составное преступление

необходимо разработать четкие критерии создания санкции за составное преступление, которые облегчат процесс правоприменения. Также важно проводить постоянный мониторинг и анализ эффективности применяемых санкций для их дальнейшей оптимизации.

Таким образом, конструирование более строгих санкций за составные преступления, исключение штрафа из перечня видов наказаний и расширение альтернативности при создании санкции — это важные шаги в усовершенствовании реализации принципов справедливости и законности при назначении наказания.

Список источников

1. Уголовно-исполнительная система сегодня: взаимодействие науки и практики: мат-лы XXII Всерос. научно-практ. конф-ции (Новокузнецк, 19–20 октября 2022 г.) / отв. ред. А. Г. Чириков. Новокузнецк: Кузбасский ин-т ФСИН, 2022. 356 с.
2. Силкин В. П. Уголовно-правовые санкции за преступления против собственности. М.: Юрлитинформ, 2021. 208 с.
3. Аветисян С. С., Борян Э. А. Социально-криминологические особенности норм, характеризующих составные преступления // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Сер.: Юридические науки. 2011. № 1 (4). С. 7–9.
4. Филимонов В. Д. Норма уголовного права. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004. 279 с.
5. Гулиева Н. Б. Составные преступления в российском уголовном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2006. 24 с.
6. Щепельков В. Проблемы конструирования института множественности преступлений // Уголовное право. 2001. № 1. С. 42–46.
7. Тихонова С. С., Киселева И. А., Фроловичев Я. В. Модель санкций за преступления определенной категории: теория и законотворческая практика // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Сер.: Юридические науки. 2014. № 2 (17). С. 163–173.
8. Наумов А. В. Санкции уголовно-правовых норм и квалификация преступлений // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2016. № 4 (54). С. 26–29.
9. Семернева Н. К., Новоселов Г. П., Николаева З. А. Множественность преступлений: Квалификация и назначение наказания: учеб. пособие. Свердловск: Свердл. юрид. ин-т им. Р. А. Руденко, 1990. 82 с.
10. Юшков Ю. Н. Множественность преступных деяний: Вопросы квалификации преступлений и назначения наказания: дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1974.
11. Полуэктов А. Г. Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа: теоретический и прикладной аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. 210 с.

References

1. Uголовno-ispolnitel'naja sistema segodnja: vzaimodejstvie nauki i praktiki: mat-ly XXII Vseros. nauchno-prakt. konf-cii (Novokuzneck, 19–20 oktjabrja 2022 g.) / otv. red. A. G. Chirikov. Novokuzneck: Kuzbasskij in-t FSIN, 2022. 356 s.
2. Silkin V. P. Uголовno-pravovye sankcii za prestuplenija protiv sobstvennosti. M.: Jurlitinform, 2021. 208 s.
3. Avetisjan S. S., Borjan Je. A. Social'no-kriminologicheskie osobennosti norm, harakterizujushhih sostavnye prestuplenija // Vektor nauki Tol'jattinskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Juridicheskie nauki. 2011. № 1 (4). S. 7–9.
4. Filimonov V. D. Norma uголовnogo prava. SPb.: Jurid. centr Press, 2004. 279 s.
5. Gulieva N. B. Sostavnye prestuplenija v rossijskom uголовnom prave: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. Tomsk, 2006. 24 s.
6. Shhepel'kov V. Problemy konstruirovaniya instituta mnozhestvennosti prestuplenij // Uголовnoe pravo. 2001. № 1. S. 42–46.
7. Tihonova S. S., Kiseleva I. A., Frolovichev Ja. V. Model' sankcij za prestuplenija opredelennoj kategorii: teorija i zakonotvorcheskaja praktika // Vektor nauki Tol'jattinskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Juridicheskie nauki. 2014. № 2 (17). S. 163–173.
8. Naumov A. V. Sankcii uголовno-pravovyh norm i kvalifikacija prestuplenij // Vestnik Akademii General'noj prokuratury Rossijskoj Federacii. 2016. № 4 (54). S. 26–29.
9. Semerнева N. K., Novoselov G. P., Nikolaeva Z. A. Mnozhestvennost' prestuplenij: Kvalifikacija i naznachenie nakazaniya: ucheb. posobie. Sverdlovsk: Sverdl. jurid. in-t im. R. A. Rudenko, 1990. 82 s.

10. Jushkov Ju. N. Mnozhestvennost' prestupnyh dejanij: Voprosy kvalifikacii prestuplenij i naznachenija nakazaniya: dis. ... kand. jurid. nauk. Sverdlovsk, 1974.
11. Polujektov A. G. Osvobozhdenie ot ugovnoy otvetstvennosti s naznacheniem sudebnogo shtrafa: teoreticheskij i prikladnoj aspekty: dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2019. 210 s.

Статья поступила в редакцию 03.03.2025; одобрена после рецензирования 08.04.2025; принята к публикации 12.05.2025.

The article was submitted 03.03.2025; approved after reviewing 08.04.2025; accepted for publication 12.05.2025.

Научная статья
УДК 343.9:004.73

СТРУКТУРА КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ МОШЕННИЧЕСТВА, СОВЕРШАЕМОГО С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНТЕРНЕТ-СЕРВИСОВ РАЗМЕЩЕНИЯ ОБЪЯВЛЕНИЙ

Сергей Сергеевич Паутов

Воронежский институт МВД России, Воронеж, Россия, pautov-mvd@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу криминалистической характеристики мошенничества, совершаемого с использованием интернет-сервисов размещения объявлений. Автор предлагает структурно-информационную модель, включающую такие элементы, как способы и средства совершения преступления, личность и мотивация преступника, среда совершения преступления, личность потерпевшего, предмет преступного посягательства, следы и механизм следообразования. Особое внимание уделяется взаимосвязям между элементами и их практическому значению для организации эффективного расследования. Подчеркивается значимость среды совершения преступления как ключевого элемента криминалистической характеристики, под которой следует понимать совокупность пространственно-функциональных и коммуникационных условий, присущих кибернетическому пространству. Обосновывается отказ от традиционного элемента — обстановки совершения преступления — ввиду ее ограниченной применимости к рассматриваемой категории деяний.

Ключевые слова: криминалистическая характеристика преступлений, дистанционное мошенничество, интернет-сервисы размещения объявлений, структурные элементы, кибернетическое пространство, виртуальные следы, методика расследования, среда совершения преступления

Для цитирования: Паутов С. С. Структура криминалистической характеристики мошенничества, совершаемого с использованием интернет-сервисов размещения объявлений // Алтайский юридический вестник. 2025. № 2 (50). С. 148–157.

CRIMINAL LAW SCIENCES

Original article

STRUCTURE OF FORENSIC CHARACTERISTICS OF FRAUD COMMITTED USING INTERNET ADVERTISEMENT SERVICES

Sergey S. Pautov

Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Voronezh, Russia, pautov-mvd@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of the forensic characteristics of fraud committed using online classifieds services. The author proposes a structural and information model that includes such elements as methods and means of committing a crime, the identity and motivation of the offender, the environment of the crime, the identity of the victim, the object of the criminal offense, traces and the mechanism of trace formation. Particular attention is paid to the relationships between the elements and their practical significance for organizing an effective investigation. The significance of the environment of the crime as a key element of the forensic characteristics is emphasized, which should be understood as a set of spatial-functional and communication conditions inherent in cyberspace. The rejection of the traditional element - the environment of the crime - is justified due to its limited applicability to the category of acts under consideration.

Keywords: forensic characteristics of crimes, remote fraud, internet services for posting ads, structural elements, cybernetic space, virtual traces, investigation methodology, crime environment

For citation: Pautov S. S. Structure of forensic characteristics of fraud committed using internet advertisement services. *Altajskij juridicheskij vestnik* = *Altai Law Journal*. 2025;2:148–157 (In Russ.)

Актуальность исследования криминалистической характеристики мошенничества, совершаемого с использованием интернет-сервисов размещения объявлений (далее — ИРО), обусловлена стремительным ростом количества преступлений, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий (далее — ИКТ), а также их высокой степенью искусственной латентности, обусловленной сложностью установления преступников, недостаточной оперативностью обмена данными между правоохранительными органами и труднодоступностью информации, необходимой для расследования. В условиях глобальной цифровизации злоумышленники получают все новые возможности для анонимности, быстрого перемещения финансовых средств и сокрытия следов преступной деятельности, комбинируя их с методами социальной инженерии. Ежедневно миллионы людей совершают покупки, используя маркетплейсы (Wildberries, OZON, «Яндекс.Маркет», Amazon), торговые онлайн-площадки («Авито», «Юла», «Циан»), социальные сети («ВКонтакте», «Одноклассники», Instagram), мессенджеры (Telegram, WhatsApp, Viber) и другие ИРО. В то же время рост числа пользователей подобных онлайн-платформ обусловил не только облегчение решения экономических и социальных задач, но и широкое распространение совершаемых с их помощью преступлений под предлогом покупки либо продажи товаров и услуг.

Так, согласно данным МВД России, за 11 месяцев 2024 г. было зарегистрировано более 702 тысяч преступлений, совершенных с использованием ИКТ, что на 14,3 % больше по сравнению с аналогичным периодом 2023 г. Материальный ущерб от дистанционных хищений за этот период составил более 168 млрд рублей [1].

Е. П. Ищенко отмечает, что «отличительная черта нашего времени — это окончательное стирание границ и различий между реальностью и виртуальностью, между миром вещей и миром информации, между деятельностью онлайн и офлайн, между социальной средой и киберсредой» [2, с. 377].

Анализ типичных признаков, способов совершения преступления, характеристик преступников и жертв, а также механизмов преступного деяния требует комплексного подхода. Информация, полученная в ходе такого исследования, играет ключевую роль в профилактике, раскрытии и расследовании дистанционного мошенничества, совершаемого с использованием ИРО. Выявленные элементы обладают специфическими особенностями, которые формируют устой-

чивые закономерности, лежащие в основе криминалистической характеристики данного вида преступлений.

В. А. Мещеряков обоснованно утверждает, что криминалистическая характеристика преступлений является ключевым элементом частных криминалистических методик. Глубокое понимание специфики различных категорий преступлений позволяет следователям и другим субъектам расследования с высокой точностью предсказывать основные черты неизвестных элементов уголовно наказуемых деяний, опираясь на выявленные закономерности и типичные признаки. Однако для эффективного применения этого инструмента в практике необходимо его теоретическое осмысление, которое получило свое отражение в концепции криминалистической характеристики [3].

К. С. Кузьминых классифицирует криминалистическую характеристику преступлений по уровню обобщения на три основных категории:

1) типовая, которая представляет собой теоретическую модель преступления, отражающую его наиболее общую структуру и основные признаки;

2) видовая, которая описывает конкретные общественно опасные наказуемые действия с учетом анализа их криминалистически значимых признаков;

3) групповая, которая фокусируется на изучении отдельных групп преступлений, выделяемых внутри видовых криминалистических характеристик [4].

Однако такой подход вызывает определенные возражения, которые заслуживают детального рассмотрения.

Криминалистическая характеристика представляет собой обобщенное описание типичных признаков и закономерностей, присущих определенным видам (группам) преступлений. Она формируется на основе анализа и обобщения значительного числа уголовных дел, что позволяет выявить устойчивые связи между различными элементами преступной деятельности. В этом контексте разработка криминалистической характеристики для отдельного, конкретного преступления не представляется целесообразной, поскольку единичный случай может не отражать типичных закономерностей и признаков, присущих определенной категории преступлений. Поэтому мы исходим из представления о криминалистической характеристике как о «системе сведений о криминалистически значимых признаках преступлений конкретного вида (группы)» [5, с. 324].

Термины «вид» и «группа» часто используются в криминалистике для классификации преступлений, однако их разграничение может быть неочевидным. Видовая криминалистическая характеристика обычно относится к преступлениям, объединенным по определенным юридическим признакам, таким как состав преступления, предусмотренный конкретной статьей Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ). Групповая же характеристика может объединять преступления по иным основаниям, например по способу совершения, мотивам или иным криминалистически значимым признакам. Однако четкого и общепринятого разграничения между этими понятиями в научной литературе не установлено, что может создавать терминологическую неопределенность.

Мы поддерживаем позицию А. Н. Мартынова, согласно которой попытки сформировать замкнутый, универсальный перечень элементов криминалистической характеристики, применимый ко всем составам преступлений, предусмотренным УК РФ, не обладают ни научной, ни практической целесообразностью. Такой подход неизбежно приводит к игнорированию специфики отдельных видов преступлений, утрате гибкости криминалистического анализа и снижению эффективности частных методик расследования [6].

Исходя из этого, представляется избыточным и методологически неоправданным деление криминалистических характеристик на типовые, видовые и групповые. Во-первых, типовая характеристика как обобщенная модель утрачивает прикладное значение в реальных условиях расследования, где требуется учет конкретных признаков конкретного вида преступления. Во-вторых, разграничение между «видом» и «группой» преступлений представляется излишним: оба термина указывают на совокупность деяний, обладающих сходными криминалистически значимыми признаками, и используются преимущественно как терминологические синонимы.

Таким образом, научный и практический интерес представляет разработка именно видовых криминалистических характеристик, основанных на анализе устойчивых признаков, типичных для определенного состава преступления.

Рассмотрение особенностей криминалистической характеристики конкретного вида преступления предполагает выделение структурных элементов, имеющих криминалистическое значение, анализ которых позволит выработать наиболее эффективные приемы и методы разре-

шения следственных ситуаций, поможет в движении и проверке следственных версий.

С. И. Коновалов в своем исследовании, опираясь на анализ научных работ по различным видам преступлений, выделил следующие структурные элементы, используемые учеными при построении криминалистической характеристики: способ совершения преступления; субъект преступления (особенности личности); обстановка совершения преступления; объект (предмет) преступного посягательства; следы преступления и механизм слеодообразования; взаимосвязи между структурными элементами; личность потерпевшего (виктимологический аспект); мотив, цель и установка; условия совершения преступления; преступные связи (коммуникационный аспект); типичные ситуации совершения преступления; особенности сокрытия преступления; механизм преступления; типичные следственные ситуации (характер исходных данных и особенности их обнаружения); состояние борьбы с данным видом преступлений; связь с другими видами преступлений; орудия и средства преступной деятельности; результат преступной деятельности (последствия) [7, с. 82–85].

В то же время использование некоторых вышеперечисленных элементов вызывает определенные научные разногласия. Так, ряд ученых подвергают сомнению целесообразность включения в структуру криминалистической характеристики такого элемента, как «типичные следственные ситуации». С их точки зрения, данные элементы относятся скорее к организации расследования и тактике следственных действий, нежели к непосредственным признакам механизма совершения преступления, отражающим его криминалистическую сущность [8, с. 34–35; 9, с. 13].

А. А. Бессонов справедливо указывает на избыточность включения в структуру такого элемента, как «взаимосвязи между структурными элементами». Если криминалистическая характеристика действительно представляет собой системную конструкцию, то наличие внутренних связей между ее элементами и так очевидно. Аналогичным образом А. А. Бессонов критикует в составе криминалистической характеристики такой элемент, как «результат преступной деятельности (последствия)». Указанный элемент, по его мнению, не содержит криминалистически релевантной информации, поскольку последствия преступления преимущественно отражают уголовно-правовую оценку содеянного, но не обладают методической ценностью для формирования частных криминалистических методик [10, с. 55].

Мы полностью поддерживаем высказанные выше позиции ученых, выступающих за исключение из состава криминалистической характеристики элементов, не обладающих самостоятельной криминалистической значимостью. В этой связи, по нашему мнению, в структуру криминалистической характеристики также не следует включать такие компоненты, как «состояние борьбы с данным видом преступлений» и «связь с другими видами преступлений». Первый из них отражает, прежде всего, уровень криминогенной ситуации и административно-управленческую деятельность правоохранительных органов, а не устойчивые закономерности механизма преступления или слеодообразования. Второй — затрагивает сферу криминологического анализа и межвидовой классификации преступности, не будучи непосредственно связанным с практическими задачами доказывания и построения криминалистических версий. Включение подобных элементов размывает концептуальные границы между криминалистикой и другими отраслями правового знания, снижает прикладную ценность криминалистической характеристики и усложняет ее использование в качестве методической основы при разработке алгоритмов расследования.

Несомненно, криминалистическая характеристика преступления, сформулированная без учета его специфики, утрачивает практическую значимость и не может эффективно использоваться в следственной деятельности. Трансформации, происходящие в количественных и качественных характеристиках преступности, требуют систематической актуализации и уточнения криминалистической характеристики соответствующих деяний. В этой связи структура и содержание ее элементов должны формироваться с учетом специфических особенностей конкретных видов преступлений, что позволит обеспечить максимальную адаптивность криминалистической методики к постоянно меняющейся структуре преступности, повышая ее эффективность в практическом применении.

В своем исследовании А. Г. Филиппов подчеркивает, что наиболее значимые в криминалистическом отношении элементы криминалистической характеристики не только являются основой криминалистической характеристики преступлений, но и неразрывно связаны между собой и взаимозависимы. Поэтому, зная, например, способ совершения преступления, обстоятельства, при которых оно было совершено, следы, которые были оставлены преступниками, кто является потерпевшим, можно с очень большой

степенью вероятности определить неизвестный элемент — личность преступника [11].

В структуре криминалистической характеристики преступлений ключевое значение имеют закономерно повторяющиеся (устойчивые) признаки, отражающие сущность преступной деятельности. В первую очередь это способ совершения преступления и взаимосвязанные с ним элементы, которые поддаются анализу, измерению и формализации. Их детальное изучение позволяет не только совершенствовать существующие частные криминалистические методики, но и разрабатывать новые подходы, направленные на повышение эффективности расследования и достижение целей уголовного судопроизводства.

Криминалистическая характеристика мошенничества, совершаемого с использованием ИРО, как и характеристика иного преступления, представляет собой структурно-информационную модель криминалистически значимой информации, которая характеризует признаки и свойства преступления, предусмотренного ст. 159 УК РФ, с учетом используемых ИКТ.

Показательным в части иллюстрации типичных механизмов реализации преступного умысла является уголовное дело, рассмотренное Красносельским районным судом г. Санкт-Петербурга. Приговором по делу были осуждены Станислав Виеру и Илья Мальков, признанные виновными в совершении серии преступлений, предусмотренных ч. 4 ст. 159 УК РФ [12].

Как установлено судом, Виеру не позднее 2 июля 2022 г. создал устойчивую организованную группу, в состав которой вошли несовершеннолетний Мальков и иные неустановленные лица. Цель группы — хищение денежных средств граждан с использованием ИРО. Суть схемы заключалась в имитации заинтересованности в покупке товаров, размещенных на популярных торговых платформах (в частности, на «Авито»), последующем переводе коммуникации в мессенджер WhatsApp и отправке потерпевшим фишинговых ссылок под видом форм оплаты и доставки. Эти ссылки, визуально идентичные официальным страницам ИРО, позволяли похитителям получить доступ к банковским данным пользователей и списывать денежные средства с их счетов.

Согласно одному из эпизодов преступной деятельности, Мальков, находясь в г. Воронеже, обнаружил на ИРО объявление, размещенное потерпевшим В., о продаже электрогитары за 8000 рублей. Действуя с подложного аккаунта, он вступил с потерпевшим в переписку и убедил его продолжить общение через мессенджер

WhatsApp. В дальнейшем Виеру, находясь в Ленинградской области, используя подконтрольный абонентский номер, представился курьером и отправил на электронную почту потерпевшему В. фальшивую ссылку, маскируемую под форму «оформления доставки». В результате потерпевший В., введенный в заблуждение, самостоятельно ввел данные своей банковской карты, с которой было списано 7500 рублей. Всего аналогичным способом было совершено 12 эпизодов преступной деятельности, при которых сумма ущерба варьировалась от 4600 до 52 000 рублей. Общий ущерб потерпевшим составил 191 072 рубля.

Данный пример демонстрирует устойчивую преступную модель, включающую: использование заранее подготовленных аккаунтов и средств анонимизации; распределение ролей между соучастниками (поиск объектов, техническое сопровождение, ведение коммуникаций, создание фишинговых страниц); применение методов социальной инженерии для убеждения жертв в легитимности операций; активное использование мессенджеров и электронной почты как инструментов внедрения в доверительное пространство потерпевшего; трансграничный характер действий (разные географические точки участников).

Анализ следственной и судебной практики, включая изучение материалов уголовных дел о дистанционных мошенничествах, совершаемых с использованием ИРО, в семи субъектах Российской Федерации, позволяет обоснованно выделить ключевые структурные элементы криминалистической характеристики данного вида преступлений:

1. Способы и средства совершения преступления. Способ совершения преступления рассматривается как базовый элемент криминалистической характеристики, определяющий структуру и взаимосвязь остальных ее элементов. Установление способа совершения преступления является обязательным, поскольку он входит в перечень обстоятельств, подлежащих доказыванию в соответствии со ст. 73 УПК РФ. В соответствии с диспозицией ст. 159 УК РФ, мошенничество совершается путем обмана или злоупотребления доверием — данные категории являются фундаментальными для всех видов мошеннических действий. Аналогичная правовая позиция закреплена в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30.11.2017 № 48 (в ред. от 15.12.2022) «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате». Вместе с тем в контексте мошенничеств, совершаемых с использованием

ИРО, данные общие категории получают конкретизированные формы проявления, обусловленные спецификой виртуального взаимодействия, производные от общего способа в виде обмана или злоупотребления доверием.

Проведенный анализ позволил систематизировать наиболее распространенные способы совершения дистанционного мошенничества с использованием ИРО, которые условно можно классифицировать по следующим направлениям [13]:

1) Использование возможностей интернет-платформ и цифровой инфраструктуры:

а) применение фишинговых копий известных сайтов объявлений, интернет-магазинов или сервисов доставки, визуально идентичных оригиналам, с целью получения платежных данных потерпевших и последующего списания денежных средств;

б) рассылка ссылок на поддельные платежные формы, маскируемые под официальные сервисы, с последующим несанкционированным доступом к банковским счетам жертв;

в) размещение ложных объявлений о продаже товаров и оказании услуг, без намерения их фактической реализации.

2) Использование манипулятивных коммуникационных шаблонов:

а) убеждение жертв предоставить конфиденциальные данные под предлогом необходимости верификации личности или подтверждения оплаты;

б) перевод общения из защищенных чатов ИРО в менее контролируемые мессенджеры или телефонные разговоры;

в) требование предоплаты под видом обеспечения «гарантий», подтвержденных фальсифицированными отзывами или поддельными документами;

г) манипулирование жертвой во время телефонного звонка с целью побуждения к выполнению команд в мобильном банке (например, перевести деньги, одобрить кредит или передать код для привязки устройства);

д) введение в заблуждение относительно уже якобы произведенной оплаты и направление ссылки на фишинговую страницу для «подтверждения получения средств».

Приведенная классификация обобщает практические подходы, ранее фрагментарно отраженные в следственной и судебной практике, и представляет собой попытку системного описания основных способов совершения мошенничества с использованием ИРО через призму криминалистических закономерностей.

Кроме того, для привлечения большого количества покупателей мошенники обычно используют следующие основные схемы:

а) размещают объявления о продаже товаров (услуг) по искусственно заниженной цене, создавая иллюзию выгодного предложения;

б) отказываются от безопасных способов доставки (например, через курьерские службы или пункты выдачи);

в) используют виртуальные номера и анонимные аккаунты в мессенджерах, затрудняя возможность обратной связи и идентификации;

г) оказывают психологическое давление на покупателя, торопя с принятием решения и оплатой, ссылаясь на высокий спрос или ограниченность предложения;

д) высылают поддельные документы (сканы паспортов, лицензий, договоров) для создания ложного чувства безопасности.

Таким образом, способ совершения преступления в данном виде мошенничества представляет собой структурированную совокупность действий субъекта преступления (или группы соучастников), охватывающую стадии подготовки, реализации и сокрытия деяния. Эти действия детерминированы условиями кибернетического пространства, особенностями работы ИРО и механизмами социальной инженерии, направленными на подрыв критического восприятия у потенциальных жертв.

Средства совершения преступления — такие как подставные аккаунты, виртуальные номера телефонов, электронные кошельки, VPN и иные средства анонимизации — подбираются на этапе подготовки и не только обеспечивают реализацию преступной схемы, но и определяют механизм ее сокрытия. От выбора конкретных средств часто зависит характер следов, оставляемых преступником, что делает их важным элементом криминалистической характеристики.

2. Личность и мотивация преступника.

Несомненно, личность преступника является объектом криминологического исследования, а сведения о ее типологических характеристиках составляют важный элемент криминологической характеристики преступлений. Однако в отличие от криминологии, где изучение личности преступника направлено преимущественно на разработку мер профилактики и предупреждения преступности, в криминалистике ее изучение направлено на выявление признаков, оказывающих влияние на механизм совершения преступления, способствующих формированию следовой картины и оптимизации следственных действий.

Криминалистическая оценка немыслима без учета данных о свойствах личности субъекта преступления. Результаты каждой преступной деятельности содержат следы личности человека, ее осуществившего, и, в частности, сведения о некоторых его личных социально-психологических свойствах и качествах, преступном опыте, специальных знаниях, поле, возрасте, особенностях взаимоотношений с жертвой преступления и т. п. [14, с. 70].

В рамках криминалистической характеристики мошенничества, совершаемого с использованием ИРО, важнейшее значение приобретают признаки, отражающие мотивационную сферу преступника. Мотив и цель преступления оказывают непосредственное влияние на выбор способа, средств и алгоритма реализации преступного умысла. Использование методов социальной инженерии, знание психологии потенциальных жертв, применение технических средств сокрытия следов — все это составляет отражение личностных и мотивационных особенностей преступника.

Таким образом, в рассматриваемой категории дел важным элементом криминалистической характеристики выступает обобщенный «портрет» типичного субъекта преступления, в котором отражаются не только внешние социальные признаки, но и установки, цели, степень осознания противоправности действий, готовность к риску, склонность к манипулированию и уровень планирования преступления. Изучение этих аспектов позволяет прогнозировать поведение преступника, выявлять типовые поведенческие паттерны, строить версии и выбирать наиболее результативные тактические приемы в процессе расследования.

3. Среда совершения преступления.

В классической криминалистической теории обстановка совершения преступления трактуется как совокупность внешних условий, в которых осуществляется преступное деяние. Она включает не только физико-пространственные параметры (место и время совершения преступления), но и иные значимые элементы: степень изолированности или открытости пространства, наличие свидетелей, средств наблюдения, технических устройств, погодные условия и другие обстоятельства, способствующие или препятствующие реализации преступного умысла.

Однако в условиях киберпреступности классическая трактовка обстановки совершения преступления теряет свою значимость применительно к мошенничествам, совершаемым с использованием ИРО. В отличие от традиционных преступлений действия преступника не локализова-

ны в конкретной географической точке: он может находиться на значительном расстоянии от жертвы, в другом часовом поясе и иной юрисдикции.

В этой связи более точным и методологически обоснованным представляется использование категории «среда совершения преступления», под которой следует понимать совокупность пространственно-функциональных и коммуникационных условий, обусловленных спецификой кибернетического пространства.

В своем фундаментальном исследовании В. А. Мещеряков справедливо указывает на необходимость включения в состав криминалистической характеристики преступлений в сфере компьютерной информации сведений о среде совершения преступления. В качестве таких признаков он выделяет вид и особенности аппаратного, программного и информационного обеспечения автоматизированной информационной системы, в которой совершено преступление, установленный порядок ее функционирования, а также технологическую систему обработки и защиты информации в соответствии с ее целевым назначением [15, с. 92].

Представляется, что данный подход в полной мере применим не только к преступлениям в сфере компьютерной информации, но и к дистанционным мошенничествам, совершаемым с использованием ИРО. В рассматриваемой категории дел весь механизм преступной деятельности реализуется в рамках киберсреды, а потому среда совершения преступления не просто влияет на характер посягательства, но и определяет способ, средства, следы и структуру взаимодействия между участниками преступной схемы.

Более того, ключевыми свойствами данной среды являются асинхронность, автоматизация, многоуровневая анонимность, а также возможность программного исполнения отдельных элементов преступного замысла без непосредственного участия человека (например, автопубликация фейковых объявлений, автоответчики, чат-боты и т. п.). Эти особенности делают среду совершения преступления фактором, не только сопровождающим деяние, но и определяющим его характер и структуру, что позволяет рассматривать ее в качестве ключевого элемента криминалистической характеристики рассматриваемого вида преступлений.

Необходимо понимать, что связь между средой совершения и преступным деянием детерминирована не только предметом преступного посягательства, но и личностью преступника, его технической грамотностью, мотивацией и опытом работы с ИКТ. Среда совершения преступ-

ления при дистанционных мошенничествах с использованием ИРО формирует уникальные условия для реализации преступного умысла: она не просто влияет на способ совершения преступления, а во многом предопределяет его, создавая иллюзию легитимности происходящего для потерпевшего.

4. Личность потерпевшего.

Несомненно, мошенники не случайно выбирают своих жертв, а целенаправленно ориентируются на определенные категории граждан, обладающих уязвимыми личностными характеристиками, такими как высокая степень доверчивости, честность, добросовестность и открытость. При этом в большинстве случаев явно прослеживается желание получить выгоду, неосведомленность о действующем законодательстве и рисках, связанных с совершением сделок через Интернет, недостаток опыта и информации о современных схемах и способах обмана, а также пренебрежение мерами безопасности в кибернетическом пространстве. Эти психологические особенности становятся важными факторами, определяющими выбор жертвы, и обуславливают успешность реализации преступного умысла. Изучение взаимосвязи между субъектом преступления и потерпевшим имеет ключевое значение для криминалистического анализа рассматриваемой категории преступлений, позволяя глубже понять мотивацию преступника, а также обстоятельства, при которых совершается преступление. Важно, что личностные характеристики потерпевшего играют значительную роль в успехе преступных действий. Чем более доверчив и наивен потерпевший, тем выше вероятность того, что преступник сможет довести свой план до завершения — т. е. что жертва перечислит свои денежные средства преступнику. С учетом особенностей преступлений, совершаемых с использованием ИКТ, где полностью отсутствует физический контакт и присутствуют дополнительные элементы анонимности, поведение жертвы становится важным индикатором для выбора преступником методов воздействия. Поэтому одной из ключевых задач расследования таких преступлений является выявление и анализ этих характеристик у жертв, что позволяет более точно прогнозировать стратегию преступников и разрабатывать целенаправленные меры по защите граждан от подобных посягательств.

5. Предмет преступного посягательства.

В подавляющем большинстве случаев, независимо от способа совершения мошенничества с использованием ИРО, предметом хищения являются безналичные денежные средства. Этот факт обусловлен особенностями интернет-

платформ, которые активно используются для проведения транзакций, заключения сделок и обмена товарно-денежными потоками. Мошенники, используя анонимность и доступность онлайн-ресурсов, осуществляют преступные действия, направленные на завладение денежными средствами, переведенными через системы онлайн-платежей, банковские переводы, электронные кошельки или другие формы безналичных расчетов. В отличие от традиционных методов хищения, где объектом преступного посягательства могут быть физические ценности, интернет-мошенники ориентируются на такие ресурсы, которые можно быстро перевести и использовать анонимно, что затрудняет их отслеживание и возврат.

6. Следы и механизм слеодообразования.

Особенности данного элемента отражаются в специфике объектов, оставляющих и воспринимающих следы, а также в особенностях их взаимодействия с окружающим миром. Механизм слеодообразования в таких преступлениях зависит от нескольких факторов, включая способ совершения преступления, предмет посягательства и непосредственно среду совершения преступления. Следователь в процессе расследования собирает как материальные и идеальные, так и виртуальные следы, которые являются непосредственными последствиями преступной деятельности. Важным элементом расследования является не только выявление виртуальных следов, но и анализ их связи между собой, что позволяет восстановить ход преступных действий, установить личности всех участников, а также сформировать дальнейшую стратегию расследования.

Безусловно, все вышеперечисленные нами структурные элементы находятся во взаимосвязях между собой, характеризуются особенностями проявления во внешней среде (кибернетическом пространстве), что существенно отличает рассматриваемый вид мошенничества от других видов преступлений.

О. Я. Баев справедливо отметил, что ключевое значение криминалистической характеристики отдельных видов преступлений заключается не столько в выделении ее отдельных элементов, сколько в выявлении и анализе взаимосвязей между ними. Именно эти взаимосвязи позволяют глубже понять механизм преступной деятельности, что существенно повышает эффективность расследования и раскрытия преступлений [16].

Н. А. Подольный приходит к выводу, что следователи стремятся установить взаимосвязь между известной им информацией, полученной в ходе расследования, и еще не известными фак-

тами и обстоятельствами преступления. Эта связь становится основой для формирования плана расследования конкретного дела. Важно отметить, что криминалистическая характеристика преступления в этом контексте позволяет следователям выявить взаимосвязи между различными факторами и обстоятельствами, которые имеют прямое отношение к расследуемому преступлению [17, с. 32].

Несомненно, знание следователем криминалистической характеристики отдельных видов преступлений является необходимым условием для всестороннего анализа следственной ситуации, позволяя не только своевременно выявлять и оценивать связи между элементами преступной деятельности, но и выдвигать обоснованные версии, формировать эффективную тактику расследования, а также оптимально организовывать процесс сбора и проверки доказательств.

В заключение можно сделать вывод о том, что криминалистическая характеристика мошенничества, совершаемого с использованием ИРО, представляет собой структурно-информационную модель, включающую шесть взаимосвязанных элементов, каждый из которых обладает самостоятельной информативной и доказательственной ценностью. Особую значимость в условиях цифровизации приобретает среда совершения преступления, которая выходит за рамки классического понимания обстановки и трансформируется в совокупность пространственно-функциональных и коммуникационных условий реализации преступного умысла. Установлено, что специфика функционирования кибернетического пространства оказывает прямое влияние на механизм слеодообразования, затрудняя идентификацию субъектов преступной деятельности, фиксацию их действий и восстановление полной хронологической картины преступления. Это обстоятельство требует адаптации существующих методик расследования с учетом таких факторов, как анонимность, автоматизация, децентрализация цифровых данных и трансграничность информационных потоков. В этих условиях наиболее продуктивной научной и практической формой анализа выступает именно видовая криминалистическая характеристика, отражающая специфические признаки преступлений данного вида. Деление на типовые, групповые и индивидуальные криминалистические характеристики преступления представляется избыточным и методологически неоправданным. Разработка эффективной частной методики расследования возможна только при опоре на гибкую, эмпирически верифицируемую видовую характеристику, учитывающую не только структуру преступ-

ления, но и особенности функционирования ИРО и механизмов социальной инженерии. Это открывает перспективы для совершенствования тактики расследования и разработки доказательственно значимых алгоритмов следственной деятельности.

Список источников

1. Ущерб от IT-мошенничества за 11 месяцев 2024 года составил 168 млрд рублей. URL: https://tass.ru/obschestvo/22814225?utm_source=chatgpt.com (дата обращения: 12.02.2025).
2. Ищенко Е. П. О технологии искусственного интеллекта в криминалистике // 30 лет юридической науки КубГАУ: сб. науч. трудов по мат-лам Всерос. науч.-практ. конф-ции с междунар. участием / под ред. В. Д. Зеленского. Краснодар: Кубан. гос. аграрный ун-т им. И. Т. Трубилина, 2021. С. 375–380.
3. Мещеряков В. А. Состав, структура и особенности криминалистической характеристики преступлений в сфере компьютерной информации // Воронежские криминалистические чтения. Вып. 2 / под ред. О. Я. Баева. Воронеж: Изд-во Воронежского гос. ун-та, 2001. С. 137–154.
4. Кузьминых К. С. Криминалистические проблемы назначения и проведения экспертиз наркотических средств: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1997.
5. Криминалистика: учебник / О. В. Волохова, Н. Н. Егоров, М. В. Жижина [и др.]. М.: Проспект, 2011. 504 с.
6. Мартынов А. Н. Криминалистическая характеристика преступлений: проблема структурированности // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2014. Т. 14, № 2. С. 39–45.
7. Коновалов С. И. Теоретико-методологические проблемы криминалистики: монография. Ростов н/Д.: РЮИ МВД России, 2001. 208 с.
8. Криминалистика: учебник для вузов / под ред. А. Ф. Волынского. М.: Закон и право, Юнити-Дана, 1999. 615 с.
9. Радаев В. В. Криминалистическая характеристика преступлений и ее использование в следственной практике: лекция. Волгоград: ВСШ МВД СССР, 1987. 21, [2] с.
10. Бессонов А. А. К вопросу о структуре и природе криминалистической характеристики преступлений // Вестник Поволжского института управления. 2014. № 4. С. 52–57.
11. Филиппов А. Г. Некоторые теоретические проблемы современной российской криминалистики // Jurisprudencija. 2005. Т. 65 (57). С. 16–24.
12. К 5,5 и 5 годам лишения свободы приговорены Станислав Виер и Илья Мальков, похищавшие средства граждан, распространяя фишинговые ссылки. URL: <https://dzen.ru/a/ABlJtrzQSCkhirxwP> (дата обращения: 08.05.2025).
13. Паутов С. С., Пидусов Е. А. Основные схемы мошенничества, совершаемого с использованием интернет-сервисов размещения объявлений // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2023. № 4 (62). С. 32–35.
14. Криминалистика: учебник / отв. ред. Н. П. Яблоков. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юрист, 2005. 781 с.
15. Мещеряков В. А. Преступления в сфере компьютерной информации: основы теории и практики. Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2002. 408 с.
16. Расследование преступлений против личности: учеб. пособие / под ред. О. Я. Баева. Воронеж, 1998.
17. Подольный Н. А. Криминалистическая характеристика преступлений и корреляционные связи между ее элементами // Следователь. 2009. № 1. С. 31–34.

References

1. Ushherb ot IT-moshennichestva za 11 mesjacev 2024 goda sostavil 168 mlrd rublej. URL: https://tass.ru/obschestvo/22814225?utm_source=chatgpt.com (data obrashhenija: 12.02.2025).
2. Ishhenko E. P. O tehnologii iskusstvennogo intellekta v kriminalistike // 30 let juridicheskoy nauki KubGAU: sb. nauch. trudov po materialam Vseros. nauch.-prakt. konf-cii s mezhdunar. uchastiem / pod red. V. D. Zelenskogo. Krasnodar: Kuban. gos. agrarnyj un-t im. I. T. Trubilina, 2021. S. 375–380.
3. Meshherjakov V. A. Sostav, struktura i osobennosti kriminalisticheskoy harakteristiki prestuplenij v sfere komp'juternoj informacii // Voronezhskie kriminalisticheskie chtenija. Vyp. 2 / pod red. O. Ja. Baeva. Voronezh : Izd-vo Voronezhskogo gos. un-ta, 2001. S. 137–154.

4. Kuz'minyh K. S. Kriminalisticheskie problemy naznachenija i provedenija jekspertiz narkoticheskikh sredstv: dis. ...kand. jurid. nauk. SPb., 1997.
5. Kriminalistika: uchebnik / O. V. Volohova, N. N. Egorov, M. V. Zhizhina [i dr.]. M.: Prospekt, 2011. 504 s.
6. Martynov A. N. Kriminalisticheskaja harakteristika prestuplenij: problema strukturirovannosti // Vestnik Juzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Pravo. 2014. T. 14, № 2. S. 39–45.
7. Konovalov S. I. Teoretiko-metodologicheskie problemy kriminalistiki: monografija. Rostov n/D.: RJuI MVD Rossii, 2001. 208 s.
8. Kriminalistika: uchebnik dlja vuzov / pod red. A. F. Volynskogo. Moskva: Zakon i pravo, Juniti-Dana, 1999. 615 s.
9. Radaev V. V. Kriminalisticheskaja harakteristika prestuplenij i ee ispol'zovanie v sledstvennoj praktike: lekcija. Volgograd: VSSh MVD SSSR, 1987. 21, [2] s.
10. Bessonov A. A. K voprosu o strukture i prirode kriminalisticheskoi harakteristiki prestuplenij // Vestnik Povolzhskogo instituta upravlenija. 2014. № 4. S. 52–57.
11. Filippov A. G. Nekotorye teoreticheskie problemy sovremennoj rossijskoj kriminalistiki // Jurisprudencija. 2005. T. 65 (57). S. 16–24.
12. K 5,5 i 5 godam lishenija svobody prigovoreny Stanislav Vier i Il'ja Mal'kov, pohishhavshie sredstva grazhdan, rasprostranjaja fishingovye ssylki. URL: <https://dzen.ru/a/aBIJtrzQCckhirxwP> (data obrashhenija: 08.05.2025).
13. Pautov S. S., Pidusov E. A. Osnovnye shemy moshennichestva, sovershaemogo s ispol'zovaniem internet-servisov razmeshhenija ob#javlenij // Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii. 2023. № 4 (62). S. 32–35.
14. Kriminalistika: uchebnik / otv. red. N. P. Jablokov. 3-e izd., pererab. i dop. M.: Jurist#, 2005. 781 s.
15. Meshherjakov V. A. Prestuplenija v sfere komp'juternoj informacii: osnovy teorii i praktiki. Voronezh: Voronezhskij gos. un-t, 2002. 408 s.
16. Rassledovanie prestuplenij protiv lichnosti : ucheb. posobie / pod red. O. Ja. Baeva. Voronezh, 1998.
17. Podol'nyj N. A. Kriminalisticheskaja harakteristika prestuplenij i korreljacionnye svyazi mezhdu ee jelementami // Sledovatel'. 2009. № 1. S. 31–34.

Статья поступила в редакцию 15.04.2025; одобрена после рецензирования 07.05.2025; принята к публикации 12.05.2025.

The article was submitted 15.04.2025; approved after reviewing 07.05.2025; accepted for publication 12.05.2025.

ПОНЯТИЕ И СТРУКТУРА ЭКОНОМИКО-КРИМИНАЛЬНЫХ СХЕМ В СФЕРЕ ИНФОРМАЦИОННОГО БИЗНЕСА

Артём Сергеевич Пироженков

Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия, aspirohzenkov@yandex.ru

Аннотация. В последние несколько лет в России увеличилось количество преступлений, совершаемых в сфере информационного бизнеса. Установление «первоследов» подобной преступной деятельности и дальнейшее расследование невозможны без детальной проработки экономико-криминальных схем в сфере информационного бизнеса. Последние включают существующие экономические условия в соответствующей сфере деятельности, особенности нормативно-правового регулирования, предопределяющие системный характер действий субъекта преступной деятельности по получению незаконного дохода. На основе анализа следственной и судебной практики, положений криминалистической методики выделены критерии классификации экономико-криминальных схем преступной деятельности, позволяющие определить их структуру. Автором сформулирована дефиниция термина «экономико-криминальная схема в сфере информационного бизнеса».

Ключевые слова: информационный бизнес, способ преступления, преступная деятельность, экономико-криминальная схема

Для цитирования: Пироженков А. С. Понятие и структура экономико-криминальных схем в сфере информационного бизнеса // Алтайский юридический вестник. 2025. № 2 (50). С. 158–163.

CRIMINAL LAW SCIENCES

Original article

CONCEPT AND STRUCTURE OF ECONOMIC AND CRIMINAL SCHEMES IN THE FIELD OF INFORMATION BUSINESS

Artem S. Pirozhenkov

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhniy Novgorod, Russia, aspirohzenkov@yandex.ru

Abstract. In the past few years, the number of crimes committed in the information business has increased in Russia. The establishment of the «first place» of such criminal activity and further investigation is impossible without a detailed study of economic and criminal schemes in the field of information business. Crimes in the field of economic activity have their own specifics, which necessitates the consideration of not just “crime schemes”, but “economic and criminal schemes”. The latter include the existing economic conditions in the relevant field of activity, the peculiarities of regulatory regulation, which predetermine the systemic nature of the actions of the subject of criminal activity to obtain illegal income. Based on the analysis of investigative and judicial practice, the provisions of the forensic methodology, the criteria for classifying economic and criminal schemes of criminal activity are identified, which make it possible to determine their structure: external expression of criminal activity; characteristics of information sold; form of information provision; main types of products media image of the organizer and activities in general; organizational and legal form of activity; applicable taxation system. The combination of the proposed criteria makes it possible to determine the types and structure of economic and criminal schemes in the field of information business: the sale of non-existent courses; the use of the information business to carry out criminal activities in another area; sale of imaginary educational services; carrying out educational activities without a license; sale of near-scientific knowledge. The author formulated the definition of the term “economic and criminal scheme in the field of information business”.

Key words: information business, method of crime, criminal activity, economic and criminal scheme

For citation: Pirozhenkov A. S. Concept and structure of economic and criminal schemes in the field of information business. *Altajskij juridicheskij vestnik* = *Altai Law Journal*. 2025;2:158–163 (In Russ.).

Выявление и расследование преступлений в экономической сфере представляют собой сложный и трудоемкий процесс. Правоприменителю постоянно приходится сталкиваться с новыми способами совершения и сокрытия преступных действий. Внешне законная предпринимательская деятельность при проверке может оказаться лишь маскировкой сложной системы действий, направленной на получение незаконного дохода. Изучение структуры преступности в Российской Федерации показывает ее динамику в сторону увеличения количества мошенничеств. Так, за 2024 г. 23,3 % от всех преступлений были преступления, предусмотренные ст. 159–159.6 УК РФ [1]. Существенный вклад в развитие данной категории преступлений вносят распространение информационно-телекоммуникационных технологий и запаздывающий уровень развития критического мышления у граждан к подаваемой с помощью них информации.

Развитие социальных сетей, цифровых платформ неизбежно привело к расширению услуг, предоставляемых с их помощью. В том числе стал популярным информационный бизнес, включающий в себя продажу знаний, навыков и опыта. Одним из его преимуществ обучения в подобной форме стали отсутствие, в отличие от классического образования, методических требований, творческая и упрощенная подача материала. Вместе с тем, кроме сомнений в возможности формирования знаний, умений, навыков, необходимых для осуществления профессиональной деятельности, информационный бизнес также создал новую сферу осуществления преступной деятельности. Чаще всего преступная деятельность в сфере информационного бизнеса образует следующие составы преступлений: мошенничество (ст. 159 УК РФ); незаконное предпринимательство (ст. 171 УК РФ); легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных лицом в результате совершения им преступления (ст. 174.1 УК РФ); уклонение от уплаты налогов физического лица (ст. 198 УК РФ). Установление «первоследов» такой преступной деятельности и дальнейшее расследование невозможны без детальной проработки экономико-криминальных схем в сфере информационного бизнеса.

В криминалистической литературе можно встретить термины «криминальная схема», «схема преступления», «схема преступной деятельности». В большинстве случаев они используются при описании способов преступной деятельности в рамках криминалистической характеристики преступной деятельности. Среди авторов единого понимания сущности и структуры «кри-

минальных схем» в криминалистике не сложилось. В научных и учебных источниках сам термин, как правило, лишь упоминается без пояснения его значения. Например, в учебнике под редакцией Р. С. Белкина при рассмотрении способа незаконного получения кредита и злостного уклонения от кредиторской задолженности представлены схемы действия предпринимателей при осуществлении преступной деятельности [2, с. 761]. Е. П. Ищенко использует термин «схема» для отражения в плане расследования преступных связей подозреваемых лиц, взаимоотношения организаций и должностных лиц [3, с. 374]. Коллективом авторов Санкт-Петербургского университета МВД России в учебнике обозначены «схемы распространения наркотических средств» [4, с. 261]. Особо выделим диссертационную работу В. В. Ефимовой «Расследование современных схем налоговых преступлений» (2023 г.), в которой представлены дефиниция «схемы налогового преступления» и их классификация [5, с. 14–15].

Необходимо отметить, что термин «схема преступления» употребляется в методических рекомендациях федеральных органов исполнительной власти. Так, в письме Федеральной налоговой службы Российской Федерации (далее — ФНС) от 13 июля 2017 г. № ЕД-4-2/13650@¹ изложены схемы уклонения от налогообложения. Поскольку преступления в сфере информационного бизнеса в том числе связаны с неуплатой налогов, то в своем исследовании при определении экономико-криминальных схем преступной деятельности мы будем основываться на методических рекомендациях ФНС.

Согласно толковому словарю, схема — это «общая форма, план, а также любое обобщенное изображение или описание, лишенное конкретных деталей» [6]. В нашем представлении «криминальная схема» имеет место только в умышленных преступлениях и представляет собой обобщенное описание целенаправленных действий (бездействия) субъекта преступной деятельности по нарушению законодательства и (или) сокрытию своего деяния. Преступления в сфере экономической деятельности имеют свою специфику, обуславливающую необходи-

¹ О направлении методических рекомендаций по установлению в ходе налоговых и процессуальных проверок обстоятельств, свидетельствующих об умысле в действиях должностных лиц налогоплательщика, направленном на неуплату налогов (сборов) [Электронный ресурс]: письмо Федеральной налоговой службы Российской Федерации от 13 июля 2017 г. № ЕД-4-2/13650@. Доступ из справ.-правовой системы «Кодекс» (дата обращения: 06.04.2025).

мость рассмотрения не просто схем преступления, а экономико-криминальных схем. Последние включают существующие экономические условия в соответствующей сфере деятельности, особенности нормативно-правового регулирования, предопределяющие системный характер действий субъекта преступной деятельности по получению незаконного дохода.

В рамках первоначального этапа исследования нами проводился анализ судебной и следственной практики по преступлениям в сфере информационного бизнеса для их обобщенного описания. На основе проведенного анализа и положений криминалистической методики нами выделены критерии классификации экономико-криминальных схем преступной деятельности, позволяющие определить их структуру:

1. *Внешнее выражение преступной деятельности:*

а) продажа знаний, умений, опыта осуществляется однократно или несколько раз с большим разрывом во времени не одному потребителю;

б) продажа знаний, умений, опыта является единственной сферой деятельности;

в) продажа знаний, умений, опыта не является единственной и основной сферой деятельности.

2. *Характеристика продаваемой информации:*

а) получение знаний, которые направлены на получение высокого результата последующей предпринимательской деятельности и сверхдоходов;

б) личностное развитие, самоанализ и рефлексия;

в) развитие знаний, умений, навыков в определенной сфере деятельности.

3. *Форма предоставления информации:*

а) продажа видеокурсов, презентаций, методических материалов без взаимодействия с обучающимися;

б) онлайн-обучение. Взаимодействие преподавателя (коуча, тренера и т. д.) с обучающимися осуществляется в следующих основных формах: индивидуальная работа с каждым обучающимся, групповая работа; без взаимодействия, самостоятельное изучение материала;

в) контактное обучение в режиме реального времени. Взаимодействие преподавателя с обучающимися осуществляется в следующих формах: индивидуальная работа с каждым обучающимся, групповая работа.

4. *Основные виды продуктов:* онлайн-курсы, тренинги, лекции, семинары, видеокурсы, презентации, методические материалы, программы

личностного развития, вебинары, индивидуальные программы обучения, сувенирная продукция. Продукты предоставляются через аккаунт в социальных сетях, специально созданный сайт для предоставления услуг в сфере информационного бизнеса.

5. *Медийный образ организатора и деятельности в целом:*

а) использование созданного в медиапространстве представления о личности и заслугах (реальных или вымышленных) организатора. Создается блогерами, журналистами, интернет-пользователями;

б) использование рекламы с привлечением известных личностей или якобы опытных предпринимателей;

в) осуществление простейшей незаконной деятельности в сфере информационного бизнеса без создания медийного образа или имитация аккаунта известной личности в социальных сетях.

6. *Организационно-правовая форма осуществления деятельности:* юридическое лицо, индивидуальный предприниматель, без регистрации. Наличие лицензии для осуществления образовательной деятельности.

7. *Применяемая система налогообложения:* упрощенная или общая система налогообложения. При упрощенной системе налогообложения используется искусственное «дробление» бизнеса с целью уменьшения суммы полученного дохода и не перехода на общую систему.

Сочетание предложенных критериев позволяет определить виды и структуру экономико-криминальных схем в сфере информационного бизнеса: продажа несуществующих курсов, использование информационного бизнеса для осуществления преступной деятельности в иной сфере, продажа мнимых образовательных услуг, осуществление образовательной деятельности без лицензии, продажа околонуучных знаний.

Продажа несуществующих курсов

Внешнее выражение преступной деятельности: продажа знаний, умений, опыта осуществляется однократно или несколько раз с большим разрывом во времени не одному потребителю.

Характеристика продаваемой информации: личностное развитие (совершенствование памяти, внимания, физического развития); приобретение навыков в определенной сфере деятельности (программирование, использование графических редакторов).

Форма предоставления информации: продажа материалов обучения без контактного обучения.

Основные виды продуктов: видеокурсы, презентации, методические материалы. Продукты предоставляются через аккаунт в социальных сетях («ВКонтакте», Telegram и др.).

Медийный образ организатора и деятельности в целом: у организатора обучения отсутствует медийный образ или в целях обмана используется образ реально существующего успешного в определенной сфере лица. Информационный бизнес осуществляется без использования рекламы или с использованием незначительной рекламы в социальных сетях.

Организационно-правовая форма осуществления деятельности: без регистрации и лицензии на осуществление образовательной деятельности.

Применяемая система налогообложения: налоги не уплачиваются.

Так, например, постановлением Фрунзенского районного суда г. Ярославля по делу № 1-216/2023 установлено, что подсудимый в социальной сети «ВКонтакте» создал копию профиля лица, осуществляющего продажу видеокурсов для развития памяти, с похожим наименованием, после чего отправлял сообщения потерпевшему с предложением о продаже видеокурсов¹. После введения в заблуждение потерпевшего и получения от него денежных средств взятые на себя обязательства по представлению видеокурсов не исполнил.

Использование информационного бизнеса для осуществления преступной деятельности в иной сфере

Внешнее выражение преступной деятельности: продажа знаний, умений, опыта сопровождает деятельность по использованию различных финансовых инструментов для получения дополнительного заработка обучающимися.

Характеристика продаваемой информации: получение знаний, которые направлены на использование финансовых инструментов, возможность дополнительного заработка путем инвестиций. Оказание мнимой помощи в получении кредитных средств для их дальнейшего инвестирования (в т. ч. лицам с плохой кредитной историей или не имеющим постоянного заработка).

Форма предоставления информации:

а) онлайн-обучение: индивидуальная работа с каждым обучающимся, групповая работа;

б) контактное обучение в режиме реального времени: групповая работа.

Основные виды продуктов: тренинги, лекции, семинары. Продукты предоставляются через аккаунт в социальных сетях.

Медийный образ организатора и деятельности в целом: у организатора обучения отсутствует медийный образ. Информационный бизнес осуществляется без использования рекламы или с использованием незначительной рекламы в социальных сетях, печатных брошюрах.

Организационно-правовая форма осуществления деятельности: без регистрации и лицензии на осуществление образовательной деятельности.

Применяемая система налогообложения: налоги не уплачиваются.

В качестве примера приведем приговор Ейского городского суда Краснодарского края по делу № 1-26/2019, в котором установлено, что группой лиц по предварительному сговору проводились лекции о возможностях дополнительного дохода путем использования различных финансовых инструментов². В последующем для хищения денежных средств потерпевших предлагались платные услуги для получения кредита на инвестирование, обязательства по которым фактически не исполнялись.

Продажа мнимых образовательных услуг

Внешнее выражение преступной деятельности: продажа знаний, умений, навыков является основной сферой деятельности.

Характеристика продаваемой информации: получение знаний, которые направлены на получение высокого результата последующей предпринимательской деятельности и сверхдоходов, гарантия финансовой защиты в любых жизненных ситуациях.

Форма предоставления информации:

а) онлайн-обучение: индивидуальная работа с каждым обучающимся, групповая работа; без взаимодействия, самостоятельное изучение материала;

б) контактное обучение в режиме реального времени: индивидуальная работа с каждым обучающимся, групповая работа.

В процессе обучения предоставляются инструкции от якобы опытных предпринимателей, составляется индивидуальная карта развития. Успех людей, которые окончили курсы, преподносится не полностью, замалчиваются важные составляющие предпринимательской деятельности.

¹ Постановление Фрунзенского районного суда г. Ярославля (Ярославская область) № 1-216/2023 от 12 июля 2023 г. по делу № 1-216/2023. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/XpDN7wFLJBx/> (дата обращения: 06.04.2025).

² Приговор Ейского городского суда (Краснодарский край) № 1-26/2019 от 6 августа 2019 г. по делу № 1-26/2019. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/ZXrVZls6MUF/> (дата обращения: 06.04.2025).

сти. В отдельных случаях в описаниях к курсу прилагаются выдуманные истории успеха выпускников. Используются размытые формулировки, общие фразы, без четкого алгоритма действия, знания конъюнктуры рынка и действующего законодательства.

Основные виды продуктов: онлайн-курсы, тренинги, лекции, семинары, видеокурсы, презентации, методические материалы, вебинары, индивидуальные программы обучения, сувенирная продукция. Продукты предоставляются через специально созданный сайт для предоставления услуг в сфере информационного бизнеса.

Медийный образ организатора и деятельности в целом: использование созданного в медиапространстве представления о личности и заслугах организатора, в т. ч. об успешной предшествующей предпринимательской деятельности. Использование рекламы с привлечением известных личностей или якобы опытных предпринимателей.

Организационно-правовая форма осуществления деятельности: юридическое лицо, наличие лицензии для осуществления образовательной деятельности.

Применяемая система налогообложения: общая система налогообложения.

Подобная экономико-криминальная схема преступной деятельности применялась автономной некоммерческой организацией «Центр развития предпринимательства +» [7], где клиентам продавались образовательные программы, освоение которых должно было способствовать высоким результатам предпринимательской деятельности, однако фактически не обеспечивали формирование реальных знаний, умений, навыков.

Осуществление образовательной деятельности без лицензии

Внешнее выражение преступной деятельности: продажа знаний, умений, опыта является единственной сферой деятельности. Образовательная деятельность осуществляется под видом оказания консультационных услуг.

Характеристика продаваемой информации: развитие знаний, умений, навыков в определенной сфере деятельности (дополнительные образовательные программы).

Форма предоставления информации:

- а) онлайн-обучение: групповая работа;
- б) контактное обучение в режиме реального времени: групповая работа.

Основные виды продуктов: онлайн-курсы, лекции, семинары, презентации, методические материалы. Продукты предоставляются через аккаунт в социальных сетях и платформы для видеоконференций.

Медийный образ организатора и деятельности в целом: медийный образ организатора не

задействуется. Информационный бизнес осуществляется с использованием незначительной рекламы в социальных сетях.

Организационно-правовая форма осуществления деятельности: юридическое лицо без лицензии на осуществление образовательной деятельности.

Применяемая система налогообложения: упрощенная или общая система налогообложения.

Например, приговором Железнодорожного районного суда г. Новосибирска по делу № 1-388/2023 было установлено, что подсудимый, являясь директором общества с ограниченной ответственностью, разработал и реализовывал образовательные программы, не получив в установленном законом порядке лицензии на осуществление образовательной деятельности, под видом оказания консультационных услуг¹.

Продажа околонуточных знаний

Внешнее выражение преступной деятельности: продажа знаний, умений, опыта является основной сферой деятельности организатора. Важной составляющей знаний являются размышления организатора (автора) о жизни.

Характеристика продаваемой информации: личностное развитие, самоанализ и рефлексия. Предлагаемые знания не имеют под собой научной основы.

Форма предоставления информации:

- а) продажа видеокурсов, презентаций, методических материалов без взаимодействия с обучающимися;

- б) онлайн-обучение: индивидуальная работа с каждым обучающимся, групповая работа;

- в) контактное обучение в режиме реального времени: индивидуальная работа с каждым обучающимся, групповая работа.

Основные виды продуктов: онлайн-курсы, тренинги, лекции, семинары, видеокурсы, программы личностного развития, вебинары, сувенирная продукция. Продукты предоставляются через аккаунт в социальных сетях, специально созданный сайт для предоставления услуг в сфере информационного бизнеса.

Медийный образ организатора и деятельности в целом: медийный образ организатора определяет успешность информационного бизнеса, его популярность. Организатор активно ведет свои аккаунты в социальных сетях, через которые привлекает новых покупателей курсов.

¹ Приговор Железнодорожного районного суда г. Новосибирска (Новосибирская область) № 1-388/2023 от 22 ноября 2023 г. по делу № 1-388/2023. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/WJiHgZDKKRly/> (дата обращения: 06.04.2025).

Организационно-правовая форма осуществления деятельности: индивидуальный предприниматель без лицензии на осуществление образовательной деятельности.

Применяемая система налогообложения: упрощенная система налогообложения. Для уклонения от уплаты налогов проводится имитация работы нескольких лиц, создаются искусственные договорные отношения между ними.

Примером подобной экономико-криминальной схемы служит «Марафон желаний» Е. О. Блиновской, которая использовала дробление бизнеса для уменьшения заработка в целях недопущения превышения установленного максимального дохода для упрощенной системы налогообложения [8].

Анализ представленных схем преступной деятельности и их структуры позволяет выде-

лить признаки экономико-криминальной схемы в сфере информационного бизнеса: системность действий по обходу законодательства в сфере образования и налогообложения, обману обучающихся; продажа знаний, умений, навыков, не имеющих признания со стороны научного сообщества; использование для продажи знаний информационно-телекоммуникационных технологий.

Таким образом, *экономико-криминальная схема в сфере информационного бизнеса* — это система действий субъекта преступной деятельности, направленная на нарушение законодательства и получение дохода от продажи знаний, умений, навыков, не признанных научным сообществом, с использованием информационно-телекоммуникационных технологий.

Список источников

1. Краткая характеристика состояния преступности за январь — декабрь 2024 года. URL: <https://mvd.rf/reports/item/60248328/> (дата обращения: 06.04.2025).
2. Криминалистика: учебник для вузов / Т. В. Аверьянова, Р. С. Белкин, Ю. Г. Корухов, Е. Р. Россинская; под ред. Р. С. Белкина. М., 2001. 990 с.
3. Ищенко Е. П. Криминалистика: курс лекций. М., 2007. 416 с.
4. Методика расследования отдельных видов преступлений: учебник / А. Р. Акиев [и др.]; под общ. ред. Т. А. Бадзгардзе. СПб., 2022. 192 с.
5. Ефимова В. В. Расследование современных схем налоговых преступлений: дис ... канд. юрид. наук. М., 2023. 369 с.
6. Большая российская энциклопедия. URL: <https://bigenc.ru/c/skhema-4c688e> (дата обращения: 06.04.2025).
7. Шабутдинов признал вину по делу о мошенничестве. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/67ed29919a7947415afe4e80> (дата обращения: 06.04.2025).
8. Суд приговорил Елену Блиновскую к пяти годам колонии. URL: <https://www.rbc.ru/politics/03/03/2025/67c563549a7947a9c944c19d> (дата обращения: 06.04.2025).

References

1. Kratkaja harakteristika sostojanija prestupnosti za janvar' — dekabr' 2024 goda. URL: <https://mvd.rf/reports/item/60248328/> (data obrashhenija: 06.04.2025).
2. Kriminalistika: uchebnik dlja vuzov / T. V. Aver'janova, R. S. Belkin, Ju. G. Koruhov, E. R. Ros-sinskaja; pod red. R. S. Belkina. M., 2001. 990 s.
3. Ishhenko E. P. Kriminalistika: kurs lekcij. M., 2007. 416 s.
4. Metodika rassledovanija otdel'nyh vidov prestuplenij: uchebnik / A. R. Akiev [i dr.]; pod obshh. red. T. A. Badzgaradze. SPb., 2022. 192 s.
5. Efimova V. V. Rassledovanie sovremennyh shem nalogovyh prestuplenij: dis ... kand. jurid. nauk. M., 2023. 369 s.
6. Bol'shaja rossijskaja jenciklopedija. URL: <https://bigenc.ru/c/skhema-4c688e> (data obrashhenija: 06.04.2025).
7. Shabutdinov priznal vinu po delu o moshennichestve. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/67ed29919a7947415afe4e80> (data obrashhenija: 06.04.2025).
8. Sud prigovoril Elenу Blinovskuju k pjati godam kolonii. URL: <https://www.rbc.ru/politics/03/03/2025/67c563549a7947a9c944c19d> (data obrashhenija: 06.04.2025).

Статья поступила в редакцию 11.04.2025; одобрена после рецензирования 12.05.2025; принята к публикации 12.05.2025.

The article was submitted 11.04.2025; approved after reviewing 12.05.2025; accepted for publication 12.05.2025.

Научная статья

УДК 343.34:004

ТИПОВЫЕ МОДЕЛИ МЕХАНИЗМА ПРЕСТУПЛЕНИЙ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ, СОВЕРШАЕМЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Кирилл Антонович Редозубов

Академия управления МВД России, Москва, Россия, redozubov_2000@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению типовых моделей механизма преступлений экстремистской направленности, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Проводится анализ между такими терминами, как: криминалистическая характеристика, учение о механизме преступления и типовые модели преступления. На основе изученных материалов уголовных дел автор обособляет три типовые модели механизма преступлений цифровых экстремистских преступлений, имеющие теоретико-прикладное значение: модель вербальных и невербальных экстремистских преступлений, модель финансирования экстремистской деятельности, а также модель организации и участия в экстремистской деятельности.

Ключевые слова: преступления экстремистской направленности, совершаемые с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, типовые модели механизма преступлений, методика расследования преступлений, учение о механизме преступления

Для цитирования: Редозубов К. А. Типовые модели механизма преступлений экстремистской направленности, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий // Алтайский юридический вестник. 2025. № 2 (50). С. 164–173.

CRIMINAL LAW SCIENCES

Original article

TYPICAL MODELS OF THE MECHANISM OF EXTREMIST CRIMES COMMITTED THROUGH THE USE OF INFORMATION AND TELECOMMUNICATION TECHNOLOGIES

Kirill A. Redozubov

Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia,
redozubov_2000@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the consideration of typical models of the mechanism of extremist crimes committed using information and telecommunication technologies. The analysis is carried out between such terms as: criminalistic characteristics, the doctrine of the mechanism of crime and typical models of crime. Based on the materials of criminal cases studied, the author identifies three typical models of the mechanism of crimes of digital extremist crimes that have theoretical and applied significance: a model of verbal and non-verbal extremist crimes, a model of financing extremist activities, as well as a model of organizing and participating in extremist activities.

Keywords: extremist crimes committed with the use of information and telecommunication technologies, typical models of crime mechanism, methodology of crime investigation, the doctrine of crime mechanism

For citation: Redozubov K. A. Typical models of the mechanism of extremist crimes committed through the use of information and telecommunication technologies. Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal. 2025;2:164–173 (In Russ.)

Процесс разработки методики расследования отдельных видов преступлений непосредственно связан с анализом следственной и судебной практики, а также частных криминалистических теорий, таких как учение о механизме преступления и криминалистическая характеристика преступлений, являющихся теоретической основой методического обеспечения процесса расследования.

Как справедливо отмечал Р. С. Белкин, «без определения признаков составов преступлений, содержащихся в уголовном праве, невозможна разработка методик их расследования, ибо, например, прежде чем решить вопрос, какими путями установить событие преступления, нужно знать, какое событие следует установить, каковы его элементы, то есть признаки состава преступления» [1, с. 72]. В этой связи перед рассмотрением особенностей механизма преступлений экстремистской направленности, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, как одной из частных криминалистических теорий целесообразно определить характер совершаемых преступлений, их сущность и содержание.

На основании Перечня № 20 Указания Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 5 февраля 2024 г. № 97/11/1 «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности» к категории преступлений экстремистской направленности, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, нами были отнесены составы преступлений, предусмотренные следующими статьями Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ): ч. 1 ст. 148; п. «д» ч. 2, ч. 3 ст. 207.3; ч. 1.1, ч. 3 ст. 212; ч. 3 ст. 239; ч. 2 ст. 280; ч. 2 ст. 280.1; ст. 280.3; п. «в» ч. 2 ст. 280.4; ст. 282; ч. 1.1 ст. 282.1; ч. 1.1 ст. 282.2; ст. 282.3; ст. 282.4; ст. 354.1 УК РФ.

Характер преступлений, приведенных в указанном перечне, выражается в трех формах экстремистских действий: распространении экстремистской информации в сети «Интернет», финансировании экстремистской деятельности, совершенной с использованием криптовалют и цифровых финансовых активов, а также организационно-управленческой деятельности, направленной на вовлечение и склонение лиц к осуществлению экстремистской деятельности, совершенной с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Приведенные группы противоправных действий, объединяющие в себе определенные экстремистские

деяния, могут выступить основой для дальнейшей разработки типовых моделей механизма преступлений экстремистской направленности, совершаемых в цифровой среде.

Первоначально стоит отметить, что на вопросе недостаточности теории криминалистической характеристики акцентировали свое внимание видные ученые-криминалисты, среди которых А. Ф. Лубин, который считал, что «не существует вполне зрелых и пригодных для практического употребления криминалистических характеристик преступлений» [2, с. 97]; В. Я. Колдин, указывающий на системно-функциональную недостаточность данной криминалистической теории [3, с. 63–69], а также Р. С. Белкин, который отмечал, что «криминалистическая характеристика — это научная абстракция, результат обобщения и типизирования данных о преступлениях определенного рода и вида. Она содержит обобщенное знание о типичном и именно в таком качестве должна использоваться следователем как некий ориентир» [4, с. 56–58].

Механизм преступления как составную часть предмета криминалистики А. Н. Васильев определял, как «процесс совершения преступления, в т. ч. его способ и все действия преступника, сопровождающиеся образованием следов (материальных и интеллектуальных), которые могут быть использованы для раскрытия и расследования преступления» [5, с. 8]. В данном случае было не только определено место механизма преступления, но и выделены его составные части, что в дальнейшем выступило основой для более детального рассмотрения сущности учения о данной частной криминалистической теории.

При этом Р. С. Белкин отмечал, что учение о механизме преступления, как частная криминалистическая теория, выступает необходимой составной частью общей теории криминалистики и вместе с тем методологической базой исследования и разработки средств, приемов и методик выявления, раскрытия, расследования и предотвращения преступлений [6, с. 59–64].

Противоположное мнение выразил С. И. Коновалов, который отметил, что «механизм преступления» и «криминалистическая характеристика преступлений» представляют собой дублирующие одно и то же содержание понятия, в связи с чем предложил исключить из научного оборота первое и отдать предпочтение второму. Способ преступления он рассматривает как структурный элемент обеих обозначенных категорий [7, с. 117].

Разработке учения о механизме преступлений и их внедрению в практическую деятель-

ность посвящена серия работ профессора А. М. Кустова, который указывает, что «поисково-познавательная деятельность следователя только тогда будет иметь целеустремленный характер, когда будет четко уяснен механизм совершенного преступления» [8, с. 73–74]. Основные положения, рассмотренные им в ряде научных трудов, применяются нами в целях настоящего исследования.

Приверженцем данной позиции также является А. А. Бессонов, который указывал, что криминалистическая характеристика преступлений и механизм преступления являются двумя самостоятельными категориями и составляющие их научные знания дополняют друг друга [9, с. 113]. Схожей точки зрения также придерживается А. Ф. Волынский, который отмечал, что криминалистическое учение о механизме преступления является самостоятельной категорией и, по совместительству, составной частью общей теории криминалистики [10, с. 11].

Изучение механизма преступления как частной криминалистической теории и его элементов позволяет установить динамические изменения действий преступника, потерпевшего и других участников в процессе подготовки, совершения и сокрытия преступления. Именно совокупность закономерностей, представляющих преступную деятельность как последовательный алгоритм взаимосвязанных фактов, позволяет проследить развитие действий виновного, что в совокупности с рассмотрением криминалистической характеристики выступает научной основой методики расследования преступлений.

Преследуя цель создания наиболее релевантной и объективной частной криминалистической методики расследования преступления наравне с устоявшимся в научной сфере учением о криминалистической характеристике, рассматривающим устойчивые признаки преступления в статичной и более описательной форме, необходимо уделять внимание предметному анализу механизма преступлений.

Механизм преступления как частная криминалистическая теория имеет устойчивую структуру, обусловленную анализом следственной и судебной практики. Учение о механизме преступления фактически основывается на рассмотрении совокупности способов преступной деятельности виновного и его соучастников, однако, в отличие от рассмотрения способа совершения преступления как части криминалистической характеристики, в криминалистической теории о механизме преступления особое внимание уделяется не описанию наиболее устойчивых и статичных признаков данного элемента, а рассмот-

рению динамических изменений преступной деятельности и установлению ее взаимосвязей с другими элементами механизма преступления на каждом этапе совершения противоправных действий. Составные части данной категории и установленные взаимосвязи между ними позволяют определить и наглядно изучить процесс изменения преступной деятельности, что в дальнейшем может оказать положительное влияние на процесс расследования преступлений. Таким образом, основными элементами механизма преступления как особой структуры являются:

- деятельность субъекта преступного события (преступника, преступной группы, группы лиц по предварительному сговору, организованной группы, преступного сообщества с учетом свойств, навыков и умений их членов);
- комплекс (совокупность) действий, поступков и иных движений жертвы преступления (с учетом ее свойств и признаков);
- комплекс (совокупность) действий, поступков и иных движений лиц, оказавшихся косвенно связанными с преступным событием;
- отдельные элементы обстановки, используемые участниками преступного события, и предмет преступного посягательства [11, с. 72–77].

Изучение механизма преступления заключается, прежде всего, в исследовании его этапов: начального, основного и заключительного [12, с. 112]. Описание последовательного изменения элементов механизма преступления на каждом этапе его совершения позволяет представить данную частную криминалистическую теорию в виде единой взаимосвязанной цепи, где рассматриваемые этапы могут выступать как в совокупности, так и в качестве целостного, самостоятельного процесса.

Теоретические положения учения о механизме преступления наиболее наглядно раскрывают сущность противоправного действия в том случае, когда они выступают основой типовой модели преступления.

Для целей настоящего исследования под типовой моделью преступления следует понимать «информационную систему, построенную на основе статистической обработки репрезентативной выборки уголовных дел определенной категории, отражающую закономерные связи между элементами события преступления, используемую для построения типовых версий и формирования методики расследования данной категории преступлений» [13, с. 128–144].

Профессор А. М. Кустов справедливо отмечал, что «типовые модели механизма преступления аккумулируют большой объем информации,

включающей сведения о способах совершения преступления, орудиях и средствах и т. д., тем самым через них прослеживается ход преступной деятельности на всех этапах совершения преступления, «ибо механизм преступления характеризует своеобразие типичных процессов взаимодействия (корреляционные связи) участников события между собой, с окружающей средой и т. д.» [14, с. 25–26].

В основе механизма преступлений экстремистской направленности, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, как общей категории лежит совокупность процессов взаимодействия виновного, а в случаях группового преступления, соучастников, между собой, а также с материальной и цифровой средой, сопряженное с использованием компьютерных технологий в целях непосредственного воздействия на предмет преступного посягательства. Учитывая особенности данной категории преступлений, являющейся, по своей сути, симбиозом компьютерных и насильственных экстремистских преступлений, категории механизма и типовых моделей данной группы противоправных действий непосредственно обусловлены технологическим аспектом.

Преступления экстремистской направленности, совершаемые с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, представлены широким спектром противоправных деяний. Проведенный анализ следственной и судебной практики позволяет представить механизм совершения указанных преступлений в виде трех типовых моделей:

1. Модель вербальных и невербальных экстремистских преступлений;
2. Модель финансирования экстремистской деятельности;
3. Модель организации и участия в экстремистской деятельности.

Учитывая особенности преступлений экстремистской направленности, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, необходимо внести некоторые корректировки в устоявшийся перечень структурных элементов в целях наиболее полного отражения сущности преступных деяний.

Проведенный анализ следственной и судебной практики по данной категории дел позволил установить, что при совокупном рассмотрении механизма вербальных и невербальных преступлений экстремистской направленности, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, целесообразно выделить особый элемент механизма преступлений — криминалистически значимые све-

дения о преступной мотивации, выражающейся в политической, идеологической, расовой, национальной, религиозной ненависти или вражде, либо ненависти или вражде в отношении какой-либо социальной группы.

Исходя из этого, в качестве структурных элементов механизма вербальных и невербальных преступлений экстремистской направленности, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, целесообразно выделять:

- преступную деятельность виновного (индивидуально или в форме соучастия) по подготовке, совершению и сокрытию преступлений экстремистской направленности;
- криминалистически значимые сведения о преступной мотивации, выражающейся в политической, идеологической, расовой, национальной, религиозной ненависти или вражде, либо ненависти или вражде в отношении какой-либо социальной группы;
- элементы обстановки, используемые преступниками в целях совершения преступлений экстремистской направленности, и предмет преступного посягательства.

Следует учитывать, что при рассмотрении типовой модели финансирования экстремистской деятельности и типовой модели организации и участия в экстремистской деятельности процесс описания механизма указанных противоправных действий будет основываться на описании устоявшихся элементов механизма преступления, ранее предложенных профессором А. М. Кустовым.

Важно отметить, что предложенная классификация преступлений экстремистской направленности, совершаемых в цифровой среде, и структура элементов механизма указанной совокупности противоправных деяний являются теоретическими и предназначены для предметного изучения, анализа и описания всех особенностей осуществления экстремистской деятельности в цифровом пространстве и ее изменения в процессе совершения преступления. Анализ судебной практики свидетельствует о том, что данные активные действия зачастую встречаются в совокупности, исходя из этого целесообразно рассматривать обобщенные модели механизма совершения экстремистских преступлений с целью установления закономерностей между отдельными способами совершения преступления.

Модель механизма вербальных и невербальных экстремистских преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий.

В категорию вербальных экстремистских преступлений были включены те противоправные деяния, которые проявляются в нескольких видах публичных действий, осуществляемых в цифровом пространстве:

1) выражении явного неуважения к обществу в целях оскорбления религиозных чувств верующих;

2) распространении под видом достоверных сведений заведомо ложной информации, направленной на дискредитацию определенной социальной группы или политического деятеля;

3) призывах к осуществлению экстремистской деятельности;

4) действиях, совершенных по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы (ч. 2 примечания к ст. 282.1 УК РФ).

Данная разновидность наиболее объемна относительно иных преступлений экстремистской направленности, а указанные противоправные деяния нацелены на возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни, а также на осуществление действий, порочащих деловую репутацию лиц, замещающих государственную должность Российской Федерации или субъекта Российской Федерации. Так, например, за отчетный период с 2023 по 2024 г. с использованием информационно-телекоммуникационных технологий было совершено 751 преступление экстремистской направленности, что составило 56 % от общего количества экстремистских преступлений. При этом 301 (40 %) из них выражалось именно в вербальных действиях виновного, направленных на распространение экстремистской информации в сети «Интернет»¹.

Под невербальными преступлениями экстремистской направленности, совершаемыми с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, следует понимать дей-

ствия, направленные на демонстрацию запрещенной (экстремистской, нацистской) атрибутики или символики, изображений, содержащих указанные символы, использование дискредитирующих движений и жестов на фотографиях и видеоматериалах, размещенных в сети «Интернет» без использования речи, образующие составы преступлений экстремистской направленности.

Начальный этап совершения преступления в данном случае характеризуется тремя основными направлениями преступной деятельности как основного элемента учения о механизме преступления: выбором предмета преступного посягательства, подбором способа распространения сведений и подготовкой информации, оказывающей деструктивное влияние, к ее дальнейшему масштабированию. Исходя из особенностей вербальных экстремистских деяний, перед непосредственным совершением преступления виновный акцентирует свое внимание на признаках определенной социальной группы или лица, занимающего государственную должность, которые рассматриваются в качестве предмета преступного посягательства.

Следует отметить, что в случае заранее не спланированного совершения вербальных экстремистских преступлений распространяемые лицом сведения не редактируются, а являются следствием сильного когнитивного и эмоционального всплеска, что четко прослеживается в смысловом содержании сведений (наличии в тексте нецензурной лексики; преобладании личной точки зрения автора; несогласованности контекста; наличии лингвистических и пунктуационных ошибок; резком, эмоциональном, примитивном смысле высказываний).

Так, в приговоре Кочубеевского районного суда Ставропольского края от 28 мая 2024 г. указано, что виновный со злостью высказал выражения, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, а именно сказал: «<нецензурная брань> русская свинья, мы тебя и твое руснявое потомство найдем и вырежем, мы вам, урусам, покажем, кто здесь хозяева», «Ты <нецензурная брань>, русак? Мы твой руснявый выводок <нецензурная брань>! Вы, русские <нецензурная брань>», будете бояться выйти на улицу без нашего разрешения»². Данный пример отражает особенность вербальных преступлений экстремистской направленности, заключающуюся

¹ Данные ФКУ «ГИАЦ МВД России», Форма: «1-ФЗТ» (КОД 256) «Сведения о преступлениях террористического характера и экстремистской направленности», Кн. 4 «Раздел 2. Сведения о выявленных преступлениях экстремистской направленности Сборник по Российской Федерации»; Кн. 9 «Раздел 7. Отдельные сведения о преступлениях экстремистской направленности и террористического характера. Сборник по Российской Федерации».

² Приговор Кочубеевского районного суда Ставропольского края от 28.05.2024. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 01.03.2025).

в резко эмоциональном поведении и нацеленности высказываний на унижение лица или социальной группы по определенным признакам.

Выбор способа совершения вербальных экстремистских преступлений в цифровом пространстве имеет важное значение на начальном этапе. Прежде всего, решается вопрос о том, какие именно технические средства будут непосредственно или косвенно использоваться для совершения противоправных действий; определяются информационные ресурсы, средства мгновенного обмена сообщениями и социальные сети, через которые будет осуществляться преступное воздействие на целевую аудиторию; решается вопрос о целесообразности использования обучаемых нейронных сетей и технологии «дипфейк» в преступных целях; приискиваются возможности использования средства анонимизации личности, создаются поддельные аккаунты в социальных сетях и регистрируются подложные адреса электронной почты.

В силу массовости данной категории преступлений и использования виновным информационно-телекоммуникационных технологий с запрещенной информацией могут ознакомиться и косвенные участники преступления, на которых не оказывалось вербальное давление напрямую, однако им стали известны распространяемые запрещенные сведения.

Особенность вербальных и невербальных преступлений экстремистской направленности, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, заключается в том, что завершающий этап преступного деяния здесь достаточно абстрактен, а процесс фиксации его интервала проблематичен. Однако все же можно отметить, что завершающий этап характеризуется достижением лицом преступного результата, выражающегося в унижении чести и достоинства определенной социальной группы или в ознакомлении граждан с заведомо недостоверными сведениями, касающимися деятельности органов государственной власти. Процесс сокрытия вербальных экстремистских преступлений слабо выражен, вследствие направленности противоправных действий на максимально длящееся и масштабное распространение запрещенной информации.

Модель механизма финансирования экстремистской деятельности.

В силу ограничения денежных переводов, установленных вследствие введения санкций со стороны недружественных государств в отношении Российской Федерации и ее банковского сектора [15], процесс финансирования экстремистской деятельности фиатными деньгами су-

щественно осложнен, в результате чего для облегчения совершения противоправных действий, лица активно используют криптовалюту и цифровые активы в качестве средств осуществления противоправных действий [16, с. 390–394]. Несмотря на регулирование деятельности криптобирж, анализ следственной и судебной практики свидетельствует об их включении в механизм преступных схем по финансированию экстремистской деятельности.

Начальный этап во многом охарактеризован действиями лица, направленными на создание условий для осуществления транзакций с использованием криптовалют, а также их обмена. Первоначально решается вопрос о регистрации аккаунта и кошелька на криптобирже или платформе для обмена криптовалютой. После создания аккаунта и криптокошелька им автоматически генерируется и присваивается индивидуальный номер, выступающий в дальнейшем своеобразным номером счета, используемым для осуществления адресных транзакций. В случае если у виновного уже имелся доступ к данным цифровым площадкам, вышеуказанный этап отсутствует и лицо направляет свои действия на конвертацию материальных денег в криптовалюту посредством их обмена или покупки.

Анализ материалов следственной и судебной практики свидетельствует о нескольких основных способах криминального оборота криптовалюты, которые могут быть использованы для подготовки к совершению преступления в области финансирования экстремистской деятельности, приведенные ниже в процентном соотношении:

1. Покупка криптовалюты на криптобирже (62,4 %).

Централизованные криптобиржи предоставляют возможность пополнения счета непосредственно с дебетовых и кредитных карт лица, что существенно облегчает процесс конвертации государственной валюты в криптовалюту [17, с. 225].

Так, например, в приговоре Сыктывкарского городского суда Республики Коми от 7 февраля 2024 г. по делу № 1-132/2024 указывается, что виновный, заранее ознакомившись с контентом экстремистской организации, размещенном на платформе видеохостинга YouTube, поддерживая радикальные взгляды данного сообщества, осуществил финансирование экстремистской деятельности с помощью перевода криптовалюты Bitcoin на сумму 0,00035 BTC (в эквиваленте — 2624 рубля). Осуществляя свои противоправные действия, виновный целенаправленно создал криптокошелек на бирже Bybit, пополнил

свой счет с помощью транзакций с QIWI-кошелька, после чего осуществил перевод со своего криптокошелька на счет, принадлежащий экстремистской организации, номер которого был заранее размещен в открытом доступе¹;

2. Покупка криптовалюты с использованием обменников (27,3 %).

Данный способ заключается в физическом обмене фиатных денег на криптовалюту посредством использования третьих лиц;

3. Покупка криптовалюты посредством использования возможностей общедоступных компьютерных приложений и сервисов мгновенного обмена сообщениями (мессенджеров) (10,3 %).

Последним элементом начального этапа криминального финансирования экстремистской деятельности, совершаемой с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, является решение вопроса о хранении приобретенной криптовалюты в целях ее дальнейшего перечисления на счет запрещенной организации, экстремистского преступного объединения или индивидуального лица.

Необходимо отметить, что в структуре модели механизма осуществления криминального финансирования экстремистской деятельности фактически отсутствуют очевидцы ввиду сокрытия подготовительных действий по данной категории преступлений. Создание условий для финансирования преступной деятельности, осуществляемой посредством использования криптовалют, детально скрывается как действиями виновного, так и техническими особенностями функционирования цифровых активов и обменных площадок, позволяющих осуществлять все действия индивидуально и анонимно.

Основной этап совершения криминального финансирования экстремистской деятельности обусловлен активными действиями по адресному переводу криптовалюты на счет, принадлежащий запрещенной организации, а также индивидуальному лицу. Следственно-судебная практика свидетельствует, что процесс финансирования экстремистской деятельности, ответственность за которое предусмотрена ст. 282.3 УК РФ, осуществляется частным лицом тремя основными способами: прямым адресным финансированием, переводом криптовалюты с использованием уникальной автоматизированной ссылки (диплинк) и обособленного финансирования, осуществляемого посредством использования ежемесячных автоматизированных перечислений (подписок), осуществляемых под видом пожертвований. При

этом необходимо отметить, что финансирование экстремистской деятельности представляет собой исключительно целенаправленный процесс, выражающийся в действиях по непосредственной финансовой поддержке лицом запрещенной деятельности.

Адресное финансирование является наиболее показательным способом осуществления преступной деятельности ввиду непосредственной направленности действий виновного на перечисление цифровых активов на номер криптокошелька экстремистской организации. Осуществление целенаправленной преступной деятельности происходит посредством использования P2P-торговли, т. е. прямой покупки и продажи криптовалюты между пользователями без участия третьих лиц или посредника. Алгоритм ручного перевода состоит в том, что первоначально представители экстремистской организации или физическое лицо, внесенное в перечень экстремистов, размещают в открытом доступе индивидуальную ссылку на свой валютный кошелек. Обнаружив и использовав данную ссылку, виновный самостоятельно осуществляет транзакцию определенной суммы цифровых активов на указанный счет [18, с. 121–124].

Финансирование экстремистской деятельности, осуществляемое посредством использования ссылки-диплинк является наиболее простым способом достижения преступного результата. Данный процесс заключается в том, что адресат платежей заранее создает уникальную ссылку для перевода [19, с. 196–201].

Еще одним способом автоматизированного финансирования экстремистской деятельности является выполнение транзакций путем использования ежемесячных автоматизированных перечислений (подписок), осуществляемых под видом пожертвований. Принцип функционирования данного вида финансирования состоит в том, что к реквизитам криптокошелька запрещенной организации привязывается алгоритм автоматического осуществления транзакций, аналогичный по принципу работы программному обеспечению, используемому законными сервисами для ежемесячного списания средств в целях получения платного доступа к ресурсам.

Учитывая, что указанные преступления считаются оконченными с момента фактического перечисления цифровых активов на счет экстремистской организации или физического лица, заключительный этап данной группы противоправных действий слабо выражен и может характеризоваться сокрытием возможности доступа к данным криптокошелька, с которого осуществлялись преступные действия.

¹ Приговор Сыктывкарского городского суда Республики Коми от 07.02.2024 по делу № 1-132/2024. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 01.03.2025).

Модель механизма организации и участия в экстремистской деятельности в цифровом пространстве.

К совокупности указанной категории преступлений экстремистской направленности нами были отнесены те общественно опасные деяния, которые нацелены на склонение и вовлечение новых лиц в совершение экстремистских действий посредством использования возможностей информационно-телекоммуникационных технологий, а также непосредственное участие в деятельности запрещенной организации.

Начальный этап в данном случае будет варьироваться в зависимости от характера активных действий, с помощью которых виновный планирует приобщить третьих лиц к осуществлению экстремистских действий или членству в запрещенной организации. Учитывая тот факт, что вовлечение в осуществление экстремистской деятельности в данном случае осуществляется в сети «Интернет», имеет место именно ненасильственное возбуждение личной (корыстной или идеологической) заинтересованности лица посредством вербального воздействия (уговоров, убеждения, просьб, предложений).

Процесс подготовки к ненасильственному вовлечению в преступную деятельность будет заключаться в подготовке агитационных материалов и информации, нацеленных на возбуждение желания у лица, на которое оказывается воздействие. Также преступник собирает информацию о вовлекаемом человеке или группе лиц из открытых источников в сети «Интернет» в целях повышения эффективности воздействия, определения круга знакомств и персональных интересов. Виновный придает материалам вид, пригодный для распространения в цифровой среде, при этом изменяя содержание указанной информации в зависимости от того, на кого именно будет оказываться преступное воздействие.

Основной этап совершения преступления будет характеризоваться непосредственным взаимодействием преступника с вовлекаемыми лицами. Причем важно отметить, что воздействие со стороны виновного может оказываться как в отношении группы лиц (к примеру, посредством массовой рассылки сообщений с призывом к осуществлению экстремистской деятельности или вступлению в запрещенную организацию), так и в отношении определенного человека, сведения о котором были собраны на начальном этапе. В ходе осуществления противоправных действий он оказывает вербальное влияние на лиц, изменяя их отношение к государственным институтам, деятельности политического лица

или социальным группам, тем самым побуждая к совершению экстремистских действий.

На основном этапе совершения преступления с распространяемыми сведениями могут ознакомиться косвенные участники преступления, на которых не оказывалось непосредственное преступное воздействие, однако стали доступны агитационные материалы в социальной сети или мессенджере.

Эмпирической основой проведенного исследования выступает анализ материалов следственной и судебной практики, на основании которых были выявлены устоявшиеся взаимосвязи между элементами типовых моделей механизма преступлений экстремистской направленности, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Примеры, приведенные в настоящей статье, отражают характерные черты объективной стороны рассматриваемых деяний, демонстрируя специфику преступной деятельности лица как основного элемента механизма преступления.

Таким образом, резюмируя вышеизложенное, можно сделать следующие выводы:

1. В целях предметного изучения механизма преступлений экстремистской направленности, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, всю общность данных противоправных действий возможно представить в виде трех основных моделей:

1) модель вербальных и невербальных экстремистских преступлений;

2) модель финансирования экстремистской деятельности;

3) модель организации и участия в экстремистской деятельности в цифровом пространстве.

Сущность механизма преступлений экстремистской направленности, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, варьируется в зависимости от модели рассматриваемых деяний.

2. В качестве структурных элементов механизма каждой предложенной модели преступлений экстремистской направленности, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, предлагается выделять:

- преступную деятельность виновного (индивидуально или в форме соучастия) по подготовке, совершению и сокрытию преступлений экстремистской направленности;

- элементы обстановки, используемые преступниками в целях совершения преступлений

экстремистской направленности, и предмет преступного посягательства.

При рассмотрении модели механизма вербальных и невербальных преступлений экстремистской направленности, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, представленная структура

дополняется уникальным элементом — криминалистически значимыми сведениями о преступной мотивации, выражающейся в политической, идеологической, расовой, национальной, религиозной ненависти или вражде, либо ненависти или вражде в отношении какой-либо социальной группы.

Список источников

1. Белкин Р. С. Криминалистика: учебник для вузов. М.: Издательская группа Норма-Инфра, 1999.
2. Лубин А. Ф. Механизм преступной деятельности. Методология криминалистического исследования. Н. Новгород, 1997.
3. Колдин В. Я. Криминалистическое знание о преступной деятельности: функция моделирования // Советское государство и право. 1987. № 2. С. 63–69.
4. Белкин Р. С., Быховский И. Е., Дулов А. В. Модное увлечение или новое слово в науке? (Еще раз о криминалистической характеристике преступления) // Социальная законность. 1987. № 9. С. 56–58.
5. Васильев А. Н. Криминалистика: учебник для юридических институтов и факультетов. М., 1971.
6. Белкин Р. С. Криминалистика: Проблемы, тенденции, перспективы. Общая и частные теории. М., 1987.
7. Коновалов С. И. Теоретико-методологические основы криминалистики: современное состояние и проблемы развития: дис. ... д-ра юрид. наук. Волгоград, 2001.
8. Кустов А. М. Теоретические основы криминалистического учения о механизме преступления. М., 1997.
9. Бессонов А. А. Частная теория криминалистической характеристики преступлений: дис. ... д-ра юрид. наук. Элиста, 2017.
10. Волынский А. Ф. Криминалистика: учебник для студентов вузов. М., 2008.
11. Кустов А. М. Современный подход к понятию «механизм преступления» // Криминалист. 2010. № 1 (6). С. 72–76.
12. Кустов А. М. Криминалистическое учение о механизме преступления: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1997.
13. Ищенко Е. П., Колдин В. Я. Типовая информационная модель преступления как основа методики расследования // Правоведение. 2006. № 6. С. 128–144.
14. Кустов А. М., Левченко О. П. Расследование убийств: криминалистическая теория и практика: монография. М., 2020.
15. ЕС вводит 14-й пакет санкций против России (Пресс-релиз). URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/ru/ip_24_3423 (дата обращения: 07.03.2025).
16. Корчагин А. Г. К вопросу о популярности криптовалюты в преступной среде // Балтийский гуманитарный журнал. 2020. Т. 9, № 2 (31). С. 390–394.
17. Долгиева М. М. Теоретические основания уголовной политики в сфере оборота криптовалюты: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2023.
18. Лукошина П. А. Механизмы финансирования экстремистской и террористической деятельности с использованием криптовалюты // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2024. № 1 (41). С. 121–124.
19. Мурадян С. В. Перспективы использования криптовалют для целей финансирования терроризма и меры по предупреждению указанной тенденции // Закон и право. 2022. № 5. С. 196–201.

References

1. Belkin R. S. Kriminalistika: uchebnik dlja vuzov. M.: Izdatel'skaja gruppa Norma-Infra, 1999.
2. Lubin A. F. Mehanizm prestupnoj dejatel'nosti. Metodologija kriminalisticheskogo issledovaniya. N. Novgorod, 1997.
3. Koldin V. Ja. Kriminalisticheskoe znanie o prestupnoj dejatel'nosti: funkciya modelirovaniya // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. 1987. № 2. S. 63–69.

4. Belkin R. S., Byhovskij I. E., Dulov A. V. Modnoe uvlechenie ili novoe slovo v nauke? (Eshhe raz o kriminalisticheskoy karakteristike prestuplenija) // Social'naja zakonnost'. 1987. № 9. S. 56–58.
5. Vasil'ev A. N. Kriminalistika: uchebnik dlja juridicheskikh institutov i fakul'tetov. M., 1971.
6. Belkin R. S. Kriminalistika: Problemy, tendencii, perspektivy. Obshhaja i chastnye teorii. M., 1987.
7. Konovalov S. I. Teoretiko-metodologicheskie osnovy kriminalistiki: sovremennoe sostojanie i problemy razvitiya: dis. ... d-ra jurid. nauk. Volgograd, 2001.
8. Kustov A. M. Teoreticheskie osnovy kriminalisticheskogo uchenija o mehanizme prestuplenija. M., 1997.
9. Bessonov A. A. Chastnaja teorija kriminalisticheskoy karakteristiki prestuplenij: dis. ... d-ra jurid. nauk. Jelista, 2017.
10. Volynskij A. F. Kriminalistika: uchebnik dlja studentov vuzov. M., 2008.
11. Kustov A. M. Sovremennij podhod k ponjatiju «mehanizm prestuplenija» // Kriminalist. 2010. № 1 (6). S. 72–76.
12. Kustov A. M. Kriminalisticheskoe uchenie o mehanizme prestuplenija: dis. ... d-ra jurid. nauk. M., 1997.
13. Ishhenko E. P., Koldin V. Ja. Tipovaja informacionnaja model' prestuplenija kak osnova metodiki rassledovaniya // Pravovedenie. 2006. № 6. S. 128–144.
14. Kustov A. M., Levchenko O. P. Rassledovanie ubijstv: kriminalisticheskaja teorija i praktika: monografija. M., 2020.
15. ES vvodit 14 paket sankcij v otnoshenii Rossii (Press-reliz). URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/ru/ip_24_3423 (data obrashhenija: 07.03.2025).
16. Korchagin A. G. K voprosu o populjarnosti kriptovaljuty v prestupnoj srede // Baltijskij gumanitarnyj zhurnal. 2020. T. 9, № 2 (31). S. 390–394.
17. Dolgieva M. M. Teoreticheskie osnovanija ugolovnoj politiki v sfere oborota kriptovaljuty: dis. ... d-ra jurid. nauk. M., 2023.
18. Lukoshina P. A. Mehanizmy finansirovaniya jekstremistskoj i terroristicheskoy dejatel'nosti s ispol'zovaniem kriptovaljuty // Vestnik Ural'skogo juridicheskogo instituta MVD Rossii. 2024. № 1 (41). S. 121–124.
19. Muradjan S. V. Perspektivy ispol'zovaniya kriptovaljut dlja celej finansirovaniya terrorizma i mery po preduprezhdeniju ukazannoj tendencii // Zakon i pravo. 2022. № 5. S. 196–201.

Статья поступила в редакцию 21.03.2025; одобрена после рецензирования 05.05.2025; принята к публикации 12.05.2025.

The article was submitted 21.03.2025; approved after reviewing 05.05.2025; accepted for publication 12.05.2025.

Научная статья

УДК 343.3

ОСОБЕННОСТИ КВАЛИФИКАЦИИ СЛУЖЕБНОГО ПОДЛОГА

Ольга Михайловна Шаганова¹, Татьяна Павловна Деревянская²¹Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия, olga.shaganova@yandex.ru²Крымский филиал Краснодарского университета МВД России, Симферополь, Россия, yurkina-tanya@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются особенности квалификации служебного подлога, связанные с объективными и субъективными признаками состава преступления. Исследование предмета преступления, предусмотренного ст. 292 УК РФ, показало, что отсутствие в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 г. № 24 четких критериев установления признаков официального документа приводит к тому, что позиции теории и правоприменительной практики по поводу отнесения того или иного документа к официальному расходятся. Кроме того, многовариативность толкования дефиниции «внесение» требует от правоприменителя в каждом отдельном случае совершения преступления устанавливать компетенции лица, изложенные в нормативных документах.

Отдельное внимание авторы уделяют определению момента окончания преступления и признакам установления признаков субъекта преступления и субъективной стороны.

Ключевые слова: квалификация преступлений, преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления, служебный подлог

Для цитирования: Шаганова О. М., Деревянская Т. П. Особенности квалификации служебного подлога // Алтайский юридический вестник. 2025. № 2 (50). С. 174–180.

CRIMINAL LAW SCIENCES

Original article

FEATURES OF THE QUALIFICATION OF OFFICIAL FORGERY

Olga M. Shaganova¹, Tatiana P. Derevyanskaya²¹Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia,

olga.shaganova@yandex.ru

²Crimean Branch of Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Simferopol, Russia, yurkina-tanya@mail.ru

Abstract. The article examines the specifics of the qualification of forgery related to the objective and subjective elements corpus of the crime. A study of the subject of the crime provided for in Article 292 of the Criminal Code of the Russian Federation has shown that the absence of clear criteria for establishing the signs of an official document in the clarifications of the Supreme court of Russia № 24 dated July 9, 2013, leads to the fact that the positions of theory and law enforcement practice regarding the attribution of a document to an official one differ. In addition, the ambivalence of the interpretation of the definition of «introduction» requires the law enforcement officer in each individual case of a crime to establish the competence of the person set out in the regulatory documents. The work reflects issues related to criminal liability of persons in situations where one official is involved in drafting an official document and another is involved in certifying it, as well as when the head of an organization instructs a subordinate to commit official forgery.

Keywords: qualification of crimes, crimes against state power, interests of public service and service in local self-government bodies, official forgery

For citation: Shaganova O. M., Derevyanskaya T. P. Features of the qualification of official forgery. Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal. 2025;2:174–180 (In Russ.)

Состав преступления, предусмотренного ст. 292 УК РФ, имеет свои конструктивные особенности, связанные с предметом преступления, деянием, субъектом преступления и специальными мотивами.

Существование в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях»¹ (далее — ППВС РФ № 24) разъяснений, касающихся предмета служебного подлога — официального документа — не обусловило однозначности его понимания. Так, обязательным признаком данного документа выступает удостоверение не любого факта, а только влекущего юридические последствия в виде предоставления или лишения прав, возложения или освобождения от обязанностей, изменения объема прав и обязанностей (п. 35).

Отметим, что в доктрине уголовного права выделяют и другие дополнительные черты, не противоречащие пониманию Верховным Судом Российской Федерации (далее — Верховный Суд РФ) дефиниции официального документа, например, форма документа (письменная или электронная), источник происхождения (исходящий или внутреннего пользования [1, с. 157]; выполненный от имени государственных органов, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждений и т. п.) [2, с. 8–15; 3, с. 98].

При этом если документ удостоверяет какой-либо факт, но не приводит напрямую к юридическим последствиям, а лишь обуславливает в будущем возможность на его основании лицу принять правоустанавливающее решение, то он не может быть отнесен к числу официальных. Например, В. Н. Борков таким «неофициальным» документом называет выписку из похозяйственной книги о принадлежности гражданину земельного участка, содержащую ложные сведения, поскольку, по его мнению, она сама по себе юридических последствий не порождает, а только является основанием для принятия решения Росреестром [4, с. 31–37]. Однако суды разных инстанций, напротив, признают выписку из похозяйственной книги предметом служебного подлога², обосновывая это тем, что на ее основа-

нии принимается решение о признании права собственности на земельные участки³.

Кроме того, В. В. Романова указывает, что личная карточка судоводителя, содержащая ложные сведения, непосредственно юридически значимых последствий не влечет, а предоставляет последующее право на получение удостоверения на право управления моторной лодкой [2, с. 14]. Однако мнение, что такая карточка может быть признана официальным документом, встречается в апелляционном определении⁴.

Необходимо отметить, что изучение судебных решений по уголовным делам о служебном подлоге показало, что, несмотря на наличие рекомендаций Верховного Суда РФ, касающихся вопроса характеристики официального документа, нижестоящие суды не всегда расписывают признаки, по которым они причисляют документ к официальным. С другой стороны, встречаются случаи, когда в материалах дела описывается более широкий перечень признаков, чем указан в ППВС РФ № 24⁵. Бывают также прецеденты, когда суды признают официальными и те документы, которые удостоверяют факт, но не влекут юридических последствий.

Изложенная ситуация в конечном итоге может привести к ошибкам в квалификации деяния и несправедливому приговору суда. Например, когда документ неверно отнесен к официальному, то в результате лицо привлекается к ответственности не по ст. 327 УК РФ, а по ст. 292 УК РФ. Или когда документ процессуальный не порождает юридических последствий, а его причисляют к официальному, данный случай также влечет неверную юридическую оценку по ст. 292 УК РФ вместо ст. 303 УК РФ и др.

Например, старший участковый уполномоченный полиции (далее — УУП) была признана виновной по ч. 1 ст. 285 и ч. 1 ст. 292 УК РФ за то, что умышленно внесла заведомо ложные и не

практика/дело/46-ап13-13/ (дата обращения: 03.09.2024); Приговор Йошкар-Олинского городского суда Республики Марий Эл от 26 августа 2019 г. № 1-546/2019. URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 03.05.2024).

³ Постановление Хабезского районного суда Карачаево-Черкесской Республики от 16 января 2024 г. № 1-17/2024. URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 03.05.2024).

⁴ Апелляционное определение Верховного Суда Российской Федерации от 19 сентября 2013 г. Д. № 58-АП13-7. URL: https://dogovor-urist.ru/судебная_практика/дело/58-ап13-7/ (дата обращения: 03.05.2024).

⁵ Апелляционное постановление Верховного Суда Республики Крым за 2023 г. Д. № 1-66/2022. URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 04.05.2024).

¹ О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09.07.2013 № 24. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Апелляционное определение Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 г. Д. № 46-АП13-13. URL: https://dogovor-urist.ru/судебная_практика/дело/46-ап13-13/

соответствующие действительности сведения в официальный документ — бланк протокола об административном правонарушении — о совершении гражданином административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 20.25 КоАП РФ, выполнив подписи от имени последнего в нескольких графах. Затем копию данного постановления передала в дежурную часть ОМВД России для внесения соответствующих сведений в книгу учета заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях ОМВД России. После этого она изменила дату составления этого же протокола, а копию передала в ОИАЗ ОМВД России. Позже выяснилось, что гражданин на момент составления протокола умер¹. Полагаем, что в данном рассмотренном случае решение суда небесспорное, поскольку протокол об административном правонарушении выступает доказательством по делу об административном правонарушении, а УУП — должностное лицо, уполномоченное составлять протоколы об административных правонарушениях — что свидетельствует о наличии признаков состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 303 УК РФ, а не ч. 1 ст. 292 УК РФ.

Думается, что для разрешения названных выше неоднозначных ситуаций следовало бы рекомендовать Верховному Суду РФ в ППВС № 24 более подробно изложить критерии установления признаков официального документа, позволяющие отграничить его от любого другого документа.

Объективная сторона состава служебного подлога характеризуется двумя альтернативными действиями, проявляющимися в виде либо внесения ложных (не соответствующих действительности) сведений в официальный документ, либо внесения исправлений в официальный документ. При этом внесение предполагает как одно действие (только отражение или только заверение), так и сочетание действий (отражение и заверение).

Подчеркнем, что, исходя из законодательно-го изложения признаков состава преступления, предусмотренного ст. 292 УК РФ, внести ложные сведения или исправления возможно только в такой документ, который получил статус официального [5, с. 13–16], т. е. оформлен и заверен надлежащим образом. Следовательно, не возникают противоречия между буквой закона и практикой, когда лицо каким-либо образом искажает содержание официального документа (подчист-

ка, дописка и др.), за что привлекается к ответственности по ст. 292 УК РФ.

Иначе дело обстоит с «внесением в официальные документы ложных сведений». Согласно п. 35 ППВС РФ № 24 допускается возможность внести ложные сведения при изготовлении нового документа. Из этого следует, что преступление будет окончено при оформлении лицом «ложного официального» документа, который, по своей сути, не может получить статус официального, поскольку это не соответствует природе легального документооборота, предполагающего обращение только достоверных документов.

Вместе с тем в теории уголовного права существует мнение, что если официальный документ подделывается полностью, то состава служебного подлога не должно быть, поскольку им охватывается подделка документа, на момент его искажения уже имеющего статус официального [6, с. 46–49].

Однако анализ практики по преступлениям, предусмотренным ст. 292 УК РФ, показал, что в абсолютном большинстве случаев деяние выполняется именно при изготовлении нового документа, значит, суды все же придерживаются рекомендаций Верховного Суда РФ. При этом к изготовлению нового официального документа правоприменители относят его составление (в т. ч. заполнение бланка) либо заверение, а также составление и заверение. Объем конкретного деяния зависит от полномочий лица по изготовлению официального документа, который устанавливается в каждом отдельном случае на основании нормативных актов.

Особые сложности при уголовно-правовой оценке деяния могут возникнуть, когда, согласно нормативной документации в организации, составлением (заполнением бланка) нового официального документа занимается одно должностное лицо (государственный или муниципальный служащий), а его заверением (правом ставить подпись и (или) печать) — другое. Возникают вопросы: признавать ли действия всех лиц, участвовавших в поэтапной подготовке одного официального документа, соисполнителями? А если одно лицо на этапе подготовки документа внесет ложные сведения, а другое лицо, не зная об этом, заверит данный документ, то кто будет признан субъектом преступления, предусмотренного ст. 292 УК РФ?

В судебной практике исполнителем служебного подлога признается лицо, которое внесло при составлении (заполнении бланка) документа ложные сведения, а затем, умолчав о недостоверности, передало его на заверение другому лицу, не осознающему подложности. Так, ФИО1,

¹ Приговор Динского районного суда Краснодарского края от 24 января 2024 г. № 1-498/2023. URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 03.05.2024).

являясь муниципальным служащим, уполномоченной составлять документы и выписки из хозяйственных книг, внесла заведомо ложную информацию в выписку из постановления главы органа местного самоуправления «О выделении земельного участка» и в выписку из хозяйственной книги о якобы принадлежащем ей на праве пожизненно наследуемого владения земельном участке. Затем предоставила данные документы на подпись главе органа местного самоуправления, который, будучи неосведомленным о преступных намерениях и характере действий ФИО1, скрепил их своей подписью и печатью администрации МО¹. По данному факту суд признал ФИО1 виновной по ч. 1 ст. 292 УК РФ.

А. Н. Ильяшенко и О. В. Чесноков отмечают, что, поскольку подлог возможен путем внесения в документ недостоверной информации, значит утверждение и согласование уполномоченным лицом документа, осознающим его подложность, не является преступлением, предусмотренным ст. 292 УК РФ, т. к. им вносится достоверная информация — собственноручная подпись. При наличии необходимых условий предлагается вменять в таком случае или соучастие в служебном подлоге, или злоупотребление должностными полномочиями. Если же лицо подписывает документ от имени другого лица, тем самым вносит в него заведомо недостоверную информацию, то содеянное следует квалифицировать по ст. 292 УК РФ [7, с. 168–173]. В свою очередь, мы согласны с мнением В. В. Романовой, которая предлагает квалифицировать действия лица, которое удостоверяет, заверяет или согласовывает заведомо подложный документ как соисполнительство в служебном подлоге [2, с. 22].

Неоднозначная позиция в решениях суда прослеживается в ситуациях, когда руководитель организации дает указание подчиненному совершить служебный подлог. Например, в одном случае это квалифицируется только по ст. 292 УК РФ. Начальник экзаменационного отделения МРЭО ГИБДД МВД по Республике Мордовия по просьбе своего знакомого без фактического проведения теоретического экзамена у гр. 1 внес ложные сведения об успешной сдаче в экзаменационный лист проведения теоретического экзамена на право управления транспортными средствами категории В и заверил собственноручно подписью. Затем он обратился к подчиненному

сотруднику, сообщил о приеме у гр. 1 и успешной сдаче теоретического и практического экзаменов и дал указание заполнить экзаменационный лист проведения практического экзамена с положительными результатами сдачи гр. 1 практического экзамена, что тот и сделал, будучи неосведомленным о преступных намерениях начальника. Позже начальник экзаменационного отделения МРЭО ГИБДД МВД изготовил бланк водительского удостоверения на имя гр. 1, внеся в него ложные сведения, подтверждающие наличие права на управление транспортными средствами категорий В, В1, М². Суд вынес обвинительный приговор по ч. 2 ст. 292 УК РФ в отношении данного начальника. Представляется, что в изложенном примере суд дал верную уголовно-правовую оценку действиям руководителя как посредственного исполнителя служебного подлога, поскольку подчиненный сотрудник, находясь под влиянием обмана (начальник, согласно должностному регламенту имеющий право осуществлять проведение экзаменов на право управления транспортными средствами, сообщил, что гражданин успешно сдал практический экзамен, оснований не доверять ему у подчиненного не было), путем внесения ложной информации в экзаменационный лист невинно причинил вред объекту преступления.

В другом случае суд признал старшего государственного инспектора по маломерным судам Верхнетоемского инспекторского участка ФИО1, являвшегося председателем аттестационной комиссии на право управления маломерными судами, виновным в совершении трех эпизодов преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 285 и ч. 1 ст. 292 УК РФ. При этом по одному из эпизодов как злоупотребление должностными полномочиями были признаны действия ФИО1 за то, что он дал указание подчиненным ему членам аттестационной комиссии, неосведомленным о преступном умысле ФИО1, внести в протокол заседания экзаменационной комиссии и личные карточки судоводителей сведения об успешной сдаче двух лиц теоретической части экзамена без фактического его проведения. Кроме того, ФИО1 вменили ч. 1 ст. 292 УК РФ, поскольку он сам внес ложные сведения в протокол заседания экзаменационной комиссии и личные карточки судоводителей сведения об успешной сдаче двух лиц практической части экзамена без фактиче-

¹ Приговор Йошкар-Олинского городского суда Республики Марий Эл от 26 августа 2019 г. № 1-546/2019. URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 03.05.2024).

² Приговор Пролетарского районного суда г. Саранска Республики Мордовия от 23 января 2024 г. № 1-16/2024. URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 12.05.2024).

ского его проведения¹. Полагаем, что ст. 285 УК РФ председателю комиссии вменена излишне, поскольку дача незаконного распоряжения подчиненному не может ни при каких условиях войти в компетенцию руководителя (соответственно, в данном случае речь о злоупотреблении служебными полномочиями исключается). По нашему мнению, как и в предыдущем примере, действия председателя следует оценивать как посредственное исполнение служебного подлога.

В третьем варианте возможной квалификации действий руководителя, давшего указание подчиненному совершить служебный подлог, можно привести следующий пример. По ч. 2 ст. 286 УК РФ осужден глава органа местного самоуправления С., который «дал заведомо незаконное указание главному специалисту сельского поселения... находящейся от него в служебной зависимости, подготовить заведомо подложное распоряжение, согласно которому Свидетель № 1 ... был принят для отбывания административного наказания в виде 36 часов обязательных работ на территории сельского поселения, затем — оформить на последнего табели учета использования рабочего времени ... в которых указать, что тот отработал их в полном объеме» [8, с. 41–45]. Сторонники подобной квалификации утверждают, что в данном случае должностное лицо использует свое служебное положение не для обмана, а для подавления воли подчиненных [8, с. 41–45]. Не оспаривая представленную точку зрения, на наш взгляд, подавить волю другого лица можно только в том случае, если оно понимает незаконный характер распоряжения своего начальника, но, опасаясь с его стороны негативных последствий для себя в случае невыполнения, совершает подлог (тогда квалификация руководителя должна быть по совокупности ст. 286 УК РФ (за дачу распоряжения совершить преступление, которое никто ни при каких обстоятельствах не вправе совершать) и ч. 4 ст. 33, ст. 292 УК РФ, а подчиненному необходимо вменить ст. 292 УК РФ). Если же подчиненный не предполагает незаконности распоряжения руководителя (например, начальник умолчал, что нарушена процедура или порядок выполнения каких-либо действий, закрепленных в нормативном акте) и вносит по его указанию ложные сведения в официальный документ, будучи убежденным в их достоверности, тогда его уголовная ответственность в соответствии со ст. 28 УК РФ исключается.

Служебный подлог является оконченным с момента внесения ложной информации (полностью, частично) в официальный документ. Дальнейшее использование такого документа (направление в ту или иную инстанцию, вручение гражданину и иное [9, с. 68–74]) значения для квалификации по ст. 292 УК РФ не имеет. Однако если последующее использование ложного официального документа лицом, его выполнившим, представляет какое-либо преступление, то ответственность должна наступить по совокупности служебного подлога и иного преступления. Так, у ФИО1, являвшейся заведующей стоматологическим отделением, возник умысел на фиктивное трудоустройство своей знакомой на должность врача с последующими незаконными начислениями и выплатами заработной платы и иных выплат без фактического исполнения последней своих трудовых обязанностей. Знакомая согласилась, встретилась с главврачом, высказывая желание трудоустроиться, впоследствии была назначена на должность врача. ФИО1, реализуя задуманное, ежемесячно подписывала фиктивные графики работы знакомой в должности врача, на основании которых в дальнейшем в бухгалтерии оформлялись табели учета использования рабочего времени и начислялись и выплачивались знакомой заработная плата и иные виды выплат на общую сумму 225 414 рублей 88 копеек, принадлежащую стоматологическому отделению. Часть поступающих денежных средств знакомая передавала ФИО1. Суд признал ФИО1 виновной по ч. 1 ст. 292 и ч. 3 ст. 159 УК РФ, а знакомую — по ч. 5 ст. 33, ч. 3 ст. 159 УК РФ².

Субъект преступления специальный — должностное лицо, государственный служащий или служащий органа местного самоуправления, которые не являются должностными лицами. Для того чтобы привлечь перечисленных лиц к уголовной ответственности, необходимо установить нормативное основание, обуславливающее право занимать должность, а также наделяющее объемом определенных полномочий. При этом в материалах дела важно расписать, что у субъекта наличествует полномочие по внесению (заполнению, составлению и т. д.) и (или) заверению официального документа.

Субъективная сторона служебного подлога выражена виной в форме прямого умысла, а также специальными мотивами — корыстная или иная личная заинтересованность. Отметим, что умышленная форма вины доказывается в т. ч.

¹ Приговор Красноборского районного суда Архангельской области от 19 марта 2021 г. № 1-144/2020. URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 12.05.2024).

² Приговор Советского районного суда Саратовской области от 10 июня 2021 г. № 1-53/2021. URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 09.05.2024).

осознанием субъекта преступления ложности той информации, которая вносится (полностью или частично) в официальный документ. Данный вывод обуславливается наличием в составе служебного подлога признака заведомо ложных сведений. То есть лицо должно точно знать (быть уверенным), что сведения не соответствуют действительности. Например, такое возможно, когда событие, которое должно было быть зафиксировано в документе, не произошло или оно было на самом деле, но происходило не при тех обстоятельствах, которые внесены в документ, и т. п. Следовательно, если недостоверные сведения внесены в документ вследствие ошибки, невнимательности, добросовестного заблуждения лица, ответственность по ст. 292 УК РФ исключается [1, с. 163]. Если лицо, выполняя свои служебные обязанности, стало обладателем официального документа, содержащего ложные сведения, и, не подозревая об этом, в дальнейшем внесло исправление, искажающее его дей-

ствительное содержание, то оно должно подлежать ответственности за служебный подлог.

На основании вышеизложенного для привлечения лица к уголовной ответственности по ст. 292 УК РФ необходимо установить ряд моментов:

- является ли бумажный или электронный документ официальным, влечет ли он юридические последствия, содержит ли ложные сведения;
- каким образом осуществляется служебный подлог — путем внесения заведомо ложных сведений или исправлений, искажающих их действительное содержание;
- относится ли лицо к должностному лицу, государственному служащему или служащему органа местного самоуправления, могло ли оно осуществлять свои служебные полномочия;
- наличествует ли умысел при совершении преступления. Кроме того, необходимо выявить и описать корыстную или иную личную заинтересованность.

Список источников

1. Любавина М. А. Квалификация преступлений, предусмотренных статьями 285, 286, 292 и 293 УК РФ: учеб. пособие. СПб.: Санкт-Петербургский юрид. ин-т (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2010. 176 с.
2. Романова В. В. Служебный подлог: учеб. пособие. СПб.: Санкт-Петербургский юрид. ин-т (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2017. 56 с.
3. Иванчин А. В., Каплин М. Н. Служебные преступления: учеб. пособие. Ярославль: ЯрГУ, 2018. 120 с.
4. Борков В. Н. Квалификация должностных подлогов и злоупотреблений // Уголовно-правовые науки. 2024. № 1. С. 31–37.
5. Яни П. С. Квалифицированный состав служебного подлога: проблемы вменения // Законность. 2010. № 12. С. 13–16.
6. Ровнейко В. В. Служебный подлог как коррупционное преступление // Восточно-Европейский научный вестник. 2016. № 3. С. 46–49.
7. Ильяшенко А. Н., Чесноков О. В. Объективная сторона служебного подлога // Общество и право. 2011. № 3. С. 168–173.
8. Борков В. Н. Отграничение превышения должностных полномочий от служебного подлога // Законность. 2022. № 7. С. 41–45.
9. Крюкова Н. И., Халиков Ф. З. Проблемы квалификации служебного подлога // Экономика. Право. Общество. 2016. № 1. С. 68–74.

References

1. Ljubavina M. A. Kvalifikacija prestuplenij, predusmotrennyh stat'jami 285, 286, 292 i 293 UK RF: ucheb. posobie. SPb.: Sankt-Peterburgskij jurid. in-t (filial) Akademii General'noj prokuratury Rossijskoj Federacii, 2010. 176 s.
2. Romanova V. V. Sluzhebnyj podlog: ucheb. posobie. SPb.: Sankt-Peterburgskij jurid. in-t (filial) Akademii General'noj prokuratury Rossijskoj Federacii, 2017. 56 s.
3. Ivanchin A. V., Kaplin M. N. Sluzhebnye prestuplenija: ucheb. posobie. Jaroslavl': JarGU, 2018. 120 s.
4. Borkov V. N. Kvalifikacija dolzhnostnyh podlogov i zloupotreblenij // Ugolovno-pravovye nauki. 2024. № 1. S. 31–37.
5. Jani P. S. Kvalificirovannyj sostav sluzhebnogo podloga: problemy vmenenija // Zakon-nost'. 2010. № 12. S. 13–16.

6. Rovnejko V. V. Sluzhebnyj podlog kak korrupcionnoe prestuplenie // Vostochno-Evropejskij nauchnyj vestnik. 2016. № 3. S. 46–49.
7. Il'jashenko A. N., Chesnokov O. V. Ob#ektivnaja storona sluzhebnogo podloga // Obshhestvo i pravo. 2011. № 3. S. 168–173.
8. Borkov V. N. Otgranichenie prevyshenija dolzhnostnyh polnomochij ot sluzhebnogo podloga // Zakonnost'. 2022. № 7. S. 41–45.
9. Krjukova N. I., Halikov F. Z. Problemy kvalifikacii sluzhebnogo podloga // Jekonomika. Pravo. Obshhestvo. 2016. № 1. S. 68–74.

Информация об авторах

О. М. Шаганова — кандидат юридических наук, доцент;

Т. П. Деревянская — кандидат юридических наук.

Information about the authors

O. M. Shaganova — Candidate of Science (Law), Associate Professor;

T. P. Derevyanskaya — Candidate of Science (Law).

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. Авторами внесен равный вклад в написание статьи.

The authors declare no conflicts of interests. The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

Статья поступила в редакцию 15.11.2024; одобрена после рецензирования 27.01.2025; принята к публикации 12.05.2025.

The article was submitted 15.11.2024; approved after reviewing 27.01.2025; accepted for publication 12.05.2025.